

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

ЧЕЛОВЕК В РЕВОЛЮЦИИ

Казанская губерния

1905–1907

УДК 94(470.41)"1905/1907"
ББК 63.3(2)522(28-3Каз)
Ч-39

*Издание подготовлено в рамках Государственной программы
«Реализация государственной национальной политики
в Республике Татарстан на 2014–2020 годы»*

Авторский коллектив:

*Л.Р. Габдрафикова, Р.Р. Салихов, Е.В. Миронова, Р.Р. Исхаков,
Л.А. Бушуева, Р.Р. Батыршин, И.Е. Крапоткина, А.Г. Ошаев*

Научный редактор:

доктор исторических наук *Л.Р. Габдрафикова*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *И.Р. Миннуллин*
кандидат исторических наук *А.И. Ногманов*
кандидат исторических наук *Э.К. Салахова*

Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах.
Т.1. 1905–1907 гг. / под ред. *Л.Р. Габдрафиковой*. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 360 с. + 24 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-221-1

В монографии представлен историко-антропологический анализ событий 1905–1907 гг. в Казанской губернии. Земледельческие баталии крестьян и дворян, конфликты в трудовых коллективах в условиях революции соседствовали с протестной активностью учеников и студентов, политическими требованиями этноконфессиональных групп. Особое внимание уделено общественно-политической деятельности мусульман в годы революции, поиску «панисламизма» в татарской среде, полемике кадимистов и джаидов в сфере образования, повседневной жизни шакирдов медресе. Кроме того, авторы реконструируют общественные настроения, страхи и эмоции революционной поры, исследуют «людей власти», оказавшихся по ту сторону протестных баррикад. Одним из итогов революции стал рост этноконфессионального самосознания и развитие культурного многообразия империи. Сюжеты о татарской, марийской, кряшенской культурах отражают региональные особенности Поволжья революционной эпохи.

Монография рассчитана на специалистов, аспирантов и студентов, а также на всех, кто интересуется историей России и Поволжья.

ISBN 978-5-94981-221-1

УДК 94(470.41)"1905/1907"
ББК 63.3(2)522(28-3Каз)

© Авторы, 2016

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	5
Казанская губерния и Первая русская революция: историко-методологические аспекты (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	7
Глава 1. «Хочется жить по-человечески...»:	
у каждого своя революция	31
1.1. «Земля – ничья, земля – божья»: представления крестьян Казанской губернии в эпоху Первой русской революции (<i>Р.Р. Батыршин</i>)	31
1.2. «Просвещенное сословие, веками приученное руководить народом...»: дворянство Казанской губернии в 1905–1907 гг. (<i>Е.В. Миронова</i>)	44
1.3. «Проект богачей»: политические аспекты мусульманского единства в 1905–1907 гг. (<i>Р.Р. Салихов</i>)	68
1.4. «Братцы бросайте работать, это не ваша фабрика...» (казанские рабочие в 1905–1907 гг.) (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	82
Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений	106
2.1. Казанский учебный округ и его попечители в начале XX в. (<i>И.Е. Крапоткина</i>)	106
2.2. «Интеллигентская революция»: казанские профессора и студенты в 1905–1907 гг. (<i>Л.А. Бушueva</i>)	117
2.3. «Это все устарело, теперь нас интересуют жизненные вопросы...»: программные требования и выступления учащейся молодежи г. Казани в годы Первой русской революции (<i>Е.В. Миронова</i>)	138
2.4. Особенности мусульманской системы образования на рубеже XIX–XX вв.: кадимизм и джадидизм (<i>Р.Р. Салихов</i>)	161
2.5. Татарское медресе и революция: рождение «бывших шакирдов» (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	175
Глава 3. Человек и власть	188
3.1. От «банкетной» свободы к уличному хулиганству: общественные настроения в 1905–1907 гг. (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	188
3.2. По ту сторону баррикад: чиновники и военнослужащие в годы Первой русской революции (<i>Л.Р. Габдрафикова</i>)	213
3.3. Органы сыска и татарская буржуазия: поиск революционной опасности в начале XX в. (<i>Р.Р. Салихов</i>)	237

Глава 4. Человек со своей культурой	250
4.1. «После 1905 года мы проснулись»: ренессанс татарской культуры в начале XX в. (Л.Р. Габдрафикова, Р.Р. Салихов)	250
4.2. «Зовите нас крещеными»: этноконфессиональные процессы в кряшенском (крещено-татарском) обществе в начале XX в. (Р.Р. Исхаков)	267
4.3. «Наша работа среди черемис не пропала даром: замечается сильный подъем сознания...»: мариЙцы Казанской губернии в 1905–1907 гг. (А.Г. Ошаев)	286
Заключение (Л.Р. Габдрафикова)	299
Приложение №1. Из отчета казанского губернатора М.В. Стрижевского о состоянии Казанской губернии за 1905 год	303
Приложение №2. Сообщение из газеты «Волжский вестник» о собраниях мусульман г. Казани	312
Приложение №3. Сообщение из газеты «Волжский вестник» о полиции г. Казани	312
Приложение №4. Выписки из полученных агентурным путем писем казанцев за 1905–1906 гг.	313
Приложение №5. Из донесений казанского полицмейстера начальнику КГЖУ за 1905 г.	315
Приложение №6. Фрагменты прошений на имя казанского губернатора за 1906 г.	316
Приложение №7. Революционная мода	318
Приложение №8. Из статьи Габдуллы Тукая «Война и Государственная дума»	319
Приложение №9. Из воспоминаний бывшего рабочего Казанского Порохового завода – члена 1-й Государственной думы П.А.Ершова	319
Приложение №10. Из воспоминаний казанского аптечного работника о революции	321
Приложение №11. Из стенограммы организационной секции по 1905 г. конференции Истпарта ОК РКП(б) по революции 1905 г.	323
Приложение №12. Из воспоминаний рабочего М.Борисова	327
Приложение №13. Из автобиографии Веры Петровны Брауде (Булич)	327
Библиография	331
Именной указатель	350
Географический указатель	355
Список сокращений	357
Сведения об авторах	358

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В 2015 году исполнилось 110 лет со дня революционных событий 1905 года и выхода царского манифеста «об усовершенствовании гражданского порядка». Эти эпохальные события сыграли определяющую роль в консолидации народов Казанской губернии, развития у них этнического самосознания, стремления к свободе, равноправию, межконфессиональному согласию и социальному прогрессу. Именно в 1905 году у татар начались бурные общественные процессы, способствовавшие формированию гражданских институтов: периодической печати, политических партий и движений, культурно-просветительских обществ и других организаций. Как писал Г.Тукай в своем знаменитом стихотворении «Аң»: «После 1905 года мы проснулись...». Новый этап переживает социокультурная сфера русского населения края, отличавшаяся ярким интеллектуальным поиском, политической активностью и разногласицей мнений. Аналогичные явления происходили в общественной жизни чуваш, марийцев, татар-кряшен, старообрядцев, а также других этноконфессиональных общностей Казанской губернии.

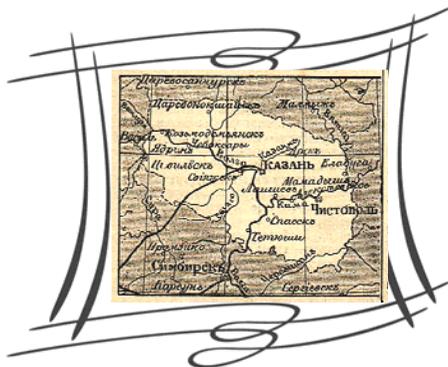
Сегодня важно с новых научно-методических позиций дать объективную оценку революции 1905 года, как уникальному фактору, позволившему пережить острые социальные противоречия, сохранить стабильность и государственность, создать условия для поступательного экономического развития многонациональной Российской империи.

Коллективное научное исследование «Казанская губерния в 1905–1907 гг.: историко-антропологический анализ» проводилось в 2015–2016 гг. в рамках государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2020 гг.». Проект объединил исследователей из разных городов Поволжья и открыл новые возможности для изучения этого периода истории с необычного ракурса. В 1905 г. каждый человек мечтал о достойной жизни, где было бы место свободе слова и совести, а честный труд вознаграждался должным образом, и оставалось время для отдыха. В данном исследовании мы представляем Первую русскую революции не как коллективное движение масс с абстрактными требованиями в виде различных петиций и проектов, а как мысли, чаяния, действия отдельно взятого человека (рабочего, буржуа, интеллигента, мусульманина, кряшена и т.д.) в революционной суете 1905–1907 гг.

Безусловно, в одной монографии трудно представить всю историко-антропологическую картину революционной эпохи и авторы не претендуют на всеохватность. Вместе с тем книга отражает основные тенденции развития губернского общества в 1905–1907 гг. и самое главное, народное *многоголосие*.

Мы признательны всем неравнодушным людям, благодаря инициативе и поддержке которых было подготовлено данное исследование. Выражаем благодарность всем авторам – членам творческого коллектива за интересную совместную работу, и желаем успехов в новых научных поисках.

Р.Р. Салихов, Л.Р. Габдрафикова

КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ И ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Казанская губерния накануне революции представляла собой один из развитых регионов империи, где были сконцентрированы крупные промышленные объекты, многочисленные учебные заведения во главе с Казанским императорским университетом. Губернский город исполнял роль межрегионального административного центра. Именно в Казани размещались основные штабы Казанского военного, Казанского учебного и Казанского судебного округов. Казанская губерния занимала достаточно большую площадь и состояла из двенадцати уездов.

Но главной особенностью губернии оставалось многообразие населяющих ее народов, каждый из которых отличался своей культурой, языком и образом жизни. Вместе с тем историческая судьба и многолетнее соседство связали эти народы в едином социально-экономическом пространстве.

По данным всероссийской переписи 1897 г., Казанская губерния считалась довольно густонаселенным регионом и занимала 23-е место среди 50 губерний Европейской части России. Но в самой губернии население было распределено неравномерно. Наиболее густонаселенным оставался Казанский уезд, с большим отрывом за ним следовали Цивильский, Ядринский, Тетюшский уезды. Самой малонаселенной являлась северо-западная часть Казанской губернии – Царевококшайский уезд, что объяснялось, прежде всего, природными условиями: преобладанием лесов и болот¹.

К началу 1904 г., по сведениям полиции, население Казанской губернии составляло 2 445 732 человека (1 225 996 муж. и

¹ Обзор Казанской губернии на 1906 год. – Казань, 1907. – С.4.

Казанская губерния и первая русская революция:
историко-методологические аспекты

1 219 727 жен.). В городах и посадах проживало 231 371 человек, т.е. 9,5% от общего числа жителей губернии². В этноконфессиональном и сословном отношении накануне революционных событий Казанская губерния представляла собой следующую картину.

Население Казанской губернии в 1904 году

Сословия		
	чел.	%
Дворяне	6679	0,27
Духовенство (православное)	9993	0,41
Духовенство (мусульманское)	7496	0,30
Духовенство (католическое и лютеранское)	6	
Почетные граждане	4629	0,19
Военные	3828	0,16
Отставные нижние чины	214 087	8,76
Иностраннх поданных и других сословий	554	0,02
Городские сословия: <i>Купцы – 3658 чел.</i> <i>Мещане – 99 800 чел.</i> <i>Цеховые – 9 823 чел.</i>	113 281	4,63
Крестьяне	2 085 172	85, 26
Конфессии		
Православные	1 674 407	68, 45
Старообрядцы	23 863	0,98
Мусульмане, <i>в том числе отпавших от православия татар</i> <i>(25 892 чел.)</i>	730 574	29,8
Язычники	14 669	0,60
Католики	847	0,03
Иудеи	806	0,03
Протестанты и армяно-григорианского вероисповедания	557	0,02%
Нации		
Русские	946 772	38,71
Татары	777 081	31,76
Чуваши	550 604	22,52
Марийцы	131 921	5,39
Мордва	26 179	1,07
Удмурты	10 718	0,17

Таблица сост. по: Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 год. – Казань, 1905. – С.346–347.

² Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 год. – Казань, 1905. – С.346.

Казанская губерния и первая русская революция:
историко-методологические аспекты

Как видно из таблицы, социальную основу губернии составляли крестьяне. Они оставались самой уязвимой частью населения: лишенные социальных привилегий, зависимые от природных условий и часто материально малообеспеченные. Поэтому неурожаи революционных лет стали одним из главных факторов социального взрыва этого периода.

Следует отметить, что не все крестьяне проживали в сельской местности и занимались лишь аграрным трудом. Крестьяне работали на заводах и фабриках, активно торговали, были заняты в различных других сферах. Например, одним из самых колоритных крестьян Казанской губернии являлся депутат Государственной думы 3-го созыва Садретдин Максудов, более известный под именем Садри Максуди. Общественно-политический деятель хоть и указывал в анкете своей основной профессией хлебопашество³, на самом деле большую часть сознательной жизни посвятил учебе. Помимо традиционного медресе, учился в заграничных учебных заведениях, в том числе в Париже, получил квалификацию *юриста*. Перспективный молодой человек вскоре был принят в семью оренбургского золотопромышленника Ш.Рамеева, он женился на старшей дочери миллионера.

В 1906 г. в Казани проживал 95 641 человек крестьянского сословия, что составляло более половины жителей города⁴. Однако переизбыток рабочей силы в губернском городе не способствовал улучшению материального положения большей части населения, а наоборот вел к снижению рабочих расценок.

Социальная мобильность и рост урбанизации напрямую связаны с малоземельем крестьянства. Материальная нужда и желание изменить свою жизнь вытесняли селян из родных мест. Если в 1860-е гг. в среднем один надел составлял 4,9 десятины земли, то к 1907 г. он сократился до 2,8 десятины. Что неудивительно, за пореформенное время официальное количество крестьян мужского пола в Казанской губернии увеличилось с 652 763 ревизских душ до 1 164 298 человек⁵.

---

³ Садри Максуди: «Покорнейше прошу освободить меня от штрафа» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.238–239.

⁴ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.48.

⁵ Перцов В.В. Очерк статистики и экономики Казанской губернии. – Казань, 1919. – С.24.

Казанская губерния и первая русская революция:
историко-методологические аспекты

Распределение земли в 1907 году

Размер надела	Мужское население (в процентах)				
	Русс.	Тат.	Чув.	Мар.	По губернии
малый (до 2 дес.)	30	25	7	2	20
средний (от 2 до 4 дес.)	53	72	90	80	71
большой (более 4 дес.)	17	3	3	17	9

Как видно из таблицы, так называемые инородцы, составлявшие когда-то основу государственного крестьянства губернии, к началу XX в. были обеспечены землей заметно лучше, в отличие от бывших крепостных землепашцев. Среди русских крестьян 10% вообще не имели земли. Среди татар безземельных насчитывалось 4% от общего количества крестьян, марийцев – 1%, чуваш – 0,5%⁶. В Казанской губернии 28 895 крепостных крестьян мужского пола после реформы 1861 г. получили даровые (четвертные) земли – минимальные наделы в размере 1 дес.⁷ Очевидно, что по истечении полувека, такие наделы не могли удовлетворить потребности разросшихся крестьянских семей. Поэтому многие из них выступали арендаторами помещичьих земель. Неслучайно одним из основных требований крестьян во время протестов стало снижение арендной платы⁸.

Судя по всему, историческими традициями землевладения и этническими особенностями объяснялся характер аграрных беспорядков в Казанской губернии. По накалу страстей она явно уступала другим губерниям Поволжья. По неполным данным (за период с октября 1905 г. по апрель 1906 г.) среди 20 губерний Европейской части России по размеру убытков от крестьянских беспорядков Казанская губерния находилась на 18-м месте. При этом лидировали Саратовская и Самарская губернии. Если саратовские крестьяне за этот период нанесли ущерб помещикам в размере 9 550 320 руб., то казанские – 75 тыс. руб., т.е. в 127 раз меньше⁹. Но некоторые помещики после этих событий предпочли избавиться от своих аграрных владений. В 1906–1908 гг. в Казанской губернии выстави-

⁶ Там же. – С.26.

⁷ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917). – Саратов, 1982. – С.43.

⁸ Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. – М., 1965. – С.225.

⁹ Полгода русской революции. Сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.). – М., 1906. – С.53.

Казанская губерния и первая русская революция:
историко-методологические аспекты

ли на продажу более 50 имений, что, впрочем, было меньше аналогичных предложений в соседних поволжских губерниях¹⁰. Эти события остались в памяти землевладельцев и внушали страх, а дни аграрных беспорядков 1917 г. казались некоторым воскресшим сном из недавнего прошлого¹¹.

Что касается духовной составляющей жизни населения губернии, то она во многом была подчинена религиозным институтам. К началу 1905 г. в Казанской епархии насчитывалось 746 церквей и 66 часовен. Функционировало 24 монастыря. Кроме того, в Казанской губернии было зарегистрировано 1018 мусульманских общин с соборными мечетями¹². В Казани в 1858 г. построили костел, что способствовало консолидации местных католиков и привлекло их новых единоверцев-переселенцев¹³. С 1897 г. в городе действовало Общество пособия бедным Казанского римско-католического прихода¹⁴. Лютеранская кирха в губернском городе работала с конца XVIII в., неоднократно перестраивалась¹⁵.

Но религиозные права не всех жителей империи соблюдались в полной мере. Представители неправославных конфессий жили в собственной стране на положении второсортных граждан. Если духовная жизнь мусульман, католиков и протестантов, с оговорками, но все же была приведена в соответствие с российским законодательством, то практически были ограничены в правах старообрядцы и иудеи, а новокрещенные татары десятилетиями терпели моральные унижения и вынужденно вели двойную жизнь: по документам они считались христианами, фактически являлись мусульманами.

Как было показано выше, к 1905 г. в Казанской губернии проживало более 23 тыс. старообрядцев, что составляло 0,98% от общего числа населения. Иудеев насчитывалось всего 806 чел. (0,03%). (Из них 84 чел. являлись студентами Казанского университета, к 1906 г. число слушателей-евреев в этом учебном заведении выросло до 140 чел.¹⁶). Отпавших от православия татар по данным официальной статистики в 1904 г. было более 25 тыс. че-

---

¹⁰ Кабытов П.С. Указ. соч. – С.52.

¹¹ Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой октябрьской социалистической революции. Сборник документов. – Т.1. – Казань, 1950. – С.4–6.

¹² Людмилин А.С. Контрреволюция в рясах и чалмах в 1905 году в Казанской губернии. – Казань, 1931. – С.11–12.

¹³ Машковцев А.А. Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века. – Киров, 2015. – С.52.

¹⁴ НА РТ. Ф.411. Оп.1. Д.134. Л.4об.

¹⁵ Диц В.Г. История Казанской кирхи // Немецкий дом Республики Татарстан. [Электронный ресурс] <http://www.ndrt.ru>. Дата обращения: 02.02.2016.

¹⁶ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.7517. Л.4об.

людей. Неопределенный религиозный статус имели так называемые язычники (14 669 чел.). В их число могли входить различные коренные народности Поволжья (марийцы, чуваша, удмурты и др.).

Таким образом, основная задача первой буржуазной революции в России – уравнение в правах всех граждан империи – была насущной для большей части населения Казанской губернии. Но вместе с тем растущие аппетиты капитализма требовали пересмотра социальной политики государства, выработки механизмов защиты наиболее обездоленных слоев населения: крестьян и рабочих.

Одной из таких попыток диалога власти с обществом стало создание различных партийных объединений и национального парламента – Государственной думы. По замыслу императора и его окружения эти политические институты создавались для разрешения социальных противоречий, однако на деле они еще больше подчеркнули поляриность общества.

В Казанской губернии были представлены все партийные направления (и правые, и либеральные, и леворадикальные). Конечно, следует отметить, что не все из них действовали легально. Некоторые организации имели давние традиции. Например, социально-демократические кружки в студенческой среде Казани возникли еще в конце 1880-х гг. С начала 1890-х гг. в городе существовал Союз сионистов под руководством доктора Кринкина. Члены кружка устраивали нелегальные собрания в частных квартирах, несмотря на преследования казанской полиции так называемые сионисты-социалисты проявляли активность и в годы Первой русской революции. В 1901 г. в стенах Казанского университета появились первые воззвания социал-революционеров, уже через пять лет число эсеров в Казани достигло 150 человек¹⁷. Существовали татарские, чувашские группы эсеров. Первые объединились вокруг газеты «Тан йолдызы», вторые издавали газету «Хыпар». Молодых социал-революционеров, в первую очередь, привлекала аграрная программа этой партии.

Как противовес леворадикальным образованиям, после октябрьских событий 1905 г., возникли самоорганизации консервативного толка. Группа «объединившихся домовладельцев и жителей г.Казани» с декабря 1905 г. стала называть себя Царско-народное русское общество. Схожих с ЦНРО взглядов придерживались члены Общества церковных старост и приходских попечителей. В этих монархических образованиях состояли около 2,7 тыс. человек. Лидеры-черносотенцы пытались привлечь в свои ряды и инородческое население Казанской губернии. Однако попытки на-

---

¹⁷ Хабибрахманова А. Деятельность политических партий в Казани в годы Первой российской революции. – Казань, 2006. – С.49, 62, 64, 197.

Казанская губерния и первая русская революция:
историко-методологические аспекты

ладить сотрудничество с консервативно настроенными мусульманскими лидерами Казани не увенчались успехом, а зарегистрированная в 1908 г. в Чистопольском уезде Царско-народное мусульманское общество вскоре вовсе было закрыто по обвинению его организаторов в панисламистских настроениях. По данным исследователя этого вопроса И.А.Алексеева, значительно большего успеха монархисты добились в чувашских населенных пунктах Казанской губернии, где отделы правомонархических организаций составляли 15% от общего числа общественных объединений¹⁸.

Гораздо сложнее было функционировать легальным союзам левомонархического направления. Кадетов и октябристов обыватели, да и мелкое чиновничество, воспринимали чаще всего как представителей нелегальных левых партий. Поэтому не все решались заявлять о своей принадлежности к этим общественным объединениям. Так по данным Л.Айнутдиновой, в составе казанских кадетов насчитывалось 700 чел., а октябристов – 540. Программу конституционно-демократической партии поддерживали некоторые татарские лидеры (С.Алкин, Ю.Акчура, С.Галикеев). Неслучайно и во время выборов в Государственную думу залогом успеха казанских кадетов стал союз с мусульманской партией «Иттифак-аль-муслимин»¹⁹.

Социальный состав депутатов Государственной думы от Казанской губернии в какой-то мере отражал специфику ее населения. Всего в качестве народных представителей из Казанской губернии в течение всей думской практики избиралось 39 депутатов (некоторых выбирали несколько созывов подряд). Из них русских было 29 чел., татар – 7, чуваш – 2, поляк – 1. Наиболее демократичными оказались думы первых двух созывов. Именно в них депутатская группа от Казанской губернии была многонациональной. 3-я и 4-я Государственные думы сформировались уже по имперскому принципу, с ограниченным числом неправославных избранных. Но все же в составе 3-й думы работал С.Максуди. Основной костяк народных избранников составляли дворяне и крестьяне, еще несколько человек относились к сословию православного духовенства, купечеству и мещанам²⁰. Но Государственная дума не оправдала возложенных на нее надежд.

---

¹⁸ История татар с древнейших времен в 7 т. – Т.VII. – Казань, 2013. – С.107–112.

¹⁹ Там же. – С.97–102.

²⁰ Усманова Д.М. Депутаты Государственной думы от Казанской губернии: социальный и политический портрет (в свете избирательных кампаний 1906–1912 гг.) // Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века. – Казань, 2003. – С.35.

С одной стороны население было в какой-то степени подкошено политической фрустрацией, с другой, направило свою энергию на иные формы общественной активности. Декларируемые свободы стали благодатной почвой для развития индивидуализма, поисков идентичности и роста национального самосознания, рождения новых культур и субкультур, в том числе на территории Казанской губернии.

* * *

Историю изучения Первой русской революции можно было бы условно разделить на традиционные этапы, обусловленные некоторыми хронологическими рубежами. Однако если у ряда периодов есть действительно четкие границы (например, дореволюционный, довоенный (1918–1941), послевоенный (1950–60-е гг.)), то гораздо сложнее обстоит дело с 1980–1990-ми гг. С одной стороны – это разгул циничного восхваления достижений РСДРП 1905–1907 гг., с другой – стремление найти новые грани истории. Но эхо марксистских догм еще догоняет своих недавних последователей и в начале 2000-х. В общем, нельзя с временными рубежами связывать окончание тех или иных методологических подходов. Все определяет человек. И лишь со смертью исследователя умирает его генеральный взгляд на изучение истории.

Первые шаги по осмыслению этого великого исторического явления наблюдались уже в 1905–1906 гг. Например, член Государственной думы 1-го созыва В.П. Обнинский скрупулезно собирал различные сведения по забастовкам, аграрным беспорядкам, по разгону демонстраций, по другим эпизодам столкновения общества с властью. В 1906 г. выпустил книгу – справочник по первому этапу революции²¹. Автор опирался на различные источники – это и официальные отчеты, и материалы либеральных периодических изданий. При этом он подчеркивал, что это далеко не полные данные. Второе аналогичное издание появилось в следующем году²². Но такие публикации были редкостью, гораздо больше внимания в этот период уделялось пропагандистским материалам. Брошюры, изложения программной линии той или иной партии, активно выпускались не только в столичных городах, но и в губернских издательствах²³. «Патриоты, или по-революционному черносотенцы»,

²¹ Полгода русской революции. Сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.). – М., 1906.

²² Летопись русской революции. Вып. 1-й. Меры против печати. Тюрьма и ссылка. Карательные экспедиции. Смертные казни. – М., 1907. – 305 с.

²³ Бобровников Н. Что такое «политическая партия?». – Казань, 1905; Демчинский Н.А. Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом. – Казань, 1906; Залесский В.Ф. Что такое Союз Русского Народа и для чего он нужен? – Казань, 1907.

как они себя называли, опубликовали еще и свое видение октябрьских событий в Казани²⁴. Это был ответ на аналогичные публикации в либеральных газетах²⁵.

Издавались речи ораторов, с критикой существующего строя²⁶. Например, А.А. Исаев в своем докладе сравнил Россию 1905 г. с Францией конца XVIII в.²⁷ Вообще Первую русскую революцию можно считать приемной дочерью французских революций. Их символы – красные флаги и марсельеза были полностью скопированы революционизированной российской молодежью. Продолжала волновать тема революции и в годы реакции²⁸, но из-за цензурских ограничений такой литературы было немного.

Победа октябрьской революции заставила вновь обратиться к событиям 1905 г., которую именовали не иначе как «генеральной репетицией» Великого Октября. Славное революционное прошлое стало прекрасным поводом для сравнения недостатков царского времени и достижений советской власти. К 20-летию юбилею революции были приурочены различные труды, выпущенные в помощь лекторам, для клубов, красных уголков и изб-читален²⁹.

Нередко авторами книг выступали очевидцы и участники событий, поэтому особенно следует отметить мемуарную литературу. В 1920-е гг. были опубликованы воспоминания бывшего казанского реалиста, партийного деятеля А.Я. Аросева³⁰, бывшего рабочего алафузовских мастерских М.Борисова³¹. В духе своего времени, они старались выделить рабочих как представителей самого революционного класса. Но, благодаря литературному таланту авторов, эти работы не сильно изуродованы идеологическими схемами изложения истории.

Большая часть Казанской губернии в 1920 г. вошла в состав Татарской автономной советской социалистической республики, другие части губернии явились основой Чувашской, Марийской АССР. В свя-

---

²⁴ События 17, 19 и 21 октября 1905 г. в Казани. Беспорядки в Казани 17 октября. Рассказ очевидца. – Казань, 1906. – 21 с.

²⁵ События в г.Казани с 17 и 23 октября // Волжский вестник. – 1905. – 8 ноября. – №1.

²⁶ Русская революция и анархизм. Доклады, читанные на съезде коммунистов-анархистов, в октябре 1906 г. – Лондон, 1907. – 88 с.

²⁷ Исаев А.А. Характер русской революции. – СПб., 1906. – 47 с.

²⁸ Морской А. Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря. – М., 1911. – 128 с.

²⁹ Сталь Л.Н. Что дал работнице и крестьянке 1905 год. – М.; Л., 1926; Фирсов Н.Н. Русская революция и Ленин. – Казань, 1925.

³⁰ Аросев А.Я. Казань – в глухие годы (1906– 1909 гг.) // Пути революции. – 1922. – № 1. – С.42–43; Аросев А. Казанские очерки о революции 1905 г. – Казань, 1925.

³¹ Борисов М. За Казанкой в году пятом... – Казань, 1927.

зи с этим, актуальным становится вопрос об участии так называемых нацменов в Первой русской революции. Историографической классикой признается работа писателя, ученого и общественного деятеля Г.Ибрагимова «Татары в революции 1905 г.» Несмотря на его попытки выдвинуть на первый план татарскую большевицкую газету «Урал» и околоредакционную молодежь (в том числе впервые дал биографические сведения о Х.Ямашеве, Г.Сайфетдинове и др. социал-демократах), в работу были включены и параграфы о других политических течениях среди татар (например, о татарской буржуазии и партии «Иттифак»), о движении приказчиков, шакирдов и т.д. Он опирался не только на свой личный опыт общения с теми или иными деятелями, но и специально изучал архивные материалы. В данном исследовании даже через его пролетарские оттенки проглядывается дореволюционная идея национального прогресса, желание изучить прошлое и изменить настоящее своего народа. Книга Ибрагимова уже в 1926 г. была переведена и издана на русском языке³². Доступ к жандармским архивам прояснил многие моменты недавнего прошлого. Так бывшим руководителем управления уголовного розыска татарстанского НКВД Г.Г.Мансуровым в 1925 г. издана книга «Татарские провакаторы» на татарском языке. В 1926 г. этот же автор выпустил еще один труд, посвященный татарам в годы революции³³.

Что касается научных трудов, вышедших за рубежом, то в 1920–1930-е гг. интерес к этому вопросу подогревался трудами российских эмигрантов. Среди публикаций встречались как мемуары, так и научные работы. В 1925 г. в Стамбуле была опубликована книга татарского эмигранта Г.Баттала «Казанские тюрки. Исторические записки», где рассматривалась роль революции 1905 г. в культурном возрождении татарского народа. Книга издавалась в Турции еще два раза. Ее перевод на татарский язык был опубликован лишь спустя 70 лет³⁴.

В 1920-е гг. специальные научные исследования постепенно начинают вытеснять мемуарные описания революционных событий. Так, любопытной представляется работа Боцяновского «Русская сатира в первой революции», вышедшая в 1925 г. Продолжением этой темы стало издание хрестоматийного характера, посвященное сатире и карикатуре в 1905–1906 гг., с комментариями С. Исакова. Представленные материалы разбиты на отдельные темы. В общем очерке автор дает характеристики некоторым изданиям и отдельным художникам. В книге воспроизводятся сатиры и карикатуры из столичных журналов «Зритель», «Стрелы», «Пуле-

---

³² Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 г. / пер. с тат. – Казань, 1926.

³³ Мансуров Г. Беренче революция елларында татарлар. – М., 1926.

³⁴ Баттал Г. Казан төркиләре. Тарихи язмалар. – Казан, 1996.

Казанская губерния и первая русская революция:
историко-методологические аспекты

мет», «Сигнал», «Жупел», «Адская почта», «Вампир» и др., реже из провинциальных и зарубежных изданий³⁵. Надо отметить, что в революционные годы только в Петербурге и Москве выходило более 250 сатирических журналов. Активно работали карикатуристы и в остальных городах России.

Поэтому данные материалы требуют дальнейшего анализа. В этой связи до сих пор остаются недостаточно изученными татарские сатирические журналы данного периода. Да и русские сатирические журналы, издаваемые в провинции, заслуживают особого внимания. Например, в конце 1905 г. в Казани собирались издавать журнал «Жгут»³⁶. Исследователям предстоит выяснить историю этого издания.

В 1930-е гг. исследования Первой русской революции продолжали тенденции предыдущего десятилетия. С одной стороны выходили довольно шаблонные работы пропагандистского характера³⁷, с другой – наблюдалось стремление углубленно изучить отдельные аспекты революционного движения: национальные³⁸, региональные³⁹. Помимо пролетариата, в круг исследовательских интересов входят новые социальные группы. Учащаяся молодежь как одна из движущих сил революционной волны стала отдельно рассматриваться на материалах Казанской губернии с конца 1930-х гг. В 1941 г. была защищена диссертация В.П.Рожественского⁴⁰.

Новый этап изучения событий 1905–1907 гг. наступил в послевоенный период. К тому времени историческая картина революции в общих чертах была общеизвестна, но оставались невыясненными многие нюансы. В 1950-е гг. популярным направлением стало изучение революции в различных новых контекстах. Это и международное революционное движение⁴¹, взаимосвязь событий 1905–1907 гг. с

---

³⁵ Исаков С. 1905 год в сатире и карикатуре. – Л., 1928.

³⁶ Волжский вестник. – 1905. – 22 декабря. – №37.

³⁷ Людмилин А.С. Контрреволюция в рясах и чалмах в 1905 году в Казанской губернии. – Казань, 1931; Сэйфи Ф. Беренче революциядә Казанда һәм губернасында эшче-крестиэн хәрәкәте. – Казан, 1931.

³⁸ Лихачев Г. Волжские мари в первой революции // Марийская автономная область. – 1931. – №1–2. – С.93–107.

³⁹ Лившиц С. Казань в годы первой революции (1905–1907 гг.). – Казань, 1930; Фирсов И.Н. 1905 год в Казани. – Казань, 1941.

⁴⁰ Рожественский В.П. Революционное движение учащихся средних школ в революцию 1905–1907 гг. в Казанском учебном округе: дисс. ... к.и.н. – Казань, 1941.

⁴¹ Первая русская революция 1905–1907 гг. и международное революционное движение (Сборник статей. К пятидесятилетию первой русской революции). В 2-х частях. – М., 1955–1956.

другими сферами жизни⁴² и т.д. Актуальным оставался вопрос участия различных народностей СССР в революционном движении, были недостаточно изучены и региональные особенности этого явления. В каждой губернии или крае революционные события разворачивались по местному сценарию. Поэтому послевоенное время много внимания уделялось источниковедению, поиску и публикации новых документов. К 50-летию Первой русской революции было выпущено множество разноплановой литературы: тезисы конференций, монографии, сборники документов и материалов, многие из них формировались по региональному принципу⁴³. Вышли фундаментальные монографии, посвященные революционному движению в Марийском крае, Чувашии и другим регионам⁴⁴.

В 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию по революционной деятельности Х. Ямашева будущий классик татарской исторической науки Хусаин Хасанович Хасанов (1907–1995). Дальнейшая научная деятельность историка была связана с изучением революции 1905–1907 гг. Под его редакцией в 1955 г. выпущен сборник документов «Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг.». Позднее он опубликовал исследования о революционных деятелях (Х.Ямашеве, А.Комлеве), монографии о революции в Татарии, а также о Казани в 1905–1907 гг.⁴⁵ Но самой яркой работой Х.Х. Хасанова является книга «Формирование татарской буржуазной нации». Она была новаторской для своего времени, отличалась оригинальной концепцией. К этому исследованию, по сути, ученый шел всю жизнь: глубокое знание материала 1905–1907 гг. помогло ему открыть для своих современников насыщенную обще-

---

⁴² Слонимская И.А. Медицинские работники в революции 1905–1907 гг. – М., 1955; Первая русская революция и театр. – М., 1956; Григорьев А.Л. Первая русская революция 1905–1907 гг. и зарубежная литература. – Л., 1956.

⁴³ Татария в дни первой русской революции. – Казань, 1955; Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905–1907 гг. – Казань, 1955; Хамматов Ш.Х. Казанская организация большевиков в годы первой русской революции. – Казань, 1955; Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 гг.: документы и материалы. – Чебоксары, 1956; Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг. Документы и материалы. – Казань, 1957.

⁴⁴ Коробов С.А. Революционное движение в Марийском крае в период первой буржуазно-демократической революции в России. (1905–1907 гг.). – Йошкар-Ола, 1952; Николаев П.Н. Революционное движение в Чувашии в 1905–1907 гг. – Чебоксары, 1956.

⁴⁵ Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. – М., 1965; Его же. Революционер-интернационалист: Жизнь и деятельность большевика Х. Ямашева. – Казань, 1971; Его же. Казань в годы первого штурма царизма. – Казань, 1985.

ственно-политическую, экономическую и культурную жизнь татарского народа начала XX в.⁴⁶

Конечно, в этот период к национальной тематике обращался не только Х.Х.Хасанов, были и другие не менее известные в свое время труды. Но большинство из них являются лишь иллюстрацией господства идеологических догм над исторической наукой. В целом, особенно в период застоя количество подобных исследований выросло до невероятных масштабов. Только в одном Казанском университете в 1980-е гг. было защищено до десятка диссертаций по деятельности местного органа РСДРП, иногда даже формулировки работ не сильно отличались друг от друга. Очевидно, что былого трепета перед большевизмом прошлым у исследователей брежневского поколения, в отличие от предшественников, уже не было. История партии превратилась всего лишь в модный способ карьерного продвижения⁴⁷.

С другой стороны еще в 1970-е гг. (как и в случае с монографией Х.Х.Хасанова) наметились новые тенденции в изучении истории Первой русской революции: это и «женский вопрос», и история «не-революционных» классов, и другие новые проблемы⁴⁸. Намеченное направление исследований продолжалось и на рубеже XX–XXI вв. На первый план вышли работы, посвященные деятельности либеральных партий, думской практике, этноконфессиональной специфике революции и других созвучных с 1990-ми гг. вопросов⁴⁹. Круг

---

⁴⁶ Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977.

⁴⁷ Гайнуллина В.Н. Деятельность Казанского комитета РСДРП по распространению идей атеизма и материализма в период первой русской революции (1905–1907 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 1981; Петрова Р.Г. Революционные связи социал-демократических организаций Среднего Поволжья в период революции 1905–1907 годов в России: автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 1982; Карасев А.М. Осуществление казанским комитетом РСДРП тактики «левого блока» в годы первой революции в России: 1905–1907 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 1985. и др.

⁴⁸ Решетова С.Х. Женский вопрос в первой русской революции (по материалам периодической печати): дисс. ... к.и.н. – Казань, 1973; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. – Л., 1981.

⁴⁹ Исхаков С.М. Общероссийская партия мусульман // История национальных политических партий России. – М., 1997; Фахрутдинов Р.Р. Мусульманский либерализм в конце XIX – начале XX века (очерки политической истории). – Казань, 1998; Айнутдинова Л.М. Либеральное движение в Казанской губернии (1900–1917 гг.). – Казань, 2003; Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. – Нижний Новгород, 2005; Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. – Казань, 2005, Её же. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. – Казань, 2006; Хабибрахманова А.В. Деятельность политических партий в Казани в годы Первой российской революции. – Казань, 2006;

Казанская губерния и первая русская революция:
историко-методологические аспекты

интересов российских ученых расширился с «открытием» научных границ. Например, в зарубежной историографии в 1970–1980-е гг. разрабатывались темы, связанные с национальными и религиозными аспектами революционного периода⁵⁰.

Кроме того, на данном этапе опубликованы мемуары российских дворян, раскрывшие революцию с совершенно новой стороны. Ситуацию в Казанской губернии с позиции «верхов» иллюстрируют мемуары Н.А. Мельникова, К.Н. Боратынской⁵¹. Помимо этих эго-документов осуществлялась публикация материалов официального характера, что также стало неким подспорьем для новых исследований⁵².

Так из многообразия общественных настроений начала XX в. вслед за последователями либеральных перемен были вычленены сторонники консервативного направления, интерес к последним, в отличие от первых, с годами лишь усилился. Изучением материалов черносотенного движения в Казанской губернии много лет занимается И.Е. Алексеев, есть и другие авторы⁵³.

К столетию Первой русской революции коллективом авторов Института российской истории РАН была подготовлена книга «Первая революция в России: взгляд через столетие». В ней представлена ревизия как устоявшихся подходов советской историографии, так и современных тенденций. Например, авторы считают не до конца решенным вопрос об определяющих силах революции. Если в марксистской традиции эта роль всегда отводилась большевикам, то в постсоветских исследованиях доминировал взгляд на револю-

---

Ошаев А.Г. Общественно-политическое движение в Марийском крае в период первой российской революции (1905–1907 гг.). – Йошкар-Ола, 2012.

⁵⁰ Heller K. Revolutionärer Sozialismus und nationale Frage: Das Problem des Nationalismus bei russischen und jüdischen Sozialdemokraten und Sozialrevolutionären im Russischen Reich bis zur Revolution 1905–1907. – Frankfurt am Main; Bern; Las Vegas, 1977; Cunningham J.W. A vanquished hope, the movement for church renewal in Russia, 1905–1906. – New York, 1981; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 1996.

⁵¹ Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М., 2007; Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (1898–1916): (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола, 2008.

⁵² Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов. – Уфа, 1998; Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы). – М., 2008.

⁵³ Алексеев И.Е. Черная сотня в Казанской губернии. – Казань, 2001; Его же. Под сенью царского манифеста (умеренно-монархические организации Казанской губернии в начале XX века). – Казань, 2002; Его же. На страже империи. – Казань, 2006; Михайлова Е. М. Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье: идеологическое оформление и общественно-политическая практика: автореф. дисс. ... д.и.н. – Казань, 2007.

цию как на «перестройку» государственной системы, проведенной «верхами» общества. При этом явно умалчалась роль протестного движения масс, действовавших чаще всего стихийно⁵⁴. Примечательно, что помимо национальных особенностей российских окраин (Польши, Прибалтики, Кавказа и др.), отступив от советских историографических шаблонов, авторы обратили внимание и на этноконфессиональные проблемы во внутренней части империи⁵⁵. Несмотря на определенную лапидарность в этом вопросе, в целом коллективное исследование оправдывает свое название. Это уже взгляд начала XXI века, свободный от многих стереотипов советской исторической школы.

* * *

Попытки понять психологическую сущность наступивших в стране перемен предпринимались уже в годы революции. Так в 1906 г. вышла небольшая брошюра философа В.В. Розанова «Ослабнувший фетиш. Психологические основы русской революции». В ней автор обращается к молодежи, разделяющей республиканские взгляды. «Собственно нельзя того скрыть, что революция почти вся делается молодежью, делается и в поэтической, и даже в физической ее части, – ее можно определить просто в двух словах: – Молодость пришла»⁵⁶. Розанов пишет о том, что весь XIX в. во всем мире был скрытой борьбой между новыми идеями прогресса и монархией как великим мифом. Идолопоклонничество перед царскими особами, интерес к их обожествленной персоне, свойственной темным векам, уступает, по его мнению, другим развлечениям: путешествиям, технике, искусству. Из-за рационализованного сознания фигура царя рассматривается обществом с точки зрения выгоды или не выгоды. И если образ монархов всегда ассоциировался со старцами, действия которых ограничены и носят часто ритуальный характер, и потому был удобен психологическим типажам, обращенным в большей степени в прошлое, живущих воспоминаниями, то образ республики привлекал молодежь, надеющихся на перемены в будущем. Это был новый фетиш молодого поколения.

В период революции статьи об особенностях мышления различных масс появлялись и в региональной прессе. Так в одной из заметок в газете «Волжский вестник» анонимный автор писал: *«... черносотенец – один из исторических пережитков того жестокого патриархального быта, где нет места живой личности, а есть*

---

⁵⁴ Первая революция в России: взгляд через столетие. – М., 2005. – С.344.

⁵⁵ Там же. – С.119, 487–488.

⁵⁶ Розанов В. Ослабнувший фетиш. Психологические основы русской революции. – СПб., 1906. – С.24.

только старшие скручивающие в «бараний рог» младших. Колотушками, жестокими побоями по всякому живому месту, бесчеловечным обращением, начиная с родителей и кончая суровым начальством, из черносотенца сызмальства вышибли всю «дурь», или вернее, сказать, – все человеческие побуждения. Вот поэтому-то черносотенец и фанатик полицейского порядка, ибо без «ежовых рукавиц», без «сидоровой козы» – жизнь кажется ему невозможной». К слову, в заметке в качестве непререкаемых авторитетов черносотенца фигурируют бог, царь и начальство. Цензор М. Пинегин предпочел зачеркнуть слова бог и царь, оставив лишь критику начальства⁵⁷.

Участник всех трех русских революций Питирим Сорокин в эмиграции выпустил книгу «Социология революции». Он обращался не только к истории России, но и анализировал революции в других странах мира и находил много общих черт. Ученый отмечал изменение поведения людей в такие эпохи, что являлось следствием деформации их чувств⁵⁸. Одной из скрытых причин Первой русской революции он называл «сокращение калорий, поступающих в организм крестьян и рабочих», обусловленных неурожаем 1906 г., суровой зимой 1906–1907 гг., ростом цен на 20–100%⁵⁹.

Книга была издана в 1925 г. в Чехословакии и переведена на многие языки. В дальнейшем свою научную деятельность П. Сорокин продолжал в США, а в СССР в это время практически были свернуты социологические исследования. Вся методологическая база исторических работ подчинялась марксистской философии, поэтому о каких-то междисциплинарных, в том числе историко-антропологических поисках, в советский период говорить не приходится. Впрочем, практически сразу после смены научной парадигмы наметились характерные перемены в этом направлении.

На международном коллоквиуме «Реформы или революция? Россия, 1861–1917» в 1992 г. после долгого перерыва были сделаны первые попытки взглянуть на историю имперской России под новым углом. В ходе обсуждений прозвучало немало любопытных мнений. Так Б.Н. Миронов говорил о том, что помимо политических и социально-экономических проблем в стране существовали глубокие культурные противоречия. Он считал, что при наличии двух разных культур («европеизированных верхов» и народной) в принципе был невозможен цивилизованный диалог в виде реформ, противоречия должны были разрешиться только революционным

---

⁵⁷ Психология черносотенца // Волжский вестник. – 1905. – 15 ноября. – №6.

⁵⁸ Сорокин П. Социология революции. – М., 2005. – С.32.

⁵⁹ Там же. – С.371.

путем⁶⁰. Эту же мысль он продолжил и в своей монографии «Социальная история имперской России», выпущенной уже в 1999 г.⁶¹ Хотя в царской России существовали десятки разных культур, осложненных этноконфессиональными, географическими и историческими особенностями.

В целом, данный семинар показал, что российские историки движутся по традиционному руслу, изменились разве что некоторые выводы. Их зарубежные коллеги наоборот выступили с довольно неожиданными докладами. Например, о символике власти, о социальной идентификации и др. темах. Американская исследовательница Л.Энгельштейн представила доклад об эмоциональных составляющих революции 1905 г., о ее эротических подтекстах. Она проанализировала полемику врачебного и педагогического сообщества России, где довольно часто звучал и так называемый «половой вопрос». В частности, медики и педагоги, комментируя революционный конфликт в стране, подчеркивали роль учащейся молодежи в нем. По их мнению, подростки и молодежь были вовлечены в революции, главным образом, «силой своей подавленной эротической энергии». Кроме того, Энгельштейн пришла к выводу о том, что исследования о нравственности в учебных заведениях, проводимые с начала XX в., использовались их авторами в качестве своеобразной метафоры политического строя. В частности, они предупреждали о губительных последствиях тотального контроля и насилия, ведущих не только к безусловной покорности, но и к настоящему бунту⁶².

В 1994, 1995 гг. в Москве прошли конференции, где вопросы революции рассматривались в антропологическом измерении. Историки, на этот раз отечественные, обсуждали социально-психологические аспекты революции, вопросы быта и морали. Пожалуй, впервые были подняты такие проблемы как криминогенная обстановка в начале XX в., насилие и террор. Конечно, надо отметить, что большинство докладов касалось 1917 г. К Первой русской революции исследователи обращались гораздо реже⁶³. Проведенная

---

⁶⁰ Реформы или революция? Россия, 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. – СПб., 1992. – С.276.

⁶¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999.

⁶² Энгельштейн Л. «Половой вопрос» и политический кризис профессиональной интеллигенции после 1905 г. // Реформы или революция? Россия, 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. – СПб., 1992. – С.173–174.

⁶³ Революция и человек. Социально-психологический аспект (Материалы конф., 28–30 ноября 1994 г.). – М., 1996; Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль (Материалы конф., 14–15 ноября 1995 г.). – М., 1997.

в этот период конференция «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX)» еще раз подтвердила интерес историков к новым научным инструментариям, в том числе к междисциплинарным исследованиям с учетом опыта социальных наук. В этой связи даже известные приговоры и наказания 1905 г. стали рассматриваться как любопытный источник по психологии крестьянства⁶⁴. Данные форумы продемонстрировали как имеющиеся тенденции в науке, так и вдохновили на новый научный поиск.

В основе исследования М.Б. Могильнер – художественные тексты конца XIX – начала XX в.⁶⁵ В работе использован значительный массив источников из фондов Национального архива Республики Татарстан. Исследовательница считает, что в формировании радикальной идеологии молодого поколения огромную роль сыграла художественная литература, где существовали два мира: идеальная «Подпольная Россия» с борцами-революционерами и несправедливая социальная реальность. Из-за жесткой цензуры периодической печати, запрета прокламаций и ограниченных тиражей нелегальных брошюр, публичных собраний и общественных объединений, революционерам проще было обращаться к своим адресатам через художественные образы. В конечном итоге, этот язык оказался более действенным, нежели прямые политические заявления. Мифологизация политической деятельности привела к тому, что в подпольное братство вовлекалось все больше и больше молодых людей. Более того, их частные тексты были проникнуты революционным пафосом. По сути, протестующая молодежь жила в вымышленном мире, где первостепенная стала форма, а не содержание.

Феномен революционаризма – гипертрофированная приверженность революционным идеям – в начале 2000-х гг. стала привлекать все больше исследователей⁶⁶. Революция стала рассматриваться не только как подвиг отдельно взятых социальных групп, призванных решить проблемы крестьянско-мещанского населения России, но и как драма и трагедия человека. В фокусе исследова-

---

⁶⁴ Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания – зеркало крестьянского менталитета 1905–1907 гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX). Материалы международной конференции. – М., 1996. – С.173–182; Вернер Э.М. Почему крестьяне подавали прошения, и почему не следует воспринимать их буквально (По материалам Юрьевского уезда Владимирской губернии во время революции 1905 года) // Там же. – С.184–195.

⁶⁵ Могильнер М.Б. Мифология подпольного человека: радикальный микроскоп в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. – М., 1999.

⁶⁶ Революционаризм в России: символы и цвета революции. Сборник статей. – М., 2005; Беседина Е.А. Российская социал-демократия в 1905–1907 гг.: историко-антропологический анализ повседневной революционной практики: дисс. ... к.и.н. – СПб., 2008.

ний чаще всего оказывались стереотипы мышления, поведенческие нормы и отклонения, эмоциональные искания в этой сложной исторической обстановке⁶⁷.

Таким образом, опыт изучения революционного времени начала XX столетия в историко-антропологическом измерении имеет свою небольшую историю. Но еще многие моменты остаются невыясненными. Например, практически нет отдельных работ, посвященных так называемым людям власти в условиях революции. В советской литературе чиновники различных ведомств, полицейские и военные представлены лишь как бездушные враги и каратели взбунтовавшихся масс. Между тем, они отличались от той же массы лишь тем, что зависели от своей должности, поскольку не имели других источников дохода. С одной стороны они были частью государственного аппарата управления и соблюдали некие корпоративные нормы поведения, с другой – им не были чужды общечеловеческие ценности, страхи и сомнения. Но бюрократическое гниение Российской империи нельзя объяснять лишь запоздалыми управленческими решениями императора и его окружения. Очевидно, что эта ментальная проблема России, обусловленная множеством факторов историко-культурного характера. Поэтому изучение данной категории населения в революционном контексте представляется актуальной научной задачей.

Собственно с нравственными противоречиями общества (отсутствием национальной идеи, способной заменить пошатнувшиеся религиозные идеалы) связана следующая актуальная историко-антропологическая проблема – это вопросы воспитания подрастающего поколения. Именно недостатки в данной сфере в конечном итоге привели молодых революционеров к трагедии их юношеского максимализма как в годы реакции, так и позднее – после 1917 г. В этой связи даже незначительные, казалось бы, детали (например, революционеры и мода) указывают на эти размышления. Например, для чего эсдеки и эсеры имели одинаковый стиль одежды? Неужели для решения глобальных задач социального равенства так важны одинаковые шляпы или рубашки-косоворотки? Судя по всему, молодежь остро нуждалась в объединяющей и

---

⁶⁷ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). – М., 2000; Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начала XX в.) по материалам Среднего Поволжья. – М., 2008; Стейнберг М. Меланхолия нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. – М., 2010. – С.202–214.

Казанская губерния и первая русская революция:
историко-методологические аспекты

вдохновляющей идее, отличавшей их от аморфной массы не только внутренне, но даже внешне. То есть на лицо признаки субкультуры – явления чаще всего молодежного, изживаемого с наступлением определенной зрелости мышления. Революция 1905 г. для части молодежи стала неудачным жизненным опытом. Как писал Г.Ибрагимов в годы реакции многие из них потеряли свой революционный дух, лишь немногие остались верны идеалам юности и не ушли в бытовые проблемы.

Помимо рождения новых субкультур, революционные годы подчеркнули остроту так называемого «женского вопроса». В этот период женщины получили право на получение высшего образования. Кроме того, была упрощена паспортная система и процедура развода. Однако моральное «освобождение» женщин происходило в сложнейших условиях борьбы традиционных представлений и идеалов просвещенного общества. Например, во время русско-японской войны сестры милосердия постоянно ощущали на себе агрессию со стороны российских нижних чинов⁶⁸. Поэтому гендерные проблемы нуждаются в детальном анализе, с учетом всего многообразия социально-психологических факторов.

Память о Первой русской революции является еще одной актуальной научной задачей. При этом она усложнена многослойностью данной исторической памяти. События начала XX в. на фоне революций 1917 г. воспринимались уже менее остро. Тем не менее, внимательный анализ огромного массива документов 1920–1930-х гг. (автобиографий и воспоминаний участников, стенограмм встреч старых революционеров и т.п.) может стать основой для любопытных исследований в этой области и откроет новые грани прошлого. Таким образом, в изучении проблем 1905–1907 гг. имеется множество перспективных направлений.

Мы надеемся, что представленный научный труд станет определенной базой для новых исследований по событиям 1905–1907 гг. в Поволжье. Важной особенностью данной работы является то, что мы ориентировались не на современное административное деление, а на историческую область – Казанскую губернию. Для этого были консолидированы ученые силы различных поволжских научных центров, что дало возможность представить наиболее развернутую историческую картину. Концепция данной работы была построена, в первую очередь, с учетом многонационального состава Казанской губернии. Известные вопросы революционной эпохи имели в крае ряд особенностей. Так если русское дворянство губернии и татарская буржуазия вместе с мусульманским духовенст-

---

⁶⁸ Сестры милосердия и владивостокские матросы // Волжский листок. – 1905. – 28 августа. – №265.

вом представляли собой два совершенно разных полюса, то бедные слои населения (крестьянство и рабочие) оказались больше заинтересованы в разрешении материальных проблем, нежели впросов национальной культуры и прогресса.

Поскольку де-факто сословные рамки не играли существенной (объединяющей) роли мы придерживались социально-профессиональной, возрастной и этноконфессиональной стратификации губернского общества. В основе большинства революционных требований – «уважение к личности», но эта просьба в каждой группе приобретала собственные очертания в зависимости от ее материальных и духовных потребностей.

Земледельческие баталии в Казанской губернии с разных точек зрения представили два молодых исследователя – Рустем Батыршин и Елена Миронова. Эти проблемы достаточно детально они изучают давно: Р.Р. Батыршин успешно защитил кандидатскую диссертацию по вопросам реформирования крестьянского землевладения в Казанской губернии нач. XX в., а Е.В. Миронова – по истории казанского дворянства. Авторы акцентируют внимание не только на конкретных действиях дворян и крестьян, но и на их традиционных представлениях и ожиданиях, на ментальных характеристиках.

Были далеки от земледельческих распрей татарские предприниматели и богатое мусульманское духовенство, для них первостепенным являлось признание гражданских прав мусульман, создание культурной автономии. Эту проблематику раскрыл в своей статье известный специалист по истории татарской буржуазии – Радик Салихов. Продолжением данной темы являются его статьи в других разделах монографии. Именно влиянием богатого татарского предпринимательства определялся характер реформирования системы мусульманского образования в Волго-Уралье (параграф о борьбе «кадимизма и джадизма»), однако общественная активность татарских деятелей вскоре вызвала необоснованные подозрения в панисламизме («поиск революционной опасности...»). Но все эти жандармские преследования не помешали развитию татарской светской культуры.

Революционные события традиционно связывались с общественной активностью рабочих. Насколько трудящиеся Казанской губернии были вовлечены в революционную смуту, условия их жизни и труда, взаимоотношения в коллективе – раскрывается в статье Лилии Габдрафиковой. Основная «фокус-группа» исследования – трудовой коллектив алафузовских предприятий в Казани.

Помимо множества проблем экономического, политического, культурного характера, всегда существовал довольно избитый вопрос «отцов и детей». В Российской империи, где десятилетиями

практиковались жесткие методы управления, распространяемые во все сферы жизни, этот вопрос стал настолько болезненным, что превратился в некий нарыв, готовый лопнуть в любую секунду. Каждое новое поколение привносило свое понимание свободы, и эта разница в мировосприятии порождала очередные конфликты. Поэтому в монографии особое внимание уделено проблемам учащейся молодежи, их взаимодействиям с учителями и наставниками.

Открывает раздел статья Ирины Крапоткиной – специалиста по истории управления Казанским учебным округом. Подробный анализ биографий попечителей и их служебных обязанностей дает возможность оценить те или иные действия, управленческие решения руководителя КУО с социально-психологической точки зрения. Представления и роль в революционных событиях «отцов» – казанских профессоров – предмет исследования Людмилы Бушуевой. В область ее научных интересов входит, в первую очередь, повседневность университетских профессоров Казани XIX – нач. XX в., поэтому революционный период в представленной статье анализируется с учетом вопросов частной жизни и ментальных проблем. В фокусе исследования не только преподаватели, но и студенты. Как показывает автор, в университетской жизни профессора и их ученики не всегда являлись оппонентами, в некоторых моментах взгляды интеллигенции (независимо от возраста) были схожими. В отличие от либеральной профессуры, преподаватели и, особенно, руководство средних учебных заведений демонстрировало более традиционные воззрения. Программным установкам и революционной практике казанских гимназистов, реалистов и семинаристов посвящена статья Е.В.Мироновой. Примечательно, что автор использует не только делопроизводственные записи того времени, но и обращается к воспоминаниям участников событий. Пожалуй, основной приметой этих лет было все большее распространение различных социалистических идей в школьной среде. Проблемы в системе мусульманского обучения, в том числе повседневности татарских медресе, анализируются в следующих параграфах данного раздела (Р.Р. Салихов, Л.Р. Габдрафикова).

Общество и власть – тема третьей главы монографии. В условиях революции с одной стороны власти пытались мобилизовать все силы, с другой были несколько растеряны и не всегда знали, как действовать в создавшейся ситуации. Так называемая «Казанская республика» в октябре 1905 г. – апогей событий революции в губернии. Статьи Л.Р.Габдрафиковой показывают настроения разных лагерей: общества и «людей власти». Революционный хаос породил еще и третью силу: агрессивные, хулиганствующие группировки, которые не подчинялись властям и были далеки от основной массы населения.

Казанская губерния и первая русская революция:
историко-методологические аспекты

Органы политической полиции в постреволюционные годы были заняты поисками «внутренних шпионов». В Казанской губернии, половину населения которой составляли мусульмане, основной революционной угрозой был избран «панисламизм». Поиску его агентов были брошены лучшие силы жандармерии. Однако реальная картина жизни мусульман Поволжья сильно отличалась от анонимных доносов тайных агентов. Установке личностей доносчиков и раскрытию внутренних интриг мусульманской общины посвящено исследование Р.Р.Салихова.

Раскол общества (в том числе искусственный, инициированный властями), отсутствие объединяющей идеологии и единых культурных доминант порождало множество различных культур, стержнем которых стала этноконфессиональная идентичность. Рост национального самосознания, развитие национальных культур был связан и с переходом государства от сословных к буржуазным ориентирам. В этой связи стоит отметить такие исторические документы как «Высочайше утвержденные 17 апреля 1905 г. Положения Комитета министров об усилении начал веротерпимости», манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» (Манифест 17 октября), «Временные правила об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г., направленные на укрепление гражданских прав. Нормативно-правовые акты революционной поры дали возможность для раскрытия культурного потенциала различных этноконфессиональных групп.

Феномену «рождения культур» посвящена четвертая глава монографии. Для татар-мусульман, как показывают Л.Р. Габдрафикова и Р.Р. Салихов, данное явление было скорее переформатированием уже сложившихся тюрко-мусульманских традиций с учетом общеевропейского опыта. В то же время именно с этого периода начинается кристаллизация татарской светской культуры на базе народного (некнижного) языка, фольклорных образцов (литературы и музыки), вычленение казанско-татарской культуры из общетюркского контекста.

Схожие процессы происходили в других этноконфессиональных группах Поволжья. Развитию кряшенской культуры и поискам идентичности в этой среде в условиях революции и постреволюционные годы посвящена статья Радика Исхакова – специалиста в области кряшеноведения и по истории православного миссионерства в Волго-Уральском регионе. Именно в условиях веротерпимости стало возможно свободное самоопределение татар-кряшен.

Для марийского народа был актуальным вопрос не о вере, а развитие национальной культуры. История революционной борьбы в Марийском крае и развитие марийской культуры в этот период – предмет исследования Алексея Ошаева, специалиста по общест-

Казанская губерния и первая русская революция:
историко-методологические аспекты

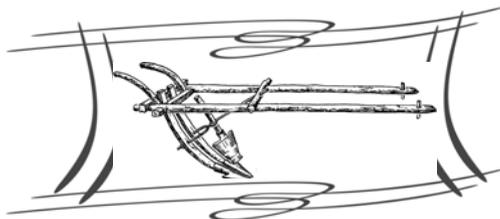
венно-политической ситуации в марийских уездах Казанской губернии в 1905–1907 гг. В его статье дается картина жизни марийского крестьянства, поднимается вопрос о ментальных особенностях мари, раскрываются сюжеты о национальной интеллигенции, первых образцах марийской литературы и прессы.

Подытоживая вышесказанное можно заключить, *«Человек в революции: Казанская губерния. 1905–1907 гг.»* – это исследование о поисках человеком себя в новых условиях, через иллюзии и разочарования, в сомнениях и борьбе.

ГЛАВА 1

«ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ...»: У КАЖДОГО СВОЯ РЕВОЛЮЦИЯ

- 1.1. *«Земля – ничья, земля – божья»: представления крестьян Казанской губернии в эпоху Первой русской революции.*
- 1.2. *«Просвещенное сословие, веками приученное руководить народом...»: дворянство Казанской губернии в 1905–1907 гг.*
- 1.3. *«Проект богачей»: политические аспекты мусульманского единства в 1905–1907 гг.*
- 1.4. *«Братцы бросайте работать, это не ваша фабрика...» (казанские рабочие в 1905–1907 гг.).*

1.1. «Земля – ничья, земля – божья»: представления крестьян Казанской губернии в эпоху Первой русской революции

В начале XX в. Россия оставалась аграрной страной, где большинство населения проживало в деревне. Следовательно, основную часть населения Российского государства составляло крестьянство, достигавшее 85% от его общей численности. В Казанской губернии, по данным всеобщей переписи населения, насчитывалось около 2 млн. крестьян (94,3%)¹. Характерной особенностью Казанской губернии являлся этнографический состав ее населения: русские составляли 833340 человек (38,4%), татары – 675419 (31,1%), чуваша – 502042 (23,1%), марийцы – 122717 (5,7%), мордва – 22187 (1%)². Русское население было широко представлено в Лаишевском (56%), Свияжском (67,6%) и Спасском (57,3%) уездах. Татары населяли преимущественно Казанский (55%), Мамадышский (71,1%) и

---

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. – СПб., 1904. – Т. XIV. – С. VIII.

² Там же. – С. IV–V.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

Тетюшский (50,2%) уезды³. Крестьяне являлись самыми крупными земельными собственниками, владеющими 58,75% удобной земли. Другая часть земли находилась в руках частных владельцев (до 14%), казны (около 26%), удела (0,57%), городов и посадов (0,64%), а также церквей и монастырей (0,35%)⁴.

В ходе реализации крестьянской реформы начала 1860-х гг. значительно изменилось социально-экономическое положение многонациональной деревни Казанской губернии. Крестьяне перестали быть собственностью своих хозяев, получили гражданские права: могли покупать на свое имя землю и другую недвижимость, заключать финансовые и торговые сделки, открывать промышленные и иные заведения, решать свои общественные вопросы на сельском сходе. Изменилось и их отношение к своим земельным наделам. Теперь они получили землю в личную собственность официально и стали именоваться крестьянами-собственниками. Не менее важным явилось и то, что положения о поземельном устройстве удельных (26 июня 1863 г.) и государственных (24 ноября 1866 г.) крестьян, также получивших в личную собственность свои наделы, уравнили правовое положение основных категорий крестьянства.

Крестьянской реформой 1860-х гг. и последующими аграрными преобразованиями были подорваны основания прежних производственных отношений в деревне: натуральное хозяйство, замкнутость и самодовлеющий характер помещичьей вотчины, тесная связь между ее отдельными элементами, власть помещика над крестьянами. В процессе отделения крестьянского хозяйства от государственно-помещичьей латифундии многонациональному крестьянству предстояло выкупить свою землю в полную собственность, помещику – перейти к капиталистической системе хозяйствования, базирующейся на диаметрально противоположных основаниях. Однако необходимо подчеркнуть, что правительственные инициативы, предпринятые в пореформенный период, лишь подорвали прежние аграрные отношения в российской деревне, а не уничтожили их окончательно. В российской деревне еще не сформировались те условия, которые были необходимы для полномасштабного развития капиталистического производства. Для этого требовались специальная категория (класс) людей, привыкших работать по найму, замена примитивного крестьянского инвентаря и индустриализация крестьянского земледельческого производства, организация земледелия, как и всякого другого торгово-промышлен-

---

³ Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. – Казань, 1909. – Вып.13. – С.14–15.

⁴ Подсчитано нами. Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. – Казань, 1909. – Вып.13. – С.214–215.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

ного предприятия, а не как «господского дела». Старая барщинная система была лишь подорвана, а не уничтожена окончательно. Крестьянское хозяйство и после реформы еще не было отделено от помещичьей латифундии, так как в руках помещиков по-прежнему оставалась весьма существенная часть крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водопои, выгоны и прочие угодья. Без этих земель большая часть крестьянства не могла вести самостоятельное хозяйство.

Независимо от того, какими были размеры «отрезков», в любом случае они являлись наиболее верным способом закабаления крестьян помещиками и казной, самой крупной собственницей земельных угодий в губернии. Повсеместно в крестьянские земли вклинивались помещичьи владения, создавая чересполосицу, дальнотелье и ленточное расположение крестьянских земельных наделов.

Необходимо отметить, что в ходе реализации реформы 1866 г. в государственной деревне татарские крестьяне потеряли значительные земельные владения, и в плане обеспеченности землей оказались наиболее обделенными, по сравнению с другими этническими группами сельского населения Казанской губернии. Как следует из анализа земских статистических данных, русским крестьянам (на одну ревизскую душу) в среднем досталось 6,4 дес., мордовским и удмуртским – 6,0 дес., марийским – 5,7 дес., чувашским – 5 дес., татарским – 4,7 дес.⁵ При этом следует иметь в виду, что в течение всего пореформенного периода земельные наделы крестьянских хозяйств губернии неуклонно уменьшались. Так, по нашим подсчетам, в период 1861–1906 гг. земельные угодья татарских крестьян сократились на 46,8%, чувашских – на 42,9%, русских – на 40,4%, марийских – на 38,6%. Средний фактический надел русских крестьян по губернии (на одну ревизскую душу) к концу XIX в. составил 4,6 дес., удмуртских – 5,0 дес., марийских – 4,2 дес., чувашских – 3,6 дес., татарских – 3,2 дес.⁶

В начале XX в. все объективные факторы указывали на то, что земельное население Казанской губернии заметно оторвалось от феодального способа производства и все крепче связывало себя капиталистическими формами хозяйствования. Но вместе с тем оно впервые вкусило все «сладости» этого мучительного затяжного перехода. Все было поставлено на свое место самим ходом экономического развития: с одной стороны, деревня получила возможность стать на более прогрессивный экономический уклад, с другой сторо-

---

⁵ Крестьянское землевладение ... – С.89.

⁶ Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. – Казань, 1896. – С.207.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

ны вследствие укоренившихся феодально-крепостнических пережитков она испытывала глубокий аграрный кризис, сопровождавшейся крайним обнищанием и разорением крестьянства.

Практически вся крестьянская земля Казанской губернии находилась в общинном владении, где право собственности на землю принадлежало не отдельной крестьянской семье, а всей общине. В результате реформы 1861 г. крестьянин теоретически имел право выхода из общины, но только после выплаты выкупных платежей помещикам в течение сорока девяти лет. То есть этот процесс должен был завершиться только в 1920–1930-е гг. Понятно, что крестьян, способных сразу оплатить выкуп, оказалось немного. Кроме того, сама община всячески сопротивлялась выходу из нее наиболее работающих и зажиточных крестьян, поскольку в результате этого она значительно ослабевала. К тому же до 1905 г. само государство поддерживало поземельную общину. Община считалась самой надежной опорой самодержавия в деревне, одним из основных «китов», на котором держался государственный строй России.

Групповое общинное сознание пронизывало все сферы жизни крестьянского сообщества. Это было сознание коллектива людей, связанных между собой не только деловыми отношениями, но и эмоционально, сознание, ориентированное на идущие исстари традиции и идеалы. Для крестьянина его община – это целый мир. Недаром русские крестьяне называли общину миром или обществом. Крестьянин-общинник делил людей на «своих» и «чужих». Причем к категории «чужих» относились не только представители иных сословий, но члены других сельских сообществ. «Мы» и «они» – такое видение окружающего мира являлось порождением общинного локализма и замкнутости.

Основным правом общинника было пользование определенным земельным участком, согласно произведенной общиной разверстке земли. Разверстка осуществлялась по уравнительному принципу землепользования, с учетом изменений в численности отдельных крестьянских семей, наличия мужской рабочей силы, семейных разделов. Осуществление такого землепользования достигалось путем проведения переделов, которые могли быть частными (когда разверстке подлежала только часть общинной земли, предел которой проходил между несколькими домохозяевами) и коренными (в передел поступала вся общинная земля, а участие в разверстке принимали все домохозяева общины). Раздел участков между общинниками проводился по жребию, когда распределялись новые участки, или по взаимному соглашению, когда передел касался ранее распределенных угодий. Уравнительные переделы стали помехой дальнейшему прогрессу сельского хозяйства, тормозили развитие его производительных сил. Они породили сильную дроб-

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

ность крестьянских хозяйств, а вместе с тем хозяйственную неустойчивость и неуверенность в землепользовании. Количество земельных переделов в общинах с конца XIX в. постоянно сокращалось, многие общины или не проводили их, или растягивали сроки между переделами.

Крестьянство переживало страшную земельную тесноту. Всюду ощущалась так называемая «аграрная перенаселенность», избыточность рабочей силы. Было чрезвычайно противоречиво положение: с одной стороны, имелись огромные земельные площади, ждущие своего хозяйственного применения. С другой – острый земельный голод, порожденный условиями помещичьего господства в земледелии и реакционной аграрной политикой царского правительства. Малоземелье крестьянских хозяйств было одной из главных проблем аграрного сектора Казанской губернии: 91,2% сельских общинников имело нищенский земельный надел. По обеспеченности землей крестьяне Казанской губернии находились на одном из последних мест среди черноземных губерний. Так, по данным статистики землевладения 1905 г., в губерниях Европейской России на один крестьянский двор приходилось в среднем 11,1 дес. земли, а в Казанской губернии – 8,8 дес.⁷

Нищета, малоземелье, сословная приниженность, тяготы, связанные с выкупными платежами, крепко привязывали основную массу крестьянства к общине, но в ее недрах зарождался пока еще узкий слой земледельцев, которых стесняли общинные порядки. Активная деятельность и энергия этого слоя требовали свободного проявления личности во всех отношениях. Со временем в сельской общине все более отчетливо устанавливалось противостояние двух типов общинников – традиционного крестьянина, приверженного обычаям отцов и дедов, общине с ее коллективизмом и социальной защищенностью, и нового крестьянина, желающего жить и хозяйствовать на свой страх и риск. Одновременно в крестьянской среде наблюдалось формирование нового типа личности, стремившейся освободиться от власти общины, в результате чего отношения между индивидом и миром часто приобретали конфликтный характер. Внешние проявления этих двух социальных процессов было настолько впечатляющими, что многие современники стали относить общину к пережиточным формам сельской жизни, проявляющим себя в фискально-полицейских функциях и быстро теряющим позитивное значение в крестьянской жизни. Однако начало XX века быстро показало ошибочность подобных взглядов. Все новые яв-

---

⁷ Даишев С.И. Из истории развития капиталистических отношений в деревне Казанской губернии в конце XIX века (по материалам землепользования): Доклад на «Краеведческих чтениях». – Казань, 1958. – С.6.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

ления в пореформенной деревне не изменили глубинных основ крестьянской жизни – ни хозяйственных, ни социальных, ни культурно-нравственных. Для основной массы крестьянских хозяйств община сохранила свое значение гаранта выживания. В условиях же начавшейся революции она обрела роль революционно-демократической организации в борьбе против самодержавно-помещичьего режима.

Начавшийся в 1902 г. в масштабах страны подъем крестьянского движения оказался неожиданным как для самодержавия, так и для политической оппозиции. Многие причины выступлений уходили своими корнями в крестьянское малоземелье. Большинство протестных проявлений крестьянства сопровождалось захватами помещичьих земель, взломом хлебных амбаров и вывозом зерна, поджогами усадеб, часто они носили характер восстаний с открытым сопротивлением полиции и даже войскам. В 1905 г. революционное движение крестьян также началось с захвата хлебных запасов в помещичьих экономиях и распределения их среди населения окрестных сел, которое в очередной раз встретило весну впроголодь. Среди новых и неожиданных черт крестьянского движения в начале XX в. стали радикализм крестьянских настроений и требований. Немаловажным фактором в усилении радикализма было участие крестьянской молодежи в погромном движении. Революция 1905–1907 гг. придавала дополнительное ускорение процессу размывания традиционного уклада крестьянской повседневности, привела к дальнейшему росту преступности в Российской империи, появлению такого феномена, как хулиганство. Серьезный удар был нанесен по авторитету веры во власть отцов, общины, государства. С другой стороны, нельзя отрицать существование серьезных разногласий, раскола по возрастному признаку.

Стоит отметить, что среди молодежи поступки, носившие хулиганский характер, имели место и в XIX в.: встречались драки, праздничатание, сквернословие и т.д. Однако на первое десятилетие XX в., пришелся всплеск хулиганства, в буквальном смысле нарушивший тишину российской деревни⁸. И общественность не могла обойти эту проблему. Начала первой о нем говорить печать правого толка, затем ее эстафету подхватили периодические издания либерального и левого направлений⁹. В Казанской губернии проблема молодежного хулиганства насторожила земских представителей. В этой связи не случайно, что проблему хулиганства в молодежной среде освещал местный земский печатный орган «Ка-

---

⁸ Казанская газета. – 1913. – №2 (13 января). – С.12.

⁹ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. – М., 1992. – С.243.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

занская газета», корреспонденты которого, начиная с 1912 г. приступили к активной публикации материалов, посвященных так называемому «феномену хулиганства».

Судя по отдельным анкетным материалам, в начале XX в. хулиганство стало явлением, достаточно сильно беспокоившим население, имевшим «злостный» характер, и приносившим значительный урон¹⁰. Так, в словах жителя Спасского уезда буквально слышался крик души: «Добрые люди! Пожалейте, наконец, и деревню. Неужели нельзя найти какой-либо способ для того, чтобы усмирить хулиганов»¹¹. При этом крестьянин Тораевской волости Ядринского уезда сравнивал многочисленные хулиганские поступки молодежи с концом света¹². Согласно анкетным данным, наиболее активно хулиганство распространялось в деревнях с русским населением. Так, данные по 11 уездам Казанской губернии позволяют говорить о наличии хулиганства в 58 русских селениях. Тем не менее, поступки девиантного характера начали проникать и в деревни других народов Казанской губернии: они были отмечены в 24 чувашских селениях, в 13 – марийских, в 11 – татарских и 1-м – мордовском¹³.

Известный юрист и общественный деятель К.В. Лаврский в своем очерке «Новый путь» отмечал, что «благодаря встряске освободительного движения, как-то сразу выросло критическое отношение ко всему социальному строю, и народился скептицизм по отношению ко всему традиционному». Он напомнил, что «и прежде русский народ был склонен к критицизму», приводящему его «обыкновенно к сектантству, в недрах которого деревенский человек снова находил некоторые готовые нравственные устои, нередко крепче уставленные, чем в недрах господствующей церкви». Причем, по его словам, к началу XX в. критика и скептицизм приводили «молодое поколение деревни к какому-то самобытному нигилизму, а этот последний – к нравственной распущенности. [...] Сдерживающее влияние традиции почти совсем исчезло, а облагораживающего влияния среды в деревне и раньше не было. Религия всецело заменилась обрядностью»¹⁴. Таким образом, появление хулиганских поступков связывалось также с несогласием молодежи со старой моралью отцов и дедов, т.е. в этом была отражена идея социального переворота в деревне.

Возвращаясь к событиям Первой русской революции, необходимо отметить, что только в 1906 г. в Казанской губернии было отме-

---

¹⁰ Казанская газета. – 1906. – №28 (3 июля). – С.9.

¹¹ Казанская газета. – 1913. – №17 (28 апреля). – С.15.

¹² Там же – 1913. – №2 (13 января). – С.12.

¹³ Там же. – 1913. – №2 (13 января). – С.12–14.

¹⁴ Лаврский К.В. Новый путь. – Казань, 1911. – С.2–3.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

чено 148 крестьянских выступлений¹⁵. Согласно данным Д.И. Люкшина, базирующимся на жандармской статистике, в 1906–1907 гг. в губернии было зафиксировано 43 случая крестьянских волнений¹⁶. Наиболее активные выступления происходили в Свияжском, Спасском, Тетюшском, Чебоксарском и Чистопольском уездах, где преимущественно проживало русское и чувашское население. Основными видами неповиновения были: порубки леса, оказание сопротивления властям – по 6 случаев, поджоги – 5¹⁷. Помимо ярко выраженных радикальных проявлений крестьянского движения периода Первой российской революции, отдельные его формы носили мирный характер (участие сельчан в деятельности Всероссийского крестьянского союза, проведение в деревне политических демонстраций, создание организаций военно-политического характера и др.). Но наиболее массовой среди них в стране являлось «приговорное» движение, которое стало своеобразной визитной карточкой этого периода¹⁸, оставившее после себя, как отметил американский исследователь Э.М. Вернер, уникальные в своем роде источники¹⁹, позволяющие проанализировать многие элементы системы социальных представлений российского крестьянства начала XX в.

В отечественной историографии под «приговорным» движением принято понимать процесс принятия на сельских или волостных сходах, а также разного рода собраниях и митингах, документально оформленных крестьянских обращений, содержащих в себе помимо местных, социально-экономические и политико-правовые требования общегосударственного характера. Подобные обращения, имевшие форму приговоров, наказов, прошений, петиций, заявлений, постановлений, резолюций, писем, телеграмм и т.д., именуются собирательными терминами приговор или наказ²⁰. Они предназначались для отправления различным политическим партиям и организациям, в редакции газет, правительственные инстанции и т.д.

---

¹⁵ Циунчук Р.А. Революция 1905–1907 гг. в России // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2010. – Т.5. – С.47–48.

¹⁶ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М., 2006. – С.50.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начала XX в.) по материалам Среднего Поволжья. – М., 2008. – С.339.

¹⁹ Вернер Э.М. Почему крестьяне подавали прошения, и почему не следует воспринимать их буквально (По материалам Юрьевского уезда Владимирской губернии во время революции 1905 года) // Менталитет и аграрное развитие России... – С.194.

²⁰ Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания – зеркало крестьянского менталитета 1905–1907 гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX). Материалы международной конференции. – М., 1996. – С.175.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

Следует напомнить, что началу «приговорного» движения положил указ Николая II правительствующему Сенату от 18 февраля 1905 г., который предоставил право всем «верноподданным» подавать «виды и предложения» на «высочайшее» имя «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния»²¹. Указ вызвал целый поток крестьянских приговоров и наказов от сельских и волостных сходов из всех уголков Российской империи.

Основные этапы приговорного крестьянского движения связаны с вышеупомянутым указом от 18 февраля 1905 г., организацией и деятельностью Всероссийского крестьянского союза (конец лета – осень 1905 г.), с выборами и деятельностью I Государственной думы (весна – лето 1906 г.), II-й Государственной думы (зима – весна 1907 г.). С различной степенью полноты приговоры и наказания раскрывают экономическое и социально-политическое положение крестьянских масс, многообразие конфликтных зон повседневной деятельности, конкретные причины и поводы для народного недовольства и протеста, социальной агрессивности. Содержание большинства документов комплексное, в них сочеталось политическое и экономическое, общественное и бытовое, всероссийское и местное, революционное и мирное. Они выявляли крестьянский кругозор, в них аккумулировалось общественное сознание и настроение российского крестьянства.

Наибольшую активность «приговорное» движение в Казанской губернии имело в период с середины 1905 г. по середину 1906 г. Большинство «приговоров» и «наказов» приходилось на долю русского населения губернии, из числа бывших помещичьих или государственных крестьян.

Центральной темой в текстах приговоров, является описание удручающего экономического положения крестьянства. Так, из текста приговора крестьян с. Каинки Свяжского уезда следует, что неурожай 1905 г. усугубил и без того неблагоприятную экономическую ситуацию на селе. В этой связи крестьяне требовали: во-первых, приостановить с них сбор податей и других повинностей до наступления урожайного года; во-вторых, немедленно, а не после нового года (как «грозил» волостной старшина) выдать всем без исключения продовольствие из запасного магазина; в-третьих, получения дров на отопление, так как обычного топлива – ржаной соломы в связи с неурожайным годом у них не было²². Не стеснялись выразить свое недовольство крестьяне края в связи с ситуа-

---

²¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание III (Далее ПСЗ-III). – СПб., 1908. – Т. XXV, №25853. – С.133.

²² Волжский вестник. – 1905. – №4 (11 ноября). – С.2.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

цией вокруг своего хозяйства. В частности, констатировалась его подавленность «малоземельем», огромными денежными налогами, а также взимаемой с них арендной платой²³.

Основное требование крестьянства – полная ликвидация помещичьей земельной собственности, передача всех конфискованных помещичьих и прочих (монастырских, удельных и т.п.) земель в пользование народу с соблюдением принципа равного права на землю для тех, кто на ней трудится, без всякого вознаграждения помещиков со стороны крестьян. Словом, земля должна быть общей, а пользоваться ею должен тот, кто сам ее обрабатывает (семьей и без использования наемного труда). Справедливость этого решения была признана и разногласий по этому вопросу в приговорах и наказах практически нет. Апеллируя к «высшей справедливости», авторы многих приговоров категорически высказывались против частной собственности на землю. «Земля – ничья, земля – божья», – писали крестьяне. Или, как говорилось в одном из приговоров, «земля – Дар Божий»²⁴. Идеи насчет «божьей», «ничьей» земли и «трудового начала» при ее распределении были основными составляющими крестьянского менталитета изучаемого периода, его моральным постулатом и программной установкой.

Поскольку отношение крестьянства к школе было неоднозначным, совершенно уникальным явлением в «приговорах» и «наказах» крестьян выступает требование введения всеобщего бесплатного обучения. Крестьяне Казанской губернии выступали за обязательное образование, предоставление земским и церковно-приходским школам для этого материальных средств²⁵, просили немедленной помощи со стороны правительства и земства крестьянским детям, чтобы их «в школах учили всему тому, чему учат детей богатых родителей»²⁶. В петиции с. Каинки Свияжского уезда отмечалось, что в ситуации, когда большинству крестьянских детей приходилось жить в городах у чужих людей – одной начальной школы оказывалось недостаточно. Поэтому, наравне с детьми других сословий, для крестьянских детей должна была быть предоставлена возможность учебы во всех существовавших на то время типах средних и высших учебных заведений на бесплатной основе²⁷. Мусульмане Казанской губернии в своих прошениях по поводу образования высказывали следующие предложения: а) в каждой школе должен быть отдель-

---

²³ Волжский листок. – 1905. – №338 (20 декабря). – С.3.

²⁴ Волжский курьер. – 1906. – №99 (17 июня). – С.3.

²⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1797. Л.3–5.

²⁶ Волжский вестник. – 1905. – №4 (11 ноября). – С.2.

²⁷ Волжский вестник. – 1905. – №24 (7 декабря). – С.4; Там же. – №30 (13 декабря). – С.4; Там же. – 1906. – №50 (29 января). – С.4; НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2340. Л.26.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

ный учитель, которым мог быть и мулла в случае наличия у него свободного времени; б) в каждом районе учредить должность заведующего мусульманскими школами; в) обязательное начальное образование на родном языке; г) деньги собираемые земством с мусульман, должны идти на мусульманские школы; д) изучение русского языка в школе не должно быть обязательным; е) в каждой губернии и уезде должно быть достаточное количество начальных и средних учебных заведений²⁸. Таким образом, представители татарской интеллигенции и крестьян в области образования выступали за взаимодействие религии и образования, развитие мусульманского образования в России.

В приговорах крестьян не упускался из вида и вопрос о доступном медицинском обслуживании. В вышеупомянутой петиции крестьян с. Каинки, приводится пример, когда врач в некоторых участках мог жить в 30–40 верстах от отдельных деревень. В весеннюю и осеннюю распутицу это означало фактическое отсутствие доктора. Ввиду этого крестьяне высказали пожелание о назначении медицинского персонала в каждой волости²⁹.

Что касается требований, затрагивающих интересы мусульманского населения Казанской губернии, то среди них следует выделить: 1) необходимость ведения переписки с мусульманским населением на татарском языке; 2) совместное согласование издаваемых правительством законов; 3) учреждение временной комиссии при Духовном собрании для выработки программы для всех мусульманских школ³⁰.

Анализ приговоров и наказов 1905–1907 гг. показывает, что менталитет крестьянства того времени был направлен к пересмотру всех устоев общественно-экономической и политической жизни страны: от скорейшего осуществления земельных преобразований в смысле удовлетворения крестьянской нужды в земле до широкой демократизации всего государственно-политического строя России.

Важным этапом в формировании общественно-политических интересов крестьянства в период Первой русской революции было опубликование императорского Манифеста от 17 октября 1905 г. и начало работы Государственной думы. До 1905 г. в России отсутствовал какой-либо представительный законодательный орган. Его появление ускорила начавшаяся зимой этого года революция. Манифестом от 6 августа 1905 г., император Николай II учредил Государственную думу, как «особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение

---

²⁸ Волжский листок. – 1906. – №371 (4 февраля). – С.3.

²⁹ Волжский вестник. – 1905. – №4 (11 ноября). – С.2.

³⁰ Волжский листок. – 1906. – №371 (4 февраля). – С.3.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов»³¹. 11 декабря 1905 г. вышел в свет избирательный закон, который регламентировал избирательную кампанию в I Государственную думу. Для крестьян устанавливались четырехступенные выборы: 1) сельский сход; 2) волостной сход; 3) съезд уполномоченных от волостных сходов (по 2 крестьянина от каждого схода); 4) выборщики, избранные этим съездом в губернское избирательное собрание³². Таким образом, сначала крестьянский сельский сход избирал уполномоченных на волостной сход, затем волостной сход избирал на съезд двух выборщиков, после чего на съезде избирались выборщики в губернское избирательное собрание. В губернском избирательном собрании выборщики от крестьян выдвигали из своего круга одного члена Государственной думы, после чего все собрание избирало остальных депутатов думы.

Первые известия о Государственной думе крестьяне Казанской губернии стали получать еще летом 1905 г. благодаря газетам, в которых печаталась информация о новом государственном органе. Будущий созыв Государственной думы вызвал у большинства крестьян воодушевление, поскольку на этот представительный орган они возлагали огромные надежды. Что касается вопроса о кандидатах в депутаты Думы от крестьян, то здесь сельские жители придерживались разных позиций: например, предлагали отправить из своей среды человека, который адекватно представлял ситуацию в деревне (чтобы знал крестьянскую жизнь «от чашки до ложки»), или человека «пофартовее» и т.д.³³

На период весна-лето 1906 г. (время деятельности I Думы) приходится максимальное количество приговоров и наказов крестьян, направленных депутатам. Согласно общероссийским данным, приведенным в монографии Л.Т. Сенчаковой, всего в адрес Государственной думы I созыва поступило свыше 4000 коллективных заявлений и приговоров волостных и сельских сходов³⁴. В Казанской губернии самыми активными в плане составления петиций на имя Государственной думы и ее депутатов были крестьяне Чистопольского и Тетюшского уездов (8 и 9 приговоров соответственно, из 26 со всей губернии). В большинстве петиций основное внимание было уделено политическим требованиям. Среди разнообразия политических обращений, одним из приоритетных для селян

---

³¹ ПСЗ-III. – СПб., 1908. – Т. XXV, №26656. – С.637–638.

³² ПСЗ-III. – СПб., 1908. – Т. XXV, №27029. – С.877–882.

³³ Крестьянин И.Л. [Лаврентьев И.Е.] Выборы от крестьян в Казанской губернии // К 10-летию 1-ой Государственной думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916. – Пг., 1916. – С.16.

³⁴ Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905–1907 гг. (по материалам центральных губерний). – М., 1994. – С.45, 47.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

являлась реализация в жизнь указанных в царском Манифесте от 17 октября 1905 г. уравнение в правах и установление демократических свобод. Более половина из этих документов содержит требование о политической амнистии, отмене смертной казни, ведении всеобщего избирательного права на основе 4-членной формулы и полной, неограниченной свободы печати, как «необходимой выразительницы» крестьянских нужд³⁵.

Наличие политических требований в «приговорной» практике не позволяло говорить об их вызревании в крестьянском сознании путем длительного периода внутренней мировоззренческой эволюции. Они были привнесены извне, носили поверхностный относительно ментальности характер. Косвенным подтверждением вышесказанного является создание документов «приговорного» движения Казанской губернии в так называемый «думский» период (весна-лето 1906 г.). Иными словами активизация данной формы социальной динамики объясняется вызовом, исходящим извне, и связана с началом деятельности создаваемого органа власти, а также с представлениями деревни о функциональном предназначении Государственной думы. Мотивов, объясняющих коллективное волеизъявление крестьян, можно выделить несколько, но общей их основой будут служить традиции и привычки, сформированные в процесс тысячелетнего воспроизводства родового сознания. Исследование целого комплекса источников по «приговорному» движению в Казанской губернии в 1905–1907 гг. позволяет сделать вывод лишь о начальном этапе размывания архаичного идеала власти и усвоения новых ценностных установок в мировоззрении всего крестьянства в целом.

Подводя итоги, необходимо отметить, что мифологизированный образ земли, бесспорно, занимал особое положение в системе социальных представлений крестьянства Казанской губернии, поскольку на протяжении нескольких столетий наличие свободных земель для внутренней и внешней колонизации являлось главной гарантией сохранения жизнеспособности общинного мироустройства. И петиционные кампании в адрес Государственной думы были своего рода обращением в защиту привычных для крестьян условий жизнедеятельности. Это становится очевидным в контексте трактовки природы крестьянского хозяйства как потребительской, при которой интенсивность трудовых затрат имела циклический характер. Поэтому крестьянство скептически относилось к аграрным преобразованиям. Присутствие архаики в сознании крестьянина начала XX в. самым непосредственным образом проявлялось во всех сферах повседневной жизни, порождая ряд особенностей социального поведения и мировосприятия.

---

³⁵ Волжский курьер. – 1906. – №89 (6 июня). – С.3.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

1.2. «Просвещенное сословие, веками приученное руководить народом...»: дворянство Казанской губернии в 1905–1907 гг.

Начавшаяся в 1905 г. революция не была для местного дворянства полной неожиданностью, но, несомненно, стала огромным потрясением. Уже в ходе русско-японской войны стала видна слабость правительства. «На войне было плохо. Японцев мы не только не закидали шапками, но и сами от них терпели поражения. Набор за набором отправлялся на Дальний Восток, чтоб больше не вернуться»³⁶, – с тревогой писала в своих воспоминаниях сестра известного казанского общественного деятеля Александра Боратынского Ксения. Несмотря на верноподданнические адреса, посылаемые дворянством, очевидно было, что общество не разделяет целей войны, растут антиправительственные настроения. Так, в своих воспоминаниях земский деятель Н.А. Мельников описывает свои мысли в ноябре 1904 г.: «А, между тем, в стране не по дням, а по часам растет недовольство и, если не выступят земцы, как действительные представители значительной и организованной части общественности, то можно ждать других, и очень опасных, выступлений»³⁷.

Серьезные столкновения с крестьянами происходили еще во время голода 1891–1892 гг., в конце 1890-х гг., в начале 1900-х, когда случались самовольные порубки леса, захват сена, были прецеденты вооруженных столкновений. Поэтому к 1905 г. помещики уже имели опыт самообороны.

Местное дворянство можно рассматривать в целом как класс, о взглядах которого мы судим по высказываниям в земском и дворянском собраниях. Однако мемуары позволяют осветить взгляд на события столетней давности, где зачастую преобладали личные интересы. Дворянам, которые разбирались в политике, представ-

³⁶ Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М., 2007. – С.282.

³⁷ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (1898–1916): (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола, 2008.– С.103.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

лялась следующая ситуация. Социал-революционеры вели активную агитацию среди крестьян, призывая их к погромам частновладельческих усадеб, захвату земель и лесов и т.д. Например, Н.А. Мельников отмечал, что они используют «флаг и имя крестьянства» для воздействия на власть, но при этом не имея ничего общего с «настоящим, рядовым крестьянством»³⁸.

В целом, дворянство в лице деятелей местного самоуправления заняло активную позицию, выступив единым фронтом в поддержку самодержавия. Накануне революции казанское дворянство выступало за неограниченную монархию, но после того, как сама власть пошла на ограничение своих полномочий, позиция дворян изменилась.

Русско-японская война (1904–1905) и первая российская революция (1905–1907) сыграли роль катализатора в консолидации помещной элиты. Дворянские организации Казанской губернии приняли непосредственное участие в создании всероссийского объединенного дворянского органа. На заседаниях депутатских и чрезвычайных губернских дворянских собраний шла подготовительная работа – обсуждались вопросы, связанные с возбуждением ходатайств о разрешении периодических съездов губернских предводителей в одной из столиц для коллективного рассмотрения сословных нужд³⁹, с избранием депутации, обсуждением программ предстоявших совещаний, ассигнованием средств на организацию съездов и даже предлагалось выработать программу всероссийского дворянского органа печати⁴⁰. Впоследствии на рассмотрение членов Казанского губернского дворянского собрания стали выноситься доклады депутатов о поездке и принятые съездом резолюции⁴¹.

Первая русская революция и появление на свет в 1905 г. рескрипта 18 февраля, допускавшего народное представительство, закона 6 августа о думских выборах, Манифеста 17 октября о созыве Государственной думы придали деятельности общедворянских съездов ярко политическую окраску. Обсуждение вышеназванных документов было проведено на совещаниях в Москве (13 марта, 24 апреля, 28 декабря 1905 г.) и в Санкт-Петербурге (12 июня 1905 г.). В этой работе приняли участие дворянские депутации от Казанской губернии.

---

³⁸ Там же. – С.106.

³⁹ НА РТ. Ф.350. Оп.2. Д.627. Л.13об.

⁴⁰ Журналы Казанского очередного губернского собрания дворянства в сессию 1905 г. – Казань, 1906. – С.59.

⁴¹ Например: Отчет казанской депутации, принимавшей участие на съезде губернских предводителей дворянства в Москве 24 апреля 1905 г., посланной согласно постановлению чрезвычайного Казанского губернского дворянского собрания 21 апреля и доложенной экстренному собранию 1 июня 1905 г. – 22 с.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

Указ от 18 февраля 1905 г. и последующие нормативно-правовые акты активизировали общественно-политическую деятельность дворянских обществ всех регионов Российской империи, приступивших к немедленному их рассмотрению и выработке собственных предложений, основное внимание в которых было уделено принципам формирования нового учреждения. В Казанской губернии дворянство проводит внеочередной съезд менее чем через месяц после объявления рескрипта, когда в городах и уездах еще не было беспорядков. Так, Н.А. Мельников отмечал, что «было пока спокойно, по крайней мере, с внешней стороны, хотя агитация на заводах и в деревнях усиливалась с каждым днем»⁴².

Первоначально собрание созывалось лишь для принесения благодарности государю за указ 18 февраля, но дворянин К.А. Юшков «загипнотизировал» дворянство своими речами о необходимости объединения дворянства, чтобы остановить аграрное движение, уже начавшееся на юге страны, но грозившее всему отечеству⁴³. Поэтому повестка была расширена вопросами об избрании комиссии, которая бы определила способ выбора представителей в будущий представительный орган, а также стоит ли ходатайствовать перед императором о скорейшем осуществлении положений рескрипта только казанской депутацией или дожидаться встречи с ним всех представителей дворянства.

В комиссии обсуждались не только вопросы, связанные со способом избрания, но создавались целые проекты будущего устройства представительного органа. Было создано две подкомиссии, одна из которых рассматривала вопрос об избрании народного представительства на профессионально-классовой основе, а другая – на принципе всеобщего равного избирательного права. Первая подкомиссия основывалась на проекте В.В. Ивановского, предусматривавшего двухпалатную думу, нижняя палата которой состоит из 631 представителя: 227 от земледелия, 119 от промышленности и торговли, 119 от ремесел и рабочего класса, 122 от свободных профессий, чиновников и духовенства и 44 от окраин, избираемых по указанным классам отдельно, и предусматривавший определенный имущественный ценз для избирателей. Во вторую предоставили записки А.В. Васильев, М.М. Хвостов и В.Н. Ивановский. В этих проектах, сведенных воедино, не было имущественного ценза, разделения по сословиям и классам, в будущем предполагалось прямое голосование, но, учитывая определенные трудно-

---

⁴² Мельников Н.А. Указ. соч.– С.105.

⁴³ Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства 12 марта и 21 апреля 1905 г. – Казань, 1905. – С.18.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

сти, на 2–3 срока предлагалось ввести двухстепенные выборы⁴⁴. Большинство голосовавших (22 из 40) высказалось за избрание уполномоченных на началах профессионально-классового избирательного права. По вопросу о правах и функциях представительства были приняты резолюции о праве законодательной инициативы с утверждением монархом (за 16, против 6), полном контроле над финансовым хозяйством страны (единогласно) и контролем над законностью действий администрации (все, кроме одного)⁴⁵. Помимо того, было принято решение о включении в состав создававшегося органа крестьян, свободно избранных ими самими (большинством против 1 голоса). В ходе обсуждения также прозвучал тезис о необходимости обеспечить особое представительство от дворян, однако этот вопрос на голосование поставлен не был⁴⁶.

Труды комиссии предназначались для известной комиссии Булыгина, работавшей в то время, но собрание приступило к разбору трудов только в июне, когда комиссия практически окончила свою работу. В итоге, они послужили как основа для разработки программы депутату от дворянского собрания на съезд 12 июня в Петербурге.

Нужно отметить, что это была позиция незначительной части казанского дворянского общества, поскольку к разработке темы, а затем и к голосованию по ней были допущены лишь крупнопоместные дворяне⁴⁷. Им же предстояло избрать из своей среды делегатов на всероссийский дворянский съезд, назначенный на 24 апреля 1905 г. Ими стали Д.П. Арцыбашев, В.В. Марковников и А.Н. Боратынский⁴⁸.

По возвращении их из Москвы было создано чрезвычайное дворянское собрание. Как отмечает газета «Волжский листок», оживленные прения на заседаниях вызвал доклад о рескрипте от 18 фев-

---

⁴⁴ Записка подкомиссии по вопросу об организации народного представительства, основанной на принципе всеобщего равного избирательного права // Труды комиссии, избранной чрезвычайным Казанским губернским собранием дворянства 12 марта 1905 г., по вопросу о народном представительстве. – Казань, 1905. – С.3.

⁴⁵ Постановление и краткий свод мнений комиссии по вопросу о народном представительстве // Труды комиссии, избранной чрезвычайным Казанским губернским собранием дворянства 12 марта 1905 г., по вопросу о народном представительстве. – Казань, 1905. – С.10.

⁴⁶ Труды комиссии, избранной чрезвычайным Казанским губернским собранием дворянства 12 марта 1905 г., по вопросу о народном представительстве. – Казань, 1905. – С.119; Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства 12 марта и 21 апреля 1905 г. – Казань, 1905. – С.23–25.

⁴⁷ Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства 12 марта... – С.12, 15.

⁴⁸ Отчет казанской депутации, принимавшей участие на съезде губернских предводителей дворянства в Москве 24 апреля 1905 г. ... – С.6.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

раля⁴⁹. Взгляды членов губернского дворянства относительно характера проведения выборов в представительный орган претерпели изменения, при повторном обсуждении этого вопроса обнаружилось еще большее расхождение взглядов. Кн. А.А. Кропоткин призывал обратиться к идее соборности, когда все, «вне зависимости от условий и положений будут самоуравниваться во имя правды»⁵⁰. Схожую точку зрения высказал А.И. Якобий, пожелавший возродить Земский собор, результатом чего, по его мнению, должны были стать т.н. соединенные Русско-Славянские штаты⁵¹. Д.А. Корсаков полагал, что в представительстве должна учитываться не только сословная принадлежность, но и национальность⁵². А.Н. Боратынский и В.В. Марковников представили отдельное мнение по этому вопросу: «По нашему убеждению, в основание организации народного представительства должно быть положено исторически развивающееся в нашем государстве земское начало...»⁵³.

В итоге расклад голосов был следующий: за земскую губернскую систему высказались 47 дворян против 55, за сословную – 63 против 26, за всеобщую, равную, прямую и тайную – 15 против 77⁵⁴. Налицо был численный рост сторонников сословного принципа при незначительном увеличении приверженцев территориального. Одновременно обозначались группа голосовавших за демократические выборы⁵⁵. Надо отметить, что предложение о земстве как основной избирательной единице, по-видимому, поступило от А.Н. Боратынского, который был ярким сторонником шиповского земско-городского меньшинства⁵⁶. «Местные» проекты такого варианта избирательной системы не предусматривали, но, как мы видим, такой подход всё же завоевал симпатии довольно большого количества дворян.

Земские собрания также показывали политические воззрения дворян, поскольку они занимали руководящие посты в земстве и направляли ход дискуссий на заседаниях. Еще в ноябре 1904 г. в Петербурге прошел общеземский съезд, который высказался за демократические права и свободы, уравнивание всех граждан, вве-

---

⁴⁹ Волжский листок. – 1905. – № 163. – С.3.

⁵⁰ Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства 1–3 июня 1905 г., 16–20 февраля. – Казань, 1906. – С.23.

⁵¹ Там же. – С.25; Якобий А.И. Устав Земского собора XX века или Всероссийская дума. – Казань, [б.г.]. – С.17–21.

⁵² Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства 1–3 июня 1905 г., 16–20 февраля. – Казань, 1906. – С.25.

⁵³ Боратынский А.Н., Марковников В.В. Отдельное мнение об организации представительства и выборного начала в России. – Казань, [б.г.]. – С.2.

⁵⁴ Волжский листок. – 1905. – № 199. – С.6.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Алексеев И.Е. Под сенью царского манифеста (умеренно-монархические организации Казанской губернии в начале XX века). – Казань, 2002. – С.12.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

дение народного представительства с законодательными функциями. Тогда Казанское губернское земское собрание осудило съезд и высказалось против законодательного органа⁵⁷. Но после указа 18 февраля земцы были вынуждены перейти к обсуждению данного вопроса. 2–3 июля 1905 в Казани собралось губернское земское собрание, что избрать депутацию на совещание земских деятелей в Москве 6 июля для обсуждения вопросов, связанных с народным представительством. При этом главным предметом обсуждения, как и в дворянском собрании, стал вопрос о системе выборов в народное представительство. Но земские деятели ориентировались не на проекты, разработанные представителями Казанской губернии, а на решения московских совещаний земских деятелей 22 апреля и 22 мая. На первом из них победили сторонники либеральных преобразований, которые отстаивали следующие положения: а) необходимы выборы представителей от населения путем всеобщей, равной и тайной подачи голосов; б) выборы от населения должны быть прямыми, т.е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имеющими активное избирательное право; в) наряду с представительным собранием, избираемым путем всеобщего и прямого голосования, должно быть образовано особое представительство от реорганизованных на демократических началах и распространенных на всю Россию органов местного самоуправления⁵⁸. Эти решения на казанском собрании отстаивали А.В. Васильев, В.П. Куприянов и В.П. Геркен. На совещании 22 мая преимущество получили «шиповские» идеи, согласно которым народное представительство должно стать продолжением русского земского собрания, а в ее основе будет лежать новая мелкая земская единица, которая явится путем реформирования современного земства, в основном, касающихся крестьянского быта. До этой реформы предлагалось ограничиться существующими уездными и губернскими земскими учреждениями по Положению 1864 г., но чтобы в земства были допущены женщины и местные деятели, не владеющие имущественным цензом, путем привлечения к платежу подоходного или квартирного налогов⁵⁹.

Собрание поддержало Боратынского и постановило, что народное представительство должно иметь основанием местное земское самоуправление, реорганизованное на широких началах в смысле возможности доступа в него всему местному населению. На совещание 6 июля были командированы П.И. Геркен, А.Н. Боратынский, Н.А. Мельников, В.Н. Белькович, Ю.В. Трубников.

---

⁵⁷ Мельников Н.А. Указ. соч. – С.8.

⁵⁸ Казанский телеграф. – 1905. – №3753. – С.3.

⁵⁹ Там же.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

А.В. Васильев, В.П. Куприянов и В.П. Геркен были забаллотированы. Сословная и классово-групповая система выборов были отвергнуты еще в начале собрания.

До Манифеста 17 октября деятельность дворян состояла в обсуждении будущего устройства думы и давлении на правительство с целью скорейшего созыва народного представительства. Но затеянное с размахом составление проектов по устройству парламента, не получило должного воплощения. В «булыгинскую комиссию» они, видимо, так и не попали, и послужили лишь наказом для депутата на совещании губернских представителей дворянства. Но в ходе обсуждений становятся заметны политические воззрения разных групп дворян. Те, кто высказывались за профессионально-классовую и земскую системы выборов, представляли собой умеренно-монархическое и правое крыло дворянства, а сторонники всеобщих, прямых и равных выборов в основном были либерально настроенными дворянами. К первым можно отнести П.И. Геркена, А.Н. Боратынского, В.В. Молодцова, М.И. Догеля, ко вторым В.П. Куприянова, А.В. Васильева, В.Н. Ивановского (потом отметить, что не всё так просто и некоторые голосовавшие так были представителями консервативных кругов и наоборот). В земском собрании крайне правым не нашлось места, поэтому здесь противостояли друг другу либералы и умеренные монархисты. Тот факт, что даже в условиях межсословного (хотя и при главенствующей роли дворянства) земского представительства сторонники всеобщих, равных и прямых выборов потерпели поражение, говорит о непопулярности в дворянской среде губернии такой избирательной системы.

Все эти совещания проходили на фоне вооруженных столкновений. Дворянка К.Н. Боратынская писала, что в день обнародования Манифеста 17 октября, по телефону из города поступали «ужасные известия», которые тогда казались «как гроза, разразившаяся среди ясного дня»⁶⁰. Так, после манифестаций и приветствий с бросанием шапок и криками «ура» в здании Пассажа собрался митинг, в ходе которого была брошена первая бомба, что послужило сигналом, и казаки открыли залп, началась перестрелка. Боратынская выехала из деревни в Казань, чтобы самой увидеть происходившее. В столице дворянка застала следующую картину: «...это всеобщая забастовка: электричество на улицах не горело, почта и телеграф не действовали, водопровод был заперт... Патрули казаков ездили по городу и разгоняли всякое скопление народа»⁶¹. С чувством глубокого сожаления о происшедшем Боратынская писала: «Оказывается, губернатор, получил его еще вче-

---

⁶⁰ Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М., 2007. – С.311.

⁶¹ Там же.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

ра, и вместо того, чтобы тотчас его обнародовать и отозвать казаков, он продержал его неизвестно для чего в тайне, предоставляя казакам и толпе стрелять друг в друга...»⁶². Другой свидетель событий Н.А. Мельников, писал: «Никто ничего не понимал и не мог ни в чем разобраться. Большинство обывателей предпочло прячется по домам, но многие ходили по улицам...»⁶³.

Смысл Манифеста поначалу был неясен даже для образованного дворянства. К примеру, Мельников отмечал: «Лично меня редакция Манифеста не удолетворила. В нем, как мне казалось, было много неясностей и отпечатков вымученных компромиссов. Неясно было главное, остается Самодержавие или нет»⁶⁴.

Несмотря на происходившие события, на чрезвычайные губернские собрания, проходившие в годы революции, дворянства являлось относительно немного представителей, около 40, хотя на других собраниях могло собираться больше сотни участников. Это говорит о том, что большинство даже крупнопоместного дворянства, которое имело право участвовать в заседаниях, было политически неактивно даже во время революции и предпочитали обсуждать дела местные, не задумываясь о влиянии общероссийских политических процессов на их жизнь. Впрочем, и аграрные беспорядки – основной бич помещиков в революцию – задела Казанскую губернию лишь краем, что, видимо, и повлияло на активность местных дворян. Так, за октябрь-ноябрь 1905 г. саратовские землевладельцы понесли убытки на 9550 тыс. рублей, самарские 3915 тыс., а казанские лишь на 75 тыс. рублей⁶⁵.

В среде дворянок революция воспринималась как нечто абстрактное, и им казалось, что проблемы, которые ее вызвали, могли быть легко решены, например, путем отречения от собственности в пользу крестьян. Так, дворянка О.А. Ильина в автобиографическом романе «Канун Восьмого дня» приводит высказывание своей тети Екатерины: «Как можем мы, окруженные всякой роскошью, сидеть и смотреть на их бедность без того, чтобы отдавать им все, что можем, и при этом называть себя христианами?»⁶⁶.

Вопреки чаяниям членов Казанского губернского дворянского собрания, общим мнением совещаний, состоявшихся в Москве в 1905 г., стала необходимость предоставления создававшемуся учреждению достаточно широких полномочий – права обсуждения

---

⁶² Там же. – С.313.

⁶³ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе... – С.121.

⁶⁴ Там же. – С.122.

⁶⁵ Айнутдинова Л.М., Айнутдинов Р.А. Российское общественно-политическое движение и политические организации в Казани (середина XIX – начало XX вв.): Научно-справочный комплект. – Казань, 2012. – С.60.

⁶⁶ Ильина О.А. Канун Восьмого дня. – Казань, 2003. – С.31.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

законопроектов, законодательной инициативы, запросов министров, контроля над государственным бюджетом⁶⁷.

В годы Первой русской революции внимание со стороны правительственной власти к политической ориентации представителей местного самоуправления было усилено. Предводителям дворянства напоминалось, что дворянские деятели «не могут быть членами... обществ, союзов и партий, участие в которых карается законом... которые обнаруживают в своих программах... стремление к борьбе с Правительством...»⁶⁸. А значит участники антиправительственных организаций подлежат удалению с занимаемых постов⁶⁹. В Казанской губернии мы не нашли свидетельств участия дворянских служащих в противоправительственных организациях. В.П. Куприянов на одном из земских собраний критиковал правительство и даже призывал к борьбе с ним, но его поступок лишь «по-свойски» осудили на дворянском собрании, а против самого Куприянова не было предпринято никаких мер⁷⁰.

После разрешения на деятельность политических партий дворяне Казанской губернии стали вступать и участвовать в организации местных партий. Но в их деятельности дворянство не играло такой роли, как в земстве, поэтому и влияние помещиков-партийцев проследить практически невозможно, так что мы укажем лишь виднейших представителей дворянства в политической жизни Казани.

Естественно, что крайне левые силы не вызывали симпатий землевладельцев, поэтому они были в числе членов только черносотенных, умеренно-монархических и либеральных партий. Исключение составляют некоторые представители казанского дворянства, которые разделяли социал-революционные идеи, но действовали преимущественно не на территории Казанской губернии. Так, дочь помещика Тетюшского уезда Вера Фигнер, в июне 1905 г. поселившаяся в родной деревне после длительного тюремного заключения, стала свидетелем аграрных беспорядков, когда крестьяне сожгли усадьбу ее деда. Но в целом, по свидетельству Фигнер, в уезде в политическом плане была «вполне девственная почва»: «Земство бездеятельно и бесцветно; учительский персонал смирен и принижен. Одни земские начальники представляют торжествую-

---

⁶⁷ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916. – Т. 1: 1906–1908 гг. – М., 2001. – С.7.

⁶⁸ Определение Правительствующего сената // НА РТ. Ф.384. Оп.1. Д.118. Л.27–27об.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Казанская газета. 1905. №51 (18 декабря); НА РТ. Ф.407. Оп.1. Д.835. Л.119, 120.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

щую свинью»⁷¹. Фигнер понимала, что хотя она и вела когда-то борьбу с правительством для народа, то в деревне, живя в усадьбе брата, оставалась в глазах крестьян барыней. И разрушить существовавшую психологическую преграду между нею – представительницей высшего сословия – и простым народом было нельзя. Медицинской практикой заниматься ей было нельзя, материальная помощь голодающим так же не принесла ей удовлетворения, и в конце 1906 г. Фигнер покинула деревню, уехав за границу⁷².

Нередко на помощь революционерам из числа учащейся молодежи приходили дворяне, не сочувствовавшие революционной идеологии, но желавшие спасти юношей от преследований полиции. Например, Александр Боратынский – член «Казанской партии манифеста 17 октября», – по свидетельству его сестры Ксении, не раз укрывал студентов у себя в доме. Вот как она описывала это «спасение»: «Помню, как во время самой озверелой реакции Саша привел двух революционеров и спрятал их в комнате за кабинетом; мне же велел их стеречь и, если полиция нападет на их след, как-нибудь отвлечь... Он уехал, я же сидела весь день в кабинете, как верный страж. Горничная Настя объявила мне: "Там городовые пришли, спрашивают, нет ли у вас кого?" Я вышла. В парадных дверях стояли два городовых и нерешительно мялись на месте. "Что вам надо?" – спросила я. "Так что нам приказали", – начал один. – "Александра Николаевича дома нет, – прервала я его решительным и строгим тоном, – можете притти, когда он вернется". Они не решились самовольно переступить порог дома предводителя дворянства и покорно ушли. Вечером Саша передел своих пленников и тайком спровадил на вокзал»⁷³.

Поскольку дворянство являлось опорой монархии, имевшей определенные привилегии, и занимало ведущие политические позиции, то оно неизбежно должно было поддерживать правящий режим. В то же время дворяне были землевладельцами и испытывали давление со стороны крестьянства, желавшего получить помещичьи земли, из-за чего ожидали от правительства какого-либо решения аграрного вопроса, не слишком ущемлявшего их интересы, а также других реформ, которые бы успокоили население. Из всех партий наиболее отвечала этим интересам «Союз 17 октября». Поэтому многие казанские дворяне вступили в вышеупомянутую «Казанскую партию манифеста 17 октября», в общих чертах принявшую программу Союза. В комитет партии входили В.В. Перцов, Н.А. Мельни-

⁷¹ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания. – Т. 1. – 439 с. URL: <http://e-libra.ru/read/84940-zapechatlennyj-trud-tom-1.html> (дата обращения: 19.11.2015).

⁷² Там же.

⁷³ Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М., 2007. – С.312.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

ков, П.И. Геркен, В.В. Марковников и другие⁷⁴. Мотивы вступления в партию были разные. «Лично я, – писал Мельников, – вступил в эту партию не потому, что без оговорок соглашался с ее программой... Но при решении не быть на политическом поприще только зрителем, надо было иметь какой-то политический паспорт»⁷⁵.

Большинство дворян отрицали радикальные политические течения, поэтому в руководстве черносотенного «Царско-народного русского общества» оказалось лишь два представителя этого сословия: довольно одиозный профессор В.Ф. Залесский и секретарь Казанского губернского дворянского собрания А.Е. Дубровский⁷⁶. Среди лидеров Казанского комитета Конституционно-демократической партии из дворян были только А.В. Васильев и Г.Ф. Шершеневич, но среди рядовых членов было немало либеральных помещиков⁷⁷.

Перечисленные дворяне при выборе политической партии руководствовались, как правило, своими внутренними убеждениями. Так, Владислав Францевич Залесский занял крайне правую позицию еще в студенческие годы, когда в результате нескольких стычек со студентами-либералами он понял, что «у либералов для оценки мнений и поступков имеются две мерки – одна для самих либералов, другая для их противников»⁷⁸. Обладая большой эрудицией, Залесский отстаивал идеи панславизма и являлся сторонником идеи, что нужно сохранить традиционный русский быт, как он понимал его сам. Причем это понимание он переносил и в свою семью. Так, по словам свидетелей, он заявлял, что «русскую бабу бить надо», а как раз в 1905 г. его супруга Надежда подала иск о разводе, поскольку муж её бил⁷⁹.

По свидетельству современников, в течение года после объявления Манифеста, «если не каждый был избит, то уж, наверное, каждый видел, как избивают»⁸⁰. К примеру, Боратынская вспоминала: «Я, возвращаясь как-то из бани, видела, как казак нагайкой хлестал студента, который, как затравленный зверь, метался по улице»⁸¹. После объявления манифеста 17 октября и восстания в Казани, не-

---

⁷⁴ Алексеев И.Е. Под сенью царского манифеста (умеренно-монархические организации Казанской губернии в начале XX века). – Казань, 2002. – С.46.

⁷⁵ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе... – С.132.

⁷⁶ Алексеев И.Е. Черная сотня в Казанской губернии. – Казань, 2001. – С.104.

⁷⁷ Айнутдинова Л.М. Либеральное движение в Казанской губернии (1900–1917 гг.). – Казань, 2003. – С.30.

⁷⁸ Алексеев И. «Чьим бы то ни было слугою я никогда не был...»: Жизнь и судьба профессора В.Ф. Залеского // Русская народная линия. [Электронный ресурс] <http://ruskline.ru>. Дата обращения 28.11.2015.

⁷⁹ НА РТ. Ф.51. Оп.5. Д.5371. Л.27.

⁸⁰ Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М., 2007. – С.318.

⁸¹ Там же.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

которые представители дворянской общественности выступили с осуждением действий властей, неспособных стабилизировать обстановку в стране. На заседании Казанского губернского земского собрания гласный П.Л. Ухтомский обвинил правительство в том, что оно до сих пор не предприняло мер по расследованию беспорядков и хищений⁸². А дворянин В.П. Куприянов развернул жесткую критику сначала манифеста 17 октября, который, по его словам, не был способен «внести успокоение... только обещает свободы, но не дает их...»⁸³. Затем он обрушился на правительство, которое, по его словам, противоречило Манифесту введением во многих местах военного положения, арестами и временными правилами о стачках. Поэтому, заявил Куприянов, обществу оставался только один путь – открытая борьба с существующей властью⁸⁴. По поводу выступления земских гласных состоялось экстренное заседание дворянского собрания, участники которого осудили данный поступок⁸⁵. На собрании земских гласных Казанской губернии в декабре 1905 г. круг обсуждаемых вопросов расширился и затронул практически все стороны общественной жизни. Даже на самом собрании проявлялась классовая нетерпимость. Участник крестьянского съезда Макаров просил дать ему слово и, несмотря на то, что председатель отказал, пытался произнести речь. По выходе его из зала Н.А. Казем-Бек причинил ему насилие, за что потом извинился, объяснив, что был возмущен нравственным насилием по отношению к собранию⁸⁶. Когда гласные из крестьян пожелали, чтобы в Думе численный перевес был на стороне крестьян, как самой многочисленной группы населения, все согласились, лишь Боратынский, Марковников, Мельников и Годнев высказались против самой системы избрания по роду занятий. Но при этом сами крестьяне воспринимались дворянами как вedomое сословие, которое не может решать само за себя. Об этом говорит сам факт обсуждения вопроса о том, избирать ли крестьянам представителей из своей среды или из других групп населения. Мельников настаивал, что это должны быть выходцы из среды самого крестьянства, Арцыбашев и Ухтомский, – что им должна быть предоставлена свобода выбора. Боратынский был настроен против большинства крестьян в Думе, поскольку нужны также и более образованные люди для решения вопросов финансовых и политических. В итоге была принята резолюция, что Думе первого созыва предстоит

---

⁸² Казанская газета. – 1905. – № 51 (18 дек.). – С.1.

⁸³ Там же. – С.2.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ НА РТ. Ф.407. Оп 1. Д.835. Л.119, 120.

⁸⁶ Протоколы общего собрания земских гласных Казанской губернии 12–15 декабря 1905 года. – Казань, 1906. – С.7.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

выработать избирательный закон, чтобы крестьяне получили численный перевес в ней⁸⁷.

Разумеется, живейший интерес вызвала аграрная тема. Здесь также была принята точка зрения дворянина, а именно Арцыбашева, согласно которой: 1) Следует наделить землей безземельное и малоземельное сельское население 2) Безземельными признаются те крестьяне и земледельцы, которые живут в деревне, занимаются хлебопашеством и в настоящее время законного права на землю не имеют. 3) для определения нормы, ниже которой хозяйства должны считаться малоземельными, должны быть образованы комиссии в уездах.

Но вопрос об источниках наделения землей вызвал споры между дворянами. Марковников согласился с крестьянином Махаловым, что крупные частные землевладельцы должны продать им часть земли, но в первую очередь должны быть употреблены казенные и удельные земли. Землевладельцы Мельников и В.П. Геркен поддержали В.Н. Бельковича, что в случае необходимости частновладельческие земли необходимо отчуждать принудительно. Ухтомский высказался против усиленного отчуждения частных земель. В защиту своей точки зрения он привел факт, что в тех имениях, где хозяйство ведется наемными рабочими, урожайность выше, чем в крестьянских и переход их к крестьянам уменьшит общий сбор хлеба. В итоге собрание высказалось за предложение Бельковича⁸⁸.

В целом, в годы революции, дворянство как сословие землевладельцев опасалось аграрных беспорядков. Хотя они и заделали Казанскую губернию незначительно по сравнению с югом России, но общее напряжение и давление со стороны крестьянства сказалось и здесь. В декабре 1905 г. из-за не прекращавшегося потока жалоб из поместий губернатор сообщал министру внутренних дел, что определить сумму убытков не представляется возможным⁸⁹. Заведующий имением при дер. Людоговке телеграфировал о захвате местными жителями имущества в усадьбе, мотивируя это тем, что «поместье якобы завещано им». Для восстановления порядка в имение была направлена рота⁹⁰. Аналогичные сообщения поступали из других поместий губернии. Дворяне, напуганные беспорядками, стали нанимать стражников, закупать оружие. Вооруженные отряды появились во владениях Д.П. Арцыбашева, А.А. Лебедева, Н.Д. Сазонова и др.

Объективной причиной роста экономических преступлений стали неурожаи 1905–1907 гг. Когда положение ухудшилось, крестьяне

---

⁸⁷ Протоколы общего собрания земских гласных ... – Казань, 1906. – С.19.

⁸⁸ Там же. – С.31.

⁸⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1918. Л.3, 4об.

⁹⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1. Л.13–13об., 14об.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

обратились к управляющим поместий с просьбами увеличить площадь сдаваемой земли, облегчить условия работ и пр. Однако удовлетворение их стало бы разорительным для дворян, поэтому приходилось отказывать. В ряде случаев сельские общества устраивали забастовки. В 1906 г. этот способ воздействия на помещиков был применен по отношению к спасским дворянам К.В. Молоствову, М.С. Толстому, И.П. Лихачеву и др. Четверть местных крестьян имели дарственные наделы и находились в сильной зависимости от помещичьих угодий⁹¹. В то же время землевладельцы сами испытывали трудности перевода своих поместий на капиталистические рельсы и льготы для крестьян были невозможными. Так, полковник Молостов в 1902 г. взял ссуду в размере 119 тыс. руб. Из делопроизводственных материалов Дворянского банка следует, что кредит не погашался, в ноябре 1906 г. должнику пришлось просить о рассрочке выплаты в связи с постигшим неурожаем⁹². После вмешательства исправника, сделавшего внушения крестьянам, последние были вынуждены принять условия помещиков. Другого выбора у работников и не могло быть – в апреле 1906 г. правительство выработало особые «Правила против возникновения стачек среди сельских рабочих», грозившие зачинщикам тюремным заключением до четырех лет, а сопротивлению войскам и стражникам – ссылкой до 8 лет⁹³.

Нередко сами же управляющие и помещики, руководствовавшиеся экономическими выгодами поместий без учета положения крестьян, вызывали недовольство последних. Например, в поместье М.А. Молостовой члены одного из сельских обществ нанесли побои управляющему, который, как пояснил исправник в рапорте губернатору, круто изменил систему хозяйствования, установив тяжелые условия сдачи земли в исполу, что вызвало неприязненные отношения с крестьянами. Имея по 1 дес. надела, хлебопашцы все же согласились на них, но недород 1905 г. и полный неурожай 1906-го заставили их требовать облегчения условий аренды. Землевладелица Молостова пошла на уступки. Однако управляющий отказался расширять площадь сдаваемой земли, что и стало поводом к избитию его крестьянами. Взаимоотношения помещицы с местными жителями стали «предметом особого попечения администрации». Губернаторы и предводители дворянства лично пытались воздействовать на нее и примирить с крестьянами⁹⁴.

Несмотря на классовые интересы, в губернии находились дворяне, которые вели революционную пропаганду среди крестьян. Так,

---

⁹¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2402. Л.20–21об.

⁹² НА РТ. Ф.259. Оп.1. Д.448. Л.62.

⁹³ Первая революция в России: взгляд через столетие. – М., 2005. – С.430.

⁹⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2480. Л.1–8.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

дочь потомственного дворянина П.К. Булича сагитировала крестьян соседнего сельского общества совершить ограбление в поместье своего дяди⁹⁵. Впоследствии, как отмечала мемуаристка К.Н. Боратынская, дворянка Булич стала «причиной гибели многих казанских жителей»⁹⁶, а вся деятельность этих и других молодых людей из богатых семей была ничем иным как «азартной игрой в революцию». Вспоминая события 1905 г., Боратынская писала: «Авангард всякого общества – молодежь – волновалась, выбрасывая много пены, но и забирая глубокую волну, готовую затопить страну»⁹⁷.

Вероятно, пропаганда являлась не столько причиной беспорядков, сколько подкрепляла враждебное отношение к некоторым землевладельцам или управляющим. Свяжский уездный исправник сообщал, что в его уезде агитационную работу проводил профессор Императорского Казанского университета А.В. Васильев: устраивал беседы, обеспечивал население литературой. Все это, по мнению исправника, воспитало дух и способствовало стихийному аграрному движению⁹⁸. Кроме того, губернатор докладывал в Министерство внутренних дел о заподозренном в революционной деятельности председателе Спасской уездной земской управы В.П. Геркена, который по слухам занимался противоправительственной пропагандой среди крестьян уезда. Результатом этих слухов стало увольнение дворянина от должности и судебное преследование⁹⁹.

Среди тех, кто занимался агитацией, встречались дворяне из других губерний. Например, в 1906 г. у дочери елецкого предводителя дворянства Л.Н. Коротневой, приехавшей в Казань семь лет назад, были обнаружены брошюры издания Казанского комитета партии социалистов-революционеров. По суду она была отправлена в Вологодскую губернию на два года с установлением гласного надзора¹⁰⁰.

Анализ речей землевладельцев позволяет прояснить сложившуюся в деревне обстановку и взгляды на нее поместного дворянства. Высшее сословие Казанской губернии не было монолитным, оно включало в себя людей с разным имущественным достатком, противоположными интересами, сталкивающимися позициями. Среди них были сторонники решительных мер в отношении аграрных беспорядков, но были и выразители умеренных действий. Первые были в меньшинстве, однако именно они задавали тон «крестьянской проблеме» в Дворянском собрании, из их же числа делегаты присутст-

---

⁹⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2460. Л.1–7об.

⁹⁶ Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М., 2007. – С.296.

⁹⁷ Там же. – С.282.

⁹⁸ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.859. Л.3, 12, 14об.

⁹⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1903. Д.2, 87, 90; Д.2636. Л.1–1об.

¹⁰⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.387. Л.1, 5, 14; Ф.51. Оп.10. Д.74. Л.4.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

вовали на всероссийских съездах дворянства. Одним из них был крупный землевладелец князь Ухтомский, проживавший в сельской усадьбе и находившийся в тесном контакте с окрестными жителями. В первый год революции он обвинил правительство в непринятии мер по расследованию беспорядков и хищений. В крестьянах князь видел серьезную опасность, поэтому он предлагал сделать крестьян частными собственниками. Его поддержал спасский предводитель дворянства Н.Д. Сазонов, признавший притязания крестьян на землю¹⁰¹. Опасаясь использования недовольства жителей революционерами, помещики были готовы на уступки. Главным мероприятием по снижению накала в деревне виделось предоставление права свободного выхода из общины, кроме того, признавался частичный выкуп земли. Также высказывались предложения об использовании репрессий, что в целом отражало настроения землевладельцев, писавших жалобы исправникам и губернаторам.

Несмотря на очевидное напряжение в деревне, выливавшееся в формы открытого противостояния крестьян помещикам, некоторые из дворян предлагали не спешить с наделением крестьян землей. Среди них был, например, Д.А. Корсаков¹⁰². Землевладелец проживал в Казани и вообще не вел дела в поместье. Землевладелец Д.В. Пенинский предлагал право на определение дальнейшей судьбы общины предоставить крестьянам, говоря, что это «исконно народное учреждение, если она выгодна для крестьянина – он в ней и останется, если же нет, то выйдет, переселится»¹⁰³.

Чтобы предотвратить поджоги имений, дворяне не только ждали помощи от правительства, но и искали иные пути защиты, например через земства. Так, после начавшихся по России аграрных беспорядков частные страховые компании стали отказываться страховать постройки частных владельцев в деревнях и выдавать премии за убытки от народных волнений. Летом 1905 г. Казанской губернской земской управой было выдвинуто предложение выдавать премии за сгоревшее имущество, застрахованное по добровольному земскому страхованию. Это лишило смысла поджоги, поскольку имение можно было восстановить без затрат со стороны самого помещика. По мнению Н.А. Мельникова, такая мера способствовала снижению помещичьих убытков в губернии¹⁰⁴.

---

¹⁰¹ Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства, 1–3 июня 1905, 16–20 февраля и 19 марта 1906 г. – Казань, 1906. – С.64.

¹⁰² Там же. – С.62, 63.

¹⁰³ Там же. – С.64.

¹⁰⁴ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе... – С.115.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

В 1906 г. в Москве и Санкт-Петербурге прошли совещания представителей губернских обществ¹⁰⁵. 7–11 января состоялся съезд губернских и уездных предводителей, который определил свой статус как неофициальное совещание частных лиц. Главы корпораций приняли решения о необходимости укрепления правительственной власти путем подавления революционного движения в стране и созыва Думы. Провозглашались некоторые принципы национально-государственного строительства: единство и неделимость России, твердая окраинная политика, первенствующее значение русского государственного языка и православной веры, широкое самоуправление окраин в хозяйственной сфере. Одним из главных вопросов стал аграрный, решение которого предполагалось при сохранении неприкосновенной частной собственности. Далее участники съезда высказались за вовлечение в переселенческую кампанию местных общественных организаций; обеспечение свободного перехода от общинного владения к подворному и хуторскому; содействие Крестьянского банка покупке земли для мелких земледельцев, а также предоставление им государственных угодий и части лесных площадей¹⁰⁶.

В письме ковенскому губернскому предводителю дворянства С.С. Толстой-Милославский писал: «Бывший в начале января съезд Предводителей дворянства в Москве, являясь собранием лиц, неуполномоченных говорить от имени сословия, не мог, да и не считал, свои заключения выражением мнения всего дворянства России. Между тем, в переживаемое нашим Отечеством смутное время дворянство, как наиболее просвещенное сословие, веками приученное руководить народом, не может безмолвствовать. Оно должно сказать свое слово, высказать свои взгляды на вопросы, волнующие общество и народ, и от разрешения которых в том или другом направлении зависит не только материальное благосостояние государства, но и самое его существование»¹⁰⁷.

Принятые в Москве положения рассматривались на экстренных заседаниях Казанского губернского дворянского собрания в феврале 1906 г. Тогда предстояло познакомиться с программой, обсудить ее и передать сделанные заключения следующему Всероссийскому съезду через уполномоченных. Среди членов собрания не было единства ни по одной из статей, в прения вступили приверженцы разных политических идеологий, столкнулись позиции представителей либеральных и право-монархических организаций. В поле дискуссии попал

---

¹⁰⁵ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. – Т. 1: 1906–1908 гг. – М., 2001. – С.9–12.

¹⁰⁶ Волжский листок. – 1906. – № 375. – С.2.

¹⁰⁷ НА РТ. Ф.384. Оп.1. Д.115. Л.23–23об.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

вопрос о беспорядках в стране и принимавшихся правительством ответных действиях. Так, Д.А. Корсаков высказался против репрессий при подавлении революционного движения¹⁰⁸. С ним не согласился М.И. Догель: «...где война, гражданские законы молчат. Репрессалии имеют свое оправдание»¹⁰⁹. Совершенно иной выход из критической ситуации в стране видел В.В. Марковников, находивший причину смуты в том, что до сих пор не были приняты законы, которые бы регулировали свободы, провозглашенные Манифестом 17 октября¹¹⁰. В итоге члены собрания признали необходимость существования сильной и основанной на твердых законах правительственной власти, которая должна была проводить «предупредительные» меры «для поддержания порядка в стране и защиты мирных жителей от насилий и грабежей, равно как настойчивое преследование... возбуждения к насилию»¹¹¹. Полагая, что одних лишь предупредительных мер недостаточно для предотвращения беспорядков, часть дворян требовала ужесточения закона о печати: «Заграницей за сотую долю того, что позволяет наша печать, оскорбляя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, давно бы засадили виновных в тюрьму, а у нас остается это безнаказанным»¹¹². Поэтому в качестве временной меры собрание признало «немедленную выработку и самое широкое распространение правил, действительно ограждающих личную свободу от насилий (забастовки рабочих, чиновников, железнодорожных служащих и проч.) и возможность... преследования по этим насилиям с тем, чтобы правила эти впоследствии были заменены законами, изданными Государственной Думой»¹¹³. В.В. Марковников продолжал настаивать на введении временных правил, регулировавших права, дарованные Манифестом 17 октября. В качестве его оппонента выступал М.И. Догель, доказывавший преждевременность издания подобных законов в связи с тяжелым положением в стране. К тому же, как предполагал М.И. Догель, «в смутное время действие таких законов может быть приостановлено»¹¹⁴, а поскольку «вся почти печать... стала революционной», и «пока есть кучка революционеров – о свободах говорить нечего»¹¹⁵. В итоге предложение В.В. Марковникова большинством голосов было отвергнуто (40 против 14)¹¹⁶.

---

¹⁰⁸ Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства. 1–3 июня 1905 г. ... – С.42.

¹⁰⁹ Там же. – С.43.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же. – С.44–45.

¹¹² Там же. – С.46.

¹¹³ Там же. – С.46–47.

¹¹⁴ Там же. – С.53.

¹¹⁵ Там же. – С.53–54.

¹¹⁶ Там же. – С.78.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

В состав первой Государственной думы прошло 2 русских депутата-дворянина от Казанской губернии: А.В. Васильев и Г.Ф. Шершеневич. Васильев был членом кадетской партии и в основном поддерживал инициативы либеральных депутатов. Два раза он сам вносил запросы: «О действиях полиции в Нижегородской губернии» и «О тенденциозном направлении газеты «Сельский вестник»». В дальнейшем он стал членом Государственного совета и пробыл им до его роспуска в 1917 г.¹¹⁷

Г.Ф. Шершеневич также прошел в Думу от кадетской партии. Он выступал с речами по вопросу об амнистии и по проекту закона о собраниях, занимался разработкой законопроекта о нормальном отдыхе приказчиков. По отзывам его коллеги по думской работе М.М. Винавера «он отдал себя на служение новому делу целиком, не отказываясь ни от какой работы...»¹¹⁸. После роспуска Думы он участвовал в составлении Выборгского воззвания, после чего был заключен в тюрьму, где и пробыл до 1908 г.¹¹⁹

17 февраля 1906 г. в собрании обсуждался поднятый князем П.Л. Ухтомским вопрос об обеспечении в Государственной думе представительства частных землевладельцев, как это было предусмотрено в отношении крестьян. Опасения дворян вызывало то, что «землевание культурное легко может остаться без представительства»¹²⁰. А поскольку крестьяне рассматривали Думу как учреждение, «обязанное наделить их землей», то это, по мнению Ухтомского, было чревато тем, что помещичья собственность могла остаться без защиты. Несмотря на опасения членов собрания Д.А. Корсакова и Ю.В. Трубникова, что подобное ходатайство может отсрочить созыв Думы, 66 голосов (против 5) было подано за прошение об отдельном представительстве от частных землевладельцев¹²¹.

18 февраля в собрании приступили к рассмотрению аграрной проблемы. В начале XX столетия большая часть земельного фонда принадлежала крестьянам-общинникам (более 90%)¹²². Общинное землепользование затрудняло развитие сельского хозяйства. В ходе обсуждения аграрного вопроса четко обозначились две позиции – первую выражал Д.А. Корсаков, считавший необходимым поручить рассмотрение этой проблемы местным комитетам и только по-

---

¹¹⁷ Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. – Казань, 2006. – С.318.

¹¹⁸ Усманова Д.М. Указ. соч. – С.410.

¹¹⁹ Там же. – С.411.

¹²⁰ Там же. – С.48.

¹²¹ Там же. – С.52.

¹²² Батыршин Р.Р. Реализация столыпинской аграрной реформы в Казанской губернии (1906–1917 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 2008. – С.15.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

том передать их труды в Думу¹²³, вторую – П.И. Геркен, предлагавший разрушить общину еще до созыва Думы. Против ее уничтожения выступил А.Н. Боратынский: «Чтобы всех крестьян сделать собственниками необходимо предварительно развить их»¹²⁴. Д.А. Корсаков также считал, что «...такое исконно русское учреждение... двумя заседаниями уничтожить нельзя, тем более, что крестьяне сами стоят за общину...»¹²⁵. Д.В. Пенинский предложил право на определение ее дальнейшей судьбы предоставить крестьянам: «Если община – исконно народное учреждение, если она выгодна для крестьянина – он в ней и останется, если же нет, то выйдет, переселится»¹²⁶.

По сути дела дворяне сошлись во мнении, что нужно обеспечить выход крестьян из общины. Открытым оставался вопрос – передать эту проблему на рассмотрение местных комиссий или же предоставить решение ее Думе. Сторонники скорейшего разрушения общины исходили вовсе не из понимания всей серьезности сложившегося в стране положения, не из осознания того, что подавленные разрозненные крестьянские выступления могли повториться. В частности, опасения П.И. Геркена были вызваны тем, что воспитанные «в коммунистических взглядах на землю» крестьяне смотрят на нее «как на воздух, считая ее общим достоянием», поэтому «может случиться, что Дума решится уничтожить частную земельную собственность и произвести раздел земель частного владения». Этого, по его мнению, можно избежать, если «крестьяне явятся в Государственную Думу не как общинники, а как частные собственники земли»¹²⁷. Вышесказанное показывает, что обсуждать аграрный вопрос помещиков побуждал не страх перед революцией, а вероятность ущемления их материальных интересов в Думе. Более того, некоторые дворяне думали, что крестьяне не только не представляли угрозы их земельным владениям, но даже была возможность союза с ними. Так, губернский предводитель С.С. Толстой полагал, что аграрный вопрос не приведет в ближайшее время к революции, а крестьяне «не придадут остроты этому вопросу, политически они сторонники законности и порядка»¹²⁸. Мысль о единстве дворянства с крестьянством была высказана еще в мае 1902 г. Н.Д. Сазоновым: «...забывая самобытный строй нашего Государства, пытаются посеять вражду и между сословиями.

---

¹²³ Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства. 1–3 июня 1905 г. ... – С.62.

¹²⁴ Там же. – С.63.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. – С.64.

¹²⁷ Там же. – С.62.

¹²⁸ Там же. – С.64.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

Одно из земельных сословий – дворянство, исторически связанное с двумя другими земельными сословиями – крестьянством и духовенством, желали бы оторвать от них и ослабить великую земскую силу, а русского помещика – труженика уподобить каким-то магнатам, лендлордам...»¹²⁹. И даже с началом Первой русской революции Н.Д. Сазонов продолжал утверждать, что «крестьяне желают остаться на местах и только округлить свои владения», и дворяне «совершат патриотическое дело, если помогут им, уступив часть земли по нормальной оценке», а это в свою очередь укрепит союз с ними¹³⁰. Сазонов явно идеализировал взаимоотношения двух сословий, рассуждая о том, что «в последние 50 лет дворянство являлось естественным опекуном народа и заботилось о нем, забывая личные интересы»¹³¹.

Таким образом, революционные события, несмотря на их стихийный характер и масштабы, не напугали дворян Казанской губернии. Но, признавая серьезность аграрной проблемы, искало способы ее развязки.

Итогом работы чрезвычайного дворянского собрания стал всеподданнейший адрес. Повергнуть его к царским стопам было поручено депутации, в состав которой вошли видные представители казанского дворянского самоуправления. Это – губернский предводитель дворянства С.С. Толстой-Милославский, чистопольский и свияжский уездные предводители В.И. Якубович и П.Л. Ухтомский и др.¹³² По их свидетельству, император, милостиво выслушав адрес, заявил, что изложенные ходатайства будут переданы на рассмотрение «в подлежащих учреждениях»¹³³.

Тогда же в феврале 1906 г. проходил съезд Союза землевладельцев, на котором была принята аграрная программа. Суть ее сводилась к следующим положениям: разрушение общины, создание частного крестьянского землевладения и насаждение индивидуальных крестьянских хозяйств¹³⁴. Как отмечает Ю.Б. Соловьев, в это время в поисках новых путей все определеннее и четче вырисовывались контуры столыпинской программы аграрных преобразований¹³⁵.

---

¹²⁹ Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства. 27–30 мая 1902 г. – Казань, 1902. – С.5.

¹³⁰ Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства. 1–3 июня 1905 г. ... – С.64.

¹³¹ Там же. – С.66.

¹³² Там же. – С.78.

¹³³ Там же. – С.82.

¹³⁴ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. – Т. 1: 1906–1908 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – С.9.

¹³⁵ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. – Л.: Наука, 1981 – С.206.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

Весной 1906 г. была продолжена работа по созданию организации Объединенного дворянства. 20–23 апреля в Москве прошло заседание Подготовительной комиссии по созыву съезда уполномоченных дворянских обществ. Было создано организационное бюро, в которое направлялись по два представителя от каждой губернии. Исполнительным органом стал Постоянный совет. Съезды должны были созываться ежегодно, состоять из уполномоченных губернских дворянских собраний, избравшихся съездом на три года. Постоянный совет – из выбравшихся съездом на три года председателя, его заместителя (с 1907 г. – двух) и 10 членов (с 1907 г. – 12). Предполагалось, что на местах губернские советы будут играть роль связующего звена между Постоянным советом и губернскими дворянскими обществами¹³⁶. 21–28 мая в Петербурге прошел Первый съезд (114 участников от 29 дворянских собраний).

Одним из самых активных деятелей Объединенного дворянства стал уполномоченный от Казанской губернии князь П.Л. Ухтомский. Он участвовал в съездах в течение 10 лет – с 1906 до 1916 гг. Здесь он активно высказывался по ряду вопросов, в частности, о способах сохранения помещичьего землевладения в условиях крестьянских волнений и неурожая, постигшего Среднюю Волгу во время революции 1905–1907 гг. Так, он неоднократно поднимал вопрос об использовании запасного капитала Дворянского банка с целью оказания финансовой помощи казанскому поместному дворянству, пострадавшему от неурожая, и выдаче краткосрочных ссуд сельским хозяевам под векселя, обеспеченные имениями.

Волнения в деревне весной 1906 г. заставили латифундистов высказаться в пользу передачи крестьянам части помещичьих земель. Будучи крупным землевладельцем (за ним в Свияжском уезде было 2212 дес. земли), П.Л. Ухтомский также был готов пойти на уступки. Правда, он наряду с другими латифундистами выступил за «частичную экспроприацию... земельной собственности...» лишь при условии отчуждения части имущества домовладельцев, фабрикантов, купцов, промышленников и владельцев процентных бумаг¹³⁷. В любом случае, дворяне, опасавшиеся за свою собственность, поддерживали столыпинскую реформу, которая, как им казалось, предоставляла крестьянам «возможность продать свою землю и уйти из деревни не нищими... а с деньгами...»¹³⁸, хотя главным мотивом аграрных инициатив дворянства по-прежнему оставалась надежда на

---

¹³⁶ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. – Т. 1: 1906–1908 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – С.14.

¹³⁷ Там же. – С.72.

¹³⁸ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. – Т. 2. – Кн. 1: 1909–1910 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – С.128.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

то, что разрушение общины – их единственное спасение¹³⁹. Так, князь Ухтомский полагал, что укрепление права собственности на землю за отдельными крестьянами приведет к тому, что «революция будет раздавлена мужицким сапогом»¹⁴⁰. Предоставить же крестьянам землю он предлагал не иначе, как за деньги: «Даром полученной землей крестьяне не дорожат, вот почему... Государственной думе следует обратить на это внимание»¹⁴¹.

В январе 1907 г. Совет министров, одобрив идею ограничения скрупки наделных участков, одновременно высказался и за подготовку законопроекта об установлении предела дробления крестьянских земель. Но дальше этих общих соображений не пошло. Одной из причин этого в исторической литературе называется позиция Объединенного дворянства, ряд лидеров которого был готов предоставить крестьянским наделам возможность дробиться до бесконечности, чтобы наиболее энергичные крестьяне скупали землю у разорвавшихся. В противном случае, как отмечал кн. Ухтомский, «такой крестьянин... станет еще более алчным взглядом смотреть на... владения [дворян]»¹⁴². Тем не менее, за весь период осуществления реформы вышедшие из общины продали, по преимуществу богатым крестьянам, в общероссийском масштабе до 3440 тыс. дес. земли. С 1905 по 1915 гг. из рук помещиков всех губерний ушло 10801 тыс. дес. земли, из них 9795 тыс. дес. попали в руки крестьян¹⁴³. Возможно, поэтому при обсуждении проекта закона от 9 ноября 1909 г. Ухтомский утверждал, что народ вовсе не беднеет и не нищает, а наоборот – богатеет, земледелие улучшается¹⁴⁴.

Советский исследователь В.С. Дякин отмечает, что экономические процессы в деревне побудили министра внутренних дел П.А. Столыпина к осуществлению административной реформы, предусматривавшей замену уездных предводителей дворянства чиновниками, назначенными правительством¹⁴⁵. Безусловно, дво-

---

¹³⁹ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л.: Наука, 1978. – С.18.

¹⁴⁰ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. – Т. 1: 1906–1908 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – С.473.

¹⁴¹ Там же. – С.101.

¹⁴² Там же. – С.441; Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов и др. – Л.: Наука, 1984. – С.356.

¹⁴³ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л.: Наука, 1978. – С.21.

¹⁴⁴ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. – Т. 2. – Кн. 1: 1909–1910 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – С.168.

¹⁴⁵ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л.: Наука, 1978. – С.21.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

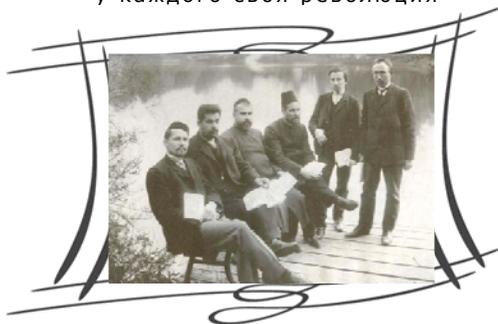
рянское общество России такая перспектива не устраивала, и в адрес императора последовало прошение о временном прекращении рассмотрения в Государственной думе проекта реорганизации местных учреждений до тех пор, пока дворянские собрания не вынесут по нему свое заключение¹⁴⁶.

Как видим, нарастание революции 1905–1907 гг. способствовало распространению реформаторских настроений среди помещичьего дворянства – дворянское собрание выступило за проведение преобразований и почти единодушно высказалось за учреждение всероссийского представительного органа, хотя и по словесной системе, а также разрешение земельного вопроса. И данную позицию представляли на общедворянских съездах уполномоченные казанского дворянства. Однако не революция сама по себе повлияла на настроения членов губернского дворянского собрания и смену курса, а принимавшиеся правительством постановления о созыве народного представительства и об аграрной реформе. Звучавшие предложения носили умеренный характер, не призывая к коренному переустройству существовавшей экономической и политической системы. Преобладание в дворянском собрании традиционалистов определило консервативный характер его деятельности – вопросы и постановления не выходили за рамки сословных интересов, исключением было лишь санкционированное правительством обсуждение некоторых законопроектов, связанных с созывом Государственной думы и необходимостью проведения аграрных преобразований. За любым антиправительственным высказыванием следовало бурное обсуждение и осуждение как проступка, не соответствовавшего званию дворянина. За время участия казанского дворянства в работе общедворянской организации им была проявлена солидарность в поддержке Объединенным дворянством аграрных преобразований.

---

¹⁴⁶ О ходатайстве Тульского чрезвычайного губернского дворянского собрания о разрешении дать заключение по законопроектам о реформе местных учреждений, земской реформе. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П.А. Столыпина. 7 июня 1907 г. // Столыпин – слуга народа. [Электронный ресурс] <http://stolypin-info.ru>. Дата обращения 06.01.2013.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

1.3. «Проект богачей»: политические аспекты мусульманского единства в 1905–1907 гг.

На протяжении многих десятилетий в отечественной историографии традиционно доминирует мнение о слабой общественно-политической активности мусульманского предпринимательства во второй половине XIX – начале XX вв. Г.Ибрагимов, например, в своей фундаментальной работе «Татары в революционном движении 1905 года», отмечая оппозиционность национальной буржуазии по отношению к самодержавию, одновременно, указывал на ее нерешительность и неорганизованность, неспособность к открытому и жесткому противостоянию с властью. Ставя под сомнение ее самостоятельность в политическом процессе, он акцентировал внимание на делегировании буржуазией идеологических функций представителям дворянства, духовенства и интеллигенции¹⁴⁷. Такая точка зрения надолго утвердилась в исторической литературе, где торгово-промышленному капиталу, как правило, отводится роль лишь социальной базы, вспомогательной силы, ограничивавшейся финансовой поддержкой каких-либо политических действий. Однако, на наш взгляд, подобное ограничение, не совсем оправданно, так как оно не учитывает историю и природу массового движения мусульман по отстаиванию своих вероисповедных прав и автономии общин, возникшего в пореформенный период.

Характер политической деятельности татарской буржуазии, начавшейся намного ранее 1905 г., определялся, прежде всего, охранительными задачами, имевшими своей целью противодействие миссионерской политике государства, проведение созвучных времени преобразований в духовно-просветительной, культурной и социальной сферах. В то же время, важнейшим условием этой работы считалась легитимизация данных реформ, как в глазах обще-

¹⁴⁷ Ибрагимов Г. Әсәрләр: 8 томда. – Казан, 1984. – Т.7. – Б.354–355.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

ства, так и царской бюрократии. Эти обстоятельства диктовали особую форму проявления политической активности буржуазии, выразившейся в предельной осторожности, строгом следовании закону, использовании легальных методов общественной работы.

Конечно, осторожная мусульманская буржуазия была далека от «непримиримой оппозиции» самодержавию и, безусловно, не могла участвовать в каких-либо антиправительственных заговорах. Однако, она проявляла существовавшее недовольство состоянием дел в конфессиональном и национальном вопросе, старалась использовать любую законную возможность, любую трибуну, для того, чтобы заявить о своих правах. Стремительная политизация татарского предпринимательства, выразившаяся в растущих исламистских настроениях, была прямо пропорциональна усиливающейся миссионерской деятельности среди мусульман.

В 1904 г. в Казани произошел вопиющий для местных мусульман случай открытого крещения татарского юноши Билялюсупа Абдулгафарова в Тихвинской церкви, находящейся на территории Старотатарской слободы. Узнав об этом, к ограде церкви собралось 500 человек, намеренных протестовать против миссионерской деятельности священника этой церкви. От неминуемой расправы его спасло лишь вмешательство полиции, которая с большим трудом разогнала возмущенную толпу. При этом произошли жесткие столкновения конных стражников с мусульманами, из-за чего камнями были ранены 8 полицейских. Кроме этого, разъяренные жители слободы избили приказчика Гордея Прусакова, спрятавшего у себя новокрещенного Дмитрия Степанова, бывшего Билялюсупа Абдулгафарова. По донесению полиции главными зачинщиками волнения явились казанский 2 гильдии купец Абдулкадыр Сагадеев, приказчик купца С.С.Губайдуллина Тимерша Тимергалеев, предприниматели Мингазетдин Апакаев, Исмагил Яхьин, крестьянин Ибрагим Ахметов¹⁴⁸. Этот случай еще раз подтвердил нарастающее недовольство мусульманского населения, уставшего терпеть вмешательство во внутреннюю жизнь общин, притеснения имамов, неуклюжие и часто оскорбительные действия некоторых представителей господствующей церкви.

Поэтому, массированная пропагандистская работа миссионеров, поддержка ее властными структурами, а также нежелание идти на конструктивный диалог с влиятельными представителями махаллей, способствовали кристаллизации политической оппозиции в среде мусульманской буржуазии, выработке ею специфической программы действий, предусматривавшей в охранительных целях активную работу в органах местного самоуправления, ведение пе-

---

¹⁴⁸ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1414. Л.1-5.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

тиционных компаний и, одновременно, осуществление коренных преобразований институтов локальной мусульманской общины. Однако, именно, в конце XIX – начале XX вв., учитывая многолетнюю, часто безрезультатную, практику взаимодействия с властью, лидеры мусульманского обновленческого движения стали задумываться о необходимости соответствующих изменений на государственном уровне.

Один из первых крупнейших политических идеологов джадидской буржуазии А-Р.Ибрагимов в своей книге «Истинное утро», написанной в 1904 г., называл самой необходимой вещью для государства свободу совести и вероисповедания. Причем каждая конфессия должна быть в своих делах совершенно свободна и самостоятельна и, что именно, это обстоятельство, поможет каждому гражданину, без различия по национальному признаку, любить свое отечество и гордиться им¹⁴⁹. Главным условием сохранения татарской нации, ее «будущности», А-Р.Ибрагимов считал, в первую очередь религиозное единство, которое должно найти выражение в особой организации «Союзе русских мусульман». «Бог всевышний определил возвышение ясной мусульманской веры. Вообще выступление нации христиан на мусульманство, пробуждает мусульман, вынуждает усиливать единение. Вот и в настоящее время все татарско-тюркские народы объединяются во имя веры, подают друг другу руку, выступают с требованием законных прав...»¹⁵⁰.

Таким образом, А-Р.Ибрагимов, оставивший в 1895 г. должность казья Оренбургского магометанского духовного собрания как раз из-за разногласий с позицией муфтия по проблемам государственной политики в отношении мусульман, предложил идею политического сплочения, соорганизации всей уммы России для защиты ислама. При этом он уповал на единство тюркских народов империи, лидерство которых в данном процессе считал обязательным и безусловным. В то же время, идеолог мусульманской буржуазии говорил о справедливости русского народа, очень похожего по складу характера на татар и виновником все недоразумений называл попов и миссионеров, поддерживаемых правительством¹⁵¹.

Именно, А-Р.Ибрагимов стал последовательным организатором первой мусульманской политической партии, в рамках которой он стремился объединить всех наиболее активных представителей тюрко-татарского сообщества, без различия их общественно-политических взглядов. Не случайно, что в период подготовительной работы он искал поддержку как у влиятельных предпринима-

---

¹⁴⁹ НА РТ. Ф.41. Оп.1. Д.2. Л.106–107.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ НА РТ. Ф.41. Оп.1. Д.2. Л.119.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

телей: Мухаметвали Яушева (Троицк), Сулеймана Аитова (Казань), Шайхуллы Шафигуллина (Иркутск), джадидских религиозных деятелей: братьев Буби (Вятская губерния), Галимзяна Баруди (Казань), так и молодых татарских интеллигентов: Галиаскара Камала (Казань) и др.¹⁵²

С конца 1904 и вплоть до августа 1905 г. осуществлялась напряженная организационная деятельность по подготовке учредительного съезда, вовлекшая в этот процесс самые разные силы мусульманского социума России. В этот короткий период некоторой либерализации общественной атмосферы в государстве, мусульманская буржуазия, духовенство и интеллигенция продолжали определяться с основными положениями своей программы, борьба за реализацию которой дала свои значительные результаты.

Отметим, что сама предыстория проведения мусульманских съездов, их работа, процесс создания партии «Иттифак аль-Муслимин» детально рассмотрена в отечественной историографии. Поэтому, мы остановимся лишь на некоторых принципиально важных моментах, характеризующих позицию предпринимательства и джадидского духовенства в политической сфере. В этой связи, интересны материалы исследования О.Н. Сенюткиной, освещающие петиционную компанию лидеров мусульманского движения в 1905 г. Здесь главная роль принадлежала казанской буржуазии, улемам и дворянской интеллигенции. Особое внимание привлекает петиция на имя С.Ю. Витте, подписанная 28 января 1905 г. С. Алкиным, Ю. Акчуриным, А.Я. Сайдашевым, Г.А-К. Апанасовым. Ее текст в концентрированном виде выражает суть политической программы исламистов – реформаторов, требовавшей от государства коренного пересмотра прежних взаимоотношений с мусульманской уммой государства. Это выборность муфтия ОМДС, передача в сферу деятельности Духовного собрания дел, касающихся семейных, брачных и наследственных отношений, вопросов строительства мечетей, медресе, конфессионального образования, контроля и использования вакуфного имущества и финансов, предоставление мусульманам свободы слова, возможности свободного перехода, считающих себя христианами в мусульманство, причисления к магометанам детей-подкидышей, взятых на воспитание в мусульманские семьи.

Кроме этого, уравнение священнослужителей и их детей с правами православного духовенства путем присвоения им званий «потомственного почетного гражданина», возможность получения указа на должность имам-хатиба лицам, не знающим русского языка, предоставление мусульманам права осуществлять издательскую деятельность по выпуску периодической печати, права на откры-

---

¹⁵² НА РТ. Ф.51. Оп.10. Д344. Л.260об.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

тие частным лицам и общественным организациям общеобразовательных мектебе и медресе, а также свободного проживания, приобретения недвижимой собственности, торговли, общественной деятельности, выбора свободных профессий.¹⁵³

Не трудно заметить, что основные требования петиции переключаются с ходатайством татарской буржуазии от 29 января 1879 г., что говорит о неизменности ее позиции за более чем четверть вековую историю общественно-политической деятельности. Речь шла, по сути, все о той же отмене знаменитого постановления министерства народного просвещения от 2 февраля 1870 г., закона об образовательном цензе мусульманского духовенства от 12 июля 1888 г. и других правительственных мероприятий по ограничению самостоятельности мусульманских общин, конфессиональной системы образования. Показательными стали также просьбы о внедрении в жизнь уммы некоторых элементов гражданского общества, в первую очередь, мусульманской прессы, легализации общественно-политической деятельности, расширении прав торгово-промышленного класса. Данный документ открыл кампанию петиций, охватившую практически все регионы Российской империи.

Существенным дополнением к этим программным установкам стал, выработанный 8 апреля 1905 г. А-Р.Ибрагимовым, А.Тупчибашевым, Ю.Акчуриным, И.Гаспринским, «Проект положения об управлении духовными делами магометан», который подписали крупнейшие татарские предприниматели и промышленники: М-З.Рамеев, Ю.Дебердеев, И.Акчурин, а также юристы С-Г.Ш.Алкин и А.Ахтямов. Это положение, предусматривавшее реформу конфессиональных структур и перевод их под контроль видных улемов, представителей интеллигенции и национального капитала, Г.Ибрагимов назвал «проектом богачей»¹⁵⁴.

Принципиальность джадидского предпринимательства подчеркивает и его достаточно жесткое отношение к позиции муфтия М.Султанова, не желавшего радикального изменения существовавшего положения ОМДС. Свидетельством тому, личный конфликт высшего религиозного чиновника с иркутским коммерсантом, известным реформатором З.Шафигуллиным, наставившим на организации встречи представителей мусульман с императором, закончившийся рукоприкладством и оскорблениями. Возмущенный публичной пощечиной предприниматель подал в суд на М.Султанова, в результате чего последний был подвергнут почетному аресту. Как тут не вспомнить, прямые обвинения муфтия в предательстве

---

¹⁵³ Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России (К 100-летию проведения). – Нижний Новгород, 2005. – С.26–27.

¹⁵⁴ Там же. – С.33–34.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

интересов единоверцев, высказанные купцом А.Я.Сайдашевым еще в период петиционной компании по отмене закона об образовательном цензе мусульманского духовенства в 1889 г.¹⁵⁵

Решительность и непреклонность исламских лидеров, непрекращающийся поток ходатайств от населения, четко организованная петиционная компания заставили, в конечном счете, власти пойти на некоторые уступки. Особое совещание по делам веры при Комитете министров, специально спроектированное в конце февраля – начале марта 1905 года приступило к рассмотрению вопроса по организации управления духовной жизнью мусульман.

А «Высочайше утвержденные 17 апреля 1905 г. Положения Комитета министров об усилении начал веротерпимости» признали необходимость обсуждения пунктов мусульманских ходатайств о сооружении молитвенных домов, о порядке избрания и назначения духовенства, от освобождения некоторых его представителей от призыва из запаса на действительную военную службу, о порядке открытия мектебе и медресе, о принятии религии родителей детям-подкидышам, воспитываемым в приемных семьях, об открытии ряда региональных духовных управлений¹⁵⁶. Чрезвычайно важным являлось узаконенное этим Указом стремление к пересмотру законодательства и устранение религиозных притеснений по отношению к лицам иноверных вероисповеданий. Можно с полной уверенностью утверждать, что достижение некоторых духовных свобод для мусульманского населения, окончательно закрепленное Манифестом от 17 октября 1905 г., стало результатом активной, целенаправленной и принципиальной деятельности джадидской буржуазии и духовенства. Благодаря этой работе появилась возможность проведения общероссийских съездов и организации политической партии Иттифак аль-Муслимин».

Однако, к непосредственному участию в данном процессе абсолютное большинство предпринимателей, даже тех, кто сочувствовал либеральным настроениям, относилось настороженно. Первом съезде, проходившем в Нижнем Новгороде 15 августа 1905 г., благодаря настойчивости и личным просьбам А-Р.Ибрагимова, присутствовали представители крупного капитала: М-З.Рамеев, М-В.Яушев, братья А. и А-Г.Хусаиновы. В работе второго съезда в Санкт-Петербурге 15–23 января 1906 г. принял неофициальное участие казанский 1 гильдии купец С.М.Аитов В качестве делегатов на нем работали предприниматель А.Я.Сайдашев, иркутский коммерсант З.Шафигуллин, оренбургский золотопромышленник

---

¹⁵⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.7797. Л.209.

¹⁵⁶ Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России (К 100-летию проведения). – Нижний Новгород, 2005. – С.33.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

М-З.Рамеев, а также троицкий потомственный почетный гражданин» М-Г.А.Яушев. Интересы джадидской буржуазии здесь представляли в основном имамы А-Р.Ибрагимов Г.Баруди, Г.А-К.Апанаев, А.Баязитов, дворянство и интеллигенция: Г.Ахмеров, Ю.Акчурин, А.Тупчибашев, И.Гаспринский и ряд других.

На наш взгляд, здесь свою роль сыграло то, что предприниматели, озвучившие свои требования в ряде петиционных документов, не стремились погружаться в хитросплетения сложных политических вопросов, и открыто декларировать свои взгляды на проблемы государственного переустройства. Важным обстоятельством было и то, что активными участниками организационного процесса стали представители левых партий и радикального шакирдского движения, выступавшие с антиправительственных и откровенно классовых позиций. Очевидно, нежелание вступать в бесконечную полемику с их лидерами, оказываться невольными соучастниками каких-либо шумных и противозаконных эксцессов, заставляли буржуазию несколько дистанцироваться от конкретного публичного обсуждения программных установок партии. Однако, именно, предпринимательство, в первую очередь, казанское, много сделало для подготовки второго съезда мусульман, выработке общей программной идеологии.

Впрочем, среди «осторожной» мусульманской буржуазии встречались и очень противоречивые фигуры. Среди татарских предпринимателей, в первую очередь, можно назвать казанского 1 гильдии купца Мухаметбадретдина Абдулкаримовича Апанаева, который являлся не только убежденным сторонником русского либерального движения, но и поддерживал тесные отношения с молодыми татарскими радикалами левого толка. Не случайно, что именно, М-Б.А-К.Апанаев, во время октябрьских событий 1905 г. был назначен восставшими милиционным начальником 5 части Казани¹⁵⁷. Купец имел самый большой, оборудованный по последнему слову «европейской» моды жилой особняк в Старотатарской слободе, в одежде предпочитал дорогие заграничные костюмы, горячо поддерживал первые шаги светского образования среди татарского населения. В то же время М-Б.А-К.Апанаев был известен как глубоко верующий мусульманин, исполнявший все предписания шариата, много делавший для сохранения и развития профессиональной приходской школы. Он долгие годы являлся председателем Общества пособия бедным мусульманам г.Казани, финансируя духовные и бытовые нужды своих единоверцев.

Кроме этого, предприниматель считался одним из самых активных членов казанского бюро партии «Иттифак аль-Муслимин»,

---

¹⁵⁷ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.768. Л.5.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

распорядителем его дел и казначеем. М-Б.А-К.Апанаев поддерживал ряд газет либерального толка и выступал с подчас с резкими речами на заседаниях городской думы и уездного земства в защиту религиозной образовательной автономии татарского населения.

В ноябре-декабре 1905 г. в домах купцов С.М.Аитова, А.Г.Хусаинова, М-С.М-С.Галикеева, М-З.А-К.Апанаева и других прошли многолюдные собрания мусульманской общественности города на котором с участие местных кадетов были выработаны основные принципы программы и названы дата и место проведения второго съезда. Казанское бюро «Иттифака...», в составе С-Г.Ш.Алкина, Ю.Акчурина, Г.Баруди и Г.А-К.Апанаева, полностью, опиравшихся на богатую джадидскую буржуазию и выражавших ее волю, инициировало проведение собраний по выборам делегатов во всех губерниях России, где проживало мусульманское население¹⁵⁸.

На данном политическом этапе движения происходило постепенное «разделение труда», передача буржуазией полномочий по велению идеологической работы видным религиозным деятелям, дворянами и светской интеллигенции. Не случайно, что из 22 депутатов-мусульман I Государственной думы, избранных после второго съезда партии «Иттифак аль-Муслимин» только трое относились к предпринимателям и промышленникам: М-З. Рамеев, С.Д. Максюттов, Г.С. Бадамшин.

В этой связи, мы не можем с полной уверенностью утверждать, что джадидская буржуазия являлась безоговорочным сторонником кадетской партии и полностью прониклась идеями либерализма. Ее либерализм, ограничивался требованиями религиозных свобод и равноправия, стремлением к объединению мусульман для решения насущных духовных и культурных задач. Вопросы же политической тактики и стратегии, создания избирательных блоков были отданы на откуп первым мусульманским профессиональным политикам: А.Тупчибашеву, Ю.Акчурина, С.Джантюрину, С-Г.Ш. Алкину, Г.А-К.Апанаеву. Доверие к ним как к прекрасным юристам, ораторам, идеологам, не означало безусловного совпадения во взглядах на те или иные проблемы государственного развития. Это, в частности, проявилось во время подготовки и работы III съезда мусульман, проходившего в Нижнем Новгороде 16–20 августа 1906 г. Здесь же произошла попытка ограничить влияние А-Р.Ибрагимова, который, выражая осторожные настроения определенной части буржуазии и духовенства, стал одним из подписантов верноподданической петиции, обосновывающей необходимость проведения этого общественного мероприятия. По данным Д.М.Усмановой текст ее составил инспектор Санкт-Петербургского

---

¹⁵⁸ НА РТ. Ф.51. Оп.10. Д.365. Л.36об.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

университета по студенческим делам князь Б.А.Тенишев. Кроме, А-Р.Ибрагимова петицию также подписал представитель левых Г.Исхаки и сторонник либералов А-Х.Н.Максуди¹⁵⁹. Ее содержание сводилось к следующему: «Мы, мусульмане России, будучи самыми верными Российскому самодержавию и, боясь распространения выдуманной им самим идеи панисламизма и идей, разрушающих жизнь народа – социализма и анархизма и вследствие противности этих идей основам нашего ислама – решили «законным» путем бороться с этими бичами. Мы Российские мусульмане чисты от всяких новых идей (идей свободы), пришедших из разных других государств. Мы будем служить нашему Белому Царю и его трону так же верно как служили ему наши отцы и деды, а потому распространение идей этих...заставляет с челобитием просить Вас, Ваше Высочайшее Превосходительство разрешить нам устроить собрание...»¹⁶⁰. Далее А-Р.Ибрагимовым озвучивалась программа, предстоящего съезда из 4 пунктов: 1) борьба с противными шариату идеями посредством печати и речей; 2) реформа мектебе и медресе, освобождение их от заведывания духовенства и передача в руки мусульманского общества; 3) реформирование и создание нового духовного управления согласно принципам ислама и культуры; 4) обсуждение вопросов, связанных с финансированием народного образования и вакуфной собственности¹⁶¹.

Конечно, содержание этого прошения было обусловлено стремлением А-Р.Ибрагимова, показав безупречную лояльность, получить официальное разрешение на проведение съезда, с тем, чтобы его работа проходила в деловой и спокойной обстановке¹⁶². С этой целью, вероятно, он добился подписания документа у своего давнего и принципиального оппонента Г.Исхаки и авторитетного буржуазного деятеля А-Х.Максуди. Кстати, власти, искавшие социальную опору в годы политической нестабильности, весьма оперативно откликнулись на «патриотическое» прошение мусульманских лидеров и разрешили проведение съезда. Этим была достигнута одна из важнейших и желанных целей джаидов по легализации деятельности союза.

Однако, А-Р. Ибрагимов, усвоивший уроки политического лавирования, также и желал сформировать относительно беспроблемный состав делегатов, без наиболее радикальных представителей моло-

---

¹⁵⁹ Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. – Казань, 2005. – С.138–139.

¹⁶⁰ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1207. Л.498–498об.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же. В частности жандармерия указывала на утверждение имама о борьбе с панисламизмом только как на уловку, способствующую беспрепятственному получению необходимого разрешения.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

дежного движения и горячих сторонников кадетов. Но эта попытка провалилась, а сам ее инициатор подвергся жесткой обструкции. Так И.Гаспринский, С-Г.Ш.Алкин и А.Тупчибашев, встревоженные таким поворотом дел, назвали прошение А-Р.Ибрагимова черносо-тенным и отказались принимать участие в съезде по его программе. Они создали даже специальную комиссию из 5 человек, куда вошли И.Гаспринский, А.Тупчибашев, Ю.Акчурин, Ш.Сыртланов, М. Давидович для получения от А-Р. Ибрагимова письменного покаяния и публикации его в газетах. В результате, имам обещал принести свои извинения при открытии съезда, на котором предполагалось обсу-дить последние 3 пункта его петиции и полностью игнорировать первый. Но на первом заседании, открывшемся 16 августа, он так и не выполнил своего обещания, мало того, вчерашние оппоненты сумели провести А-Р.Ибрагимова в число заместителей председателя собрания А.Тупчибашева. Скорее всего, все это произошло, благо-даря, твердой поддержке, скомпрометировавшего себя в глазах ли-беральных деятелей исламского идеолога, большинством присутст-вующих предпринимателей и духовенства.

Дальнейшее обсуждение программы партии, разработанной еще на II съезде в Санкт-Петербурге также выявило наличие зна-чительных противоречий, в первую очередь, по политическим пунктам. Соглашаясь в принципе с необходимостью мусульманско-го единства в борьбе с миссионерами ряд «правых» участников съезда отказывался рассматривать политические вопросы как не-разрешенные правительством к обсуждению и призывал ограни-читься кратким вариантом программы, сведенной к религиозными и культурными аспектами. Это относилось прежде всего к А-Р.Иб-рагимову и его сторонникам. Татарские эсеры во главе с Г.Исхаки и Ф.Туктаровым фактически солидаризовались с этой позицией, на том основании, что у различных классов не может быть общей по-литической программы и что союзу мусульман следует ограничить-ся сугубо просветительскими целями. Тот же Г.Исхаки говорил по этому поводу: «Среди нас мусульман, существуют, как известно, различные классы людей, например: среди нас есть и капитали-сты, и помещики, и дворяне, и рабочие, и землевладельцы крестья-не. Цели и требования этих классов совершенно различны и про-тивоположны: различно у них экономическое положение, а в поли-тико-экономическом отношении никогда не могут объединиться богач с пролетариатом, помещик с крестьянами, фабрикант с рабо-чими... Если так, то нам, мусульманам, нечего братья за непосиль-ное дело, а лучше предоставив полную свободу каждому присоеди-ниться в политико-экономическом отношении к любой пар-

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

тии...этот союз сделать учреждением чисто религиозным и распрстраняющим знание и просвещение»¹⁶³.

На самом деле важнейшей задачей татарских социалистов стало не учреждение конфессионально-просветительского союза мусульман, а недопущение принятия так называемой буржуазной программы, разделяющей установки кадетской партии. Ради этого они готовы были идти на компромиссы даже с самим А-Р.Ибрагимовым, который считал их своими главными противниками в деле создания единого общемусульманского движения. Впрочем, почувствовав опасность провала съезда, он, под давлением Ю.Акчурина признал, что борьба с миссионерами, по его мнению, означает и мирную борьбу с формой правления и партиями, способствующими ограничению прав мусульман¹⁶⁴. В свою очередь, либералы временно убрали из проекта программы пункты об уничтожении сословных привилегий по отношению к инородцам и законотворческой деятельности Думы, на основании которой император должен принимать свои решения. К консолидации буржуазных деятелей подтолкнуло и неожиданно слабovolное выступление И.Гаспринского, призвавшего, вообще не принимать никакой программы и не образовывать особой российской мусульманской партии.

По сути, Ю.Акчурина и А.Тупчибашеву удалось невероятными усилиями, несмотря на непонимание многих их соратников провести идею создания полноценной политической организации с внятными программными установками, которые должны были помочь в деятельности мусульманской фракции в Государственной Думе. При этом, съезд признавал, что «детальное обсуждение программы, состоящей из 75 пунктов, из коих большинство касается весьма кардинальных вопросов общественно-государственной, просветительской, религиозной, экономической жизни, не представляется возможным на многолюдном съезде, который в таком случае затянулся еще на 4–5 дней»¹⁶⁵.

Для этого была создана специальная комиссия, которая предложила принять программу как руководящие правила с возможностью внесения в нее в дальнейшем изменений «по указаниям опыта и жизни в интересах партии»¹⁶⁶. Таким образом, наиболее дискуссионную часть программы либералам удалось вывести из непосредственного и тщательного рассмотрения делегатами, утвердив ее в целом в качестве общих правил, и затем существенно дополнив и конкретизировав в более узком составе. Безусловно, данный

¹⁶³ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1207. Л.503–503об.

¹⁶⁴ Там же. Л.527.

¹⁶⁵ Фахрутдинов Р.Р. Мусульманский либерализм в конце XIX – начале XX века (очерки политической истории). – Казань, 1998. – С.104.

¹⁶⁶ Там же.– С.104.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

шаг являлся тактически верным ходом, так как большинство джадидских буржуазных деятелей склонялись к расплывчатым формулировкам программных установок и в основном концентрировались на охранительных проблемах и борьбе с миссионерами. Так, Ахметзян Мустафин преподаватель медресе «Мухаммадия», один из ближайших сподвижников Г.Баруди в своем выступлении подчеркивал: «Если мы желаем объединить всех мусульман России в одну партию, то необходимо обосновать эту партию на основах общепринятых Российскими мусульманами, поэтому я думаю созидать нашу партию на трех основных принципах: 1) Исламият (мусульманство), 2) Необходимость защиты Ислама и 3) Способы защиты. В действительности все мы в отношении Ислама – едины, едины и в призвании защиты Ислама. Все мы признаем эти основы и нравственно сочувствуем...Партию эту нужно легализовать утверждением правительства...Программа партии должна быть коротка: Все спорные пункты не должны быть упомянуты, неясные пункты должны быть все исключены и вся программа основана только на общепринятых принципах»¹⁶⁷.

Купец А.Я.Сайдашев, призывая к устранению противоречий между джадидским деятелями и представителями левых партий, заявлял: «Теперь время не спора: нужно действие, действие объединенное. Давайте же действовать старики и молодые за одно, а молодых прошу давать старикам несколько предпочтение... Конечно, нам мусульманам программа необходима, ибо действовать без программы невозможно. Великий Коран, слова пророка для нас программа. Как программа должна соответствовать требованиям времени, так и все мы должны быть в союзе»¹⁶⁸. Вообще, на съезде главенствовал объединительный пафос, стремление нивелировать идеологические разногласия и политические привязанности, что, безусловно, способствовало особой концентрации на рассмотрении четырех вопросов повестки дня, касающихся защиты и переустройства основных институтов мусульманской общины. В этой связи, яркие полемические выступления Ю.Акчурина, А.Тупчибашева, Ф.Туктарова и Г.Исхаки выглядели диссонансом на фоне примирительных слов А-Р.Ибрагимова называвшего социализм основой Ислама, восхищавшегося родственными чувствами единоверцев. В речи, произнесенной на последнем заседании, он утверждал: «Пять дней продолжался наш этот съезд. Богатые, бедные, старики и молодежь, дворяне, ученые, учащиеся – все присоединились к этому съезду. Все присутствовавшие вели себя чинно, и ораторы ярко развивали великие идеи. Радовали будущность нации, безна-

---

¹⁶⁷ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1207. Л.529об.-530.

¹⁶⁸ Там же. Л.529.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

дежным дали надежду. Так, что съезд этот... можно назвать «татарским парламентом»¹⁶⁹.

Главным итогом III Всероссийского мусульманского съезда стало официальное принятие программы реформаторской мусульманской буржуазии, признавшей необходимость политической борьбы с миссионерством, реформы конфессионального мусульманского образования, системы управления духовными делами мусульман, вакуфной собственности как материально-финансовой основы проводимых преобразований. Данные направления деятельности в целом согласовывались с требованиями буржуазии, продекларированными еще во второй половине XIX в. Поэтому, следует согласиться с утверждением С.М. Исхакова о том, что круг решаемых партией «Иттифак аль-Муслимин» задач сводился, в основном, к решению конфессионально-культурных проблем¹⁷⁰.

Такая работа была приоритетной в обширной политической программе мусульманской фракции Государственной Думы, возникшей 17 марта 1907 г. Ее деятельность детально рассмотрена в монографии Д.М.Усмановой¹⁷¹, поэтому мы ограничимся констатацией посильной поддержки джадидской буржуазии усилий тюркотатарских парламентариев по защите политических, духовных, культурных и экономических интересов и прав мусульманского населения Российской империи. Эта поддержка выражалась, в основном, в организационной работе на местах и осуществлению финансирования фракции. Причем депутаты Государственной Думы постоянно согласовывали принципы своей законотворческой деятельности с наиболее влиятельными представителями мусульманских общин. Например, после разгона I Государственной думы, лидер мусульманских парламентариев А.Тупчибашев прибыл в Казань, где 1 сентября 1906 г. выступил на меджлисе в доме А.Я.Сайдашева, на котором собрались около 20 человек из числа имамов, предпринимателей и редакторов газет. Все они заслушали обстоятельный доклад о мусульманской фракции думы, ее составе и итогах работы, актуальных задачах на будущий период. Однако, главным для А.Тупчибашева было обсуждение с улемами и представителями мусульманской буржуазии необходимость согласования законотворческой деятельности фракции с основами шариата. Это касалось законов о свободе вероисповедания, равноправии женщин и земле. Такое содержание разговора свидетельствовало об учете депутатами исламистских настроений духовенства и пред-

---

¹⁶⁹ Там же. Л.529об.-530.

¹⁷⁰ Исхаков С.М. Общероссийская партия мусульман // История национальных политических партий России. – М., 1997. – С.214–232.

¹⁷¹ Усманова Д.М. Указ. соч.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

принимательства, безусловной опоры на мнение исламской общест-
венности¹⁷².

Важными являлись и попытки членов III Государственной думы с помощью богатых единоверцев создать, наконец, дееспособное бюро фракции, работающее на постоянной основе.

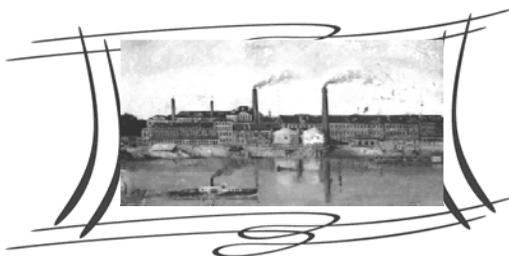
В начале XX столетия, татарское предпринимательство, осознавая необходимость коренных изменений национальной и религиозной политики, начинает первые шаги в партийном строительстве. Главной задачей идеологов джадидской буржуазии стало обоснование прямого и непосредственного участия в политической жизни государства, на стороне тех сил, которые требовали демократических свобод при сохранении монархии. Несмотря на то, что созданная в 1905 г. первая политическая партия мусульман России «Итти-фак аль-Муслимин» разделяла программные установки партии кадетов, либерализм большинства татарских буржуа ограничивался лишь требованиями религиозного и национального равноправия. В целом, для мусульманского предпринимательства было крайне важно консолидировать все политические силы татарского общества в единый антимиссионерский фронт, способный не просто защитить единоверцев от административного и идеологического воздействия, но и добиться от властей существенных уступок и преференций.

Однако, эта деятельность так и не получила своего успешного завершения из-за явных идеологических разногласий со «светскими» мусульманами, стоявших на ярко выраженных классовых позициях, а также довольно агрессивной позиции властных структур, видевших в политической активности татарской буржуазии проявления враждебного России панисламизма.

---

¹⁷² ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1207. Л.529 об.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

**1.4. «Братцы бросайте работать, это не ваша фабрика...»
(казанские рабочие в 1905–1907 гг.)**

История рабочего движения долгое время оставалась одним из самых приоритетных направлений отечественной историографии. Казанскому рабочему классу и зарождению в его недрах первых марксистских кружков посвящено немало исторических трудов¹⁷³. На современном этапе рабочие как социальная группа привлекают, главным образом, последователей историко-антропологических исследований. На первый план выходят вопросы, связанные с их психологией и бытом¹⁷⁴. Данный фокус помогает рассмотреть рабочий вопрос в отличном от традиционного понимании свете, раскрыть внутренние мотивы поведения социальной группы в контексте различных исторических событий. Такой анализ особенно успешно реализуется в рамках микроисторических исследований, когда объектом изучения выступает отдельно взятый трудовой коллектив. Но подобные исследования требуют серьезной источниковой базы. К сожалению, архивы не всех предприятий имперского периода сохранились полностью. Среди документальных собраний НА РТ наибольшей репрезентативностью обладают несколько фондов: Фабрично-торгового товарищества бр. Крестовниковых, Торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов, Казанского порохового завода и Торгового дома «Наследников коммерции советника И.В.Александрова». В этой статье мы будем

---

¹⁷³ Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. – М.: Наука, 1965; Его же. Казань в годы первого штурма царизма. – Казань, 1985; Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината имени Мулланура Вахитова. – Казань, 1950; Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. 1860–1960. – Казань, 1960. и др.

¹⁷⁴ Соколов А.К., Журавлев С.В. Введение: Alltagsgeschichte и изучение рабочей истории в России / Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. – М., 2010. – С.28–52; Валетов Т.Я. Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX – начала XX в. // Социальная история. Ежегодник, 2007. – М., 2008. – С.176–198; Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. – М., 2009.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

опираться, главным образом, на материалы по алафузовским рабочим. Это объясняется их активным участием в революционных волнениях, а также опытом изучения данного трудового коллектива в рамках других исследований¹⁷⁵.

Накануне революционных событий, в 1904 г. в Казанской губернии насчитывалось 326 предприятий с общим количеством рабочих 15 018 человек¹⁷⁶. При этом лишь в 3 предприятиях работало более 1 тыс. человек, остальные были средними и мелкими. Крупнейшими промышленными объектами были Казанский стеариномыловаренный завод братьев Крестовниковых, Торгово-промышленное общество Алафузовских фабрик и заводов, Казанский пороховой завод. Из-за большого наплыва рабочих рук в Казани уже к началу XX в. наблюдался переизбыток рабочей силы. Например, в 1904 г. фабричный инспектор сообщал казанскому губернатору о том, что «на всех фабриках и заводах губернии избыток рабочих рук по сравнению с требуемым количеством. Предложения не соответствуют спросу. Только в некоторых цехах Алафузовского завода ощущается нехватка рабочих, вызванная уходом некоторых рабочих на полевые работы. С возвращением последних спрос на этих цехах будет меньше предложения, и снова будет избыток рабочей силы»¹⁷⁷. Рабочие очень дорожили своим местом и старались избегать ситуаций, провоцирующих увольнение. Например, когда в начале 1903 г. в Алафузовском кожевенном заводе появился слух о покупке начальством машины для выработки кожаной обуви, среди рабочих и служащих началось брожение. Часть коллектива агитировала оставшихся сразу же сломать это оборудование, так как её установка «повлечет увольнение большинства рабочих»¹⁷⁸.

В начале 1905 г. в ведении фабричной инспекции Казанской губернии находилось 168 предприятий с числом трудящихся 17 083 чел. (из них 13 590 мужчин и 3 493 женщины). Через год, в начале 1906 г. предприятий насчитывалось 166. При этом за этот год 4 производственных объекта закрылись (число уволенных рабочих в них – 218 чел.), вновь были подчинены еще 2 фирмы (158 чел.). С учетом этих изменений число фабрично-заводских рабочих в Казанской губернии к началу 1906 г. составляло 14 765 человек (11 546 мужчин и 3 219 женщин)¹⁷⁹. В течение года были уволены

---

¹⁷⁵ Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. – Казань, 2015.

¹⁷⁶ Хасанов Х.Х. Указ. соч. – С.17.

¹⁷⁷ НА РТ. Ф.1153. Д.119. Л.19.

¹⁷⁸ История Казани в документах и материалах: XX век. – Казань, 2004. – С.291.

¹⁷⁹ НА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.157. Л.12.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

более 2 тысяч рабочих. Фабричная инспекция объясняла этот факт уменьшением числа военных заказов¹⁸⁰.

В революционном движении 1905–1907 гг. наиболее активное участие приняли алафузовские рабочие. Это казанское предприятие было одним из старейших. Кожевенные заводы Алафузова функционировали еще с 1860-х гг., позднее предприимчивый владелец фирмы И.И. Алафузов открыл рядом и льнопрядильную фабрику. На рубеже XIX–XX вв. основной специализацией Торгово-промышленного общества «Алафузовских фабрик и заводов» стала поставка обмундирования для российской армии. На этом поприще накануне Первой русской революции трудилось около 6 тыс. человек, в последующие годы число рабочих сократилось до 4 тысяч. Массовые сокращения на предприятии были обусловлены как объективными факторами, так и неудачным стечением обстоятельств.

Увеличение конкуренции на рынке труда приводило к понижению заработной платы, но большинство людей соглашалось даже на низкооплачиваемую работу. Особенно это касалось женщин и детей. Материальная нужда и жизненные тяготы способствовали все большей эмансипации, как русских женщин, так и женщин других национальностей. В Алафузовских предприятиях подавляющую часть рабочих составляли женщины. Например, по данным 1900 г. (очевидно, учитывались и надомные работницы, и сезонные) на льнопрядильно-ткацкой фабрике и кожевенных заводах трудились 11 800 женщин и 1 560 мужчин¹⁸¹.

Взаимоотношения в рабочих коллективах, где трудились и мужчины, и женщины, порождали различные конфликтные ситуации. Дело усложнялось тем, что в России не было еще окончательно выработано ни трудовое законодательство, ни адекватное обывательское отношение к работающей женщине. Во многих источниках прослеживается угнетение работниц Алафузовских предприятий вышестоящими мастерами. О «грязных» предложениях мастеров писала исследовательница женского вопроса З.Бурнашева¹⁸². Вспоминали об этом и сами бывшие ткачихи, и другие рабочие. Все эти моменты накапливались в массовом сознании и служили фактором будущих социальных взрывов.

Кроме гендерных проблем, в трудовом коллективе Алафузовских заводов и фабрик взаимоотношения осложнялись многонациональным составом работников. Среди рабочих и служащих фирмы были русские, греки, татары, чуваша, марийцы, немцы и

---

¹⁸⁰ Там же. Л.31.

¹⁸¹ История Казани в документах и материалах. XIX век. – Казань: Магариф, 2005. – С.62.

¹⁸² Бурнашева З. Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан. – Казан, 1971. – Б.21.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

представители других народностей России. По отдельным данным в предприятиях Алафузовых в Ягодной слободе около 30–40% рабочих составляли татары¹⁸³. По нашим подсчетам эти цифры выглядели немного скромнее. Например, в 1906 г. среди мужчин-рабочих число мусульман доходило до 22,5%. Подсчеты проводились на основе списков рабочих, наделенных избирательным правом¹⁸⁴. Конечно, в это число вошли не все работники. В список не были включены женщины, а также не вошла та часть рабочих, которая, очевидно, проходила по другим избирательным спискам (как представители других социальных групп).

Помимо этноконфессиональных, гендерных факторов, важным моментом являлось взаимодействие рабочих и служащих в рамках имеющегося на предприятии социально-профессиональной иерархии. Несмотря на постоянное взаимодействие в производстве и сфере обслуживания, рабочие и служащие в повседневной жизни держались достаточно обособленно. Служебные отношения могли быть осложнены личностными конфликтами, различные требования вышестоящих мастеров и служащих не всегда воспринимались рабочими спокойно.

«Обращения администрации с рабочими самое грубое, – вспоминал бывший рабочий П.К.Николаев, – так, например, директор завода Мурен всех рабочих звал, эй черт поди сюда»¹⁸⁵. Ему вторит и другой рабочий, металлист В.Ситников. Обращались либо «... просто эй штучка иди сюда, или еще позорнее, хуже, как манят обыкновенно собак, у которых не знают имени, чмокая губами и деляя жесты пальцем, куда нужно идти, и что делать», – писал он в 1925 г.¹⁸⁶ Он работал на механической фабрике М.Я. Рама. В этом предприятии трудились и заграничные мастера. Взаимоотношения между мастерами-немцами и российскими рабочими складывались не просто. По словам рабочего, мастера «начинали ко всякой совершенно не существенной мелочи придирааться»¹⁸⁷. И дело было, очевидно, не только в языковых трудностях, но и в разном подходе к делу и качеству выполняемой работы.

Определенным разъединяющим фактором была и существенная разница в вознаграждении труда. Например, средняя зарплата алафузовского рабочего в начале XX в. была почти в 6,5 раз ниже

---

¹⁸³ Загидуллин И.К. Махалля в промышленных поселениях Европейской части России и Сибири (XIX – нач. XX в.) // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы научно-практической конференции. – Казань, 2006. – С.71.

¹⁸⁴ НА РТ. Ф.94. Оп.1. Д.1065. Л.2–36.

¹⁸⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2098. Л.68.

¹⁸⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2507. Л.1.

¹⁸⁷ Там же. Л.3.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

жалованья среднестатистического служащего¹⁸⁸. Административный аппарат, технические кадры, торговые работники фирмы составляли около 2% от общего числа рабочих предприятия. В самоорганизации служащих наблюдалось четкое разделение на «своих» и «чужих». Например, в собрание служащих Алафузовских заводов и фабрик, созданное в 1902 г., допускались представители различных сословий, в том числе гости, но вход был закрыт для рабочих Алафузовской фирмы. Они не могли принимать участие в маскарадах, балах и различных вечерах служащих. Очевидно, считалось, что совместное свободное времяпрепровождение может отрицательно сказаться на существующей субординации.

Если вернуться к сокращениям алафузовских рабочих накануне революционных событий 1905–1907 гг., то одним из поводов для временного прекращения работы предприятия стал крупный пожар в ночь на 18 октября 1904 г. В нем сгорели ткацкая, химическая и сушильная, часть кожевенной и сапожной мастерских, вместе с машинным оборудованием и товаром. Ущерб был достаточно существенным, для выяснения всех обстоятельств из Санкт-Петербурга в Казнь приехал даже Николай Иванович Алафузов, родной брат основателя фирмы. Никто из работников не пострадал, но более 1300 человек временно остались без работы. «... Часть (рабочих. – прим. авт.) будет немедленно распущена, остальным по возможности предоставлено занятие. Уцелевшие отделения начнут работать после полудня», – говорилось в телеграмме фабричного инспектора, который он поспешил отправить в Отдел промышленности в Санкт-Петербурге¹⁸⁹. Основной причиной пожара считали обычную неосторожность, брошенный кем-то из рабочих окурков в химическом отделении привел к возгоранию.

После пожара в Казань приехали представители льнопрядильных фабрик из Вязнякова Владимирской губернии, из г. Нижнего Новгорода и приглашали в свои предприятия алафузовских рабочих. Но приняли приглашение о работе лишь 50 чел., а большинство ткачей отказались ехать в эти фабрики. Они предпочли состояние временного безработного и остались в Казани, дожидаться возобновления производства в Алафузовской фабрике. Рабочие верили, что вскоре им будет представлена работа, либо в отремонтированных цехах, либо в новых отделах. Действительно, администрация фабрики собиралась устроить их временно в другие отделы и организовать работу в две смены¹⁹⁰. В начале XX в. на Алафузов-

---

¹⁸⁸ Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. 1860–1960. – Казань, 1960. – С.162–163.

¹⁸⁹ НА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.91. Л.61.

¹⁹⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1591. Л.7, Зоб.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

ских предприятиях г. Казани рабочие с трудовым стажем свыше 10 лет составляли 35–40% от общего числа работников¹⁹¹, что указывает на стабильность в кадровом составе фирмы.

Мужчины-рабочие подразделялись на 3 категории. К 1 категории относили специалистов, на подготовку которых уходило много времени и их трудно было заменить, ко 2-й категории принадлежали рабочие, занимавшиеся тяжелым физическим трудом при плохих санитарных условиях, 3 категорию составляли рабочие, занятые менее тяжелой физической работой, с меньшим вредом для здоровья. Заработок начислялся в зависимости от категории¹⁹². Руководство фирмы высоко ценило, как квалифицированного служащего, так и подготовленного рабочего. Например, вот что вспоминал о бывших работодателях рабочий шорной мастерской Михаил Борисов, устроившийся на работу к Алафузовым в 1904 г.: «...квалифицированная рабочая сила по сбруйной части была настолько необходима в тот момент на Алафузовской фабрике, что мы с Венедиктовым получили от Архипова (мастера. – *прим. авт.*) и выполняли особое поручение: сманить от городских хозяев-шорников всех желающих работать подмастерьев и старших учеников... Десятка два ребят не меньше понавербовали мы в Казани сбруйщиков. А если принять во внимание, что в Казани наемных работников по шорно-сбруйной части всего-то было не больше двадцати пяти человек, то поставленная нам Архиповым задача была выполнена почти полностью... Ребята шли охотно»¹⁹³. Этот же рабочий писал о том, что городских шорных мастеров привлекали в Алафузовских мастерских условия работы и заработок, последний был выше, чем у мелких шорников.

«Больших усилий стоило образовать контингент опытных рабочих, подготовленных и специализировавшихся на пошивке обмундирования и белья; качества пошивки улучшены до такой степени совершенства, что браковки за шитье почти не имеют места: всякое прекращение и даже сокращение работ сопровождаясь изменением контингента рабочих, подыскивающих другую форму труда, несомненно отзывалось впоследствии ухудшением качества работы», – сообщало руководство торгово-промышленного общества уже в 1910 г.¹⁹⁴ В связи с этим, в этот период руководство старалось не устраивать массовые увольнения рабочих, а удержать их в случае уменьшения заказов, предоставляя другие условия работы (сокращая норму выработки или вводя 3-х дневную рабочую

---

¹⁹¹ История Казани. Кн.1. – Казань, 1988. – С.191.

¹⁹² НА РТ. Ф.Р-571. Оп.1. Д.4. Л.61.

¹⁹³ НА РТ. Ф.Р-4545. Оп.1. Д.5. Л.115.

¹⁹⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.4200. Л.8–8об.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

неделю). Это практика, возможно, была продиктована и опытом революционной поры, когда после массовых сокращений пришлось набирать новый состав рабочих.

Кроме рабочих (делились на постоянных и сезонных) на Алафузовских предприятиях имелись еще так называемые подмастерья. Под началом рабочих они проходили определенное обучение, время которого могло растянуться на несколько месяцев, и только после этого им предоставляли постоянное место работы. Подмастерья были наиболее бесправными, получали за свой труд самое крохотное жалованье, большая часть которой уходила на оплату обучения.

Рост или уменьшение числа рабочих, прежде всего, зависел от потребностей армии, от интенсивности казенных заказов. С 1893 г. Торгово-промышленное общество «Алафузовских фабрик и заводов» выполняло различные долгосрочные контракты (сроком на 5 лет) на поставку комплектов военного обмундирования. Сверх долгосрочных контрактов выполнялись и краткосрочные на изготовление обмундирования и сапог. Такие контракты, как правило, были связаны с началом военных кампаний. Например, заказы увеличивались во время русско-японской войны в 1904–1905 гг. Кроме обмундирования и обуви с 1904 г. на Алафузовских фабриках и заводах начинается изготовление нательного белья и постельных принадлежностей для армии. В течение 1906 г. были приняты подряды на изготовление белья количеством 4 724 000 штук, в 1907 г. 1 782 000 предметов, в 1908 г. 1 806 000¹⁹⁵.

В условиях интенсивного выполнения военных заказов увеличилось количество сверхурочных работ, в том числе и ночных смен. Неслучайно уже в 1904 г. алафузовские рабочие устроили очередную забастовку. Они прекратили работу, требуя повышения заработной платы. «Конные городские разъезжали группами по пять всадников. Они разъединяли кучки рабочих, собравшихся на площади, на перекрестках. Проходи, проходи, не останавливайся! – кричали они, помахивая плетками. Рабочие, поругиваясь, нехотя расходились. Они уже неделю тому назад бросили работу, – вспоминал А.И.Кудрявцев, корреспондент «Волжского вестника», об этих днях. – Дома сидеть было и скучно, и было нудно слушать жалобы жен и матерей, озабоченных предстоящей нуждой. На улице, на народе было лучше. Трактиры и пивные были переполнены. Пиво и водку пили все, у кого была возможность, но сильно пьяных не было. Не такое было время»¹⁹⁶.

---

¹⁹⁵ НА РТ. Ф.94. Оп.1. Д.798. Л.80б.

¹⁹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1660. Л.6.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

С 1 марта 1904 г. в связи с продлением рабочего дня на час жалование каждого рабочего было увеличено на 10%¹⁹⁷. Однако не всех это удовлетворило. Так, 26 апреля 1904 г. рабочие ткацкой фабрики Алафузовых остановили работу и вновь просили прибавки к заработной плате. После обещания заведующего фабрикой Титовым увеличить плату, они «без всякого шума и беспорядка» возобновили работу¹⁹⁸. Несмотря на имеющуюся материальную мотивацию, перестройка рабочего режима в будущем стало одним из поводов для рабочего недовольства.

Во время забастовки в январе 1905 г., одним из основных требований стало уменьшение рабочего времени с 11 до 8 часов. Кроме того, рабочие хотели 50% надбавки к жалованию, аннулирования штрафов, отмены сверхурочных работ, запрещения обысков при выходе с завода, улучшения условий труда, устройства столовых и бесплатных бань. В списке требований были обозначены вежливое обращение с рабочими, наказание мастеров за грубость, право рабочих на стачку. Женщины выступали за освобождение от работы во время беременности с сохранением заработной платы. Забастовка на предприятиях Алафузовых длилась 4 дня – с 20 по 23 января 1905 г. Протестное движение, по данным Х. Хасанова, начавшееся в прядильном отделении, к вечеру первого дня охватило 2 тыс. человек, на следующий день в ней принимало участие 4600 человек¹⁹⁹. Между тем, отказ от работы такого количества рабочих объясняется не только их инициативой, но и действиями администрации в этот период. Так, было принято решение о прекращении работ до 24 января. Руководство опасалось буйства некоторых рабочих, поэтому на время распустило трудовой коллектив и отключило, в первую очередь, электрическую станцию. Даже в жилых помещениях рабочих вместо электричества по вечерам зажигали стеариновые свечи, керосиновые были под запретом. Протестующим рабочим предлагался расчет, а тех, кто желал продолжить работу на предприятиях, просили подождать, пока «водворится порядок». «На фабриках Алафузова производится раздача заработанных денег, рабочие не отказываются работать, но и не приступают; их подстрекают явившиеся туда переодетые рабочими студенты...», – сообщал 22 января 1905 г. и.о. казанского полицмейстера П.Б.Панфилов²⁰⁰.

---

¹⁹⁷ НА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.121. Л.15.

¹⁹⁸ НА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.121. Л.27.

¹⁹⁹ Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. – М., 1965. – С.67–68.

²⁰⁰ Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг. Документы и материалы / под ред. Х.Х.Хасанова и С.И.Мухамедова. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – С.42.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

Но некоторые рабочие вели себя деструктивно и далеко за пределами фабрики. Так 23 января 1905 г. директор фабрики Крестовниковых Лебедев жаловался казанскому полицмейстеру на то, что алафузовские рабочие бьют стекла в жилых домах в дер. Жировка Казанского уезда (там квартировали преимущественно крестовниковские рабочие). Напуганный управляющий хотел вызвать страж порядка, но порядок удалось восстановить местными силами²⁰¹.

С 25 января 1905 г. работы на предприятиях Алафузовых были возобновлены. В этот период специально из столицы приехал один из владельцев общества – Николай Николаевич Алафузов²⁰². Во многом он взял на себя обязанности директора-распорядителя фирмы – своего отца Н.И. Алафузова.

Молодой руководитель Николай Николаевич пытался взять под свой контроль не утихающее забастовочное движение в казанском фабрично-заводском комплексе²⁰³, поначалу проявляя вполне либеральное отношение к рабочим требованиям. Еще недавно он был вольнослушателем Казанского университета, и демократические воззрения студенческой молодежи ему были известны не понаслышке. Да и среди администрации фирмы встречались приверженцы либеральных взглядов. Например, незаурядной личностью был директор кожевенного завода Завадский Андрей Андреевич. В 1905 г., когда часть коллектива написала поздравительный адрес на имя Николая II в честь дня ангела императора, Завадский выступил против. Он считал, что работников заставили подписать адрес и винил во всем этом инициатора – одного из служащих конторы. В результате, поздравительный адрес был попросту уничтожен²⁰⁴. Неординарный, обучавшийся за границей молодой специалист А.А. Завадский вызвал подозрение у казанской жандармерии. В этот период за ним было установлено негласное наблюдение²⁰⁵. Но как в случае показной лояльности к императору, так и проявлении оппозиционных начал массами руководили отдельно взятые личности, часто выталкивая наружу их глубоко запрятанные чувства. «До этого дня они жили почти безотчетно, какими-то неясными, неизвестно когда, незаметно как сложившимися представлениями о власти, законе, начальстве, о своих правах. Бесформенность этих представлений не мешало им опутать мозг густой, плотной сетью, покрыть его толстой, скользкой коркой; люди привыкли думать, что в жизни есть некая сила, призванная и способная за-

---

²⁰¹ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.266. Л.3.

²⁰² Там же. Л.31 об.

²⁰³ Лившиц С. Казань в годы первой революции (1905–1907 гг.). – Казань, 1930. – С.112.

²⁰⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.281. Л.1–2.

²⁰⁵ Там же. Л.1.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

щищать их, есть – закон. Эта привычка давала уверенность в безопасности и ограждала от беспокойных мыслей. С ней жилось недурно, и, несмотря на то, что жизнь десятками мелких уколов, царапин и толчков, а иногда серьезными ударами тревожила эти туманные представления, они были крепки, вязки и сохраняли свою мертвую цельность, быстро зарастывая все трещины и царапины, – писал М.Горький. – А сегодня сразу мозг обнажился, вздрогнул и грудь наполнилась тревогой, холодом. Все устоявшееся, привычное опрокинулось, разбилось, исчезло»²⁰⁶.

Так и все требования рабочих были сформулированы не самими трудящимися, а под влиянием лиц, не имеющих никакого отношения к производству. Во время митинга среди алафузовских рабочих был задержан один из агитаторов – студент Лев Венедиктович Попов со 136 прокламациями. Вместе с ним были еще два студента²⁰⁷.

Вот как вспоминал этот день один из участников-рабочих: «... в самый день забастовки, часов около 3-х пополудни, прогудел послеобеденный гудок и мы, шорники уселись за свои верстаки на работу. В мастерской по случаю военных заказов на Японскую войну работало тогда человек полтора, а если не двести. Еще в самый обед положение сделалось каким-то особенным «таинственным», никто ничего толком не знал, но все чего-то ждали... кто-то, что-то начнет и кто-то придет к нам». В итоге, действительно пришел «молодой человек не из рабочих», «студент». Неизвестные рабочим люди скомандовали рабочим «кончай работать, ребята пойдем...». Толпа из 200–300 человек пошла за «студентом»²⁰⁸. В городе их разогнала полиция и солдаты. Но часть алафузовских рабочих вновь решила продолжить протест уже в Ягодной слободе. То, что не все участвовали в забастовке и более того противились этому иллюстрирует следующий эпизод. Толпа бастующих направилась в овчинно-кожевенную мастерскую. Там работало человек 40, практически все были татарами. «Толпа остановилась на улице, а в самый завод вошло человек десять – так сказать – застрельщиков; через короткий промежуток возвратились человека три и объявили ожидающим на улице: «Ребята, тут не хотят бросать работы...».

– Так гоните их в шею, чертей сыромолотных... И через несколько мгновений все «сыромолотные» были изгнаны из помещения, – писал бывший рабочий М.И.Борисов. – Потные, совершенно

---

²⁰⁶ 1905 год. Рассказы. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955. – С.24–25.

²⁰⁷ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.299.

²⁰⁸ НА РТ. Ф.Р-4545. Оп.1. Д.5. Л.118.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

без рубашек, в каком-то рубище – вместо штанов и почти босиком один за другим выскакивали рабочие кожевники из завода и по морозу бежали через двор и в другое помещение, где у них должно быть, была спальня-казарма...»²⁰⁹. Исследователи советского времени называли таких рабочих «наиболее отсталыми» в политическом отношении²¹⁰. Однако работники ряда мастерских (сбруйной, шорной и т.д.) действительно получали на порядок больше основной массы рабочих, они были в целом довольны своим материальным положением.

Кроме того, в кожевенных цехах Алафузовских заводов работали в основном татары. Они отличались более тихим поведением, терпеливо выносили тяготы фабрично-заводской работы и жизни при ней. То же самое можно сказать и о крестовниковских рабочих, среди которых достаточно было мусульман. Они практически не участвовали в революционных волнениях. Например, в бурные октябрьские дни 1905 г. рабочие Крестовниковского завода отказались присоединиться к толпе революционеров с красными флагами, подошедшей прямо к предприятию²¹¹.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в других губерниях. Так в июле 1905 г. не состоялась забастовка в Бондюжском химическом заводе (Елабужский уезд Вятской губернии). По словам жан-дармского ротмистра Малюги, не смотря на подстрекательства некоторых рабочих, забастовка не состоялась из-за «неподготовленности татар», которые составляли главную рабочую силу завода²¹². Алафузовские рабочие-татары тоже не всегда участвовали в забастовках. По некоторым данным, во время рабочих выступлений 1905 г. они неохотно присоединялись к коллективным требованиям и, невзирая на призывы бросить станки, продолжали трудиться²¹³. «Братцы бросайте работать, это не ваша фабрика, а татарская...», – кричал один из рабочих во время митинга 20 июня 1905 г., намекая на поведение коллег-татар²¹⁴. Эти факты заставляют задуматься об особенностях психологии татар, основу которой составляли терпение и фатализм.

Во время зимних выступлений алафузовских рабочих администрация грозила бастующим увольнением, многие впоследствии, действительно, были уволены и обратно на работу уже не принимались. Очевидно, этот факт в какой-то мере остановил забастов-

---

²⁰⁹ Там же. Л.123.

²¹⁰ Фирсов И.Н. 1905 год в Казани. – Казань, 1941. – С.26.

²¹¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д. 2240. Л.17об.

²¹² 1905 год в Вятской губернии. Сборник статей, воспоминаний и материалов. Репринт. – М., 2014. – С.43.

²¹³ НА РТ. Ф.Р-4545. Оп.1. Д.5. Л.123.

²¹⁴ Там же. Л.142об.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

ку. «Все явившиеся на работу рабочие, как на заводе Алафузовых, Крестовникова и других трезвы, никаких требований администрации не предъявляют и ведут себя хорошо», – сообщал казанский полицмейстер 25 января 1905 г. Единственным нарушением порядка со стороны рабочих были надписи карандашом «Долой самодержавие, да здравствует свобода» на некоторых объявлениях губернатора. Представители администрации тут же уничтожали такие испорченные объявления²¹⁵. К слову, в нелегальных газетах того времени клич «Долой самодержавие» называли самой «известной русской поговоркой», намекая на широкую распространенность²¹⁶.

Забастовочные требования рабочих были приняты во внимание лишь через месяц, а изменения, внесенные в работу предприятия, носили скорее компромиссный характер и были не столь значительными, как ожидали того бастующие. В частности, рабочее время было сокращено до 10 часов. «По примеру администрации заводов Крестовниковых, администрация заводов Алафузова тоже улучшила несколько положение своих рабочих, – сообщала газета «Волжский листок» 23 февраля 1905 г. – Рабочий день сокращен на 1 час, так что вместо 11 часов рабочие будут работать 10 часов. В субботы и дни предпраздничные число рабочих часов сокращено до 9. Для малолетних вместо 6 часов назначено 5 часов при двух сменах»²¹⁷. Была увеличена и заработная плата, но не на 50%, а лишь на 10. К слову, сокращение количества часов работы обернулось для рабочих другим испытанием. От них теперь требовали более эффективного выполнения нормы выработки за короткие сроки.

Общая атмосфера в городе в этот период осложнялась различными тревожными слухами, которые то предупреждали о громадной народной демонстрации с целью избиения полицейских и начальствующих лиц, то о планируемых рабочих беспорядках. Некоторые сплетники пугали даже предстоящим взрывом порохового завода. Особенно устрашающе выглядели слухи о «черной сотне», т.к. то и дело в городе происходили избиения студентов или других лиц интеллигентного вида. Все эти слухи циркулировали по цехам и мастерским Алафузовских предприятий. Иногда сами рабочие выступали источником подобной сомнительной информации. Например, в феврале 1905 г. алафузовский рабочий Плотников предупредил своего брата – городского 6-й части Плотникова, чтобы

---

²¹⁵ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.266. Л.4.

²¹⁶ Кирьянов Ю.И. Рабочие России в революционной ситуации накануне первой буржуазной демократической революции // Реформы или революция? Россия, 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. – СПб., 1992. – С.93.

²¹⁷ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.38.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

он уходил с полицейской службы, если хочет быть целым, так как на днях будут страшные беспорядки. Другой рабочий Сайфуллин заявил тому же городовому о том, что хозяин завода сделал распоряжение о прибавке к заработной плате, а администрация завода об этом умалчивает, почему все рабочие на днях намерены устроить забастовку снова²¹⁸. Несмотря на явные преувеличения и искажение передаваемой информации, в основе большинства слухов – недовольство рабочих сложившейся ситуацией. Вскоре все эти социальные ожидания вылились в новые забастовки.

С окончанием русско-японской войны значительное количество трудящихся на предприятии мужчин и женщин были уволены. Если в 1904 г. их число достигало 6000 человек, то уже в следующем году – чуть более 4 тысяч. «В виду окончания русско-японской войны, подрядов от интендантства не поступало и шорно-амуничное дело на Алафузовской фабрике и заводе было свернуто почти совершенно, – вспоминал один из рабочих. – Пару тысяч рабочего народ «вытряхнули» тогда от Алафузова. О переходе в какое-либо другое отделение фабрики, при таком массовом сокращении, разумеется, мечтать не приходилось»²¹⁹. Этот момент, безусловно, стал одним из катализаторов новых рабочих волнений на предприятии. Например, на фоне массовых увольнений не могло быть и речи о повышении заработной платы оставшимся рабочим. Хотя материальные вопросы всегда оставались одним из самых животрепещущих.

«Хочется жить по-человечески, как и другие люди живут... На 10, на 12 руб. в месяц можно жить с семьей только так, как живет скотина... А как быть, когда заболеешь... сделаешься инвалидом...», – эти высказывания рабочих в 1905 г. зафиксировал в своих записках фабричный инспектор С.Гвоздев, и они, безусловно, отражали настроения основной массы фабрично-заводских тружеников²²⁰. Характеризуя положение рабочих, говорил об ожидаемых им от революции условиях, дающих «возможность общечеловеческого развития», и идеолог анархического движения П.Кропоткин в 1906 г.²²¹ Правда, он имел ввиду уменьшение рабочего дня и управление рабочих промышленностью.

Если взглянуть на специализацию участников рабочих забастовок из числа алафузовцев, то больше всего недовольство своим

---

²¹⁸ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.266. Л.29.

²¹⁹ НА РТ. Ф.Р-4545. Оп.1. Д.5. Л.166.

²²⁰ Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината им. М.-Н. Вахитова. – Казань, 1950. – С.116.

²²¹ Русская революция и анархизм. Доклады, читанные на съезде коммунистов-анархистов, в октябре 1906 г. / под ред. П. Кропоткина. – Лондон, 1907. – С.19.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

материальным положением высказывали ткачи и прядильщики²²². В этой сфере были заняты преимущественно женщины и подростки, традиционно входившие в категорию наиболее низкооплачиваемых работников. В целом, были «довольны своим положением, требований или совсем не выставляли или же добивались весьма скромных улучшений» рабочие кожевенные мастерских Алафузовых. Например, потомственный рабочий-ткач Садык Сагеев в 1905 г. получал от 12 до 15 рублей в месяц. Это был единственный его источник дохода, проживал он в съемном жилье²²³. Если сравнить его заработок со сделными расценками рабочего шорной мастерской (даже если в день он зарабатывал 2 рубля), то мы увидим, что разница в среднем составляла почти 37 рублей, что было весьма существенной суммой для того времени. Таким образом, одним из основных факторов в мотивации недовольных рабочих являлись материальные вопросы. Неслучайно, еще до революционных событий 1905 г. именно ткачи не раз объявляли забастовку с экономическими требованиями.

Такая же ситуация была и на других предприятиях. Своевременно предпринятые меры по удовлетворению материальных запросов, избавили некоторых из них от новых забастовок. Например, директор завода братьев Крестовниковых – Зайцев еще с 1 февраля 1905 г. ввел следующие изменения: увеличил на 10% заработную плату, прибавил квартирные и так называемые харчевные (на питание) деньги. Кроме того, не обошлось и без строгих мер. Размер взыскания за прогулы без уважительных причин равнялся четверти заработка²²⁴. Советские исследователи очень часто пассивность крестовниковских рабочих связывали с неразвитостью их гражданской позиции, с косностью их мировоззрения. Но наш взгляд, здесь следует учитывать и опережающие меры администрации предприятия.

Летом 1905 г. под влиянием сокращенных бывших коллег и общего рабочего движения, в том числе из-за подстрекательства принятых на работу к Алафузовым рабочих из Москвы, Варшавы, Иваново-Вознесенска и других крупных городов на предприятии вновь начались волнения. «В городе идет сильная агитация с целью устроить революционную демонстрацию и взорвать пороховой завод. По городу ходит масса рабочих. Была небольшая демонстрация: арестовано 6 евреев и 20 человек русских и татар», – сообщил некий казанец А.Левин в письме к Е.М.Левинной от 26 июня

---

²²² Лившиц С. Казань в годы первой революции (1905–1907 гг.). – Казань, 1930. – С.108.

²²³ Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 г. / пер. с тат. – Казань, 1926. – С.125.

²²⁴ НА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.159. Л.27.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

1905 г.²²⁵ Вскоре трудовой коллектив торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов предъявил новые требования к администрации предприятия. Забастовка началась 7 июля. В 12 часов дня часть рабочих прекратила работу, и устроила в фабрично-заводском дворе митинг. Они вновь требовали 8-часовой рабочий день, повышения заработной платы, отмены штрафов, выдачи полного жалования во время болезни, увольнения некоторых мастеров и т.д. В числе таких неугодных служащих называли мастера Кошкарев (Кочкарев), Линзе, Фролов и другие. Рабочие считали их грубыми и бесчеловечными²²⁶. Например, мастер Кочкарев был известен своим излишним вниманием к женскому полу. «Очень часто принимал к себе на работу женщин и девушек «посмазливее», и, пользуясь положением администратора и тяжелым материальным положением работниц, вынуждал их к половому сожительству со своей особой, – писал свидетель событий М.Борисов. – Понятно, не желающие тешить похоть мастера, выбрасывались за ворота фабрики, туда же вылетали, может быть, обесчещенные и надоевшие администратору жертвы. Иногда, чтобы дать место какой либо фаворитке, Кочкарев увольнял с работы мужчину, часто обремененного семейством...»²²⁷.

Однако руководство фирмы отказалось удовлетворять требования рабочих. Им опять грозили увольнением, ряды бастующих после оглашения этой угрозы заметно поредели. Часть рабочих вернулась в мастерские и цеха. В Ягодной слободе в это время постоянно патрулировали полицейские и жандармы, для разгона возможных сборищ были призваны казаки, у товарных складов и других фабрично-заводских зданий были расставлены часовые. Митинги рабочие собирали за пределами предприятия. Активисты призывали продолжать протест, несмотря на предупреждения работодателей. Один из агитаторов по кличке «Андрей» 9 июля 1905 г. написал своему товарищу Григорию Левину о том, что требования рабочих пока носят экономический характер. Но он верил, что ораторы постепенно подведут их и к политическим вопросам. По его сведениям на митинги рабочие собирались по два раза в день. Обсуждали свои проблемы сообща и приказчики, портные, служители аптек и работники других сфер. Массовые собрания в эти дни каждый раз посещали не менее 500 человек²²⁸. «... Собрания все проводились на экономической почве, и масса шла к нам, но когда стали выставлять политические требования и дело стало

---

²²⁵ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.293. Л.219.

²²⁶ Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. – М., 1965. – С.104.

²²⁷ НА РТ. Ф.Р-4545. Оп.1. Д.5. Л.124.

²²⁸ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.293. Л.245.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

касаться царя, то масса стала отходить, и посещаемость уменьшилась на много», – вспоминал рабочий М.П.Афанасьев²²⁹. Так митинг 11 июля, собравший лишь 200 человек, был разогнан казаками. Материальные трудности и несговорчивость администрации фирмы вынудили рабочих прекратить забастовку²³⁰.

В Казани, очевидно, что некоторых обывателей постепенно уже начали раздражать и сами агитаторы. Например, во второй половине июля 1905 г. казанский мещанин Платонов (в нетрезвом состоянии) замахнулся камнем на студентов, которые предложили ему до этого свои прокламации со словами: «на вот почитай и другим передай рабочим, пора уже и вам проснуться». В итоге студенты спаслись бегством. «Весьма возможно, что агитаторы, если не прекратят противоправительственной пропаганды, могут быть избиты рабочим народом, среди которого замечается неудовольствие к ним; это же неудовольствие существует и среди рабочих Алафузовских рабочих», – такой прогноз делали служащие Казанского губернского жандармского управления в 20-х числах июля 1905 г.²³¹

При этом в ближайших к Казани населенных пунктах рабочие некоторых предприятий устроили первые забастовки лишь осенью 1905 г., революционные настроения дошли до них не сразу. Так, трудящиеся Богдановского стекольного завода в селе Васильева в октябре 1905 г. впервые предъявили хозяину требования о немедленном повышении заработной платы и добились 20% надбавки²³². Еще позднее дошли сведения о народных волнениях до жителей более дальних уездов. Так, рабочие Чебоксарского уезда узнали о революционных событиях лишь после оглашения манифеста 17 октября в ноябре 1905 г. Воспоминания об этих днях, зафиксированные бывшим работником П.И.Ефимовым уже в советские годы, поражают отсутствием идеологических клише, своей не типичностью в оценке быта и мироощущения дореволюционных рабочих.

«Завод этот официально назывался так: «Судостроительная верфь и ремонтные мастерские акционерного общества «Дружина». На заводе работало в зимнее время 350–400 человек, по летам – около 250 человек, – писал он. – Летний контингент рабочих и служащих, за немногими исключениями, составляли старожилы. Много рабочих было таких, которые работали здесь с детского возраста, у многих рабочими завода о-ва «Дружина» были отцы и даже деды. Жили рабочие крепко, хозяйственно. Обзаводились собственными домиками, скотиной. И не походили на других рабочих.

²²⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.227. Л.2.

²³⁰ Хасанов Х.Х. Указ. соч. – С.105–106.

²³¹ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.266. Л.126.

²³² Анисимов Н.Г. Огни над Волгой. Очерк истории Васильевского стеклозавода «Победа труда». – Казань, 1967. – С.12.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

Почитали начальство, боялись его. Усердно посещали церковь. Вместе с тем были культурно мало развиты. Газет сами не выписывали, а ходили читать их в чайную общества трезвости, куда выписывались такие «органы», как «Свет», «Русское чтение», «Сельский вестник» и т.п. Из этих «органов» рабочие и узнавали о том, что творится на белом свете. В 1904–1905 гг. рабочие интересовались больше всего нашей войной с Японией. Началась революция 1905 г. Первые отзвуки этой революции докатились до нашего завода лишь в ноябре в виду манифеста 17 октября. До оглашения манифеста (оглашался он, конечно, в церкви) мы ничего о начавшейся революции не знали. Да и манифест у большинства вызвал только недоумение. Какая свобода? К чему она? Очень многие, в том числе и я, даже не подозревали, что у нас не было свободы. Свобода собраний? Да разве мы не могли собираться? А в гостях? А еженедельно в клубе, где были танцы, карты, пиво и т.п.? Свобода слова? Да рты-то у нас были до сих пор на замке? Свобода союзов? Какие это еще союзы? Что-то не слыхали о таких. И так дальше в этом роде»²³³.

Лояльность некоторых рабочих к администрации иллюстрируют и другие эпизоды. Например, по свидетельству очевидцев, после усмирения протестного движения 1905 г. среди алафузовских рабочих находились «такие «умники», которые пытались оправдать действия царя и его своры в день кровавого воскресенья». «Надо однако заметить, что такие «умники» попадались чаще всего среди рабочих близко стоявших к администрации»²³⁴. По замечанию казанского губернатора 23 октября 1905 г. в числе патриотических манифестантов были и рабочие Крестовниковых, Порохового и Алафузовского заводов²³⁵. Возможно, после кровавых событий предыдущих дней, администрации этих предприятий поспешили через рабочих выразить свои верноподданнические чувства? Хотя, может быть, и не все рабочие поддерживали деструктивные акции коллег.

Но прежде всего администрация в этой ситуации старалась поддержать служащих фирмы, в том числе мелких (конторщиков, приказчиков и т.д.). Например, алафузовские служащие фабрично-заводской конторы добились сокращения рабочих часов и увеличения заработной платы. В этот период в штате состояло более 50 конторщиков. Они работали с 8 утра до 2 часов дня, а потом после перерыва с 5 до 9 часов вечера. В революционные дни служащие отправили ходатайство в Главное управление общества, в Петер-

---

²³³ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1139. Л.1–1об.

²³⁴ НА РТ. Ф.Р–4545. Оп.1. Д.5. Л.135.

²³⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2240. Л. 22.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

бург, с требованием сократить 10 часовой рабочий день. Н.И. Алафузов отреагировал почти сразу же и телеграммой оповестил, что служащие теперь будут работать с 9 утра до 4.30 часов дня. Он полностью отменил вечерние часы работы, и рабочий день конторщиков составил 7,5 часов²³⁶. Это был существенный прорыв в трудовой организации коллектива. Однако такая политика лишь усиливала конфликтные ситуации между служащими и рабочими. В конце 1905 г. алафузовские конторщики и надсмотрщики получили надбавку к жалованью, это сильно возмутило некоторых рабочих. Они просили коллег немедленно прекратить работу. После стихийного собрания, некоторые разгоряченные работники предлагали в знак протеста «во всех отделениях заводов выпустить пары из котлов», но нашлись благоразумные лица, которым удалось отговорить товарищей. По сведениям казанской жандармерии, после этого случая администрация фирмы Алафузовых попросила об усиленной охране предприятия и казенных материалов, предназначенных для изготовления военного обмундирования. Беспokoиство руководства и о личной безопасности служащих предприятия²³⁷.

Но для установления стабильности и здоровой атмосферы в трудовом коллективе нужны были определенные действия и в отношении рабочих. Ими двигала не только экономическая мотивация, были и другие факторы, заставляющие годами трудиться на одном месте. Одним из стабилизирующих мер могла стать продуманная социальная политика фирмы. После 1905 г., действительно, многие промышленные предприятия стали уделять больше внимания социальным программам. Не было исключением и Торгово-промышленное общество «Алафузовских заводов и фабрик». Хотя эта работа, судя по всему, была начата еще до революционных потрясений. Например, в 1905 г. была устроена амбулатория в специально построенном для того здании для проходящих больных служащих и рабочих. До этого прием проходящих больных производился при фабрично-заводской больнице. Небольшое помещение больницы не могло вместить всех страждущих и они вынуждены были ожидать приема во дворе. Для больницы и амбулатории были приглашены постоянные врач и акушерка (раньше работал только один постоянный фельдшер и врач периодически посещал больных). Число амбулаторных больных составило до 15000 человек в год. Лечение больных и лекарства предоставлялись бесплатно, как в больнице, так и в амбулатории. На содержание больницы и амбулатории, на врачебный персонал ежегодно правлением общества расходовалось до 12 000 рублей в год. Для заведывания больнич-

---

²³⁶ Волжский листок. – 1905. – 14 октября. – №301.

²³⁷ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.266. Л.156.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

ной аптекой и для приготовления лекарств был нанят фармацевт, что ускорило процесс получения больными лекарств.

Значительно изменилось положение работающих женщин. По предложению врача Эдуарда Христиановича Фосса, состоящего при больнице Алафузовских фабрик и заводов, работниц начали отпускать для кормления малышей. Для этого выделялось 30 минут, с 4.30 до 5 часов вечера. Кроме того, господин Фосс просил руководство предприятия о том, чтобы кормящих мам в праздничные дни отпускали за 30 минут до окончания смены, то есть в 15.30²³⁸. Данные изменения появились, главным образом, после 1905 года. С этого времени беременные работницы, проработавшие на фабриках больше года, освобождались от работы за неделю до родов и на 3 недели после родов. За декретный период им полагалось 8 рублей. Пособия женщинам, трудовой стаж которых был меньше одного года, назначались из штрафного капитала, по усмотрению заведующего мастерской²³⁹.

С 1905 г. Николай Иванович Алафузов для удовлетворения нужд больных и престарелых рабочих выделял ежегодно сумму в размере двух тысяч рублей. Она распределялась на весь год и составляла 166 рублей 66 копеек в месяц. В случае, если эта сумма не была потрачена полностью, ее остатки присоединялись к сумме следующего года. При этом чтобы распределение средств было справедливым, от каждого отдела и подразделения рабочие выбирали по одному представителю. В результате представители от рабочих сами назначали размер единовременного пособия и определяли, кому должны эти средства поступить. Назначенные пособия выдавались из кассы конторы на основании подписанных бланков²⁴⁰.

В начале XX в. руководством фирмы рассматривалась возможность строительства собственной богадельни и инфекционной больницы, которая именовалась в документах как «заразное отделение». В 1907–1908 гг. был разработан проект богадельни и сметы строительства. Обращает на себя внимание то, что Николай Иванович Алафузов, курировавший данный вопрос, подходил к делу очень серьезно. Он особо подчеркивал, что для него это вопрос совести, «святое дело» и совершенно не стремится к общественному признанию его заслуг²⁴¹. Однако в 1908 году начало строительства богадельни было отложено до следующего года, но проект так и не был реализован.

²³⁸ НА РТ. Ф.94. Оп.1. Д.7142. Л.1–2.

²³⁹ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.38.

²⁴⁰ НА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.161. Л.174.

²⁴¹ НА РТ. Ф.94. Оп.3. Д.1. Л.37.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

Некоторые изменения, продиктованные революционными волнениями, оказались преждевременными, и через какое-то время их упразднили. В начале 1905 г. на предприятии отменили обыск рабочих при входе и выходе из завода²⁴². Но нововведение действовало недолго. Уже осенью 1907 г. руководство фирмы констатировало, что из-за отмены осмотра при выходе из предприятия «похищения дошли до колоссальных размеров и сделались как-бы обычным явлением». Поэтому с 1 ноября 1907 г. вновь было возвращено старое правило об осмотре рабочих²⁴³. В правилах внутреннего распорядка, утвержденных в 1908 г., уже имелся пункт об обязательности обысков.

Помимо распространения воровства, закрытие проходных сторожек и вечерние сборы многотысячной толпы у главных ворот фабрично-заводского двора, в ожидании их открытия, спровоцировали новые протестные выступления. Например, именно у главных ворот устраивались первые митинги летом 1905 г.²⁴⁴ После убыли революционной волны были свернуты многие рабочие завоевания. Так в годы Первой мировой войны предприятие, ориентированное на военные заказы, вновь вернулось к сверхурочным работам, рабочее время увеличилось до 11–12 часов.

Вслед за активными выступлениями 1905 г., в начале следующего наблюдался спад рабочего движения. Хотя агитаторы не оставляли надежду поднять рабочих на революционную борьбу. Одним из основных методов пропагандистской работы среди пролетариев они считали распространение прокламаций. Так, 9 января 1906 г. в разных местах Алафузовского завода нашли несколько экземпляров прокламаций. На следующий день во время выхода рабочих из завода, когда они столпились возле главных ворот, было выброшено около 100 экземпляров прокламаций. Органам власти не удалось установить распространителя агитационных материалов. При этом практически все прокламации были быстро разобраны рабочими²⁴⁵. Такие же акции прошли весной 1906 г. Однако каких-то протестных выступлений после этих кампаний не последовало. Многих активистов уже арестовали, они подвергались обыску или находились под наблюдением. Из алафузовских рабочих 8 февраля 1906 г. были признаны участниками революционных кружков и арестованы 30 человек²⁴⁶. В городе установили военно-

---

²⁴² История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.38.

²⁴³ НА РТ. Ф.94. Оп.1. Д.1383. Л.2.

²⁴⁴ НА РТ. Ф.Р-4545. Оп.1. Д.5. Л.141об.-142.

²⁴⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2267. Л.5–6.

²⁴⁶ Хасанов Х.Х. Казань в годы первого штурма царизма. – Казань, 1985. – С.143.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

полицейский режим. Улицы контролировались городскими и казаками, охранялись и основные предприятия²⁴⁷. Например, если раньше штатная должность полицейского надзирателя была только при фабрике Алафузовых, то в 1906 г. таковая появилась и при заводе бр. Крестовниковых²⁴⁸. Поэтому стачки хоть и случались, но только на мелких предприятиях. «Тут взяли буквально всех, кого можно было взять. На днях опять провалилось 30 человек, чуть не весь Алафузовский район. Шпиков и всякой дряни на улицах завелось очень много. Из бывших моих товарищей и товаров по гимназической организации большинство сидит, – писала жительница Казани 23 февраля 1906 г. своей знакомой из Черниговской губернии. – Ужасно тяжело. Собственно говоря, мы не должны так падать духом, но нельзя не поддаться общему настроению. Конечно, уверенность в победе не поколебалась, так как она придет не потому, что мы хотим, чтобы она пришла, но потому, что она должна прийти»²⁴⁹. Несмотря на эти настроения, прокламации появлялись на территории предприятия и в марте 1906 г. Воззвания к Алафузовским рабочим агитаторы оставляли даже в отхожих местах завода. Интересно, что нередко сами рабочие сообщали администрации о нахождении сомнительной литературы²⁵⁰. Накануне 20-летнего юбилея Первой русской революции фабком бывшей Алафузовской фабрики составил список активных участников революции (из рабочих и служащих предприятия). В него включили всего 35 человек²⁵¹, тогда как число рабочих фабрики составляло тогда несколько тысяч человек.

В целом, в 1906 г. энергия рабочих была направлена немного в другое русло, в том числе созидательное. Работа агитаторов способствовала расширению кругозора рабочих, росту их самосознания. Наряду с экономическими требованиями, они начали осознавать свои культурные и правовые потребности. Так, казанские рабочие общества «Газ и электричество» призывали устроить товарищеские суды, немаловажным было и требование трудящимися уважительного отношения к себе от вышестоящих лиц. Забастовки и митинги, революционное разделение на «своих» и «чужих», служили дальнейшей консолидации пролетариата. В 1906–1907 гг. усиливается профсоюзное движение. К лету 1906 г. в Казанской губернии образовалось 10 профсоюзов, членами новых обществен-

---

²⁴⁷ Там же. – С.144.

²⁴⁸ Адрес-календарь г.Казани на 1906 г. – Казань, 1906. – С.31.

²⁴⁹ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.294. Л.59.

²⁵⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2267. Л.31.

²⁵¹ ЦГА ИПД РТ. Ф.36. Оп.1. Д.399. Л.101.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

ных объединений стали до 3 тысяч человек²⁵². Профессиональные союзы объединяли и рабочих отдельных предприятий, и представителей одной рабочей специализации. На Алафузовских предприятиях г.Казани профсоюз рабочих был организован в 1907 г.²⁵³, хотя идея возникла в конце 1905 г. Клуб служащих работал еще до революции. Однако уже через несколько месяцев многие зарегистрированные профсоюзы были закрыты. Помимо профессионального общества рабочих при Алафузовских фабрике и заводе в г.Казани, в 1907–1908 гг. были упразднены общества булочников-кондитеров и калачников, рабочих кожевенного производства, коммерческих служащих, фармацевтов, товарищество дамских портных г.Казани. Сумели сохранить свой легальный статус лишь ссудо-сберегательные кассы, созданные профессиональными обществами²⁵⁴.

Санкционированные собрания и митинги алафузовских рабочих с ноября 1905 г. происходили в Алафузовском образовательном доме. Это культурно-просветительское учреждение служило духовному развитию рабочих предприятия с момента своего открытия – с 1900 г., но после революционных потрясений его роль усилилась. Например, для рабочих-татар с июня 1906 г. здесь работала мусульманская библиотека. Новому учреждению более сотни томов на татарском языке подарил ахун Шарафетдин Абызов. До этого функционировала лишь обычная читальня, фонды которой состояли из книг на русском языке. Кроме того, в зале Алафузовского образовательного дома часто начали выступать различные татарские драматические кружки. Театральные постановки являлись важной частью культурного отдыха рабочих.

Как отмечают исследователи рабочего вопроса, в целом по России уже после революции 1905–1907 гг. среди рабочих получило повсеместное распространение внешкольное образование²⁵⁵. В Алафузовском образовательном доме тоже работали вечерние курсы. Например, рабочие-татары с удовольствием посещали курсы русского языка.

1906 год был примечателен надеждами, связанными с новым органом власти – парламентом. Часть населения губернии с нетерпением ожидала предстоящих выборов депутатов Государственной думы. При этом число выборщиков было небольшим. Так, в Казани

---

²⁵² Амирханов Р. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. – Казань, 2005. – С.26.

²⁵³ НА РТ. Ф.411. Оп.1. Д.3. Л.13.

²⁵⁴ НА РТ. Ф.411. Оп.1. Д.1. Л.13об.–14об.

²⁵⁵ Иванова Н.А. Структура рабочего класса России (1910–1914). – М., 1987. – С.145.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»: у каждого своя революция

избирательными правами наделялись всего 12 509 человек²⁵⁶. Из среды рабочих также выбирались свои уполномоченные. Всего рабочих-избирателей в городе насчитывалось 5062 человека²⁵⁷. Однако не все спешили воспользоваться предоставленными правами. Рабочие некоторых предприятий (например, заводов Рама, Либихта, типографии Ключникова, общества «Газ и электричество» и др.) по настоянию агитаторов, бойкотировали выборы. В числе 10 депутатов от Казанской губернии был и 1 рабочий – П.Ершов, кандидатуру которого выдвинули коллеги из Порохового завода²⁵⁸.

Но в целом, по сравнению с другими социальными категориями, выборщиков от рабочих было мало. А после разгона 1-й Госдумы избирательный закон заметно ужесточили. Такой подход являлся яркой иллюстрацией отношения, как государства, так и предпринимателей к рабочему населению: условно господа шли на определенный компромисс, но на деле многие вопросы остались нерешенными.

Экономические требования то и дело возникали и после революционных событий. Материальные проблемы рабочего класса представляли собой как раз одно из самых слабых мест всего государственного устройства, с бюрократизированной системой управления и неустойчивой экономикой. При невозможности оперативного реагирования на рыночные изменения, в том числе инфляцию, одной из альтернатив стала укрепляющаяся с каждым годом социальная ответственность фабрикантов и заводчиков перед рабочими. Именно после революционных событий особенно активно начинает развиваться система социального и медицинского страхования трудящихся. Не менее актуальными были и общества потребления, ссудно-сберегательные кассы. Помимо материальной неудовлетворенности рабочих, революция открыла перед широкой общественностью их самые глубинные обиды на предпринимателей, в том числе из-за постоянного унижения человеческого достоинства. Пожалуй, этот момент проходил рефреном через все их требования. Это и просьбы о повышении заработной платы, установлении нормального рабочего времени, соблюдении санитарно-гигиенических требований в жилых помещениях, и замечания по поводу взаимоотношений мастеров и рабочих, в том числе об ущемлении прав женщин. Некоторыми предпринимателями эти просьбы были услышаны и даже частично удовлетворены. Однако ментальные особенности самих рабочих, их недисциплинирован-

---

²⁵⁶ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.327.

²⁵⁷ Там же. – С.325.

²⁵⁸ Хасанов Х.Х. Казань в годы первого штурма царизма. – Казань, 1985. – С.152–153.

Глава 1. «Хочется жить по-человечески»:
у каждого своя революция

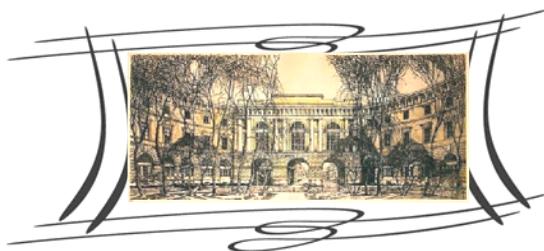
ность, не всегда способствовали поддержанию заданной 1905 г. планки. То же самое можно сказать и о мастерах, которые десятилетиями привыкли обращаться с подчиненными как с животными. Эта была модель самого полицейского государства, где практически каждый вышестоящий унижал достоинство менее бесправного человека.

Между тем, в данный период агитаторами очень много было сделано для культурного развития рабочих, что стало одним из главных завоеваний революции. Предприниматели, в особенности крупные фабриканты и заводчики, поддерживали идеалы просвещения и расширения кругозора трудящихся масс. Собственно весь послереволюционный период, начало 1910-х гг., прошел под эгидой трезвеннического движения и сопутствующих ему культмассовых явлений. Однако в этой работе неизменным оставался и политический акцент, всецело обусловленный опытом Первой русской революции.

ГЛАВА 2

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ: БОРЬБА ПОКОЛЕНИЙ

- 2.1. *Казанский учебный округ и его попечители в начале XX в.*
- 2.2. *«Интеллигентская революция»: казанские профессора и студенты в 1905–1907 гг.*
- 2.3. *«Это все устарело, теперь нас интересуют жизненные вопросы...»: программные требования и выступления учащейся молодежи г. Казани в годы Первой русской революции.*
- 2.4. *Особенности мусульманской системы образования на рубеже XIX–XX вв.: кадимизм и джадидизм.*
- 2.5. *Татарское медресе и революция: рождение «бывших шакирдов».*

2.1. Казанский учебный округ и его попечители в начале XX в.

В начале XX в. Россия пережила крупное масштабное потрясение – революцию 1905–1907 гг. Она явилась закономерным итогом пореформенного развития страны, которое выявило острые и десятилетиями не решавшиеся проблемы социально-экономического и общественно-политического характера. Первая русская революция втянула в свою орбиту миллионы граждан, участвовавших в проведении политических акций, событий, происходивших на разных уровнях и в разных регионах огромной Российской империи. В стороне не осталась и Казань, являвшаяся центром крупного учебного округа. Часть профессоров и студентов Казанского университета, учителей и учащихся средних учебных заведений активно включились в происходящие революционные события.

В предреволюционное и революционное время попечителями Казанского учебного округа являлись Спешков Сергей Фёдорович (возглавлял округ с 19 ноября 1901 г. по 20 августа 1905 г.) и Де-

ревицкий Алексей Николаевич (с 6 сентября 1905 г. по 31 декабря 1911 г.). На их плечи легла серьёзная ответственность по сохранению и наведению порядка во вверенных Управлению округа подразделениях.

Вступая в должность, все государственные служащие, в том числе и попечители, приводились к присяге на верноподданство «Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Георгию Александровичу»¹. Текст присяги гласил: «Я нижеименованный обещаюсь и клянусь ... в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, ... верно и нелицемерно служить и во всём повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все ... права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере стараться споспешествовать всё, что к Его Императорскому Величеству верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщаться, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне Чин, ... надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги, не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит...»². Являясь чиновниками, официальными представителями государственной власти в округе, в частности министерства народного просвещения, попечители должны были реагировать на любые проявления противоправительственных действий, как со стороны учителей, так и со стороны учащихся.

До назначения на должность попечителя Казанского учебного округа, Сергей Фёдорович Спешков имел практику административной работы в должности окружного инспектора Рижского учебного округа, являлся помощником попечителя Казанского и Санкт-Петербургского учебных округов³.

---

¹ ГАКО. Ф.205. Оп.4. Д.3730. Л.8об.

² РГИА. Ф.733. Оп.40. Д.360. Л.20.

³ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.1373. Л.1; Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1893. – № 7. – С.208.

19 ноября 1901 г. согласно императорскому указу Сергей Фёдорович был назначен попечителем Казанского учебно-окружного центра, с деятельностью которого уже был знаком на практике, поэтому ему не составило труда включиться в работу⁴.

С.Ф. Спешков продолжил мероприятия своих предшественников по расширению сети учебных заведений в Казанском округе. В частности, были учреждены средние мужские и женские учебные заведения, промышленные и реальные училища, начальные школы, организовывались учительские курсы. При содействии Казанского губернатора, при Обществе пособия бедным мусульманам был открыт приют для мальчиков-магометан с образовательным и ремесленным классами⁵.

Деятельность Сергея Фёдоровича Спешкова совпала с началом событий Первой российской революции 1905 г., поэтому Управлению округа пришлось усилить работу по выявлению неблагонадежных учителей и учащихся, предпринимать меры по предупреждению противоправительственных действий. С официальными властями, представлявшими министерство внутренних дел и министерство народного просвещения, попечитель вёл переписку, своевременно реагируя на факты, противоречащие существующему строю и подрывающие авторитет государственной власти.

Еще в 1901 г. секретным циркулярным распоряжением Особое отделение Департамента полиции министерства внутренних дел ставило в известность учебно-окружное начальство Казанского округа о том, что при любом незаконном поступке учащихся, министерство будет информировать попечителя. Администрация округа должна была пойти на крайние меры – отчислить провинившееся лицо из числа воспитанников учебного заведения⁶. Принятие подобных мер было крайне нежелательным для начальства школ и для Управления Казанского учебно-окружного центра, так как подобные инциденты портили общую картину функционирования округа перед лицом министерства просвещения. В фонде попечителя учебного округа встречаются циркуляры следующего содержания: «... предложить начальству вверенных... вузов, чтобы оно, при разрешении отпусков на каникулы в Москву или Санкт-Петербург студентам, поведение которых сомнительно, сообщало о том в первом случае Московскому Обер-полицмейстеру, а во втором – Санкт-Петербургскому градоначальнику»⁷. Таким образом, организовывался контроль за перемещениями и действиями учащихся.

---

⁴ Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1901. – № 11. – С.723.

⁵ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1048. Л.23.

⁶ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.1111. Л.99об.

⁷ См.: НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.20929. Л.59; Там же. Оп.2. Д.4464. Л.29.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

Министерство народного просвещения также тяготилось ростом общественной активности в среде учащихся средних учебных заведений. Созывая совещания попечителей учебных округов, министр просвещения был вынужден выступать с просьбами помочь в решении назревавших проблем, принимая во внимание региональные особенности и специфику функционирования учебных округов. Местное учебное руководство должно было выработать общие рекомендации и меры к противодействию революционно настроенным учителям и учащимся.

26 ноября 1903 г. в секретном письме министру просвещения Спешков отмечал, что «...участие учащихся в противоправительственных кружках началось с возникшим брожением умов в различных слоях общества, которое особенно усилилось со времени студенческих беспорядков, принявших политический характер»⁸. В ряде случаев причины активности учащейся молодежи, по мнению попечителя, были следствием негативного воспитательного воздействия семьи и периодической печати. Для стабилизации создавшегося положения Сергей Федорович предлагал провести следующие мероприятия: «1) Необходимо как можно скорее вывести среднюю школу из переходного состояния и придать ей строго национальный характер. 2) ... устранить переполненность средних учебных заведений, открытием новых. 3) ... реформировать институт классных наставников и улучшить материальное положение педагогов, с целью привлечения к педагогической деятельности лучшие силы. 4) ... заботиться о предварительной подготовке кандидатов на педагогическую деятельность. 5) ... установить тесную связь между семьей и школой и для этой цели... ввести педагогические совещания между родителями и воспитателями»⁹. Главная мысль С.Ф. Спешкова сводилась к тому, что с противоправительственными действиями со стороны учащихся необходимо бороться только благоприятными мерами, но если они не «оздоровят» ситуацию, то надо прибегнуть к решительным действиям, как-то: изъятие агитационной информации, исключение из учебного заведения, незачисление в школу¹⁰. Педагоги и общественные деятели также не оставались в стороне, высказывая собственное мнение относительно происходящего. Например, Г.А. Фальборк отмечал, что вина в отвлечении молодежи от науки и искусства в сторону политики лежит на общественности, на ее инертности¹¹.

---

⁸ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.2923. Л.85.

⁹ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.2923. Л.84–85.

¹⁰ Там же.

¹¹ Фальборк Г.А. Всеобщее образование в России. – М., 1908. – С.10–11.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

С.Ф. Спешков выделял ряд второстепенных мер противодействия развитию антиправительственных кружков. В частности Сергей Фёдорович отмечал, что студентов, отчисленных из университетов по политической неблагонадёжности, необходимо выдворять в города, где нет средних учебных заведений; вести с учащимися литературные беседы, лишённые формализма; вскрывать корреспонденцию и изымать письма; отпуская учеников на каникулы, непременно указывать, куда он едет, с обязательством немедленно предьявлять проездной билет местного учебного начальству (если такое имеется в месте следования). Предложение на запрос министра завершалось твёрдым мнением казанского попечителя: «...учеников, упорно не подчиняющихся воздействию школы, следует увольнять без права поступления в другие учебные заведения»¹².

Попечители строго отслеживали (и призывали к этому учебное начальство), каким образом ведутся записи кондуктивных списков, в которых вёлся учет достижений и, самое главное, всех замечаний и проступков учащихся. При переводе из одного учебного заведения в другое данный журнал требовалось предоставлять, чтобы видеть уровень знаний и поведения ученика, брать на контроль тех учащихся, чьё поведение вызывало подозрение.

Члены попечительских советов, собственники квартир, у кого проживали учащиеся средних учебных заведений, также были озабочены ростом политической активности молодёжи. Они осуществляли перлюстрацию писем, доводили до сведения учебного начальства о случаях подозрительного поведения учащихся¹³.

В связи с ростом революционных событий всё внимание учебно-окружного начальства было направлено на усиление мер по постановке учебно-воспитательного дела. Администрация округа, таким образом, пыталась отвлечь учителей и учащихся от происходящих событий. Относительно постановки учебного процесса Сергей Фёдорович ввёл в практику средних учебных заведений правило, разрешавшее успевающим ученикам во внеклассное время изучать новые языки¹⁴. Циркулярным предложением от 16 апреля 1904 г. директором гимназий и реальных училищ попечитель рекомендовал усилить бдительность и приложить усердие в исполнении учебно-воспитательным персоналом своих прямых педагогических обязанностей¹⁵.

Попечитель Казанского учебного округа неоднократно созывал совещания директоров и начальников учебных заведений с целью

---

¹² НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.2923. Л.86.

¹³ Там же. Д.2482. Л.35–53.

¹⁴ Там же. Д.4464. Л.9.

¹⁵ Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1904. – № 4. – С.378–379.

ведения планомерной работы по выявлению противоправительственных действий со стороны учащихся. Так, директор Казанской второй гимназии К. Десницкий предлагал обратить внимание на неуклонное исполнение существующих правил в ученических квартирах, усилив деятельность классных наставников средних учебных заведений. В предложении сказано об организации «наблюдения за учащимися детьми и юношами во внеклассной их жизни, воспитания их в твёрдых началах религии и нравственности и развития в них чувства преданности Престолу, любви к отечеству и уважения к закону»¹⁶. По мнению Десницкого, классные наставники должны усилить контроль за внеклассным чтением учащихся.

В официальном издании учебной администрации – «Циркуляре по Казанскому учебному округу», которое являлось настольной книгой всей учебно-окружной администрации и Дирекций, – публиковались Высочайшие Манифесты императора Николая II с призывом всячески противодействовать «внутренней смуте»¹⁷. На страницах «Циркуляра» центральные издательства и книжные магазины г. Санкт-Петербурга публиковали рекламу выхода в свет художественно-исполненных изданий, имеющих историческое и общегосударственное значение. При использовании этих книг во внеклассном чтении, на педагога возлагалась функция умелого, патриотического разъяснения. В октябрьском номере «Циркуляра по Казанскому учебному округу» за 1905 г. был дан анонс следующим книгам:

– «Полный Титул Государя Императора, Самодержца Всероссийского» – в книге представлена краткая история собирания Русской земли, дано разъяснение исторического значения титула российского императора.

– «Императорские и Царские регалии» – иллюстрированное издание, повествующее о символах императорской власти, государственном гербе, государственном знамени, государственной печати. По мнению авторов книги, об этом должен знать каждый гражданин. «Этому научиться негде: в школе не увидишь регалий, а доступных по цене изданий по этому предмету у нас не существует»¹⁸. По стоимости издания не должны были превышать 1 руб.

– «Высочайший Манифест 6-го Августа 1905 г. о призыве выборных людей для присутствия в Государственной Думе» – знакомство с данным актом и осмысленное его понимание, по мнению издателей, обязательно для всех граждан, начиная со школьников. Интересна мотивация изучения текста Манифеста – «каждый граж-

---

¹⁶ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.2923. Л.20–21.

¹⁷ Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1905. – №№ 3, 8, 10.

¹⁸ Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1905. – № 10. – С.911.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

данин, при известных условиях, может быть избран в члены Государственной Думы»¹⁹.

Авторы призывали учебно-окружное начальство активно использовать данные издания для распространения в школах, «чтобы запечатлеть в сознании народном историческое прошлое о созидании Отечества и укрепиться в мысли о необходимости единения народа с Царём»²⁰.

22 декабря 1905 г. в Управление Казанского учебного округа поступило Особое распоряжение от Департамента Общих дел министерства народного просвещения – изыскать средства и принять меры к распространению среди служащих округа «Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г.»²¹. Вероятно распространение законодательного акта и его толкование окружными инспекторами и учителями среди учащихся должно было внести успокоение в общественно-политическую обстановку, способствовать угасанию противоправительственных актов. Поэтому уровень ответственности, возлагаемый министерством на учебно-окружную администрацию, заметно возрос, учебно-воспитательные, просветительские и гражданско-патриотические мероприятия должны были занять основное место в деле восстановления функционирования учебных заведений Казанского округа.

Довольно результативная деятельность С.Ф. Спешкова на посту руководителя учебного округа способствовала его дальнейшему административному росту. 20 августа 1905 г. именованным указом попечитель Казанского Учебно-окружного центра Сергей Федорович Спешков был назначен членом Совета министра народного просвещения²².

6 сентября 1905 г. попечителем Казанского округа стал выдающийся русский ученый конца XIX – начала XX вв. – Алексей Николаевич Деревицкий. Он закончил историко-филологический факультет Харьковского университета и был оставлен при вузе для подготовки к профессорскому званию. В 1889 г. Алексей Николаевич получил степень доктора греческой словесности, активно занимался наукой, став автором ряда исследований по истории народного образования в России и за границей²³. Будучи в должности ректора Новороссийского университета, А.Н. Деревицкий получил именной указ о назначении его попечителем Казанского округа²⁴.

---

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. – С.912.

²¹ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.5794. Л.1.

²² Там же. Д.1373. Л.16.

²³ Деревицкий А.Н. Женское образование в России и за границей. Исторические справки и практические указания. – Одесса, 1902.

²⁴ Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1905. – № 9. – С.769.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

Осенью 1905 г. заметно активизировались студенты Казанского университета. В секретном письме от 20 сентября Казанский губернатор информировал Алексея Николаевича о присутствии на сходках в стенах университета учащихся средних учебных заведений. Ученики слышат, что предметом обсуждения являются вопросы политического характера, видят, что сходки заканчиваются требованиями замены существующего государственного строя и противояправительственными лозунгами «Долой самодержавие», «Долой правительство». Губернатор высказывал мысль о принятии срочных мер со стороны Управления округа.

21 сентября 1905 г. учебно-окружное Управление созвало заседание директоров средних учебных заведений г. Казани. На совещании присутствовали управляющий округом А.А. Остроумов, директора трёх Казанских гимназий: Иноземцев, Кочкин, Спасский, директор учительского института Никольский, промышленного училища Грузов и реального училища Львов. Присутствующие подтвердили, что знают о посещениях учащимися сходок в Казанском университете. При этом директора констатировали, что надзиратели не могут быть уверены в своей безопасности, поэтому они не заходят внутрь университета. Мнение председателя заседания А.А. Остроумова было однозначным – усилить надзор за теми учащимися, кто проживает на квартирах, не допускать их в здание университета²⁵.

Родители учащихся и представители общественности не могли быть равнодушны к тому, что администрация некоторых учебных заведений, опасаясь роста политической активности, просто закрывает школы на неопределённое время. Из министерства народного просвещения шли телеграммы на запрет организации и проведения в стенах средних учебных заведений митингов и неустановленных собраний. В случаях несанкционированных действий Управлению округа рекомендовалось обращаться за помощью к гражданским властям²⁶.

На имя попечителя и его помощника поступала разнообразная корреспонденция от родителей и общественности с призывом восстановить учебно-воспитательный процесс. Так 17 октября 1905 г. в Казанский учебно-окружной центр поступило открытое письмо следующего содержания: «Г. Попечитель! Что Вы допускаете разврат наших дочерей! Вчера начальница Мариинской гимназии разрешила в 10 ч. утра сделать общую сходку ученицам Мариинской гимназии и все гимназистки объявили родителям, что начальница велела приходить на сходку. Гимназистки были на общей сходке с 10 ч. до 1 ч. дня. Кричали долой царя и проч. ... Что же это? Рево-

---

²⁵ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.4477. Л.5об.

²⁶ Там же. Л.37.

люция в гимназии. Мы родители сегодня же коллективно на бездействие Ваше будем жаловаться министру»²⁷.

27 октября 1905 г. в г. Казани состоялось собрание домовладельцев, квартирнанимателей и обывателей. В обоюдном решении участники собрания высказали мнение просить попечителя учебного округа открыть средние и низшие учебные заведения города. Прозвучало пожелание, учебной администрации строго придерживаться установленной дисциплины, изыскать меры к тому, чтобы исключить наиболее активных учащихся из учебных заведений, так как они не дают возможности другим продолжать своё обучение²⁸. Ответом попечителя А.Н. Деревницкого стала рассылка циркулярного распоряжения всем начальникам учебных заведений с просьбой ознакомиться с сообщением, при этом в тексте не слова не говорилось о возобновлении учебного процесса.

Так как ситуация выходила из-под контроля, в ноябре 1905 г. всем начальникам учебных заведений Казанского округа было рекомендовано направлять мотивированные представления педагогических советов по принятию решения о временном закрытии учебного заведения. Обязательным условием было указание причин, срока прекращения занятий и условий их возобновления²⁹. В связи с ростом революционных событий и ухудшением общественно-политического порядка, администрация Казанского учебно-окружного центра не могла просто закрыть все учебные заведения и занять выжидательную позицию. Министерство народного просвещения считало долгом не прибегать к крайним мерам и предписывало окружному начальству продолжать образовательный процесс.

В течение 1906–1907 учебного года попечитель Казанского округа регулярно созывал комиссии, и совещания по вопросу выработки совместных с начальством учебных заведений мер по восстановлению порядка в школах и среди учащихся. Постоянные комиссии действовали в гг. Казани, Саратове, Астрахани, в них вошли начальники местных средних учебных заведений. Основная задача, которая возлагалась на членов этих комиссий – установление действительного внешкольного надзора за учащимися³⁰.

За годы руководства округом, Алексею Николаевичу удалось расширить сеть средних мужских и женских учебных заведений, промышленных и ремесленных училищ, низших учебных заведений. Деревницкий, как и его предшественник, выступал с циркулярными предложениями в адрес директоров школ округа относительно

---

²⁷ Там же. Л.16–16об.

²⁸ Там же. Л.50.

²⁹ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.4477. Л.54.

³⁰ Там же. Д.6244. Л.4об.

но улучшения постановки учебно-воспитательного дела в учебных заведениях³¹. Управление округа положительно отзывалось на организацию благотворительных музыкально-художественных вечеров, выставок ученических работ, праздников древонасаждения. Предложения на проведение подобных мероприятий попечитель активно популяризировал в масштабах всего Казанского учебного округа. В официальной периодической печати также регулярно отмечалось, что министерство просвещения рекомендовало попечителям учебных округов устраивать в средних учебных заведениях концерты, балы и другие увеселения, отвлекая тем самым учащихся от общественно-политической жизни³².

В попечительство А.Н. Деревецкого, под давлением революционно настроенной общественности, министерство просвещения было поставлено перед вопросом о введении всеобщего обучения в рамках всей Российской империи. Задача руководителя Казанского учебного округа несколько осложнялась тем, что в округе существовало две категории учебных заведений – русские и инородческие. В связи с этим, Алексей Николаевич был вынужден ходатайствовать перед Департаментом просвещения о решении проблемы «взаимного соотношения образования инородцев и русских»³³. А.Н. Деревецкий активно способствовал развитию инородческого образования, ярким примером чему служит учреждение при Управлении округа Переводческой комиссии. При этом одной из задач комиссии стало издание и тиражирование на языках инородческого населения, литературы гражданско-патриотического характера.

В территориальном отношении Казанский учебный округ был представлен Дирекциями народных училищ, которые в свою очередь делились на районы. Дирекцию возглавлял директор, а в его подчинении находились инспектора, курировавшие учебные заведения во вверенном районе³⁴. В связи с этим А.Н. Деревецкий стал уделять особое внимание организации и проведению инспекторского надзора. (Казанский учебный округ отличало от других округов то, что в Дирекциях особые инспектора содействовали развитию русско-татарских, русско-чувашских и других инородческих школ). Окружные инспекторы обязывались сообщать попечителю округа о всех случаях, носящих антиправительственный характер.

При Алексее Николаевиче Казанский учебный округ стал единственным округом в империи с двумя университетами – Казанским и Саратовским. В 1907 г. А.Н. Деревецкий предпринял попытку

---

³¹ Там же. Л.168.

³² Последние известия // Елабужские вести. – 1906. – № 94. – С.2–3.

³³ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.7064. Л.1.

³⁴ НА РТ. Оп.1. Д.24681. Л.3–10.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

регулярно организовывать курсы по подготовке преподавателей для средней школы. Без внимания не остались и действующие учителя, для них в качестве методического пособия стал издаваться журнал «Начальное обучение» (выходил как приложение к «Циркуляру по Казанскому учебному округу») ³⁵. Данное периодическое издание публиковало статьи о повседневной жизни в учебных заведениях округа, обходя вниманием сложную политическую обстановку в стране.

Будучи попечителем Казанского округа, А.Н. Деревницкий оставил о себе хорошие воспоминания среди коллег, зарекомендовал себя опытным административным руководителем. 31 декабря 1911 г. Алексею Николаевичу было представлено распоряжение возглавить управление Киевским учебным округом ³⁶.

В целом, нестабильная политическая обстановка, сложившаяся в стране в 1905–1907 гг., повлияла на усиление дисциплинарного контроля со стороны администрации Казанского учебного округа. Директорам и начальникам всех школ округа предписывалось осуществлять тотальный надзор за учащимися не только в период обучения, но и в период увольнения на каникулы.

Учебно-окружное руководство было озабочено ситуацией, царившей в стенах вузов и гимназий, где студенты и учащиеся в любой момент могли стать инициаторами политических «беспорядков». Чтобы контролировать обстановку, министерство внутренних дел и Казанское губернское жандармское управление, министерство народного просвещения предписывали Казанскому учебно-окружному центру регулярно предоставлять списки учащихся с целью проверки их политической благонадежности, совместными усилиями вырабатывались меры к сохранению общественно-политического порядка среди входящих в учебный округ заведений.

Спешкову С.Ф. и Деревницкому А.Н., возглавлявшим Казанский округ в сложный для Российской империи революционный период, с большим трудом удавалось контролировать ситуацию. Они прилагали массу усилий для восстановления учебно-образовательного и воспитательного дела во вверенных их управлению школах, в чём заключалась основная функция руководителя учебно-окружного центра.

---

³⁵ Спасский Н.А. Чествование бывшего попечителя КУО т.с. А.Н. Деревницкого, устроенное в Казани его бывшими сослуживцами по округу в январе-апреле 1912 г. – Казань, 1912. – С.10–11.

³⁶ Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1912. – № 1. – С.7.

2.2. «Интеллигентская революция»: казанские профессора и студенты в 1905–1907 гг.

Первая русская революция 1905–1907 гг. стала переломным этапом в общественно-политической жизни и важной вехой в динамике всего модернизационного процесса России начала XX в. Одним из существенных факторов, активно воздействовавших на развитие событий в эти годы, были конфликты интересов и перепады настроений различных социальных групп. При этом без преувеличения можно сказать, что среди общественных групп, вовлеченных в сложные общественно-политические процессы этого периода отечественной истории, выделяется интеллигенция, которая сыграла особую роль в развитии революционных событий 1905–1907 гг. Не случайно, русский философ С.Н. Булгаков в начале XX столетия назвал «русскую революцию» «интеллигентской», а саму интеллигенцию – ее «руководящим духовным двигателем»³⁷. Учитывая это, небезынтересно рассмотреть общественные настроения периода Первой русской революции различных групп интеллигенции губернской Казани.

В начале XX в. Казань являлась ведущим провинциальным образовательным, научным и культурным центром. Представители интеллигенции – люди, имевшие высшее образование, занимающиеся умственным трудом, играли немаловажную роль в жизни этого города. Казанская интеллигенция была представлена широким слоем врачей, юристов, преподавателей и учащихся учебных заведений, так как здесь функционировал целый ряд высших и средних учебных заведений: Казанский Императорский университет, Ветеринарный институт, Духовная академия, а также в стадии становления находились Казанские высшие женские курсы и др.³⁸

---

³⁷ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909. – С.29.

³⁸ Султанбеков Б.Ф. Эволюция политических взглядов профессоров и преподавателей высших учебных заведений Поволжья (1905 – февраль 1917 гг.) // Ученые записки КГПИ. – 1977. – Вып. 173. – С.3.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

Революционные события 1905–1907 гг. начались с расстрела мирной демонстрации 9 января в Петербурге. Реакция общественности по всей стране на необоснованную жестокость властей вызвала волну протестов. Представители казанской интеллигенции отреагировали на петербургские события отдельными выступлениями на заседаниях Казанского юридического общества и несколькими акциями, проведенными в традициях «банкетной кампании» в городских ресторанах «Ожегова» и «Славянский базар». Сочувствие интеллигентских слоев города – преподавателей учебных заведений, врачей, адвокатов и других, также выразилось в собранных ими средствах в пользу семей погибших 9 января 1905 г. в Петербурге³⁹.

Другая группа казанской интеллигенции – учащиеся высших и средних учебных заведений города откликнулись на начало революционных событий в стране более радикальными действиями. По свидетельству исследователей истории образования, более половины учащихся Казани так или иначе приняли участие в событиях 1905–1907 гг.⁴⁰

Нужно отметить, что оппозиционные настроения в среде казанского студенчества имели давнюю традицию. Так, еще во второй половине XIX в. учащиеся университета и казанских мужских гимназий являлись членами нелегальных политических организаций – народовольческих и марксистских кружков. Как принято считать, в деятельности марксистского кружка под руководством Н.Е. Федосеева принимал участие и студент юридического факультета Казанского университета В.И. Ульянов. В конце XIX в. отдельные студенты и учащиеся средних учебных заведений входили в казанскую группу РСДРП и комитета Партии социалистов-революционеров⁴¹.

Распространению радикальных воззрений во многом способствовала специфика студенческого сообщества.

Многие студенты Казанского университета были выходцами из небогатых или бедных семей. В Казань их привлекала возможность обучаться на медицинском факультете и получить профессию врача, гарантировавшую стабильный заработок. Уровень получаемого образования позволял этим молодым людям теоретически осмыс-

---

³⁹ Лившиц С.Е. Очерки истории казанской социал-демократии (1888–1916). Ч. 1 // Пути революции. – 1922. – №1. – С.85.

⁴⁰ Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер, А. Дмитриева. – М., 2009. – С.491.

⁴¹ Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX. – М., 1987. – С.208; Хасанов Х.Х. Казань в годы первого штурма царизма. – Казань, 1985. – С.18–20; Лившиц С.Е. Очерки истории казанской социал-демократии (1888–1916). Ч. 1 // Пути революции. –1922. – №1. – С.90–91.

ливать несовершенство социальной ситуации в стране. А впечатлительность, характерная для юного возраста, делала их подверженными увлечению культивируемой в среде радикальной интеллигенции идеей «долга перед народом», «революционным романтизмом» и «героическим максимализмом»⁴². Так, один из активных участников социал-демократического движения, бывший учащийся Казанского университета В.Н. Залежский вспоминал: «мы всей душой были со студенческим движением. Жадно ловили все слухи и сведения о ходе забастовок, зачитывались воззваниями и прокламациями. "Совет объединенных землячеств"... вызывал в нас, я бы сказал теперь, какое-то мистическое отношение к нему»⁴³.

Кроме того, в Казанском университете получали возможность окончить университетский курс студенты, отчисленные из других учебных заведений за «политическую неблагонадежность». Таким образом, на юридическом факультете Казанского университета в 1899 г. появился А.С. Кулеша, «удаленный» из Московского университета, и в 1901 г. М.И. Мониц, отчисленный из Варшавского университета. Оба они были в числе лидеров студенческого движения в Казани, активно распространяли радикальные идеи среди товарищей по университету⁴⁴.

Духовные устремления и настроения студенчества конца XIX – начала XX в. были удачно сформулированы в мемуарах М. Осоргина: «Наука. Самостоятельность. Передовые взгляды. Честь мундира. Счастье народа. Если понадобится – страдание, Сибирь, но не сдаваться! Автономия университета...»⁴⁵. Подобные представления, свойственные «героическому максимализму» студенчества⁴⁶, были благоприятной почвой для восприятия радикальных идей и легко вовлекали молодежь в антиправительственное движение.

Это не означало, что в период Первой русской революции радикальные устремления владели умами всех казанских учащихся. Однако именно идеи нелегальных организаций социал-демократов и партии социалистов-революционеров доминировали в среде тех студентов, которые отличались наибольшей оппозиционной активностью⁴⁷. В связи с этим не случайно в этот период слово «сту-

---

⁴² Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909. – С.47.

⁴³ Залежский В.Н. Мои первые шаги: воспоминания старого подпольного работника // Пути революции. – 1922. – №2. – С.24.

⁴⁴ Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. – Т. 2. – Казань, 1930. – С.231.

⁴⁵ Цит. по: Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. – М., 2010. – С.243.

⁴⁶ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909. – С.47.

⁴⁷ Корбут М.К. Указ. соч. – Т. 2. – Казань, 1930. – С.213.

дент» для российского обывателя часто совпадало с понятием «смутьян и крамольник»⁴⁸.

Казанские студенты начали выступления в стенах университета с курсовых совещаний и сходов, на которых приняли решение о прекращении занятий на «неопределенное время», и избрали орган самоуправления «Союзный совет Казанского университета». В это же время в знак солидарности с университетским учащимся начали массовое выступление и студенты Ветеринарного института.

Радикальный настрой казанской молодежи отчетливо выразился в резолюциях, вынесенных на сходах. Так, в феврале студенты заявили о полной забастовке до 1 сентября 1905 г. В числе их требований были созыв Учредительного собрания, установление равноправия всех граждан, свобода слова, печати, организация народной милиции, академическая автономия, самоопределение национальностей, 8-ми часовой рабочий день, улучшение условий труда рабочих и т.д.⁴⁹ Аналогичные резолюции были приняты и студентами Ветеринарного института.

Кроме выступлений в стенах учебных заведений, студенты были активными участниками маевок – нелегальных собраний, устраиваемых за пределами Казани, – у Порохового завода, вблизи устья реки Казанки и в других местах. В них также принимали участие учащиеся средних учебных заведений Казани: старшие классы 1-й и 2-й мужских гимназий, 8-й класс Мариинской женской гимназии, руководимые «Соединенной группой учащихся средних школ г. Казани», близкой по настроениям к социал-демократическим. В выступлениях были задействованы также учащиеся низшего и среднего технического училища, художественной школы⁵⁰.

Другой группой казанской интеллигенции, ставшей активной участницей революционных событий, являлись профессора и преподаватели Казанского императорского университета. Их вовлеченность в происходящие процессы была связана не только с радикальной деятельностью их воспитанников. Казанские преподаватели, как и их коллеги в других российских университетах, остро ощущали идейные противоречия между университетами и властью, заложенные давними либеральными традициями русского университетского образования. Они заключались в том, что российское университетское сообщество настойчиво отвергало взгляды властей на университет как на «казенное учреждение», удовлетворявшее нуж-

---

⁴⁸ Султанбеков Б.Ф. Эволюция политических взглядов профессоров и преподавателей высших учебных заведений Поволжья (1905 – февраль 1917 гг.) // Ученые записки КГПИ. – 1977. – Вып. 173. – С.5.

⁴⁹ Корбут М.К. Указ. соч. – Т. 2. – Казань, 1930. – С.212.

⁵⁰ Лившиц С.Е. Очерки истории казанской социал-демократии (1888–1916). Ч. 1 // Пути революции. – 1922. – №1. – С.232, 254–255.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

ды государства в специалистах, и всячески культивировало представления об университете как о храме «истины и правды», главное назначение которого нести просвещение гражданам⁵¹.

Не совпадали взгляды профессорско-преподавательского состава и государственных чиновников на устройство университетской жизни. Главным условием ее правильной организации, по мнению большинства университетской элиты, являлась автономия по образцу западных учебных заведений, прежде всего немецких. Ущемление автономии и вмешательства государства в университетскую жизнь считалось крайне «вредным» и недопустимым⁵². Однако с 1884 г. в российских университетах действовал Устав, подвергавший их повсеместной бюрократической опеке со стороны Министерства народного просвещения и попечителей учебных округов. В начале XX в. с усилением радикальных настроений проблема университетской автономии вышла за рамки высшей школы и приобрела общественное значение, неразрывно связанное с оппозиционным движением⁵³.

В начале XX в. для большинства преподавателей Казанского университета были характерны либеральные настроения. Так, ряд профессоров уже в начале 1905 г. заявили о своей принадлежности к Академическому союзу. Эта организация являлась частью всероссийского «Союза союзов», ее цель определялась «как объединение и обеспечение нормального устройства академического быта на началах академической свободы и автономии». По мнению исследователя А.И. Иванова, Академический союз был «самой кадетской» частью Союза союзов⁵⁴.

В числе казанских преподавателей – членов Академического союза были такие известные ученые, как А.В. Вишнеvский, В.С. Груздев, Н.П. Загоскин, Э.К. Мейер, Н.А. Миславский, Н.Н. Парфентьев, А.Ф. Самойлов, Н.Н. Фирсов и др.⁵⁵ Всего, по сведениям 1905 г., в состав Академического союза входило 57 человек из Казани⁵⁶.

Казанские преподаватели отличились целым рядом оппозиционных действий. Большинство из них сочувственно отнеслись к

---

⁵¹ К 150-летней годовщине Московского университета. Извлечение из юбилейных приветствий к дню 12 января 1905 г. – М., 1905. – С.1.

⁵² Университет и город в России (начало XX века). – М., 2009. – С.279.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Иванов А.Е. Первая русская революция и профессура высших учебных заведений. Всероссийский академический союз: идеология, политическая деятельность // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России: сборник трудов. – Вып. 48. – М., 1977. – С.105.

⁵⁵ История Казанского университета. – Казань, 2004. – С.225.

⁵⁶ Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. – М., 1981. – С.110.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

требованиям студенческого движения и поддержали создание студенческого органа самоуправления «Союзного совета Казанского университета». Профессорский совет Казанского университета вступил в открытый конфликт с местной администрацией и полицией, протестуя против невмешательства последних в дело, касающееся избиения студентов, участвовавших в революционных митингах, лицами, по-видимому, примыкавшими к «черносотенному» движению⁵⁷. Также преподаватели выступили с рядом обращений к министру народного просвещения, в которых требовали возвращения университетской автономии.

Происходящие общественные перемены в начальный период революции с воодушевлением воспринимали даже те ученые, которые отличались консервативными взглядами. Как писал профессор А.И. Александров, «живое, важное время мы переживаем и нельзя не участвовать в жизни – она сама влечет в себя, заставляя жить каждый день новым и новым»⁵⁸.

Своего пика оппозиционные настроения преподавателей и учащихся Казанского университета достигли после обнародования «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» 27 августа 1905 г. Они отменяли бюрократические основы университетского Устава 1884 г., и возвратили важные начала автономной коллегиальной самоорганизации. Главная роль в управлении университетами вернулась профессорским Советам. Если в первые годы XX в. Совет мог коллегиально решать только небольшие вопросы, то теперь профессорам вновь предоставлялось право избирать ректора, деканов, секретарей. Ректору поручалось руководство инспекцией. Студенты получили возможность организовывать собрания без административного контроля⁵⁹. По словам современников, «совершенно свободные народные собрания в стенах университетов – это один из самых удивительных парадоксов революционно-политического развития осенних месяцев 1905 г.»⁶⁰.

С этого момента стены Казанского университета стали поистине главной ареной революционного движения в Казани. Здесь началась целая череда крупных многочисленных собраний с участием не только учащихся учебных заведений, интеллигенции и рабочих, но других слоев горожан. По словам С.Е. Лившица, «первоначально в собиравшейся на митинг толпе доминировали студенче-

⁵⁷ НА РТ. Ф.977. Оп.Совет. Д.11037а. Л.16–17.

⁵⁸ Письмо Александрова А.И. Корсакову Д.А. от 8 июня 1905 г. // НМ РТ. ОХДИ. Ед.хр. А.1.КППи–123666–92. Л.1об.

⁵⁹ Университет и город в России (начало XX века). – М., 2009. – С.120–121.

⁶⁰ Лившиц С.В. Казанская социал-демократическая организация в 1905 г. // Пролетарская революция. – 1923. – №3(5). – С.92.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

ские тужурки и гимназические куртки, но мало-помалу стали преобладать костюмы "вольной" публики. Кого только не было здесь! Заводские рабочие ..., представители свободных профессий, солдаты, прислуга... Все шли в заповедные стены послушать свободное слово; сюда не могли проникнуть казацкая нагайка и «сеledка» городского, ибо у университетского порога власть полиции кончалась, и переступивший этот порог обыватель немедленно превращался в свободного гражданина, которому были обеспечены неприкосновенность личности и свобода собраний»⁶¹.

В дни всероссийской октябрьской политической стачки радикальные настроения оппозиционеров достигли наивысшего подъема. В университетских аудиториях открыто и беспрепятственно выступали крайне «политически неблагонадежные» агитаторы, в том числе известные участники нелегальных политических организаций, студенты Казанского университета А.С. Кулеша, М.Ф. Мониц и др. В своих выступлениях ораторы, вдохновленных известиями о подобных забастовках и стачках по всей стране, все четче формулировали конечную, по их мнению, цель революционного движения – свержение монархического строя. Из их уст начала звучать вполне осмысленная и явная агрессивная пропаганда всеобщего вооруженного восстания, чего не было в первом периоде революции. Как отмечал С.Е. Лившиц, ораторы призывали «вооружаться револьверами, ружьями, выступить против самодержавия и биться до последней капли крови в борьбе за свободу»⁶² Тот факт, что радикальная часть казанских учащихся была готова к совершению насильственных действий, подтверждает существование в этот период лаборатории для изготовления бомб, организованной Казанским комитетом РСДРП в квартире одного из студентов университета на улице Большая Проломная⁶³.

Митингующие требовали уничтожить самодержавие, установить «свободный режим демократической республики», созвать Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, допустить женщин и евреев высшие учебные заведения⁶⁴. По мнению историка Казанского университета М.К. Корбута, «никогда еще казанские студенты так резко не объявляли свою "диктатуру" в стенах университета...»⁶⁵, как в эти дни.

От чрезмерных проявлений революционного радикализма учащихся в ряде случаев страдали рядовые жители Казани. Так, в

---

⁶¹ Там же. – С.93.

⁶² Лившиц С.В. Указ. соч. – С.96.

⁶³ Там же. – С.105.

⁶⁴ Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. – Т. 2. – Казань, 1930. – С.221.

⁶⁵ Там же. – С.223.

сентябре 1905 г. после митинга на похоронах покончившего собой ученика реального училища К. Малиновского многочисленная толпа, подстрекаемая студентами университета А.Г. Бельским и Н.Н. Накоряковым, двинулась по улицам города с провокационными призывами «Долой самодержавие и полицию!»⁶⁶. Во время шествия демонстранты в довольно грубой форме нарушали городской порядок: остановили вагон трамвая, на крыше которого студент П.Л. Драверт выступил с речью, «сбивали шапки» с находящихся неподалеку горожан⁶⁷, чем приводили простых обывателей в состояние крайнего беспокойства.

Повсеместное усиление революционных настроений влияло и на воззрения преподавателей университета. Большинство казанских ученых было охвачено всеобщим антиправительственным подъемом, о чем свидетельствует текст обращения Совета Казанского университета к министру народного просвещения от 29 сентября 1905 г., заключивший, что «надлежащее устройство университетской жизни возможно лишь при предоставлении стране свободы собраний и союзов, печати и гарантии неприкосновенности личности»⁶⁸.

Однако у ряда ученых возросшая в разы революционная активность учащихся вызвала растерянность и ощущение глубокого кризиса университетской жизни, а агрессивные призывы немедленного свержения существующего строя усилили антиреволюционные настроения среди профессоров. Так, один из приверженцев консервативных взглядов – профессор А.И. Александров писал профессору Д.А. Корсакову: «Студенты начинают безумствовать, требуя того, что уж будет через край: Республика у нас право ведь не по головам даже и таким ...философам, как В.Н. Ивановский», «пусть дадут право и место свободных собраний и тогда университет, слава Богу, вероятно будет опять храмом науки. О, дай Боже этого скорее, а то, право, тяжело читать утром, а вечером знать, что тут же происходят сходбища с преступными разговорами»⁶⁹. Помимо либерально настроенного большинства, в профессорском Совете стала все более активно проявлять себя небольшая группа приверженцев правых взглядов. Ее лидером являлся профессор юридического факультета В.Ф. Залеский – как он сам себя охарактеризовал – «убежденный консерватор, монархист, русский националист»⁷⁰.

---

⁶⁶ Лившиц С.В. Казанская социал-демократическая организация в 1905 г. // Пролетарская революция. – 1923. – №3(5). – С.96.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ НА РТ. Ф.977. Оп.Совет. Д.11037а. Л.240.

⁶⁹ Письмо Александрова А.И. Корсакову Д.А. от 15 октября 1905 г. // НМ РТ. ОХДИ. Ед.хр. А1.КППи-123666-97. Л.1-1об.

⁷⁰ Залеский В.Ф. Опыт характеристики. – Харьков, 1914. – С.2.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

Размежевание по политическим воззрениям стало причиной затяжного конфликта внутри преподавательской корпорации. Этот конфликт был спровоцирован местными властями, недовольными действиями профессорского Совета во время студенческих волнений. Городская администрация выпустила ряд постановлений, дающих право полиции вторгаться в университет, несмотря на то, что по законодательству, полиция могла быть допущена туда только по приглашению профессорского Совета⁷¹. 15 октября по указанию губернатора П.Ф. Хомутова у здания университета был выставлен патруль конной полиции, а 16–17 октября оно было оцеплено вооруженным отрядом казаков. Таким образом, университет оказался на грани начала боя между студентами и административными войсками.

Профессорский Совет в этой ситуации оказался в роли буферной зоны между митингующими и городскими властями, жаждущими любыми мерами навести «порядок» в учебном заведении. С этого момента между членами Совета начались ожесточенные споры. Приверженцы правых взглядов во главе с профессором В.Ф. Залеским настаивали на привлечении полиции «для охраны читающих и слушающих лекции от насилия»⁷². Однако для либеральной профессуры ввод войск в университет означал грубейшее нарушение автономии. Профессора Е.Ф. Будде, В.И. Разумовский, А.Я. Гольдгаммер, возражая В.Ф. Залескому, заявляли о категорическом неприятии вмешательства во внутренние дела университета властей различных уровней, будь-то попечителя учебного округа или городской администрации. Они подчеркивали, что «такая мера ... кроме вреда ничего принести не может»⁷³. В результате, представителям правого течения не удалось создать внутри Совета сплоченной группы и добиться вмешательства полиции. Большинство членов Совета встало на защиту студентов и других укрывшихся в университете, оградилло их от действий казанских властей⁷⁴.

Особую роль в урегулировании столь непростой кризисной ситуации, с которой столкнулось университетское сообщество Казани, пришлось сыграть новоизбранному ректору Н.М. Любимову. В течение нескольких дней он вел сложнейшие переговоры с администрацией, со студентами, забаррикадовавшими здание университета и готовыми вступить в вооруженное столкновение, и убедил обе стороны воздержаться от кровопролития.

---

⁷¹ Общий устав Императорских Российских университетов 1884 г. с приложением узаконений, на которые в Уставе делаются ссылки. – Саратов, 1913. – С.53.

⁷² НА РТ. Ф.977. Оп.Совет. Д.11037а. Л.23.

⁷³ Там же. Л.30.

⁷⁴ НА РТ. Ф.977. Оп.Совет. Д.11037а. Л.23об.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

Н.М. Любимов стал для корпорации ректором, сохранившим целостность университетского сообщества, невзирая на кардинальные различия в политических воззрениях ее представителей⁷⁵. Профессор В.И. Разумовский в прощальной речи в его честь красноречиво заявлял: «ты видел обстреливание зданий университета, ты видел кровь, пролитую на твоих глазах, у порога университетского! ... Да, у порога, но не внутри университетских стен ... Это твоя наивысшая заслуга пред родным университетом: ты сохранил университет от вечного позора, а молодежь от ненужных кровавых жертв»⁷⁶.

Октябрьские дни закончились для Казанского университета благополучно. Однако они ярко продемонстрировали раскол казанских преподавателей по партийному признаку на так называемую правую и левую группу. Нужно отметить, что эта конфронтация оказала влияние не только на профессиональные отношения, но и затронула частную сферу ученых. Так, по свидетельству дочери профессора Н.П. Загоскина, известного своими либеральными воззрениями, Ольги Николаевны Загоскиной, до 1905 г. ее отца связывали тесные дружеские отношения с коллегой по юридическому факультету профессором В.Ф. Залеским. Как она вспоминала: «Залеские жили недалеко от нас, против университета и почти каждый вечер бывали у нас и занимались музыкой. Залеский хорошо играл на рояле, жена его пела. Иногда целый вечер они вдвоем исполняли какую-нибудь оперу, пели за все партии и хор»⁷⁷. Расхождение «в политических взглядах», по мнению Ольги Николаевны, стало одной из главных причин размолвки В.Ф. Залеского не только с Н.П. Загоскиным, но и с другими коллегами. «Никто из профессоров не подавал ему руки, бойкотировали, он держался особняком. Стал ярым черносотенцем. Даже его семья порвала с ним...»⁷⁸, – вспоминала О.Н. Загоскина.

Своей кульминации революционные события в Казани достигли 17–22 октября 1905 г. 17 октября митингующие на центральных улицах города и случайно оказавшиеся неподалеку обыватели были подвергнуты вооруженной расправе со стороны полиции, какой, по словам гласного Городской думы Ф.А. Брокмиллера «Казань не

---

⁷⁵ Бушуева Л.А. Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен. Межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С.254–255.

⁷⁶ Речь профессора В.И. Разумовского, сказанная в университете над гробом почившего ректора Н.М. Любимова. – Казань, 1906. – С.10–11.

⁷⁷ Загоскина О.Н. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине. – Казань, 2002. – С.14.

⁷⁸ Там же.

видела со времен Ивана Грозного»⁷⁹. 19 октября в городе был провозглашен царский манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» (Манифест 17 октября), даровавший основы гражданской свободы на началах неприкосновенности личности, свободы слова, совести, собраний и союзов, и существенно расширявший избирательные права населения и полномочия Государственной Думы⁸⁰.

Манифест 17 октября не был подготовлен какими-либо мероприятиями и стал полной неожиданностью для российской общественности, в том числе и для жителей Казани. 19 октября у здания Городской думы состоялся митинг, на котором революционные ораторы призывали не верить Манифесту и бороться до конца. Под давлением митингующих местная полиция была разоружена, вместо нее были созданы отряды народной милиции из числа студентов, гимназистов и рабочих. 20 октября 1905 г. был создан объединенный комитет партий «Городская коммуна», взявший под свой контроль управление в Казани.

Однако 21 октября произошло выступление антиреволюционно настроенных жителей города (мелких купцов, торговцев, маргинальных слоев и др.). Их мирная патриотическая манифестация переросла в погром, во время которого преследовали и жестоко избивали участников революционного движения. В этой насильственной акции приняли участие и нижние чины полиции города. В результате, 21 октября штаб коммунаров в Городской думе был захвачен, около 130 человек было арестовано и заключено в городскую тюрьму, в том числе лидеры казанских большевиков и эсеров⁸¹.

Пережитые события, в особенности массовые насильственные акции, произвели ошеломляющее впечатление на жителей Казани. Даже простые обыватели, которые ранее избегали участия в каких-либо общественных и политических движениях, полностью ощутили значимость и неотвратимость происходящих перемен в стране и обществе. Как писал известный общественный деятель, профессор Казанского университета Г.Ф. Шершеневич: «Теперь никто уже, кажется, не сомневается, что мы переживаем выдаю-

---

⁷⁹ Лившиц С.В. Казанская социал-демократическая организация в 1905 г. // Пролетарская революция. – 1923. – №3(5). – С.111.

⁸⁰ Манифест об усовершенствовании государственного порядка // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (воспоминания современников, материалы и документы). – М., 2008. – С.759–760.

⁸¹ История татар с древнейших времен в 7 т. – Т.VII. – Казань, 2013. – С.74–75.

щийся исторический момент. На наших глазах разворачивается великая русская революция...»⁸².

Объявление Манифеста 17 октября вовлекло в общественно-политическую жизнь широкие слои населения, в том числе интеллигенции. В Казани начали создаваться местные организации российских политических партий. В октябре 1905 г. возник казанский комитет Конституционно-демократической партии, имеющей либеральное направление⁸³. Казанские интеллигентские круги стали ядром этой организации. Именно интеллигенция преобладала здесь, составляя 60% от всего состава. Сюда входили преподаватели высших и средних учебных заведений, адвокаты, чиновники, большая часть которых имела юридическое образование. Как и в партии конституционных демократов в целом, в Казанском комитете заметную роль играли преподаватели университета: А.В. Васильев, Г.Ф. Шершеневич, А.А. Пионтковский, Б.К. Поленов, Н.Н. Фирсов, Д.Н. Зейлингер, В.Н. Ивановский и др. Членами губернского комитета кадетов являлись профессор М.М. Хвостов, А.В. Васильев, А.А. Симолин. По данным 1908 г. в кадетской партии состояли 22 профессора и 9 приват-доцентов университета. Практически все они участвовали в деятельности этой организации до 1917 г.⁸⁴

Местную кадетскую организацию также поддерживала часть студентов университета и Ветеринарного института. Их деятельность обычно протекала в рамках легальных кружков. К примеру, состав Юридического общества при университете был почти полностью кадетским. Среди членов партии были и представители татарской общественности: Ю.Х. Акчурин, С.Ш. Алкин и др.⁸⁵

Казанская организация кадетов приняла участие во втором Общероссийском съезде Конституционно-демократической партии, который состоялся в Москве в январе 1906 г. Казань представляли профессор Г.Ф. Шершеневич и А.В. Васильев, общественные деятели Ю.Х. Акчурин и С.С. Галикеев⁸⁶.

Казанские кадеты активно занимались пропагандистской работой, главным образом, посредством издательской деятельности. Они выпускали целый ряд газет, способствовавших распространению либеральных идей: «Казанский вестник», «Вечернее эхо», «Волжско-Камская речь», «Камско-Волжская речь». Эти издания пользовались популярностью среди разных слоев населения Казанской губернии.

---

⁸² Шершеневич Г.Ф. Революция и гражданское уложение // Право. – №1. – 1906. – С.8

⁸³ История татар с древнейших времен в 7 т. – Т.VII. – Казань, 2013. – С.97.

⁸⁴ Университет и город в России (начало XX века). – М., 2009. – С.506.

⁸⁵ История татар с древнейших времен в 7 т. – Т.VII. – Казань, 2013. – С.97.

⁸⁶ Там же. С.93.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

В ноябре 1905 г. возникла организация умеренно либерально-го толка «Казанская партия манифеста 17 октября», состоявшая из земских деятелей, преподавателей университета профессоров М.Я. Капустина, И.А. Праксина, В.И. Разумовского и др. Кроме того, с этой организацией активно сотрудничали крупные предприниматели и помещики, так, товарищем председателя партии являлся купец С.И. Аитов⁸⁷.

Представители интеллигенции Казанской губернии принимали участие в создании не только объединения либерального направления, но и в организации движения правомонархического характера. В Казани уже задолго до провозглашения Манифеста 17 октября функционировало Казанское общество трезвости, объединявшее представителей консервативно-монархических взглядов⁸⁸. На базе этого общества в 1905 г. в Казани была создана первая в губернии «правомонархическая, национально-русская политическая организация – Казанский отдел «Русского собрания»⁸⁹. Его председателем стал А.Т. Соловьев – казначей университета. Хотя численность Казанского отдела «Русского собрания» была невысокой, он считался одним из самых авторитетных отделов «Русского Собрания»⁹⁰. В разное время он курировал около 10 различных общественных организаций, в том числе упомянутое Казанское общество трезвости, отличающееся своей многочисленностью. С журналом «Деятель», который выпускало это общество, сотрудничали такие представители казанской интеллигенции, как профессора В.Ф. Залеский, К.С. Мережковский, Н.А. Засецкий, А.И. Александров, М.И. Догель, Н.Ф. Катанов⁹¹.

В обиход широко вошло второе название правомонархического движения, образовавшееся от словосочетания «черная сотня» (древняя форма самоуправления русского народа в условиях общины, в широком смысле – тяглое посадское население на Руси)⁹². В это понятие представители либеральных и социалистических взглядов вкладывали крайне уничижительный смысл. Лидеры монархического движения Казани нередко подверглись нападкам со стороны местной либеральной прессы (газета «Камско-волжская речь»).

---

⁸⁷ Там же. – С.100.

⁸⁸ Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. – Ульяновск, 2000. – С.422.

⁸⁹ История татар с древнейших времен в 7 т. – Т.VII. – Казань, 2013. – С.106.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Университет и город в России (начало XX века). – М., 2009. – С.509.

⁹² История татар с древнейших времен в 7 т. – Т.VII. – Казань, 2013. – С.105.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

Объявленная в начале 1906 г. избирательная кампания в первую Государственную Думу, регулировавшаяся указом от 11 декабря 1905 г. «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных к нему дополнений», вызвала новый подъем общественных настроений, как по всей России, так и в Казани.

Несмотря на то, что избирательного права была лишена значительная часть населения (женщины, лица моложе 25 лет, учащиеся учебных заведений, воинские чины, состоявшие на действительной военной службе, «бродячие инородцы» и др.), а курриальная избирательная система была ограничена различными цензами, современники осознали, что начавшиеся выборы депутатов – поистине уникальное историческое событие. Впервые российское население получило возможность легально отстаивать свои политические инициативы, взгляды и интересы, самостоятельно выдвигать своих представителей во властные структуры⁹³.

Казанская пресса передавала атмосферу всеобщего оживления и эмоционального подъема в дни проведения выборов: «В эти дни выбора выборщиков Казань впервые жила политической жизнью на улицах. Всюду шла агитация, наиболее горячо развертываясь у избирательных участков. В течение двух-трех, предшествовавших подаче голосов, лица, близко стоявшие к избирательной кампании, были в осаде от желающих получить разъяснения и указания. В день подачи бюллетеней настроение повысилось настолько, что к урнам пришло от 43 до 90 процентов избирателей. Около избирательных участков шли горячие споры о достоинствах кандидатов»⁹⁴. Участник этих событий, депутат первой Государственной думы от Казанской губернии И.Е. Лаврентьев говорил об этих днях: «Мы – современники и очевидцы этой редкой страницы родной истории – невыразимо счастливы, что на своем веку пережили некоторое время и видели вокруг настоящую жизнь – полную энергии, одушевления, жажды подвига, братского единения и содружества»⁹⁵.

Главными участниками первой предвыборной гонки в Казанской губернии, как и в других регионах Российской Империи, стали Конституционно-демократическая партия в союзе с «Иттифак аль-муслимин» и Союз 17 октября.

Победу одержала партия кадетов. Не в последнюю очередь ее успех в Казанской губернии обеспечили ее активные деятели –

---

⁹³ Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи... – М., 2008. – С.6.

⁹⁴ Цит. по: Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1907. – Казань, 2006. – С.12.

⁹⁵ Лаврентьев И.Е. Выборы от крестьян в Казанской губернии // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы). – М., 2008. – С.261.

профессора Казанского университета М.М. Хвостов, А.В. Васильев, а также А.Г. Бать, С. Алкин. Эти люди были широко известны в городе, являлись популярными общественными деятелями, поэтому их выступления на избирательных собраниях пользовались неизменным успехом, особенно среди интеллигенции, и оказали сильное влияние на предпочтения избирателей. В Государственную думу прошли профессор А.В. Васильев и Г.Ф. Шершеневич.

Вместе с российской общественностью казанцы восторженно приветствовали торжественное открытие первой Государственной думы 27 апреля 1906 г. в Петербурге. Во многих крупных городах России в этот день царил атмосфера всеобщего ликования, по свидетельству современников, этот день по своей значимости был вполне сопоставим с днем отмены крепостного права – 19 февраля 1861 г.⁹⁶ Сходные настроения наблюдались и на улицах Казани. Так, здание, в котором размещалась редакция газеты «Казан мухбире», в этот день было иллюминировано, а вечером с лодок на озере Кабан пускались ракеты⁹⁷.

Воодушевление интеллигентских слоев Казани и их надежды выразились в большом количестве приветственных писем и телеграмм в адрес первого парламента. Из Казани их послали профессора Казанского университета, Казанское юридическое общество, Казанский совет присяжных поверенных, Казанское ветеринарное общество и др.⁹⁸ Настроения общественности в полной мере отразились в телеграмме ректора Казанского университета Н.П. Загоскина: «Исполненный сознания великого исторического значения переживаемого момента Совет Казанского университета просит вас передать первому собранию излюбленных представителей Русской земли его сердечный привет и горячее пожелание успеха в предстоящей ответственной и трудной работе. Да будет суждено первому составу народных избранников увенчать русское освободительное движение, без страха и упрека осуществив великую идею свободной жизни в свободном государстве, идею, которую одушевлены все лучшие сыны нашей исстрадавшейся родины. За вами доверие, надежды и поддержка всего великого русского народа»⁹⁹.

Деятельность первой Думы, имевшей ярко выраженный оппозиционный характер, как известно, не была продолжительной. Указом от 9 июля 1906 г. она была распущена, а созыв новой Думы был назначен на 20 февраля 1907 г., но дата выборов при этом не была

---

⁹⁶ Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи... – С.31.

⁹⁷ Усманова Д.М. Указ. соч. – С.48.

⁹⁸ Там же. – С.48–49.

⁹⁹ НА РТ. Ф.977. Оп.Совет. Д.11274. Л.109.

обозначена¹⁰⁰. Вслед за этими событиями последовало разочарование общественности и утрата политических иллюзий и надежд¹⁰¹.

Уже в конце 1906 г. в политической жизни Казани наступила пора затишья. Известный казанский публицист Н.Я. Агафонов писал К.Д. Корсакову в октябре 1906 г.: «В Казани идет монотонная вялая жизнь. Волнения молодежи утихают. Лекции в университете начались, дело, по-видимому, входит в свою колею. Что дальше – неизвестно...Я как человек, живущий в стороне от большого света и не принадлежащий ни к какой политической партии, сию больше дома, читаю, размышляю и пишу...»¹⁰².

Избирательные кампании второй и третьей Государственных Дум прошли в атмосфере пессимизма и пассивности. Во многом этому способствовало усилившееся повсеместное давление власти на ход предвыборной кампании¹⁰³. Так, о начале работы второй Думы пресса сообщала: «Сосредоточенно, угрюмо и хмуро, почти безрадостно, но трезво и рассудительно, народ и дума приступили к работе. Нет веры – есть настойчивая решимость»¹⁰⁴.

После открытия второй Думы правительственные круги начали работу над новым избирательным законодательством, которое обеспечило бы в Думе преимущество промонархических сил¹⁰⁵. В мае 1907 г. проект будущего избирательного закона был подготовлен, а 3 июня 1907 г. достоянием общественности стал факт подписания Николаем II манифеста «О роспуске Государственной думы и времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу». Современники охарактеризовали эти меры правительства как третьеиюньский переворот, завершивший Первую русскую революцию¹⁰⁶.

После своего завершения события Первой русской революции в последующие годы продолжали оказывать влияние на настроения казанцев. Новые общественные и политические явления прочно вошли в повседневную жизнь обывателей. Образованные горожане проявляли стойкий интерес к работе Государственной думы. Казанские газеты, пользовавшиеся популярностью, довольно много писали о ходе ее работы. Этот политический орган даже становился

---

¹⁰⁰ Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи... – С.19.

¹⁰¹ Каминка А. Третий академический съезд // Право. – 1906. – №1. – С.300.

¹⁰² НМ РТ. ОХДИ. Ед.хр. А.2.КППи 123666–77. Л.3об.

¹⁰³ Кизеветтер А.А. На рубеже столетий: Воспоминания // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы). – М., 2008 – С.410.

¹⁰⁴ Цит. по: Усманова Д.М. Указ. соч.– С.60.

¹⁰⁵ Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи... – С.21.

¹⁰⁶ Там же.

предметом сатирических фельетонов местных авторов¹⁰⁷. Живейший интерес населения также вызывала деятельность депутатов от Казанской губернии, а также приезды народных избранников в Казань. Так, по свидетельству газеты «Казанский телеграф», большое любопытство публики вызвал посещение столицы губернии известного политического деятеля правого толка, депутата Государственной думы В.М. Пуришкевича и его публичные лекции¹⁰⁸.

Революционные события дали новый импульс общественной жизни казанцев. В послереволюционные годы в городе функционировал целый ряд добровольных самодеятельных ассоциаций неполитического характера. С 1906 г. в Казани функционировало «Общество народных университетов», объединявших более трехсот представителей интеллигенции. Горожане охотно объединялись в разнообразные научные, благотворительные, спортивные общества, общества «по интересам». О росте гражданского самосознания свидетельствовало появление после революции самодеятельных организаций женщин, ранее слабо задействованных в общественной сфере. Так, кроме дамского благотворительного общества, в Казани с 1909 г. функционировала организация женщин-врачей¹⁰⁹.

Казанские общественные объединения того времени в большинстве своем были созданы по инициативе «снизу». Эти организации были, пожалуй, единственным местом, где казанская интеллигенция имела возможность взаимодействовать, основываясь на принципах равенства, демократизма и гласности¹¹⁰.

С другой стороны, после окончания революции продолжал усиливаться раскол казанской интеллигенции по политическому признаку. Идейное противостояние представителей «правых» и «левых» течений разворачивалось, главным образом, на страницах местной прессы. Так, известные в городе сторонники консервативных взглядов главный редактор газеты «Казанский телеграф» Н.А. Ильяшенко и студент юридического факультета Казанского университета П.Я. Полетика стали авторами ряда публикаций в «Казанском телеграфе», направленных против приват-доцента университета Г.А. Вацуро и других «левых» профессоров¹¹¹. Как отмечал корреспондент газеты «Камско-волжская речь», «г. Ильяшенко за последнее время положительно специализировался на Казанском университете, чуть

---

¹⁰⁷ В тихом семействе // Камско-волжская речь. – 1910. – 7 марта.

¹⁰⁸ В Казань приезжает В.М. Пуришкевич. Лекция В.М. Пуришкевича // Казанский телеграф. – 1911. – 5 июня.

¹⁰⁹ Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. – Ульяновск, 2000. – С.447.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Революционная агитация с кафедры финансового права в Казанском университете // Казанский телеграф. – 1909. – 8 января. – С.3.

не в каждом номере обливая потоками грязи профессоров Гольдгаммера, Пионтковского, Зейлингера, Поленова...»¹¹². В свою очередь Н.А. Ильяшенко и П.Я. Полетика также становились объектами нападков со стороны либеральной прессы¹¹³.

Если для многих обывателей первые послереволюционные годы проходили в целом безболезненно, то отдельные слои российской интеллигенции определяли этот период как время тяжелейшего духовного и идейного кризиса. Это суждение в полной мере отразилось в вышедшем в 1909 г. знаменитом сборнике статей «Вехи»¹¹⁴. Сборник привлек к себе широкое общественное внимание и стал для современников настоящей сенсацией. Его авторы – известнейшие публицисты и общественные деятели (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, П.Б. Струве и др.), осуждая радикальные воззрения российской интеллигенции, провозглашали факт ее глубочайшего мировоззренческого кризиса, возникшего в результате поражения Первой русской революции.

В том, что интеллигентские слои испытывали «серьезный перелом в своем духовном содержании» с «веховцами» соглашались и другие мыслители. «Едва ли когда-нибудь русское общество и, в особенности, та его часть, которая именуется интеллигенцией, – переживали такой смутный и такой тягостный для них исторический момент, как в настоящее время. Наше собственное настроение проникнуто теперь таким глубоким упадком духа, какого тщетно было бы искать во всем нашем «идейном» прошлом», – писал известный либеральный деятель Н.А. Гредескул¹¹⁵.

Ведущих российских психиатров также беспокоили последствия русской революции 1905–1907 гг. По их мнению, они стали причиной возросшего психологического нездоровья населения. В.М. Бехтерев констатировал, что психиатрические клиники переполнены, а рост числа самоубийств значительно вырос. Как он отмечал, «дальнейшим условием, влияющим ... [на рост самоубийств – Л.Б.] являются недавние события военного и политического характера, оставившие глубокий след в населении, до сих пор еще считающемся с последствиями 1904, 1905 и 1906 годов и следующего за ним периода... В отношении социальных условий нужно принять во внимание обострившуюся классовую и политическую рознь умов, ставящую в известных случаях в безвыходное положение отдельных лиц, разочарование на почве политической борьбы,

---

¹¹² Маленькая хроника. Еще о проводах Полетики // Камско-Волжская речь. – 1910. – 24 марта. – С.4.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909.

¹¹⁵ Гредескул Н.А. Общество, реакции и народ // Зарницы. Литературно-политический сборник. – 1909. – №2. – С.267.

развитие новых стремлений, связанных с политическими переворотами, и невозможность их осуществления»¹¹⁶.

Некоторые представители казанской интеллигенции также оказались подверженными психическим расстройствам как следствиям революционных событий. Так, профессор медицинского факультета Казанского университета В.П. Осипов в докладе, прочитанном на заседании Общества невропатологов и психиатров при Казанском университете в 1910 г., приводил интересные случаи из своей практики, в которых «только что пережитые политические катаклизмы послужили причиной окончательного душевного разлада». Он сообщал, что курировал одного профессора, занимавшего высокий служебный пост, который, «всецело примыкая к пожеланиям освободительного движения», вместе с тем, «как старый законник, оказался в тисках неотмененных старых положений. На почве этого конфликта развился целый ряд страхов, приведших к тяжелому психозу»¹¹⁷. Кроме того, в послереволюционный период казанская пресса констатировала рост числа суицидов, в особенности среди молодых людей, причиной которых, согласно предсмертным признаниям самих самоубийц, стали «разочарования в жизни»¹¹⁸.

Потеря душевного равновесия в эти годы в особенности остро ощущалась среди студенчества. Бывшие лидеры радикального движения из числа студентов были деморализованы политическими репрессиями, а рядовые участники революционных университетских митингов 1905 г. не решались вернуться к оппозиционной деятельности. Этот вынужденный отказ от прежних высоких революционных идеалов и разочарованность пагубно сказывались на состоянии молодых людей. В 1908 г. бывшая участница социал-демократического движения из Казани писала своему знакомому о том, как сжигала старые письма политического содержания в страхе перед обыском. Особенно тяжело, по ее словам, она переживала утрату писем от 1905 г., полных «силы, энергии, энтузиазма», вместо них ей остался «кошмар какой-то позади и полная неизвестность впереди»¹¹⁹.

Избегавшие арестов участники социал-демократического движения всеми силами пытались сохранить видимость «борьбы». Од-

---

¹¹⁶ Бехтерев В.М. О причинах самоубийств и о возможной борьбе с ними // Труды Первого русского съезда невропатологов и психиатров. – М., 1914. – С.108.

¹¹⁷ Общество невропатологов и психиатров // Камско-волжская речь. – 1910. – 10 апреля. – С.2.

¹¹⁸ Покушение террористки на самоубийство // Камско-Волжская речь. – 1910. – 28 марта; Статистика самоубийств // Камско-Волжская речь. – 1910. – 5 августа; Самоубийство студента // Камско-Волжская речь. – 1910. – 13 июля.

¹¹⁹ Цит. по: Могильнер М.Б. Мифология подпольного человека: радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. – М., 1999. – С.79.

нако и они признавали, что «глухие годы» крушения революционных надежд сильно «отзовутся на психике ... товарищей»¹²⁰. А.Я. Аросев в своих воспоминаниях упоминал «товарища Германа» (Н.М. Шеман – студент юридического факультета Казанского университета – Л.Б.) – активного участника студенческого движения, который по слухам «на нервной почве» потерял зрение¹²¹.

Как отмечает историк А.И. Иванов, «меланхолия, словно эпидемия», охватила российское студенчество. В послереволюционные годы многие студенты так же, как и их предшественники, искренне желали кардинальных перемен в стране. Однако вследствие репрессивного режима, установленного в учебных заведениях министром народного просвещения А.Н. Шварцем, они уже не решались на активные открытые выступления¹²². Приведем высказывание одной из слушательниц Высших женских курсов в Петербурге, довольно точно отражавшее настроение интеллигентной молодежи того переходного периода: «Есть сознание, что все наше поколение, пережившее 1905 г., теперь обречено; что нам нечем жить и нечего делать. Почти невозможно, побывавши на 20-й ступеньке, опять опуститься на пятую и начинать все сначала, а это именно необходимо сейчас. Вот почему – пониженное настроение, обесценивание своей личности, бесцельность существования, каждый день напоминающего о том, что жизнь идет мимо тебя»¹²³.

На фоне упаднических настроений радикального студенчества в данный период в среде казанских учащихся отмечалось усиление влияния «правых» воззрений. Об этом свидетельствует появление таких организаций, как «Казанское общество русской монархической молодежи»¹²⁴, «Кружок монархической молодежи «Беркут»¹²⁵.

В целом, характеризуя настроения интеллигенции Казани в период Первой русской революции, можно сказать следующее. На начальном этапе революции в интеллигентских слоях наиболее ярко проявились настроения оппозиционного характера, главным образом, среди профессоров и преподавателей Казанского универ-

---

¹²⁰ Аросев А.Я. Казань – в глухие годы (1906–1909 гг.) // Пути революции. – 1922. – № 1. – С.42.

¹²¹ Там же. – С.42–43.

¹²² Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. – М., 2010. – С.272–273.

¹²³ Цит. по: Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи, по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. Психологическая и социологическая самооценка. Разочарованность. – СПб., 1913. – С.35.

¹²⁴ История татар с древнейших времен в 7 т. – Т. VII. – Казань, 2013. – С.112.

¹²⁵ Кружок монархической молодежи «Беркут» // Камско-Волжская речь. – 1910. – 23 марта.

ситета и учащихся высших и средних учебных заведений города. Среди казанской интеллигенции именно эти две группы продемонстрировали наибольшую активность. Если преподаватели в большинстве своем были сторонниками либеральных воззрений, то в среде студентов, участвовавших в оппозиционном движении, доминировали идеи социал-демократов и партии социалистов-революционеров. При этом революционная активность учащихся к октябрю 1905 г. приняла крайне радикальный характер. В это время именно стены университета стали местом консолидации общественных настроений города. В этом смысле, можно сказать, Казанский университет вполне оправдал знаменитое высказывание известного русского ученого Н.И. Пирогова о том, что университет есть «лучший барометр общества»¹²⁶.

Провозглашение Манифеста 17 октября 1905 г. и начало избирательной кампании в первую Государственную думу в начале 1906 г. вовлекли в общественно-политическую жизнь широкие слои казанской интеллигенции. Получив возможность легально отстаивать и выражать свои политические взгляды и интересы, они приняли участие в создании и деятельности политических партий разных направлений. Влияние политических настроений на интеллигенцию в этот период было настолько велико, что целый ряд ее представителей порывали с основной профессиональной деятельностью и становились на стезю профессиональной политики. К примеру, в это время от университетской карьеры отошли профессор Г.Ф. Шершеневич, А.В. Васильев, М.Я. Капустин.

В свою очередь, участие представителей интеллигентских слоев в таких различных по своему характеру политических организациях, как Казанский комитет Конституционно-демократической партии, Казанский отдел «Русского собрания», «Казанская партия манифеста 17 октября» свидетельствовало о размежевании казанской интеллигенции по политическому признаку и привело к обострению конфликтов между представителями различных политических взглядов.

Созыв первой Государственной думы был встречен казанскими интеллигентами с воодушевлением. Однако быстрый роспуск первого парламента, притеснения властей деятелей либерального и «правого» движения и, наконец, Указ 3 июня 1907 г. повлекли за собой массовое разочарование и утрату былых политических иллюзий и надежд. Особенно остро душевный разлад в послереволюционный период переживали представители молодого поколения – бывшие активные участники студенческого движения, уже не имевшие сил «бороться» за радикальные идеалы. Упадническим

---

¹²⁶ Пирогов Н.И. Университетский вопрос // Университетская идея в Российской империи XVIII – начало XX веков: антология. – М., 2011. – С.255.

настроениям было подвержено и новое поколение казанских учащихся. С другой стороны, первая русская революция, несомненно, способствовала росту гражданского самосознания образованных жителей Казани и активизации общественной жизни города.

2.3. «Это все устарело, теперь нас интересуют жизненные вопросы...»: программные требования и выступления учащейся молодежи г.Казани в годы Первой русской революции

Учащиеся средних и высших образовательных заведений уже за несколько лет до событий 1905–1907 гг. начали выражать свою позицию и участвовать в акциях протеста. Так, еще в 1899 г. прошла первая всероссийская студенческая забастовка. Казанские студенты поддержали вторую всероссийскую забастовку 1901 г., а 5 ноября 1904 г. устроили демонстрацию под лозунгами: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!»¹²⁷. Различные кружки воспитанников средних учебных заведений в конце 1903 г. сливаются в «Объединенную группу учащихся средних учебных заведений г. Казани», которая поставила задачу выработки у учащихся революционного марксистского мировоззрения, подготовку к участию в революционной борьбе против самодержавия¹²⁸. Так как к началу XX в. состав учеников и студентов в сословно-классовом отношении был разнообразным, они знали нужды всех слоев общества, а юношеский максимализм и энергия не могли оставить их в

¹²⁷ История Казанского университета, 1804–2004. – Казань, 2004. – С.252.

¹²⁸ Рождественский В.П. Революционное движение учащихся средних школ в революцию 1905–1907 гг. в Казанском учебном округе: дисс. ... к.и.н. – Казань, 1941. – С.116.

стороне от революционных событий. По мнению А.В. Хабибрахмановой, «студенческая молодежь Казани оказалась единственной силой, способной на роль «авангарда» в противостоянии с властью имущими, и именно ей выпала доля направить стачечное движение в русло политической борьбы»¹²⁹.

В то же время нельзя сказать, что все учащиеся были едины в своих стремлениях и проявляли революционный пыл. Как и во всём обществе, здесь были радикалы, умеренные и консерваторы. Кроме того, довольно ощутима разница между студентами и учениками СУЗов. Если студенты были практически взрослыми людьми с определенным опытом и мировоззрением, то ученики вели себя более «по-мальчишески», забавляясь своими выходками, и менее разбирались в политической обстановке.

В организации выступлений учащихся СУЗов большую роль играла «Соединенная группа учащихся средних школ г. Казани» (СГУСШ) во главе с «Комитетом объединенной группы учащихся» из 17 человек. 16 января 1905 г. на совещании СГУСШ с представителями Казанского комитета РСДРП (б) было принято решение о принятии идейного и организационного руководства РСДРП революционными группами учащихся. Однако во вскоре выпущенной прокламации «Ко всем» сообщается, что хотя группа и приняла идейное руководство РСДРП, «но это не значит, что вся группа признала себя социал-демократической»¹³⁰. Эта организация распространяла прокламации, революционную литературу, устраивала политические митинги и демонстрации с участием учеников, забастовки в школах, но значительную долю выступлений, особенно по бытовым и академическим вопросам, учащиеся организовывали сами, стихийно. Чего же хотели бастующие ученики?

Можно выделить два уровня требований:

1) *Политические*. Они распространялись в прокламациях и воззваниях, выдвигались на демонстрациях, поскольку такие вопросы находились вне компетенции администрации учебных заведений. Фактически в них даже не выдвигались никакие требования, поскольку они предусматривали не диалог с властью, а её уничтожение и выражались зачастую в лозунгах «Долой самодержавие!» и «Да здравствует республика!». Чаще всего политические воззвания воздействовали на сердца учащихся, показывая несправедливость существующего строя. Так, прокламация «К учащимся средних школ» СГУСШ и Казанского комитета РСДРП призывала присоединиться к всеобщей забастовке: «*Настало великое время.*

---

¹²⁹ Хабибрахманова А.В. Деятельность политических партий в Казани в годы Первой российской революции. – Казань, 2006. – С.101.

¹³⁰ Рождественский В.П. Указ. соч. – С.144.

Жизнь требует немедленного ответа от всех русских людей. Остаться равнодушными теперь нельзя. Ответим: товарищи, на чьей стороне мы стоим? На стороне самодержавия, которое расстреливает на улицах Петербурга, Риги, Ревеля безоружные массы полиграфных рабочих, или на стороне большинства общества, ведущего освободительную войну? Можем ли мы учиться, когда вездельется кровь невинных и столбы в Петербурге обрызганы человеческим мозгами, можем ли мы примириться с тем обманом, к которому прибегает наше Правительство, объясняя гражданскую войну. Подумаем, на чьей стороне правда? Посмотрите, как быстро откликнулись на призыв высшие учебные заведения России, как забастовали Варшавские и Саратовские средние учебные заведения. Откликнемся и мы на протест, заявим начальству и бессознательной массе учащихся, что в такие моменты нельзя зубрить греческий, математику, немецкий и забастуем. Покажем Правительству, что мы не за него, когда оно сделалось душегубцем. Широко разлилось движение по русской земле. Бастуют все, даже полиция и солдаты. А мы – молодые силы, которых ожидает при самодержавии такой гнет и в университете, и в жизни, неужели мы не будем протестовать со всеми вместе. Нет, товарищи, употребим все силы и прикнем к общему движению»¹³¹.

Среди подростков, учеников средних школ эти лозунги зачастую были не самостоятельными, а лишь как повод для выступлений по более частным вопросам. Так, в Казанской учительской семинарии 2 декабря 1906 г. во 2 классе перед уроком пения на классной доске появилась надпись: «Царь вампир пьет народную кровь. Долой царя. Да здравствует русская республика». В ходе разбирательства выяснилось, что целью надписи на доске было оскорбление преподавателя Д.М. Яичкова как плохого учителя, который вместо своего предмета, занимается посторонним делом, ведет разговоры о посторонних предметах, проводит свои политические идеи¹³². Ученики 1 и 3 классов той же семинарии, когда их не отпустили в театр, начали петь революционные песни и марсельезу¹³³.

Но иногда, особенно в период наибольшего подъема революционного движения, политические требования становились принципиальными. На общем собрании учащихся 5–8 классов Казанской второй мужской гимназии 27 сентября 1905 г. ученики, которые раньше хотели лишь снижения дисциплинарных требований и расширения свободы в гимназии, выдвинули требование всеобщего, бесплатного и равнодоступного для всех образования, без раз-

---

¹³¹ НА РТ. Ф.88. Оп.64. Д.2054. Л.30.

¹³² НА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.874. Л.99, 101.

¹³³ Там же. Л.123.

личия национальностей и вероисповедания¹³⁴. Когда оно было отвергнуто, 9–10 октября вновь проводится сходка, где учащиеся уже выражают солидарность с политической борьбой рабочего класса, требуют принятия требований, которые считают своим неотъемлемым правом и угрожают забастовкой всех учебных заведений, после чего гимназия была закрыта.

2) *Академическо-бытовые*. Во время революции была довольно широко распространена практика, когда ученики составляли петиции, в которые входили требования по улучшению быта и условий обучения, затем передавали их в педагогический совет или директору учебного заведения. Они различались в зависимости от учебного учреждения и состава учащихся. Так, представители старших классов Казанской первой мужской гимназии на сходке составили следующие требования, удовлетворение которых, по их мнению, ослабило бы тяжелый гимназический режим и успокоило бы молодежь: 1) созыв совещания родителей, постоянное их участие в педсоветах гимназии; 2) свобода ученических организаций и обществ для самообразования с правом издания собственного журнала; 3) разрешение ученических собраний для обсуждения общегимназических нужд; 4) свобода учреждения учениками кассы взаимопомощи; 5) доступ в публичные библиотеки; 6) уничтожение внеклассного надзора и передача его родителям; 7) уничтожение балльной системы; 8) необязательное посещение церкви и молитв; 9) устройство читальни и пополнение ученических библиотек книгами, дозволенными цензурой; 10) свободное посещение театров, концертов; 11) устранение гигиенических недостатков в здании гимназии; 12) обязательное ношение формы только при посещении гимназии; 13) немедленное удаление П.Н. Черняева от занимаемой должности преподавателя и наставника; 14) исключенные ученики, пожелавшие вновь поступить в гимназию, должны быть приняты; 15) представители, выработавшие эти требования, не должны подвергаться наказаниям¹³⁵.

По сравнению с гимназией в состав Казанского реального училища входили более демократические элементы, поэтому их петиция отличалась по некоторым пунктам: 1) допущение реалистов в университет с дополнительным экзаменом по латинскому языку; 2) свобода собраний в неучебное время в здании школы; 3) свободное посещение зала судебных, земских, городских и научных заседаний, публичных библиотек и читален, а также свободное посещение театра, цирка и клубов; 4) необязательное изучение в 7 (дополнительном) классе французского языка и замена его изу-

¹³⁴ Рождественский В.П. Указ. соч. – С.183.

¹³⁵ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.4531. Л.93.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

чением одной из следующих наук: политическая экономия, законоведение, социология, логика и психология; 5) введение в 7 классе лекционного метода преподавания, ввиду того, что ученики являются неподготовленными к слушанию лекций в высших учебных заведениях, а в других классах обратить внимание на прохождение предметов, главным образом, в классе; 6) уничтожение балльной системы в трех старших классах; 7) полное невмешательство инспекции в частную жизнь учеников; 8) обязательное посещение церкви; 9) обязательное ношение формы вне школы; 10) ношение зимой меховых шапок; 11) товарищеский суд над поступками учеников; 12) обязательное присутствие на собраниях педагогического совета родителей с правом голоса; 13) свобода разного рода складчин и подписок; 14) учреждение ученических библиотек на средства самих учащихся; 15) экзамены в 7 классе должны производиться только за курс одного года¹³⁶.

Требования учащихся схожи в вопросе об ослаблении надзора за ними, но реалисты хотят более радикального изменения учебной программы – добавления в курс преподавания популярных предметов, причем политической направленности. Кроме того, они требуют допустить их на земские и судебные заседания, что также свидетельствует об их политических устремлениях и желании активной участвовать в жизни общества. Воспитанники Казанской духовной семинарии так же выдвигали академические требования, причем они подчеркивали, что их движение ничего общего не имеет с социал-демократическим революционным движением, что никто из учащихся не разделяет общедемократических идей, после чего Комитет социал-демократической группы учащихся средних школ оценил их забастовку как трусливую, оторванную от общей освободительной борьбы¹³⁷.

Иногда встречались требования только бытового характера. Так, в записках дежурного наставника Казанской учительской семинарии указано, что все ученики просят: 1) увеличить порцию картофеля (сегодня дано всего по 4 картофелины); 2) по постным дням за вечерним чаем назначить порцию белого хлеба; 3) улучшить приготовление гороха (просить варить погуще, для чего необходимо увеличить на несколько фунтов дневную порцию гороха на всех воспитанников)¹³⁸. Но в данном случае описывается скорее просьба, чем требование. В другой раз в той же семинарии ученики выступили уже с требованием калаш, причем настаивали на со-

---

¹³⁶ Рождественский В.П. Революционное движение учащихся средних школ в революцию 1905–1907 гг. в Казанском учебном округе: дисс. ... к.и.н. – Казань, 1941. – С.177.

¹³⁷ Там же. – С.203.

¹³⁸ НА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.844. Л.61.

зые педагогического совета для решения этого вопроса¹³⁹. В целом, чисто бытовые требования редко выдвигались учащимися, в основном, они шли в блоке с другими вопросами.

Когда администрация предпринимала репрессивные меры против учащихся, то они сами или их товарищи, в зависимости от ситуации, могли перейти к защитным мерам с просьбой не увольнять провинившихся или же включали такое требование в петицию наравне с остальными. 24 октября 1906 г. 12 учеников 1–5 классов Казанского земледельческого училища явились на квартиру преподавателя русского языка К.Д. Гриневича и стали требовать, чтобы он ушел из училища, поскольку грубо ведет себя с учениками. Совет постановил уволить этих ребят. За них извинились их одноклассники, объяснив, что вышло недоразумение и просили их не увольнять, иначе они не ручаются за спокойствие в училище. Совет дополнительно выслушал этих 12 учеников, но они не высказали раскаяния, и решение осталось в силе, после чего воспитанниками училища была объявлена забастовка¹⁴⁰. Во Казанской второй гимназии учащиеся были более агрессивны. Первые два урока они пропустили под предлогом взволнованного состояния и в связи с необходимостью обсуждать вопрос о том, как помочь уволенным за беспорядки гимназистам. После двухчасовых консультаций они отправились на общую сходку, на которой оказалось всего лишь 37 человек. Резолюцию ученик Петров представил директору: постановлено требовать немедленного прекращения в четырех старших классах занятий до тех пор, пока не будут возвращены в гимназию исключенные товарищи, с добавлением, что если этого не сделает начальство, ученики достигнут этого собственными средствами¹⁴¹.

Также достаточно часто выдвигались требования об увольнении неугодных преподавателей. Таковыми объявлялись либо те, кто непочтительно обращался с учениками, либо, по мнению учащихся, неудовлетворительно преподавал свой предмет. К первым можно отнести преподавателя К.С. Мережковского, которого на уроке начал исправлять ученик Талалов, говоря, что тот задал вопрос не по анатомии, а по физиологии. В связи с чем преподаватель был вынужден сказать: «ах убирайтесь с вашими замечаниями и не мешайте мне заниматься делом». После шептания учеников, один наконец-то сказал, что учитель оскорбил их, видя, что подымается инцидент, преподаватель стал прилагать усилия, чтобы уладить все. Заявил, что не хотел оскорбить Талалова и что, наоборот, считал себя обиженным тем, что ученики позволяют себе

---

¹³⁹ НА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.874. Л.83об.

¹⁴⁰ НА РТ. Ф.345. Оп.1. Д.1135. Л.9–12об.

¹⁴¹ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.5581. Л.3.

учить его да еще с такой настойчивостью. Просил не говорить об этом директору, уговаривал, насколько это было возможным, чтобы не унижать достоинство учителя, но они не согласились. Педсовета по этому вопросу не состоялось, ограничились лишь беседами Мережковского с учениками. Конфликт в ходе беседы был исчерпан¹⁴². Ко вторым – уже описанный выше случай с Д.М. Яичковым. Но совет и администрация обычно становились на сторону преподавателя и нам не встретилось ни одного дела, которое бы завершилось увольнением учителя.

Формы проявления неповиновения среди учащихся были разнообразны. В случае невыполнения требований ученики могли устроить забастовку, но этим словом называли различные действия: от пропуска занятий до применения насилия в отношении преподавателей. Для принятия совместных решений учащиеся устраивали сходки в помещениях учебного заведения. Вот какие формы протеста были в Казанском земледельческом училище, причем, по заявлению педсовета, в них не было ничего оригинального: забастовка 18 октября 1905 г., обсуждение вопросов о посещении уроков и церкви, случай бросания камня в квартиру одного из учителей, привлечение надзирателя и инспектора к ответу за сравнительно строгий надзор, пение недозволенных политических песен, выкрикивание (один случай) вызывающих выражений: «долой чиновников, долой попов!», подбрасывание анонимных угрожающих писем служащим училища, забастовка 1 мая, объявление бойкота ученикам, непослушным толпе, требование удаления низших служащих, негодных ей, критика учебных программ и учителей и, наконец, требование удаления учителя русского языка¹⁴³. Также была распространена так называемая химическая обструкция, когда в классе разливалось какое-либо дурнопахнущее вещество, например, серо-углерод и проводить занятия становилось невозможным. Для удовлетворения своих требований ученики устраивали массовые пропуски занятий. Во второй гимназии воспитанники требовали прекратить занятия в старших четырех классах до тех пор, пока не восстановят их уволенных товарищей, а в случае отказа грозили достигнуть этого своими средствами, то есть, видимо, прекратить ходить на уроки¹⁴⁴.

Эти выступления иногда принимали формы, опасные для здоровья и жизни самих учащихся и окружающих. Опять же во второй гимназии один из учеников подложил в печь полуфунтовую жестянку с охотничьим порохом и медный патрон, наполненный каким-то

---

¹⁴² НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.4531. Л.87.

¹⁴³ НА РТ. Ф.345. Оп.1. Д.1135. Л.17–170б.

¹⁴⁴ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.5581. Л.3.

веществом. Обе вещи были вынуты из печки сторожа близ 6-го класса, и усмотрены были им, когда он собирался класть в эту печь дрова для топки. В то время как сторож докладывал об этом происшествии директору, в печи возле младших классов, когда стали топить ее, произошел взрыв, из печи вылетел патрон, который, по счастливой случайности, никого не задел¹⁴⁵. В учительской семинарии 29 января 1906 г. воспитанники 2 и приготовительного классов были отпущены в городской театр. Оставшиеся в здании воспитанники 3 и 1 классов стали выражать неудовольствие на то, что их не взяли в театр; неудовольствие выражалось протестом в грубой форме: стали кричать, шуметь, громко петь революционные песни (марсельезу, варшавянку) в здании и на дворе, стали портить проводку электрического освещения, бить стекла камнями, как в здании, так и в квартирах некоторых наставников и учителей, открыли водопроводные краны, сломали замок в шкафе с водопроводным рукавом и рукав спустили вниз с верхнего этажа; с верхних этажей стали бросать доски, другие предметы. Один из наставников был подвергнут грубому насилию – получил ушиб ноги от брошенного сверху полена. С самого начала беспорядков в корпус были вызваны наставники, никакие уговоры которых не имели успеха. Сообщалось даже о том, что одного из наставников в темноте схватили за волосы. Ввиду крайних беспорядков дали знать полиции. Собрав всех воспитанников, стали их убеждать успокоиться. Но умиротворения не последовало, всех замеченных в беспорядках семинаристов было решено немедленно уволить. В случае не прекращения беспорядков, грозили уволить всех. Только эта угроза подействовала на учеников¹⁴⁶. Этот случай свидетельствует, что зачастую даже самые отчаянные выступления не были связаны с политикой напрямую, а имели скорее хулиганский характер.

Вне стен школы акции протеста проходили обычно совместно с учениками других школ и студентами. 9 мая 1905 г. в местности под названием «Платоновский враг», находящейся близ Казанского уезда, учащаяся молодежь устроила сборище, на котором присутствовали воспитанники земледельческого училища – до 100 человек – студенты университета и ветеринарного института – до 15 человек – и ученики и ученицы средних учебных заведений – до 600 человек.

Вся эта молодежь толпой пением «дубинушки», «пора, пора народу, добывать свободу» и «марсельезы» направилась к парходной пристани на озере «Дальний Кабан». Пение продолжалось до прихода парохода, на котором в числе публики прибыл гимна-

---

¹⁴⁵ Там же. Л. 45.

¹⁴⁶ НА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.844. Л.123–123об., 126–126об.

зист, сын содержателя аптекарского магазина в Казани Майзельс с приказчиками из магазина своего отца. Ученик Майзельс на берегу начал пускать ракеты, полет которых учащиеся приветствовали криками: «Долой Царя, долой Самодержавие, Ура!». Находившийся на пристани полицейский урядник Толмачев потребовал, чтобы собравшиеся разошлись, но в ответ на это из толпы послышались возгласы: «Продолжай, ребята, не обращай внимания на урядника». А затем закричали: «Берите его, в воду его!».

Вслед за этим часть участников сборища вошла на пароход, и когда последний стал отходить от пристани, то оставшиеся на берегу закричали: «Ура!». А с парохода женские голоса ответили им: «Да здравствует наша партия, да здравствует революция!». Находившаяся на пароходе публика, возмущенная поведением учащихся, выразила протест и в адрес демонстрантов послышалось: «Дураки, болваны, пороть вас надо!». Когда же несколько человек из демонстрации стали возражать протестующим, говоря «это не ваше дело», то неизвестный мужчина из публики толкнул одну из демонстранток, отчего та свалилась на палубу. Начинаясь на пароходе беспорядок был остановлен с появлением владельца парохода, потребовавшего прекращения ссоры и распорядившегося приказать пароходному оркестру начать музыку. Часть находившихся на пароходе учеников земледельческого училища, в числе 15–20 человек, по видимому, старших классов, не принимала участия в демонстрации и относилась к демонстрации неодобрительно.

Когда пароход прибыл к пристани, протестующая публика не позволила демонстрантам сойти на берег, и все были переписаны. Заблаговременно прибывшая полиция тотчас же приняла меры к прекращению препирательств и ученики демонстрации в числе 19 человек были переписаны. Все сведения были сообщены начальнику КГЖУ¹⁴⁷.

Но такие митинги-прогулки были редкостью, в основном, демонстрации собирались по более серьезным поводам, как, например, похороны самоубийц Кузнецовой и Малиновского, проходившие 18 и 22 сентября 1905 г., в которых принимало участие значительное количество учащихся средних школ¹⁴⁸. Их хоронили как жертв царского режима, не выдержавших преследований. Губернатор сообщал директорам школ, что если что-либо подобное повторится еще раз, то он будет вынужден прибегнуть к вооруженной силе.

Во время вооруженного восстания в Казани в октябре 1905 г. учащиеся были активной силой, сыгравшей значительную роль в столкновениях. По отзывам участников этих событий, ученики Ка-

¹⁴⁷ НА РТ. Ф.88. Оп.64. Д.2054. Л.18–18об.

¹⁴⁸ НА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.898. Л.77.

занской духовной семинарии сыграли роль зачинщиков сражения 17 октября¹⁴⁹. Начальство семинарии отрицало участие своих воспитанников в этих событиях. По их словам, «в начале пятого дня 17 октября в семинарию ворвалась толпа бунтовщиков, проникли в столовую и классы, намереваясь стрелять из окон в войска. Воспитанники были выведены из классов и переведены частью в больничный корпус, частью в задние помещения. В ответ на стрельбу ворвавшихся войска открыли огонь по семинарии, причем попадали и в классы, где никого не было и откуда не стреляли»¹⁵⁰. Другие учащиеся также участвовали в столкновениях и немало пострадали после разгона восставших. Дворянка Ксения Боратынская красочно описывает расправу над ними: «...Тоня спасала от толпы реалиста. Мой двоюродный брат сам вырвал реалиста из рук толпы. Я, возвращаясь как-то от бани, видела, как казак нагайкой хлестал студента, который, как затравленный зверь, метался по улице»¹⁵¹.

Хотя чувство товарищества было сильно среди учащихся, и они не раз друг за друга заступались, но даже между учениками одного класса нередко возникали разногласия. Например, по сообщению инспектора Казанского промышленного училища, в один из дней февраля 1905 г. на уроки пришли 17 учеников низших училищ разных классов. Из его бесед с ними выяснилось, что они чувствуют себя угнетенными ненормальным положением своего учебного дела. Они хотели бы заниматься, но это желание парализуется уговором товарищей не ходить на уроки, при этом они выражали опасение за себя в смысле нравственного товарищеского воздействия на них и физического насилия. Под этим моральным воздействием – насмешки, укоры, упреки, страх насилия – большинство не пришли на уроки¹⁵². В последующем конфликты продолжались и один из споров между учащимися закончился ударом. И даже после того, как занятия возобновились, инспектор отмечал «ненормальность отношений» между воспитанниками¹⁵³. На несогласных с общим протестным движением давили не только моральным осуждением. Ученик второй мужской гимназии Боговаров попросил директора уволить его, мотивировав просьбу тем, что ему неудобно одному оставаться в классе (остальные либо уволены, либо не ходят на занятия), а также из-за угрозы быть облитым серной кислотой или быть избитым. Эта же угроза, по его словам, была и в ад-

---

¹⁴⁹ Аросев А.Я. Казанские очерки о революции 1905 г. – Казань, 1925. – С.62.

¹⁵⁰ НА РТ. Ф.116. Оп.1. Д.1167. Л.1.

¹⁵¹ Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М., 2007. – С.318.

¹⁵² НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.4532. Л.53.

¹⁵³ Там же. Л. 59.

рес других, спокойных, учеников¹⁵⁴. После октябрьских событий 1905 г. по Казани ходили слухи о том, что дочерям одного из лидеров черносотенного движения А.Т.Соловьева, учащимся Мариинской женской гимназии, подруги объявили бойкот¹⁵⁵.

О значительном количестве инакомыслящих учеников говорит факт создания «Оппозиционной партии Казанской 2-й мужской гимназии», в «Воззвании...» которой указывается, что правительство идет навстречу требованиям учащихся, реформируя гимназии в духе современности, устранив преподавание греческого языка, что уже введено преподавание новых предметов – психологии, законоведения. А задача учащихся заключается в том, чтобы «учиться и ждать результатов наших волнений». Воззвание заканчивается словами: «Пусть помнят все, что реформа может быть только тогда, когда общество успокоится, а потому нам нужно, разумеется, самим успокоиться и учиться. Итак, да здравствует развитие наших умственных сил. Долой забастовку и волнения»¹⁵⁶. Хотя само название «Оппозиционная партия» свидетельствует, что основная масса учащихся была настроена на волнения, но раз «оппозиционеры» объединились, значит их идеи были тоже популярны среди некоторого количества гимназистов. Причем раскол происходил не только среди рядовых учащихся, но и среди Комитета СГУСШ. 5 февраля 1905 г. 7 человек обвиняли остальных в «крайностях» и «узурпаторстве», а все выпущенные листовки и прокламации объявили незаконными. Другие 10 членов выделились в «Социал-демократическую Соединенную группу учащихся»¹⁵⁷.

Поскольку между школами были налажены связи, учащиеся вместе ходили на митинги, то иногда давление оказывалось учениками одного учебного заведения на учеников другого. Так, в разгар революционных событий 20 октября 1905 г. в коридор учительской семинарии проникла толпа учащихся из Казанской татарской учительской школы – 50 человек. Они пели революционные песни и угрожающе кричали. Некоторые из толпы были вооружены. Часть воспитанников семинарии в панике убежали с молебна из церкви и спрятались в разных местах. Директору семинарии удалось удалить толпу только путем обещания, что он отпустит с ней воспитанников на митинг. Это было уже не первое нападение на семинарию, до этого семинаристам угрожали «переломать кости», если они не будут ходить на митинги. Оно усилило среди воспитанников панику и смущение, так что урок состоялся лишь при величайшем напряже-

---

¹⁵⁴ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.5581. Л.10.

¹⁵⁵ Волжский вестник. – 1905. – 8 ноября. – №1.

¹⁵⁶ Рождественский В.П. Указ. соч. – С.204.

¹⁵⁷ Там же. – С.160.

нии директора и учителей, причем многие воспитанники заявили, что неспособны заниматься в подобных условиях¹⁵⁸.

Картина поведенческих особенностей учащихся в революционный период будет неполной, если не рассмотреть, какие меры предпринимало начальство в ответ на действия своих подопечных. Поскольку ученики средних школы были по сути еще детьми, то директора и учителя не воспринимали их как самостоятельных и отвечающих за свои действия личностей. Революционность учащихся приписывалась внешнему влиянию, а не условиям жизни. Попечитель Казанского учебного округа писал директору третьей мужской гимназии: «Волнение среди учащихся возникает по причинам постороннего влияния, стремящегося путем внесения смуты в среду детей как бы усилить протест против существующего государственного порядка. Учащиеся, далеко не стоящие от истинного понимания настоящего брожения, из подражания заражаются желанием забастовок, которые делают их как бы героями и в то же время предоставляют возможность полениться»¹⁵⁹. Директор учительской семинарии так же считал, что «дух критицизма возник под влиянием сторонней агитации, начало которой было положено во время поездки семинаристов в августе с учениками Казанской татарской учительской школы в «Чертов Угол», а затем развивались под влиянием чтений политической экономии, устроенных тайно некоторыми студентами»¹⁶⁰. Он подробно изложил свои взгляды на ученика в письме отцу семинариста А. Ильина, исключенного за принадлежность к забастовочной организации воспитанников учительских семинарий: *«Молодые, здоровые люди идут, падают, встают, опять идут, так и Ваш Александр может и конечно должен встать, вполне оправиться и продолжать далее путь. Земля не клином сошлась и дорог много в ней. Нужно только ему побольше трезвого разума и не увлекаться по-детски то тем, то другим, не считаясь с вопросами о своих собственных силах и возрасте. После вихря войны и ужасных бурь на Руси теперь много летает по ветру всяких вещей, – и гнилых и хороших, и вредных и полезных. Наша молодежь, еще и во сне не ведавшая подобных историй, жадно ловит их и каждый раз воображает, что вот-вот мол это-то и есть самый хороший фрукт, это-то и есть самое то, что им нужно, – а на поверку-то выходит все больше мерзость да свинство, падаль да мертвячина, копеечные обрывки... но в отдельности взятые ни к чему не пригодные. Некоторые, ведь, и сами хорошо знают, даже убеждены, что об одной и той же вещи прошлый год – даже месяц*

---

¹⁵⁸ НА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.841. Л.293.

¹⁵⁹ НА РТ. Ф.88. Оп.64. Д.2054. Л.6.

¹⁶⁰ НА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.841. Л.360об.- 361.

– так они думали, нынче иначе, на следующий год еще иначе будут думать; следовательно не дошли еще они до такой мысли и решения, на которых можно было бы стоять и ручаться, что ни чем уже нельзя их изменить, и что они останутся всегда неизменными, следовательно безошибочными, истинными, – несмотря на это они уцепляются за каждую мысль, за каждое решение – за вчерашнее, за сегодняшнее, – как за верное и несомненное, – и не хотят ни подождать, ни потрудиться, ни тщательно взвесить, обдумать, все, тотчас же хватают и конечно, жгутся, как дети тем огнем, к которому протягивают руки. Они сами знают, что растут еще, с каждым годом растут и телом, и душой, и что не дошли еще до настоящей силы и меры возраста, и все-таки хватаются за такие вещи, которые и взрослым-то, и наставникам-то их, иногда не под силу... И конечно к сожалению нашему, родительскому, этим надрывают и губят свои молодые силы под непосильною тяжестью...»¹⁶¹. Другие директора и учителя не высказывались так красочно, но большинство из них имело схожий образ мыслей.

По отзыву дворянки Ксении Боратынской, бывшей свидетельницей описываемых событий, учителя «средних учебных заведений лезли из кожи вон, чтоб отстоять свой авторитет, но это им плохо удавалось. Некоторые старые, заскоруслые подвергались разного рода оскорблениям, вплоть до обливания их помоями. Молодые подлаживались к ученикам и пользовались их расположением, но лишь до первого столкновения, и только очень редким удавалось, оставаясь непоколебимыми, пользоваться уважением среди закусивших удила юнцов. Те учебные заведения, которым посчастливилось иметь среди преподавателей таких настоящих педагогов, еще держались и более или менее прилично занимались»¹⁶².

Такой подход порождал снисхождение к воспитанникам и поначалу в ответ на их выступления советы и директора отвечали лишь увещаниями, уступками и даже ранним отпуском учеников по домам. Как более решительные меры рассматривалось увольнение виновных учеников из школы, но обычно принимая обратно, если ученик раскаялся и написал заявление о восстановлении. И наконец, когда беспорядки становились массовыми, учебное заведение могли закрыть.

Видимо, начальство опасалось также, что среди собравшихся в одном месте учеников, крамола будет распространяться быстрее. Так, Общество вспомоществования нуждающимся учащимся при Казанском промышленном училище работало над созданием общезжития на 30 человек, но явления 1905 г. заставили администрацию

---

¹⁶¹ НА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.898. Л.29–29об.

¹⁶² Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М., 2007. – С.296.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

отказаться от этой идеи, поскольку совместное проживание трех десятков юношей способствовало бы их неформальному объединению, быстрому распространению среди них политических идей и настроений, вплоть до участия их в деятельности каких-либо политических организаций¹⁶³.

Практически сразу после начала волнений в январе 1905 г. попечитель Казанского учебного округа созвал совещание директоров средних учебных заведений, на котором были приняты превентивные меры для недопущения беспорядков. Среди них – не распускать учеников старших классов по домам до окончания уроков; все занятия отсутствующих по болезни преподавателей замещать; выяснять причины манкировки занятий; в перемены не оставлять старшеклассников без усиленного за ними наблюдения; установить непрерывный надзор за воспитанниками с 2 ½ часов дня до 6 часов вечера на Воскресенской улице особенно вблизи университета и направлять их своевременно по домам для вечерних занятий; установить усиленное и неослабное наблюдение за ученическими квартирами, особенно старшеклассников; в учебные дни отпускать учащихся в театр только в исключительных случаях¹⁶⁴.

Но, как мы видели, такие меры только способствовали недовольству учеников и не принесли желаемых результатов. Хотя попечитель признавал закрытие учебного заведения мерой нежелательной и советовал увольнять только участников волнений¹⁶⁵, но с октября 1905 по январь 1906 гг. средние учебные заведения пришлось закрыть. Когда революция пошла на спад, администрация сочла возможным восстановить утраченную дисциплину. Так, инспекция Казанской духовной семинарии считает, что причиной демонстраций в ноябре 1906 г. стало усиление строгости семинарского режима (возобновление вечерних проверок, строгая регистрация отсутствующих за обедом и ужином, на богослужениях, на уроках) сравнительно с прошлым годом, когда были допущены послабления¹⁶⁶. С 1906 г. выступления учащихся пошли на убыль, но это может быть связано как с действиями администрации, так и с общим улучшением ситуации в стране.

Между администрацией и учащимися посредником выступали родители последних. Хотя многие ученики жили в Казани одни, родители местных жителей защищали и их интересы, выступая от всей ученической корпорации. Ученики в своих требованиях выдвигали условием участие родителей в педсоветах. Сами взрослые

---

¹⁶³ Магсумов Т.А. Среднее профессиональное образование в Казани в конце XIX – начале XX вв.: дисс. ... к.и.н. – Казань, 2008. – С.130.

¹⁶⁴ НА РТ. Ф.88. Оп.64. Д.2054. Л.4–4об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 6.

¹⁶⁶ НА РТ. Ф.116. Оп.1. Д.1192. Л.27об.

также желали участвовать в жизни учебных заведений и отстаивать интересы своих детей. Казанский кружок родителей сделал довольно смелое заявление: «...наша средняя школа уже давно и тщетно ждет освобождения от исключительной опеки чиновного начальства, политика которого разошлась коренным образом с настроением и правосознанием русского общества в вопросе о целях и задачах истинного просвещения, в вопросе о постановке школьного дела. Современное русское общество, в лице кружка родителей, устроивших ряд заседаний при любезном содействии Казанского семейно-педагогического кружка, исходя из того убеждения, что школьное дело должно носить характер полной гласности и подлежать общественному контролю, не может в настоящее время довольствоваться тем, что для него выработает правительство в своих канцеляриях... Кружок родителей признает за собой право и способность активно участвовать в направлении хода учебных занятий и в устройстве нормального типа средней школы». В итоге постановили «с 18 сентября начать свою деятельность по обновлению русской средней школы в указанном направлении производством выборов из своей среды делегатов от кружка для сношения с начальствующими лицами средних учебных заведений... и сейчас поручить делегатов просить о допуске на заседания педагогического совета»¹⁶⁷. Несмотря, на вмешательство в свои дела, школьная администрация препятствия таким обществам не чинила. Впрочем, пожелания родителей не отличались радикальностью. Так, родители учеников Казанской первой мужской гимназии выдвинули довольно скромные требования: уроки должны разучиваться в классе, но при условии сокращения учебных программ и числа учеников классах; балльная система «как действующая на учеников развращающее», должна быть изменена; следует предоставить ученикам свободный доступ на публичные лекции, заседания ученых обществ и в публичные читальни; разрешить легальные ученические кружки, ученические издания, собеседования с целью уничтожения преград к живому общению преподавателей с учениками и учащимся между собой; предоставить старшеклассникам право выбирать из преподавателей кураторов классов¹⁶⁸. Выступали родители и против закрытия школы, мотивируя это тем, что пусть лучше ученики устраивают сходки, чем ходят по улице, на митинги и т.п.¹⁶⁹

В женских средних учебных заведениях события 1905–1907 гг. отразились слабее, чем в мужских, но всё же не обошли их сторо-

---

¹⁶⁷ НА РТ. Ф.88. Оп.64. Д.2054. Л.81–81об.

¹⁶⁸ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.4533. Л.48об.

¹⁶⁹ НА РТ. Ф.88. Оп.64. Д.2054. Л.78.

ной. Среди них волнения распространились лишь в старших классах. Об их тесных связях с мужскими средними школами свидетельствуют требования, которые очень схожи с требованиями реалистов. Ученицы 6–8 классов Мариинской женской гимназии просили предоставить им возможность собираться, как для обсуждения вопросов, глубоко затрагивающих нас в данный момент, так и для самообразовательного чтения; беспрепятственно посещать все заседания (земские, городские и т. д.); улучшить гимназическую библиотеку и передачи заведывания ею в руки учениц, устроить при гимназической библиотеке читальню; уничтожить балловую и наградную систему и т. п. Также они требовали оказать давление на педсовет Казанской второй мужской гимназии, чтобы принял назад уволенных учеников¹⁷⁰.

Возможно, меньшее развитие революционного движения в женских учебных заведениях получило в результате более доверительных отношений между преподавательницами и воспитанницами. В один из осенних дней 1906 г. начальница Мариинской женской гимназии заметила, что среди учениц 8 класса началось какое-то движение; особенно деятельное участие принимала Заржевская, она собирала около себя в перемены и незанятые часы группы учениц 7, 6 классов и что-то им объясняла. В большую перемену она узнала, что ученицы 8 класса собрали сходку у себя в классе (двери класса были плотно затворены и приставлена ученица). В коридоре она услышала обрывок фразы: «наш комитет постановил». Войдя в класс и попросив разойтись, она встретила довольно грубое обращение: «Мы Вашего разрешения и не спрашиваем» – был ответ учениц. – «Во всяком случае Вы должны были меня спросить, а теперь Вы заставляете меня Вашим поступком довести обо всем до сведения округа». – «Мы лучше Вас знаем, что Вы донесете в Округ – был ответ тех же учениц. – Все равно мы будем продолжать сходку». Когда же начальница подошла к Заржевской, стоявшей за кафедрой, и просила сойти ее, взяв за руку, она сказала: «Не толкайте. Вы не имеете права толкать меня». – «Вас не толкала и никогда не позволю так грубо обращаться, я прошу Вас сойти с кафедры, т.к. сходки разрешать не имею право, при том не я Вас оскорбила, а Вы меня при всех собравшихся». – «Чем же это?». – «Вы сказали, что моего разрешения Вы и не спрашиваете, что Вы лучше меня знаете, что я донесу в Округ». – «Вовсе нет, да что говорить, нам надо продолжать и кончить сходку». – «Но я Вам повторяю, что разрешить сходки не могу». – «Нам надо говорить». – «Ну пусть Вам надо говорить, зачем же Вы пригласили учениц 7, 6 классов?» – «Мы их не дергали за язык и за

---

¹⁷⁰ Рождественский В.П. Указ. соч. – С.201.

руки, они пришли добровольно». Обратившись к ученицам 7, 6 классов, она просила их уйти, т.к. они рискуют быть удаленными из гимназии на четверть или полгода.

Закржевская продолжала противоречить преподавательнице: «Что за малодушие, конечно, как могут с такими состояться сходки, когда Вам пригрозили только и Вы уходите». – «Позвольте, Закржевская, Вы сами сказали здесь, что за язык никого не дергали и за руки тоже, зачем же Вы сейчас принуждаете остаться...». В это время начальницу вызвали к телефону, но Закржевская уже сама заявила собравшимся, что сходка не может быть продолжена и её надо прекратить.

В швейцарской, когда ученицы спросили начальницу, почему её так пугает слово «сходки», та ответила, что ничего подобного, но она не может разрешить того, на что не имеет законного права. «Ведь собирались же прежде ученицы танцевать, нет, почему сейчас нам нельзя собираться...». – «Сколько угодно можете собираться... танцевать...». – «Это все устарело, теперь нас интересуют жизненные вопросы...»¹⁷¹. Если с учениками мужского пола директора говорили свысока, как с несмышленишками, то здесь начальница отнеслась к ученицам почти как к равным, что и позволило уладить конфликт мирным путем.

В описанном случае девушки говорят, что танцы их уже не интересуют. Но еще в начале 1905 г. большинство учениц так не думали. Учащаяся 8 класса Панкова возбуждала учениц к отказу от задуманного родительским комитетом танцевального вечера для учениц старших классов в помещении гимназии еще до его устройства, причем открыто говорила, что она расстроит вечер, если они не откажутся от последнего. Об этой угрозе заранее были предупреждены организаторы вечера, за что и не пустили ее на вечер. Ее задержали члены родительского комитета как не имевшую приглашенный билет. Тогда Панкова вступила в препирательство и грубо требовала пропуска. Начальница подумала, что Панкова хочет лишь подразнить подруг, поэтому разрешила впустить Панкову, а та вместе с ученицей Славензон разлила в зале зловонную жидкость, за что обе были уволены из гимназии¹⁷².

В женских гимназиях, по сравнению с мужскими, воспитанницам давали гораздо больше свободы. По сообщению начальницы Марининской женской гимназии, «интерес к вопросам политического и социалистического характера естественно развивается у молодежи в данное время, и как педагогический совет, так и родительский комитет всегда указывали на желательность разрешения обсуждения

---

¹⁷¹ НА РГ. Ф.125. Оп.1. Д.817. Л.4–5об.

¹⁷² НА РГ. Ф.92. Оп.2. Д.5060. Л.4–5об.

подобных вопросов ученицами в стенах гимназии под руководством преподавателей. Отказ в разрешении подобных ученических собраний невольно толкает девушек на посещение частных собраний, где руководителями являются нередко лица, принадлежащие к крайним левым партиям»¹⁷³. Правда, даже такой подход с надеждой на ответственность девушек не всегда помогал. Например, уже упомянутая Закржевская в декабре 1906 г. была заключена под стражу в Казанскую центральную пересыльную тюрьму за принадлежность её к социал-демократической рабочей партии¹⁷⁴.

Родители девушек старались оградить своих дочерей от опасных обстоятельств. Директор женской гимназии Котовой сообщал, что родители удерживают дочерей дома, боясь, чтобы они не вмешались в беспорядки¹⁷⁵, а в Мариинской родители и вовсе просили закрыть гимназию, боясь, чтобы с ними не случилось чего-нибудь дорогой или в самой школе¹⁷⁶.

Участие студентов высших учебных заведений в революции более заметно. Если ученики средних школ вели себя пассивно, выполняя роль массы, которая поддерживала идеи, выдвинутые другими, то студенты сами проводили агитацию среди населения. Они были более образованны, не так стеснены попечением начальства и воспринимались населением как уже взрослые. В стенах Казанского Императорского университета проходили митинги, в которых участвовали не только студенты и учащиеся, но и другие слои общества.

В политических требованиях студенты, как и учащиеся средних школ, придерживались левых лозунгов «Долой самодержавие», но бывало, что студенты требовали отмены решений суда по резонансным делам. Студенты Казанской духовной академии (41 человек) 16 марта 1906 г. послали телеграмму временному тамбовскому генерал-губернатору, по поводу приговора суда и насилия над девицей Марией Спиридоновой, обвинявшейся в убийстве советника Тамбовского губернского правления Луженовского: «Мы, студенты Казанской академии, возмущены гнусными насилиями над чистой, достойной уважения за свою самоотверженную любовь к народу, девушкой, решением суда, приговорившего несчастную страдальницу Спиридонову к повешению, мы находим несправедливым, бесчеловечным; во имя высшей справедливости требуем от-

---

¹⁷³ НА РТ. Ф.125. Оп.1. Д.817. Л.12–12об.

¹⁷⁴ НА РТ. Ф.125. Оп.1. Д.846. Л.3об.

¹⁷⁵ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.4531. Л.46.

¹⁷⁶ Там же. Л.144.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

мены смертного приговора, требуем строгого беспристрастного суда над палачами-насильниками»¹⁷⁷.

В академическом отношении студенты требовали расширения автономии своих учебных заведений. Этот вопрос тесно переплетался с политической ситуацией в стране, потому что в рамках местного уровня он не мог быть решен. Так, губернатор 17 июля 1905 г. писал попечителю: «Агитация в г. Казани против возобновления учебных занятий не прекращается. По циркулирующим слухам, занятия в высших учебных заведениях не начнутся до тех пор, пока не будет дана полная автономия университета». В сентябре 1905 г. были введены в действие временные правила, обеспечившие права автономных коллегий высших светских учебных заведений¹⁷⁸. После этого студенты Казанской духовной академии стали требовать автономии и для неё. На общестуденческом собрании 7 октября были выработаны «временные правила» академической жизни: выборность ректора и помощника ректора (инспектора) всем преподавательским составом, причем институт инспекции уничтожался, а разбирательство по студенческим делам поручалось профессорскому дисциплинарному суду; полная независимость академии от епархиального архиерея; участие студентов в совещании с профессорами при выработке нового академического устава; отмена положения, по которому выпускник академии, пользовавшийся казенной стипендией, обязывался в случае его уклонения от службы по духовному ведомству, единовременно уплатить стоимость своего содержания в академии¹⁷⁹.

Наиболее частым проявлением революционности студентов были сходки. В университете собирались представители разных курсов и факультетов, приглашались представители других учебных заведений и просто посторонние лица, обсуждалась сложившаяся ситуация и планы на будущее. Из переписки, составляющей архив совета студентов университета, отобранной в ходе обыска аудитории №9 22 ноября 1906 г. видно, что студсовет отводил для различного рода собраний свободные аудитории, входил в сношение с военной организацией и боевой комиссией, назначал время самих собраний в университете, а также время бесед с рабочими. 20 февраля 1907 г. в университете, по случаю открытия Государственной думы была сходка учащихся всех высших учебных заведений города, а также посторонних лиц, в 9 часов вечера открылся уже форменный митинг, на котором дебатировался вопрос о форме

¹⁷⁷ Журавский А.В. Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921 гг.): дисс. ... к.и.н. – М., 1999. – С.57.

¹⁷⁸ Харлампович К.В. Казанская духовная академия. 1842–1907 г. // Православная богословская энциклопедия. – Т. VIII. – Ст.832.

¹⁷⁹ Журавский А.В. Указ. соч. – С.43.

и способах поддержания требований крайних левых представителей Думы, а также вопрос о программе, которой должны придерживаться представители социал-революционеров и социал-демократов в Госдуме. Иногда не обходилось и без насилия. 23 января 1905 г. произошла большая сходка в общежитии, где участвовало до тысячи человек. В помощников инспектора кидали доски и металлические вещи, не пуская их в здание. Студенты стали расходиться только после прибытия полиции. Из окон выбрасывали прокламации, подписанные Казанским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии. По сообщению губернатора, фактическими хозяевами университета как раз и были революционные организации, распорядившиеся самостоятельно устройством в университете митингов и отводом для этого тех или других аудиторий. Эти организации объединились в лице «союзного совета старост», позже ставшего называться «центральный университетским органом» или «университетским парламентом».

Отдельные студенты выступали в роли агитаторов и проводников идей социалистических партий. Медик второго курса Брауэр был задержан за подстрекательство рабочих, а бывший студент Скворцов, по сообщению губернатора, был в качестве подстрекателя и руководителя партии рабочих завода Алафузовых, направлявшихся в город в числе до 200 человек. Такое же обвинение было выдвинуто против студентов Н. Голубитского, С. Норского и Л. Попова. Но и среди студентов встречались скорее дебоширы, чем принципиальные противники власти. Например, двое студентов-медиков университета 28 декабря 1904 г. в ресторане Иванова кричали «Долой самодержавие» и «Да здравствует свобода», били посуду. Во время митингов и демонстраций студенчество, вместе с учащимися СУЗов являлось самым активным элементом. После похорон самоубийцы Кузнецовой, «...осталась преимущественно учащаяся молодежь в числе до 500 человек, которая направилась в город и подойдя к военному госпиталю, стали петь марсельезу и кричать «долой самодержавие». Находящийся на месте и.д. полицеймейстера предложил прекратить пение и разойтись. Часть разошлись, другие заявили, что они более ничего себе не позволяют, если будут убраны конные городовые и никто не будет арестован. Когда же конных городовых убрали, оставшиеся разошлись без нарушения порядка.

Иногда практиковался и пропуск занятий с целью заставить начальство принять требования студентов. Когда совет отверг требования студентов Казанской духовной академии об академической автономии, все студенты как один перестали ходить на заня-

тия¹⁸⁰. Студенты университета подписали решение «Союзного комитета» подать прошение ректору возобновить занятия, а затем забастовать.

Педагогические советы относились к студентам не менее мягко, чем начальство средних школ к своим воспитанникам, но не потому, что относились к ним как к несознательным детям, а из-за либеральных взглядов педагогов и благодаря более тесному общению между преподавателями и студентами. Так, во время ректорства в университете Д.И. Дубяго, Совет даже выступил против ректора в поддержку студентов. После начала беспорядков, занятия были временно прекращены, а желающие продолжить учиться должны были подать заявления. Профессор Г.Ф. Шершеневич заявил, что вопрос о прекращении, как и возобновлении занятий был принят без ведома Совета. Объявлением о подаче заявлений ректор хотел разъединить студентов, но они, поняв его замысел, ответили общей подачей заявлений и свели эту меру на нет. Он предложил прислушаться к мнению самих студентов, желают ли они продолжить занятия и поступить, как они ответят, в чем его поддержал Совет университета. Он критиковал университетские порядки, утверждая, что они не способствуют сближению студентов и профессоров, и начальство также не доверяет преподавателям. Поэтому преподаватели предлагают расширить полномочия Совета, в т.ч. предоставить Совету решать все учебные и студенческие дела так, чтобы прекращение и возобновление занятий происходило только по постановлению Совета, подчинить все дела о студенческих проступках ведению профессорского дисциплинарного суда; предоставить студентам право собраний в помещениях университета, в свободное от занятий время, без всякой регламентации этих собраний, но с разрешения ректора и под условием не нарушения порядка. Студенты также поддерживали симпатизирующих им профессоров. Так на повестке сходы 3 марта 1905 г. стояли вопросы: 1) о содействии профессорам в удалении ректора; 2) о содействии профессорам по проведению последнего постановления совета об университетской автономии; 3) о насилии над профессорами со стороны министерства, требующего открытия университета.

Нечто подобное происходило и в Казанской духовной академии. Когда Совет отверг требования студентов об автономии, группа преподавателей во главе с В.И. Несмеловым подала ректору заявление с предложением обсудить в общем собрании желательные изменения в академическом уставе, что могло бы внести значительное успокоение в академическую жизнь. Большинство из

---

¹⁸⁰ Там же. – С.44.

этих преподавателей (кроме Несмелова) были молодыми¹⁸¹. На более низшем уровне происходили столкновения между студентами и служащими, ввиду консерватизма последних. Когда студенты университета, живущие в общежитии, захотели написать статью в газету об удобствах жизни в общежитии, заведующий общежитием Заблоцкий счел обращение студентов путем печати нелегальным и носящим характер агитации и не разрешил им заниматься этим. Кроме того, были преподаватели, которые имели конфликты со студентами. Так, общестуденческая сходка 16 сентября 1906 г. постановила не записываться на лекции профессора Залесского¹⁸², которого не любили за его черносотенные взгляды.

В самой студенческой среде также были внутренние противоречия. В начале января 1906 г. группа студентов (И. Лопаткин, П. Полетика, В. Попов, И. Британ, Доброхотов, Беляев, Агеев, П. Куклин, Дмитриев, Е. Дроздов, Н. Иванов, Н. Сергиевский, Колотов, Платонов, В. Николаев, Мартюков, В. Рейхштадт, Баранцевич, Чуловский, Андерсен, И. Сенаторский) просили открыть университет для занятий (он был закрыт на 2-й семестр). Студент третьего курса естественного отделения физико-математического факультета Алексей Митякин в январе 1905 г. подал заявление, что он хотел бы получить билет для входа в университет и продолжения занятий, но по слухам, это может угрожать его здоровью и жизни и просит, чтобы ректор уверил его в безопасности. Но такие случаи в студенческой среде встречаются реже, чем среди учеников средних учебных заведений.

Учащиеся были весьма заметной силой во время революции 1905–1907 гг. Молодая, горячая кровь и кипучая энергия искали выход, который и представился в ходе событий этого времени. Неудовлетворительная система обучения, жесткая дисциплина и нежелание власти идти на реформы в области образования обеспечили мотивацию к выступлению против этих порядков. Студенчество относилось к протестам более сознательно. По свидетельству «Анналов казанской Духовной академии» (рукописи студенческого происхождения), «духовная эволюция академического студенчества» началась в 1901 г. С этого именно времени казанские студенты стали превращаться из «самозаклучившихся в дебри богословско-философской мудрости старцев и самодовольных схоластов, у которых всё решено» в молодых людей «с широким кругозором, волнующихся и мучащихся общественными вопросами, употребляющих все усилия» для того, чтобы стать «живыми людьми, чтобы заодно с передовым обще-

---

¹⁸¹ Журавский А.В. Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921 гг.): дисс. ... к.и.н. – М., 1999. – С.44.

¹⁸² Алексеев И.Е. На страже империи. – Казань, 2006. – С.49.

ством быть светом народу и указывать ему дорогу к лучшей осмысленной жизни». По объяснению «Анналов», на эту метаморфозу повлияли с отрицательной стороны скучнейшие лекции профессоров (за весьма немногими исключениями), с положительной – чтение книг и журналов прогрессивного направления и расширение светских знакомств, более свободный доступ в общество (быть может, вследствие введения в академии форменной одежды)¹⁸³.

Радикальные социалистические лозунги привлекали как студенчество, так и их младших товарищей ощущением свободы и долгожданых изменений. Хождения на митинги, подача петиций, споры с преподавателями позволяли почувствовать себя взрослыми и самостоятельными, чего так не хватало ученикам средней школы.

Кроме того, молодежь всегда отличается повышенным чувством справедливости и после выстрелов «Кровавого воскресенья», учащиеся, движимые чувством солидарности с рабочими, выступали и против политической системы России.

Было немало случаев и обычного озорства, особенно со стороны более молодых учеников, поскольку беспорядки были поводом безнаказанно пропускать опостылевшие занятия и выплеснуть накопившееся раздражение к преподавателям. Но большинству действительно надоели старые порядки. Даже девушки того времени, отличавшиеся большим благоразумием и склонные принимать существующие порядки, а не менять их, поддались общему потоку и устраивали выступления против начальства.

Установившиеся связи между различными учебными заведениями, как средними, так и высшими, несомненно способствовали сплочению всех учащихся, осознанию общих целей. Но это же обстоятельство вызвало и преследование инакомыслия, когда нежелающих участвовать в протестах заставляли это делать под угрозой морального осуждения или физического насилия.

Руководство учебных заведений реагировало на эти события по-разному. В СУЗах оно, испуганное размахом движения, не решалось предпринимать радикальные репрессивные меры, но и не шло на уступки, предпочитая закрывать школу до успокоения учащихся. Преподаватели высших учебных заведений зачастую относились сочувственно к революционному студенчеству, иногда даже выступая вместе против своего руководства.

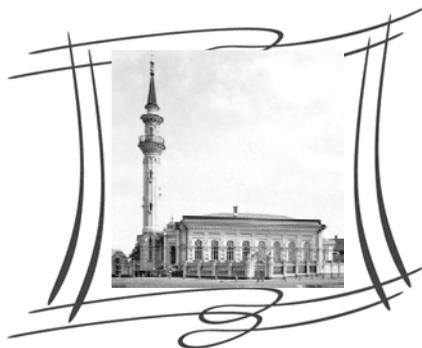
В целом, первая русская революция внесла значительные перемены как в сознание учащихся, так и в условия их жизни. Была расширена автономия учебных заведений, хоть и ненадолго; преподаватели если и не осознали, что их ученики тоже личности, с

---

¹⁸³ Харлампович К.В. Казанская духовная академия. 1842–1907 г. // Православная богословская энциклопедия. – Т. VIII. – Ст.833–834.

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

которыми надо считаться, то, по крайней мере, стали их немного опасаться. А сами учащиеся глубже осознали свои интересы. Их жизненные пути пошли по-разному, но столь сильное потрясение в умах молодежи не могло не повлиять на дальнейший ход истории страны, одних превратив в профессиональных революционеров, других подтолкнуло встать на другую сторону баррикад.

2.4. Особенности мусульманской системы образования на рубеже XIX–XX вв.: кадимизм и джадидизм

Во второй половине XIX в., в период спланированного и мас-сированного наступления государства на духовную автономию мусульман, стремительно богатевшие городские и отчасти сельские махалли столкнулись с неумолимо надвигающейся опасностью расшатывания, ослабления устоев ислама в татарской среде, вызванных в первую очередь, кризисом схоластического конфессионального образования. Мектебы и медресе в общинах, ориентированные на традиции бухарских исламских университетов, а потому львиную долю времени уделявшие изучению «умственной» философии, практически перестали осуществлять воспитательную, общественно-пропагандистскую, миссионерские функции. В результате как раз в этот исторический отрезок времени резко обнажились слабеющие религиозные знания, падение мусульманской нравственности, выражавшееся в нарушении предписаний шариата – усиливавшемся пьянстве, неисполнении обрядов, забвении основных благотворительных принципов и т.д., создававшие благоприятную почву для практических усилий идеологов христианизации. На это накладывалась и катастрофическая ситуация с подготовкой умелых мусульманских проповедников, готовых к напря-

Глава 2. Учителя и ученики: борьба поколений

женной социальной жизни, способных убедительно и доходчиво донести слово веры в самую гущу народа.

Таким образом необходимость определенных изменений в заведенном порядке вещей постепенно вызревала в недрах локальных мусульманских общин, в встревоженных умах и душах духовенства и предпринимательства, готовых для защиты своей веры на жесткую конкуренцию с иноконфессиональным окружением и решительные действия по устранению всех препятствий на этом пути. Безусловно, в тот период основное внимание общин было приковано к проблеме начального и среднего приходского образования, испытывавшего жесткое административно-правовое воздействие и все более проникающее ассимиляционное влияние русско-европейской культурной среды. Поэтому процесс спасительных преобразований как раз и начался с религиозной школы – важнейшего структурного элемента махалли, обеспечивающего ее воспроизводство и самодостаточность.

Родоначальником реальной и эффективной реформы конфессиональной школы, главным идейным вдохновителем татарского вектора в «модернизации» Ислама стал сын крупного казанского предпринимателя, имам пятой соборной мечети г.Казани Галимзян Мухаметзянович Галеев¹⁸⁴. Его новаторская и по настоящему подвижническая деятельность стала предметом пристального исследовательского интереса¹⁸⁵. Этому человеку удалось воплотить в жизнь казалось бы несбыточные мечты его выдающихся предшественников: Х.Фейзханова и Ш.Марджани о мусульманском учебном заведении нового типа, способном обучать и воспитывать убежденных мусульман, чей образовательный уровень мог отвечать запросам современности. Г.Баруди подобно многим религиозным реформаторам идеализировал мусульманскую общину неотягощенного догмами первоначального Ислама, считая ее за непревзойденный общественный идеал, стремление к которому и сделал смыслом всей своей жизни. Вместе с тем к идее мусульманского обновления Г.Баруди шел собственной дорогой одновременно и, если так можно выразиться, «параллельно» исканиям и раздумьям своего великого духовного учителя Ш.Марджани. Г.Баруди стал руководителем самого известного новометодного казанского медресе «Мухаммадия».

Уже в 1866 г., обучаясь в знаменитом Апанаевском медресе Мухаметкарима Мухаметрахимова, Галимзян Баруди на личном учебном опыте понял бесполезность и даже опасность бессистемного,

---

¹⁸⁴ Галимзян Баруди (1857–1921).

¹⁸⁵ Акчура Й. Дамелла Галимжан Әл-Баруди. – Казан, 1997; Салихов Р.Р. Пример реформатора // Казань. – 1997. – №10–11. – С.57–64; Хисамутдинова Л. Основные вехи жизни и деятельности Галимджана Баруди // Медресе «Мухаммадия»: история и современность. – Казань: Иман, 2003. – С.10–36.

беспрограммного преподавания, когда на изучение одной лишь книги средневековых религиозных комментариев на арабском или персидском языках уходило более полугода¹⁸⁶. Бессознательная зубрежка, невероятная сложность материала, отсутствие ясной учебно-методической цели способствовали тому, что многие шакирды, не стремившиеся стать имамами, рано бросали учебу и, по сути, оставались полуграмотными недоучками. При этом Баруди был далек от полного отрицания традиционной конфессиональной школы, справедливо полагая, что способному человеку, искренне желающему стать корифеем в области религиозных наук, она предоставляет для этого широкие возможности. Однако, забота о массовом мусульманском просвещении, максимально приспособленном к реалиям буржуазной российской действительности уже не покидала его сердце.

Можно сказать, что религиозно-реформаторские взгляды Г.Баруди окончательно оформились в Бухаре в 1875–1882 гг. Здесь, обучаясь в известном медресе «Мирараб», получая уроки у выдающихся остазов он не только пополнил свои знания, но еще более ощутил величие и неисчерпаемый потенциал исламского учения.

Фундаментальной в системе реформаторских взглядов Г.Баруди являлась идея всеобщего эффективного мусульманского просвещения и воспитания. Ею должны быть охвачены все слои населения независимо от социального и материального положения. Суть ислама, основы мусульманской этики и морали должны быть донесены до сердца каждого ученика, для чего необходимо организовать преподавание религиозных дисциплин на родном языке. В то же время в специально составленных программах, ориентированных на возрастные и профессиональные интересы шакирда предусматривалось акцентировать главное внимание на изучение Корана, хадисов, Истории ислама, мусульманского права, арабского и персидского языков с применением специальных лингвистических методик, а также фактическое исключение, по крайней мере из начальной школы, узкоспециальных религиозных толкований и комментариев. То есть педагог выступил за углубление специализации в конфессиональном образовании, предоставив разностороннее изучение догматов лишь тем юношам, которые решили посвятить свою жизнь религиозно-научной и проповеднической деятельности.

Другим очень важным элементом реформаторской системы Г.Баруди стало положение о необходимости обучения мусульман естественным наукам, имеющим важное практическое значение. Таким образом, всепобеждающее ратиио буржуазной эпохи определило принципы преподавания не только религиозных дисциплин, но и остро обозначило актуальность приобщения правоверных к

---

¹⁸⁶ Акчура Й. Дамелла Галимжан Эл-Баруди. – Казан, 1997. – Б.17–19.

светским отраслям знаний. Вместе с тем, следует особо подчеркнуть чрезвычайно важное замечание Ю.Акчуры о том, что утилитаристские взгляды хазрета «ограничивались религиозными и нравственными рамками»¹⁸⁷.

В 1882 г. Г.Баруди вернулся из Бухары в Казань. Новаторские устремления молодого богослова были близки ощущениям и ожиданиям мусульманского предпринимательства, направлявшего все свои усилия, в условиях беспрецедентного государственного давления, на укрепление основных институтов общины, конструирование конкурентно-способной мусульманской образовательной структуры. Не случайно, что медресе для вернувшегося из Средней Азии хазрета решено было возвести именно в пределах одной махалли, но намеренно не сливать его с традиционным приходским училищем ахуна Юсуфа Сагитова, отличавшегося безусловной лояльностью к властям и боявшегося любых изменений существующего положения вещей.

Вообще история строительства медресе «Мухаммадия», его стремительное становление в качестве крупного конфессионального учебного заведения Казани, свидетельствует о том, что новый (джадидский) способ обучения и воспитания, предложенный Г.Баруди, задолго до принятия методики И.Гаспринского по скоростному освоению азбуки, завладел умами казанцев и предопределил идеологическое основание для реформы медресе во всех городских махаллях. Кстати современники, четко различали два направления в джадидских преобразованиях: культурное реформаторство И.Гаспринского и модернизацию исламских общественных институтов Г.Баруди, отождествляемую с христианской реформацией XVI века¹⁸⁸. Поэтому, безусловно, первичной, для мусульманской буржуазии того периода с ее агрессивными охранительными амбициями была не «цивилизаторская» риторика крымского просветителя, а идея возвращения к благодатным временам чистого Ислама, возрождения, прогресса и дальнейшего распространения религии предков. В этом заключается конфессиональная природа общественных преобразований второй половины XIX – начала XX вв., совершенно далекая от задач светской, культурной европеизации и тем более от насаждения этнического национализма среди мусульман. Напротив они свидетельствовали о гигантском реформаторском потенциале Ислама, способности мусульманской общины к самоорганизации и самосохранению.

Галимзян Баруди начал строительство мусульманского медресе нового типа с ряда конкретных действий – составления эффектив-

---

¹⁸⁷ Акчура Й. Курс. хезм. – Б.43.

¹⁸⁸ Акчура Й. Дамелла Галимжан Эл-Баруди. – Казан, 1997. – Б.29.

ной и разумной учебной программы, написания и издания специальных учебников и учебных пособий, формирования дееспособного педагогического коллектива. Уже к 1891 г. – началу официального преподавания в «Мухаммадии» по новому методу он создал первую тюркскую алифбу для новометодного обучения «Савадхан», учебник по арифметике «Намунаи хисап» и ряд других прекрасных образцов учебно-методической литературы¹⁸⁹. В 1891–1899 г. выкристаллизовалась и структура начального обучения по Г.Баруди. В это время он фактически сумел организовать подготовительный класс и пять классов «Иптидаи» (начальное мектебе), где по новым методикам изучались: Коран, вероучение, история ислама, хадисы, заучивание наизусть молитв, арабский, персидский, татарский, русский языки, история татар, русская история, арифметика, естественная история, география, чистописание, рисование и некоторые другие предметы. Основной упор в программе делался на вдумчивом изучении религиозных дисциплин. Причем на таких уроках основным языком преподавания был не только арабский, но и татарский язык.

Уже к середине девяностых годов XIX столетия медресе Галимзяна хазрата стало одним из самых значительных мусульманских просветительских центров Казани. Его неординарность, прогрессивность, творческая природа вызывала негативную реакцию не столько у ревнителей средневековой старины, не желавших никаких перемен, сколько у тех, кто страшился непонятного духовного подъема среди мусульманской молодежи, крамольной в условиях самодержавной России идеи исламского возрождения.

В советской и постсоветской историографии получила широкое распространение тенденция к абсолютизации светского начала в новометодных учебных заведениях. Например, считалось, что джадидские реформы растворяли конфессиональную суть приходских мектебов и медресе, постепенно превращая их в светские национальные школы¹⁹⁰. И как пример положительных и, даже, в чем-то чудодейственных мер педагогов-новаторов приводилась динамика соотношения религиозных и светских дисциплин в программе приходских училищ. Почему-то принято с восторгом писать о главенстве в учебном плане этих училищ светских дисциплин и фактическом ограничении в нем предметов религиозного содержания. В этом некоторым историкам видится, безусловно, прогрессивный результат осознанной деятельности джадидов-новаторов, в том числе, самого

---

¹⁸⁹ Эмирхан Р. Галимжан Баруди һәм Мөхәммәдия мәдрәсәсе // Акчура Й. Дамелла Галимжан Әл-Баруди. – Казан, 1997. – Б.65.

¹⁹⁰ Юзеев А.Н. Идеология джадидизма: история и современность // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2003. – № 3–4. – С.133.

Г.Баруди. Конечно же, такие выводы не имеют под собой никаких доказательных оснований и базируются в основном на традиционном понимании джадидизма как движения, направленного на секуляризацию татарского общества. На самом деле, даже самый поверхностный анализ программы медресе «Мухаммадия» свидетельствует о том, что в учебном процессе этой, наверное, самой передовой мусульманской школы основное, главное внимание уделялось как раз предметам религиозно-нравственного содержания (вероучение, история ислама, Коран, догматика, арабский язык и литература и тд.) формирующим у учащихся мусульманское мировоззрение. Прогрессивные, рациональные методы преподавания духовных наук, акцент на воспитательном начале существенно сэкономили время мугаллимов и мударрисов, что позволяло почти половину учебного плана отдавать дисциплинам так называемого светского характера. Однако, здесь необходимо подчеркнуть еще несколько принципиально важных моментов. Во-первых, пятидесятипроцентное соотношение религиозных и «мирских» предметов приходилось, в основном, на первые 4 класса средней ступени «Санави», тогда как в начальном отделении «Иптидаги» (за исключением ее последнего 5 класса) и высшем «Галия» подавляющее большинство часов посвящалось преподаванию богословских и прикладным к ним гуманитарных наук.¹⁹¹ Во вторых, такие новые для шакирдов «светские» предметы как татарская и всеобщая истории, естественная история, география, психология, хотя и преподавались по специально написанным учебникам и курсам, с использованием современных методик, в то же время полностью согласовывались с принципами ислама, адаптированы к миропониманию глубоковерующего мусульманина. В третьих, обучение таким «житейским» дисциплинам как арифметика вряд ли можно считать монополией только джадидских медресе. Ее широко изучали и в кадимистских учебных заведениях. Иными словами, программа «Мухаммадии» полностью отражала педагогическое кредо Г.Баруди, который считал своей задачей воспитание и обучение не светских национальных интеллигентов, а истинных мусульман, владеющих не просто комплексом разносторонних знаний о мире, но и готовых к энергичной и конкурентоспособной деятельности на поприще образования, предпринимательства и культуры.

Если история медресе «Мухаммадия» является ярким примером осознанной и целенаправленной реформаторской деятельности мусульманской буржуазии и духовенства, фактически насадивших в отдельно взятом приходе новую систему конфессионального образования, то переход абсолютного большинства казанских медре-

---

¹⁹¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5482. Л.56–159.

се на джадидские формы обучения свидетельствует все же об эволюционном характере этого процесса, исключавшим какие-либо потрясения и конфликты. Так, например, превращение в начале XX столетия одного из самых авторитетных мусульманских учебных заведений Казани – Апанаевского медресе (другие названия: Приозерное, Каримия, Галлямия, Касимия) из славящейся своими ортодоксальными традициями школы в передовое конфессиональное училище полностью зависело от менявшихся устроений в самой махалле. Дело в том, что приход Апанаевской мечети, существовавший с незапамятных времен и деливший славу самой древней общины Старотатарской слободы вместе с мечетью «Марджани», считался самым богатым в городе. Его попечителями с конца XVIII столетия являлись представители многочисленного и могущественного рода Апанаевых, которые и определяли здесь характер всей общественной жизни. В первой половине XIX столетия они сделали все для формирования крепкой богословской школы в приходском медресе: приглашали на должность имамов и мударрисов наиболее грамотных богословов, не жалели средств на оплату их труда, создавали благоприятные бытовые условия как для священнослужителей, так и для шакирдов. В результате, Апанаевское училище стало считаться оплотом схоластического богословия в Казани, куда стремились попасть на учебу юноши из разных концов России. Не случайно, что, именно это учебное заведение оказалось в центре внимания властей в период реализации известного постановления МНП от 2 февраля 1870 г. Однако, даже, несмотря на то, что старшее поколение Апанаевых, отличавшееся известной лояльностью и законопослушанием, пыталось под давлением властей избавить приходское медресе от так называемого «бухарского» влияния, оно – медресе, вплоть до конца XIX столетия, продолжало оставаться крупным очагом традиционного мусульманского образования. Известно, например, что имам-хатиб Апанаевской мечети Абдулгаллям Салихов напрочь не принимал вольные мысли казанского ахуна, имама 1-соборной мечети Ш.Марджани и находился с ним в неприязненных личных отношениях. Тот соответственно платил тем же, обвиняя А.Салихова в элементарном невежестве и при каждом удобном случае, критикуя всю систему преподавания в Апанаевском медресе¹⁹².

Ситуация коренным образом изменилась с началом педагогической и просветительской деятельности Г.Баруди в Казани и И.Гаспринского в Крыму. Их идеи быстро становились достоянием учащейся молодежи и кардинально меняли атмосферу во всех круп-

---

¹⁹² Из дневника Е.Малова // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – № 1–2. – С.154–155.

ных городских медресе. В Апанаевской махалле главным реформатором на первых порах выступил выпускник и преподаватель общинного училища Ахметхади Максуди, который еще, будучи шакирдом активно интересовался материалами газеты «Терджиман» и был явным сторонником педагогических новаций своего старшего товарища, также выпускника Апанаевской школы Галимзяна Баруди. В 1892 г. А-Х.Максуди издает собственный учебник по слововому обучению грамоте «Мугаллимуль Ауваль» (Первоначальный учитель) и начинает по нему обучать шакирдов «Галлямии»¹⁹³. То есть новометодное преподавание здесь началось практически одновременно с медресе «Мухаммадия». Поэтому, нам представляется, что педагогическое подвижничество молодого мугаллима было обусловлено как раз воздействием успешной реформаторской деятельности мусульман Пятой (Галеевской) мечети г.Казани и, в первую очередь, Мухаметзяна и Галимзяна Галеевых (Баруди).

У А-Х.Максуди постепенно нашлись достаточно влиятельные единомышленники в стенах самого Апанаевского медресе. Среди них можно назвать сына Абдулгалляма Салихова – Мухамедкаси́ма, горячо увлеченного новыми методами преподавания религиозных дисциплин и являвшегося сторонником перемен в приходском медресе. В 1899 г., когда этот молодой человек стал имам-хатибом Апанаевского прихода, реформы в училище приняли необратимый характер¹⁹⁴. Правда к тому времени А-Х.Максуди под нажимом старого имама все же был вынужден покинуть школу. Но его уход уже ничего не мог изменить. Уже буквально через несколько лет, в самом начале XX века конфессиональное учебное заведение, Второй городской махалли приобрело прочную репутацию одного из самых успешных джадидских медресе.

Между тем, здесь мы наблюдаем ту же самую картину, что и в медресе «Мухаммадия» – Джадидизм в духе Г.Баруди – творческое, доступное преподавание Исламских наук, воспитание убежденных, мыслящих мусульман, передача необходимых им в современной жизни «светских» знаний. Справедливости ради следует заметить, что размах преобразований в Апанаевской махалле был, конечно, меньше чем у Галимзяна хазрата – сказывались вековые традиции и сам характер прихода как родового гнезда ставшей почти «аристократической» династии Апанаевых, уже по происхождению своему и статусу сторонившейся радикальных общественных действий. В то же время молодое поколение этого купеческого рода в лице Абдуллы Мухаметюсуповича Апанаева(1873–1937), Мухамедшакира Мухамедзакировича Апанаева (1873–1950), Абдрашида

---

¹⁹³ Гаффарова Ф.Ю. Әхмәдһади Максуди. – Казан, 2002. – Б.11–12.

¹⁹⁴ НА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.8464. Л.4–6.

Абдрахмановича Апанаева (1877–?) и других не только благосклонно смотрело на педагогические эксперименты молодого имама, но и всячески поощряло их. В итоге Касиму Салихову удалось создать в махалле достаточно эффективную систему начального и среднего мусульманского образования джадидского направления и, одновременно, сохранить высокий уровень преподавания теоретического богословия.

Обновленное Апанаевское медресе состояло из двух отделений: Иптидаги и Санави с общим двенадцатилетним учебным курсом. Иптидаги (начальное отделение) имело подготовительный и три основных класса, в котором преподавалось чтение на арабском и татарском языках, письмо, вероучение, Коран, история ислама, четыре первых действия арифметики и т.д. В целом, если посмотреть на статистику, то 72 учебных часа четырех классов Иптидаги или мектебе распределялись между религиозно-нравственными (Коран, закон Божий, вероучение, молитва, история веры) и светскими (арифметика, чистописание, диктовка, чтение, география, татарская этимология, изложение) дисциплинами примерно поровну¹⁹⁵. Впрочем, последние, во многом основывались на религиозном материале и являлись прикладными к религиозно-нравственным предметам.

Санави или Второе отделение, в свою очередь, состояло из двух ступеней: Рушди и Иггади по четыре класса в каждой. По своей направленности и содержанию учебных программ Рушди фактически являлось логическим продолжением Иптидаги и вместе с ним формировало курс среднего мусульманского образования. Здесь из 78 часов учебного времени чуть больше половины приходилось на светские и прикладные к религиозно-нравственным дисциплины.

И, наконец, 4 класса Иггади – своеобразной специализированной ступени для юношей, желавших получить высшее богословское образование и, в дальнейшем служить имамами в махаллях. Светские предметы (алгебра, геометрия, всеобщая история) в 82 часах программы Иггади составляли всего лишь 19 часов, причем в последнем классе не преподавались совсем. Шакирды, под руководством самого Касима Салихова и четырех его помощников изучали хадисы, толкование Корана, логику, арабский язык, мусульманское право, историю ислама)¹⁹⁶.

Таким образом, на примере уже реформированного Апанаевского училища видно, что, несмотря на все новации – новометодное обучение грамоте, преподавание светских наук, наличие определенной программы и присутствия европейской школе бытовых ус-

---

¹⁹⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5482. Л.230об.–231.

¹⁹⁶ Там же. Л.225об.–228.

ловий, оно так и осталось конфессиональным учебным заведением с четко поставленными целями религиозного обучения и воспитания. Вряд ли это медресе можно назвать новой национальной школой, готовящей «националистически» настроенные светские кадры. Подобно медресе «Мухаммадия», «Касимия» являла собой пример модернизированного конфессионального учебного заведения, по-прежнему остававшегося важнейшим центром локальной мусульманской общины, своеобразным монополистом в сфере образования и воспитания молодого поколения одного из ключевых приходов города Казани.

Надо сказать, что к существенным переменам в функциональной направленности ряда мусульманских общинных училищ приводила и целенаправленная деятельность чиновников учебного ведомства, проводивших новую государственную политику по приобщению «инородцев» к русской культуре. Особенно ярко это проявилось в истории становления казанского медресе «Усмания». Его история началась в 1867 г., когда казанский 2-гильдии купец, крупный сырьевой торговец З.Б.Усманов (1817–1870) приступил к строительству седьмой по счету в Старотатарской слободе и Забулачной части Казани, мечети. Одновременно благотворитель начал возводить комплекс зданий медресе, в котором должны были получать образование дети новой городской махалли¹⁹⁷. Полностью строительство завершилось в 1871 г. уже после смерти З.Б.Усманова.

Для службы вновь образованной махалле и соответственно преподавания в учрежденном им медресе «Усмания» Зиганша бай пригласил авторитетного для своего времени муллу Мухаммади Салихова, уроженца д. Гумерово Уфимского уезда Уфимской губернии. До этого хазрет исполнял обязанности имам-хатиба в деревне Кара-Куюк Белебеевского уезда Уфимской губернии¹⁹⁸, а также в летние сезоны в Нижегородской мечети. В конце семидесятых годов XIX в. он был избран заседателем (казыем) в Оренбургское Магометанское духовное собрание.

Высокообразованный мулла М.Салихов принадлежал к числу ортодоксального духовенства, непримиримо относившегося к любому влиянию «неверных» на мусульман. Он был в числе руководителей массового петиционного движения за отмену закона об образовательном цензе для мусульманских священнослужителей от 12 июля 1889 г.

В августе 1893 г., когда М. Салихов умер, старшим муллой Усмановской мечети и мударрисом медресе «Усмания» стал его сын Гарифулла (1861–1915). Вторым имам-хатибом с августа 1894 яв-

---

¹⁹⁷ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.659.

¹⁹⁸ НА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.4676. Л.3.

лялся его брат, Мухамметгариф. Братья были идейными последователями своего отца. Известно, например, что Гарифулла Салихов написал целую серию брошюр, отрицающих необходимость проведения новометодных реформ в сфере просвещения. Однако, несмотря на все устремления этих имамов, им так и не удалось сохранить медресе «Усмания», как сугубо консервативное конфессиональное учебное заведение.

Возникнув после утверждения Правил Министерства народного просвещения от 2 февраля 1870 г., это учебное заведение обязано было начать свою образовательную деятельность с учреждения русского класса. Медресе «Усмания», с русским классом при нём, постепенно под влиянием джадидов превратилось в один из таких педагогических центров Казани, где помимо добротного богословского шакирды стали получать и начальное образование на русском языке. Изменения в жизни медресе произошли плавно, без каких-либо конфликтов и эксцессов. К этому времени поколение непримиримо настроенных купцов-попечителей сошло с общественной арены. Махалля фактически перешла под влияние прогрессивно мыслящих предпринимателей, создавших соседнее медресе «Мухаммадия» и главного идеолога реформ Г.Баруди. С их молчаливого согласия новым попечителем медресе «Усмания» стал бухгалтер торговой фирмы А.А.Ишмуратова дворянин Ибрагим Музафарович Яхьин, который по характеристике инспектора народных училищ Казани не жалел сил в деле образования мусульман. Он способствовал рациональному распределению средств махалли и государственных пособий на нужды медресе, принимал самое непосредственное участие в формировании педагогического коллектива.

Ближайшим сподвижником И.М.Яхьи́на в «Усмании» стал учитель русского языка, выпускник Татарской учительской школы Шарифулла Ахмеров – брат известного историка Гайнутдина Ахмерова. Этот талантливый педагог сумел сделать преподавание русского языка в медресе интересным и доходчивым. Теперь шакирды шли на занятия не по принуждению, а по собственной инициативе, показывая в конце обучения неплохое знание русской разговорной речи, чистописания и чтения. В начале XX в. посещаемость русского класса при медресе достигла 60 человек.

Постепенно И.М.Яхьин и Ш.Ахмеров, пользуясь безоговорочной поддержкой инспектора народных училищ А.Рождественского, стали проводить собственную учебную политику, не зависящую от воли приходских баев и духовенства. По уровню организации учебного процесса и направленности обучения медресе «Усмания» в начале XX века считалось одним из лучших в Казани. Это признавал даже сам попечитель Казанского учебного округа, который 24 ноября 1911 г. в письме на имя директора народных училищ

подчеркивал: «Преподавание в Усмановском медресе идет по новому методу, в курс введены общеобразовательные предметы. Названное медресе вместе с Галеевским («Мухаммадия» – Р.С.) является в Казани школой новаторского типа, националистического направления...»¹⁹⁹.

В целом, на наш взгляд, преобразования в медресе «Усмания» носили компромиссный характер. С одной стороны, были учтены требования властных структур по учреждению так называемого русского класса, привлечены в учебное заведение неплохие государственные дотации, с другой, собственно все три отделения приходского училища сохранили свою относительную самостоятельность и, даже не включали в свою программу общеобразовательные предметы. То есть, за ними оставалась присущая конфессиональной школе функция религиозного обучения и воспитания. В то же время «Усмания», безусловно, являлась джадидским медресе, где преподавание богословских наук было поставлено по методикам Г.Баруди. Таким образом, можно утверждать, что несмотря на все усилия учебного начальства, почти тридцатилетнюю целенаправленную работу по внедрению государственного языка, медресе Усмановской махаллы так и не приобрело «светского» характера, не превратилось в образцовую татарскую школу по европейскому образцу. Оно, подобно медресе «Мухаммадия», продолжало воспитывать убежденных, глубоководящих мусульман, однако, в отличии от последнего все же не давало им широкого круга практических знаний, а лишь предоставляло возможность получения начальных сведений по русскому языку и арифметике.

В связи с этим встает вопрос, касающийся определения понятия «новометодная» или «джадидская» школа. Можно ли считать такими учебными заведениями только те, где преподавались общеобразовательные дисциплины и русский язык и являлись ли таковыми все медресе с обучением грамоте по звуковому методу? На наш взгляд однозначного и категоричного ответа на этот вопрос просто не существует. Джадидские реформы, понимаемые нами как эффективный социальный инструментарий исламской модернизации, не имели перед собой сколько-нибудь определенного образца, идеала мусульманской школы нового типа, они просто видоизменяли, приспособляли к новым общественно-политическим, экономическим условиям уже существовавшую систему конфессионального образования. Вот почему этот процесс имел лишь самые общие идеологические обоснования и подразумевал в конкретных случаях самые разные формы реализации, в зависимости от личности, взглядов и устремлений того или иного имама, мударриса, ли-

---

¹⁹⁹ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1576. Л.18.

дера мусульманской общины, характера настроений населения каждой отдельной махаллы.

Вряд ли следует подобно некоторым авторам заявлять о полном и безусловном переходе всех казанских медресе в начале XX столетия на новые, современные европейские методы преподавания. В то же время мы должны отметить и тот факт, что ни одно из мусульманских учебных заведений города не осталось в стороне от определенных нововведений. Поэтому, с одной стороны конфессиональное образование по главным своим целям и задачам оставалось в целом традиционным: воспитание глубоковерующих мусульман, с другой оно приобрело новаторское направление: подготовку этих мусульман к активной, конкурентноспособной социальной жизни.

В целом можно обозначить общие типические особенности модернизированных конфессиональных приходских школ. Это, безусловно, звуковой метод обучения, преподавание богословских предметов и религиозное воспитание не только на арабском, но и на татарском языке по новым методикам и учебникам джадидских авторов, наличие определенной программы, расписания занятий, экзаменационной системы, постепенное внедрение в учебный процесс общеобразовательных дисциплин, осознанная джадидская деятельность педагогического персонала, преподавание русского языка или органичное сосуществование медресе с классом русского языка и т.д.

По нашему мнению, любую, самую традиционную на первый взгляд, мусульманскую школу уже нельзя назвать кадимисткой, если ей присуща, хотя бы одна из вышеуказанных особенностей. Однако, по настоящему джадидским учебным заведением следует считать только то, в котором все эти принципы имели полную или частичную реализацию. Поэтому все общинные мусульманские училища, находившиеся в реформаторском процессе можно условно разделить на две группы: собственно джадидские, преобразовавшие все стороны своей деятельности и традиционные, находившиеся в самом начале модернизации и имевшие компромиссный, смешанный характер.

Тенденция к ограниченному реформированию приходской мусульманской школы, предусматривавшее, в первую очередь, охранительные цели, направленные на воспитание и обучение убежденного мусульманина, на противодействие миссионерской агитации и конкурентное сосуществование с государственной начальной школой, отнюдь не была случайной. Это можно назвать осознанной политикой мусульманской буржуазии и духовенства, всеми силами стремившихся сохранить свою социальную базу. Р.М.Мухаметшин, проанализировавший, позиции национальной интеллигенции начала XX в. по вопросу реформирования конфессиональных школ, пришел

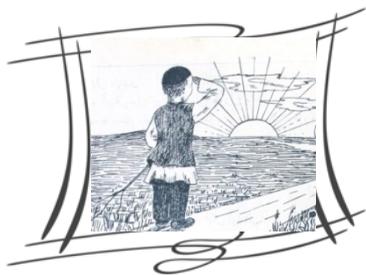
к очень интересным и показательным выводам. Он, в частности, отмечает, что: «...к 1910-м годам представления татарской интеллигенции о перспективах реформы национальной системы претерпели кардинальные изменения. Иллюзии о возможности ее проведения в рамках конфессиональной школы рассеялись. Конфессиональная школа, как и предусматривалось ее статусом, могла готовить только религиозных деятелей, способных обслуживать интересы мусульманской общины, а также образованных людей, ориентирующихся в перипетиях современной жизни, но не специалистов, способных найти свое место в различных сферах общества и имеющих возможность без проблем влиться в ту или иную социальную группу»²⁰⁰.

Хотя образование, полученное в джадидских медресе, давало возможность с успехом заниматься традиционной для татар торгово-посреднической деятельностью, развивать ремесла и мелкую промышленность. Вот почему большинство реформаторской буржуазии в целом устраивала ситуация с умеренным преобразованием приходской школы, которая, по-прежнему оставалась основным поставщиком кадров для национального предпринимательства.

Таким образом, можно обозначить основные мотивы, позиции и результаты мусульманского капитала в джадидских преобразованиях учебного дела. В первую очередь, это искренняя забота об укреплении ислама, а не целенаправленная работа по созданию национальной светской школы. Это отсутствие планов по радикальному реформированию мектебе и медресе. Четкое понимание необходимости сохранения крупных центров исламского образования в качестве корневого института локальной мусульманской общины, что обеспечивало ее материальную независимость, идеологический и кадровый потенциал. Жесткий контроль буржуазии и духовенства за начальным, средним и высшим образованием, строго следивших за соответствием его требованиям Корана и шариата. Создание к началу XX в. конфессиональной школы нового типа, сочетавшей эффективную систему религиозного воспитания и обучения с преподаванием светских наук, необходимых для занятий ремеслами, торговлей, промышленностью, педагогикой и духовными науками.

---

²⁰⁰ Мухаметшин Р.М. Система образования у татар в начале XX века: состояние и проблемы // Медресе «Мухаммадия»: история и современность. – Казань, 2003. – С.46.

2.5. Татарское медресе и революция: рождение «бывших шакирдов»

В татарском обществе всегда существовала особая детско-юношеская группа шакирдов – учащихся татарских медресе. Практически в каждом мусульманском приходе работали собственные школы. В 1905 г. в Казанской губернии действовало 1018 мусульманских приходов²⁰¹. Где-то функционировали начальные – мектебы, наиболее богатые махалля содержали медресе – средние и высшие учебные заведения. Вне зависимости от сословного происхождения любой ребенок мужского пола получал начальное образование. Дети мусульманского духовенства, а также ребята из обеспеченных семей могли продолжить обучение на старших курсах духовного училища, а в дальнейшем сдать экзамены на звание муллы. Таким образом, мусульманское духовенство не являлось замкнутым сословием, их ряды пополнялись представителями купечества, крестьянства и мещанства. Для каждой татарской семьи вырастить сына-муллу было большим достижением. Религиозная ученость высоко ценилась в обществе, материальное состояние муллы поддерживали всей общиной. Поэтому, если в ребенке обнаруживалась какая-то выдающаяся склонность к учебе, то родители не жалели никаких средств для дальнейшего обучения сына.

В 1889 г. только в Казани обучались 1419 шакирдов, из них 555 были приходящими, 864 человека проживали в медресе²⁰². В 1904–1905 учебному году в 18 казанских мусульманских школах обучалось 1578 чел., из них 688 были казанцами, 896 – иногородними

---

²⁰¹ Людмилин А.С. Контрреволюция в рясах и чалмах в 1905 году в Казанской губернии. – Казань, 1931. – С.11–12.

²⁰² Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. – Казань, 2005. – С.654.

учениками. При этом учеников младшего возраста (до 14 лет) насчитывалось 791 чел., а подростков и взрослых учеников – 767²⁰³.

Татарское шакирдство представляло собой некое промежуточное звено между детством и взрослой жизнью, в старометодных медресе учащиеся могли задерживаться до 30–40 летнего возраста. Большинство шакирдов обзаводилось семьей только после окончания учебы. Как и в любой локальной группе, с конкретными задачами и условиями проживания, в шакирдской среде на протяжении многовековой истории складывалась собственная субкультура, иерархия, модель поведения для каждой возрастной подгруппы. Так, в старометодных медресе старшие шакирды (хальфы) обучали младших учеников. Первые были приближены к руководителю медресе (мударрису), имели особые условия проживания.

Перемены, произошедшие в татарском обществе на рубеже XIX–XX вв., в первую очередь отразились на молодом поколении – на учащихся медресе. Шакирды жадно внимали новым веяниям: читали газету «Тарджеман», вопреки воле большинства мулл, учили русский язык. За несколько десятилетий изменилась не только учебная программа мусульманских училищ, но и быт учеников. Вместе с материальными новинками менялось и мировоззрение их потребителей. После революционных волнений 1905–1907 гг. помимо шакирдов, в татарском обществе появились еще так называемые «бывшие шакирды».

Именно они составили большую часть национальной светской интеллигенции. Но что же побудило их покинуть стены медресе? Для этого надо ознакомиться с повседневной жизнью шакирдов *старого медресе*. Мы намеренно вводим понятие «старое медресе», т.к. на наш взгляд рождение «нового медресе» произошло лишь после 1905 г. В учебно-методическом отношении многие конфессиональные училища еще до Первой русской революции работали по-новому: изменилась методика, была пересмотрена местами учебная программа, но внутренняя организация мусульманских учебных заведений еще не соответствовала современным требованиям.

Оригинальным источником по межличностным отношениям в старом медресе, по шакирдской субкультуре рубежа XIX–XX вв. является роман Г.Исхаки «Мулла бабай». Писатель, сам прошедший, все тяготы и радости обучения в таких училищах (в Чистополе, в Казани) детально описал жизнь шакирдов. Быт учеников на поминал армейскую жизнь, здесь есть и издевательства над новичками, различные поручения от старших.

Ученическая иерархия была двух типов. Материально-географическая и интеллектуально-возрастная. Труднее приходилось

---

²⁰³ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1057. Л.23об.

иногородним шакирдам из бедных семей. Местные ученики младшего возраста, посещали медресе, но не жили в общежитии. Лишь в средних классах, в некоторых случаях, родители отдавали детей в училище на полный пансион. Вероятно, считалось, что проживая в общежитии, под постоянным надзором хальф и мударриса, они вырастут истинными мусульманами. Богатые ученики нанимали себе прислугу из числа бедных учащихся. Они им готовили еду, переписывали тетради, выполняли другие мелкие поручения. Для тех, кто практически не получал помощи из дома, это был единственный способ выживания.

В ходе учебы шакирд мог выделиться из общей массы и благодаря своим интеллектуальным возможностям. Кто-то, даже будучи сыном богатого человека, мог годами штудировать одну и ту же книгу, а более смысленный – за один учебный период выучить несколько. От того на каком этапе ученик находился, зависела и степень уважения к нему со стороны товарищей. Чем больше книг он освоил, тем лучше было отношение к нему. Как уже отмечалось, помогая готовить домашние задания, переписывая книги, можно было заработать кое-какие деньги. Искусные каллиграфы или хаттаты могли найти доход и за пределами медресе. Очень ценились шакирды, умеющие красиво читать Коран. Их приглашали на различные религиозные обеды во время Курбан-байрама или Рамадана, на похороны. Иногда между учениками возникала нешуточная борьба за возможность участия на том или ином религиозном мероприятии, организуемом, естественно, богатым прихожанином махалли. Наиболее способные ученики становились впоследствии хальфами, помощниками мударриса.

Шакирдская иерархия и особый стиль поведения были обусловлены как общей системой обучения (без разделения на классы), так условиями проживания (одна комната на всех). Постоянное нахождение на замкнутой территории, самообслуживание неизменно порождали конфликтные ситуации, издевательства старших над младшими. Не все ученики были приучены к домашнему труду.

Во внеурочное время шакирды были предоставлены самим себе. Хальфы не всегда могли уследить за ними, иногда просто закрывали глаза на некоторые вещи. В медресе имелись специальные тетради (гөнаһ дәфтәре), куда записывались все проступки шакирда. Иногда заполняли тетрадь и сами ученики, но такие доносчики, конечно же, не пользовались особым расположением в коллективе. Внутренние правила поведения были не во всех школах, в конце XIX в. таковые висели лишь на стене медресе «Марджания».

Свободным от занятий временем шакирды распоряжались по собственному усмотрению. Руководством медресе не были предусмотрены никакие дополнительные программы по организации до-

суга учащихся. Единственным условно-внеурочным мероприятием старого медресе можно назвать богословские диспуты (моназэрэ), которые были довольно популярны в ученической среде. Амбициозные и азартные учащиеся медресе с удовольствием участвовали в них, демонстрировали как свои религиозные знания, так и ораторское умение, быстроту реакции, остроумие. Шакирдов волновало не столько содержание диспута, а сама форма – интеллектуальное состязание. Иначе как объяснить то, что богословские споры в начале XX в. сошли на нет. На смену им пришли другие дискуссии светского характера, в клубах и вечерах, на страницах прессы.

Еще одним исчезнувшим шакирдским мероприятием стали «калпани» (скорее всего, от русского слова «компания»). Вечер предварялся специальным угощением, шакирды готовили плов, доставали из своих запасов различные кушанья. Далее учащиеся показывали юмористические номера, играли на скрипке, гармонии, курае и кубызе, пели и танцевали²⁰⁴. По своему замыслу калпания напоминает домашние посиделки молодежи (аулак өй). Особый шарм мероприятию придавало то, что организовывалось оно втайне от руководства. Мулла, в зависимости от характера и убеждений, мог строго наказывать за подобную вольность, вплоть до отчисления ученика из школы.

Исполняемые учащимися песни и анекдоты, рассказы стали основой популярных «шакирдских тетрадей». Сюда же записывались стихи арабских, персидских, османских авторов, различные легенды, баиты и т.д. Подобные записки сыграли для татарской культуры и истории некую архивирующую роль. Некоторые произведения средневековой татарской литературы сохранились благодаря этим тетрадям.

В начале XX в. образовательная система претерпела серьезные изменения. В джадидских школах учебный год начинался уже в сентябре и длился до конца июня. В старометодных он больше зависел от сельскохозяйственного уклада. Шакирды собирались в медресе лишь поздней осенью и расходились по домам уже ранней весной, к началу полевых работ. Так, вместе с новометодными медресе происходил слом привычной жизни. Человек все меньше подчинялся природе. Первые джадидские медресе в Казани работали еще с конца XIX в. Пионером нового метода стало медресе «Мухаммадия» во главе с богословом и педагогом Г.Баруди. В отличие от других учебных заведений, это училище отличалось и богатой материально-технической базой. Руководителя медресе поддерживали местные татарские предприниматели.

Ученики завершали учебу уже к 20–25 годам, не было тех вечных сорокалетних шакирдов. Выпускники медресе гораздо раньше

---

²⁰⁴ Исхакий Г. Әсәрләр. – Т.3. – Казан, 2001. – Б.238–245.

вступали во взрослую жизнь. В эпоху буржуазных перемен, человек уже не мог себе позволить долгие годы учебы. Изменился темп жизни, приоритеты общества. Росла социальная мобильность, на протяжении короткого промежутка недавний выпускник медресе мог сменить несколько занятий. Непостоянство молодых людей было связано как с их материальными проблемами, так и с духовным поиском. Помимо религиозного поприща, появились и другие возможности для профессиональной самореализации.

После окончания медресе, везением считалось попасть муллой в богатый городской приход. Хотя надо признать, что должность имама была практически наследственной. Сын муллы – махдум – потом занимал место отца. Но деревенские шакирды мечтали сменить родные села на город. Тем более у муллы мог быть не один сын, а несколько. Сложнее приходилось тем ученикам, кто не имел соответствующей родословной, выросшим в обычных крестьянских семьях. В этих случаях, оставалось надеяться на собственный умственный потенциал и везение. Таковым мог стать выгодный брак с дочерью богатого человека, который своим авторитетом обеспечивал зятю место в приходе. Либо покровителем мог выступить отец шакирда, если он являлся уважаемым и состоятельным человеком в общине.

«На службу в должности муллы шакирды смотрят исключительно с практической точки зрения: они ищут этой должности, потому что она дает некоторый достаток и почет, о религиозно-нравственной, общественно-воспитательной роли, которую мог бы исполнять мулла, как духовный пастырь ... большая часть шакирдов имеют весьма слабое представление», – отмечал в 1905 г. инспектор народных училищ Казанской губернии²⁰⁵.

Если в XIX в. проблема трудоустройства была связана с тем, что не всем шакирдам удавалось найти место муллы после медресе, и они оставались без прихода, то в начале XX в. этот вопрос возник в совершенно противоположном варианте – большая часть шакирдов выбирала не духовную сферу. Они перестали сдавать экзамены в Оренбургском магометанском духовном собрании на получение статуса муллы и мугаллима.

Еще с конца XIX в. в медресе вводятся русские классы, для получения статуса муллы необходимо было сдать экзамен по русскому языку. Однако владение общеимперским языком, а также базовые знания нерелигиозных дисциплин (активно внедряемые с конца XIX в.) открывало и иные перспективы, например, светского характера. Многие шакирды уже не мечтали о месте приходского имама, появились новые возможности для их профессиональной реализации. Была и другая причина, на рубеже XIX–XX вв. муллы

---

²⁰⁵ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1057. Л.25.

приходов, особенно сельских, нередко жили в весьма стесненных условиях. Их труд не оплачивался государством, а некоторые прихожане – обедневшие крестьяне в поисках лучшей доли уезжали в города. В профессиональной переориентации шакирдов огромную роль сыграла печать. За короткое время с начала XX в. она старательно создавала новый имидж имамов. *«Унижение медресе и ее руководителей послужило тому, что шакирды всей своей силой стали стремиться (уйти – Л.Г.) из мира шакирдства и находить, (что) лучше быть торговцем»*, – с горечью писал автор газеты «Кояш» в статье «Что такое медресе?»²⁰⁶.

События 1905 г. и общее настроение вокруг, безусловно, оказали влияние на шакирдов. Но в начале революции основная масса обучавшихся в медресе подростков и молодежи не проявляла особой активности, их поведение регулировалось базовыми ментальными установками татар-мусульман: уважение к старшим и традициям, смирение и фатализм. Основными вольнодумцами и проводниками либеральных идей среди шакирдов были те, кто тесно общался со студентами и учащимися русских учебных заведений. Например, таким «прогрессивным» шакирдом был Фатих Амирхан. В целом, между татарской «гимназической» молодежью и шакирдами лежала культурная пропасть. Например, Зайнаб Амирханова (двоюродная сестра Ф.Амирхана) вспоминала о том, как она пренебрежительно отнеслась к сватовству молодого купца, образование которого ограничивалось знаниями, полученными в медресе. А будущая невеста к тому времени была выпускницей Ксенинской гимназии. «Как же я учительница пойду за какого-то купца... Он, наверное, торгует кожей? Фу. И ничего не знает об алгебре и геометрии...», – рассуждала она²⁰⁷. Такое отношение даже со стороны ровесников-единоверцев, конечно, способствовало снижению престижа конфессионального образования. В этот период множество шакирдов мечтали сдать экзамен по гимназическому курсу, и стать студентами университета. Ф.Амирхан в 1908 г. противопоставлял ученость и образованность «шакирдскому мышлению», и радовался тому, что «последнее пошло на убыль», молодежь «выходит из детства и выбивается «в люди»²⁰⁸.

Особую роль в шакирдских протестах революционных лет сыграли выпускники и ученики Казанской татарской учительской школы. Практически все известные приверженцы социально-демократических и социально-революционных идей были выходцами из этой школы: Хусаин Ямашев, Гаяз Исхаки, Гафур Кулахме-

²⁰⁶ НА РТ. Ф.969. Оп.1. Д.44. Л.12.

²⁰⁷ Амирханова З. Абыем турында // Казан утлары. – 1986. – №1. – С.71–72.

²⁰⁸ История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амирханова. – Казань, 2004. – С.535.

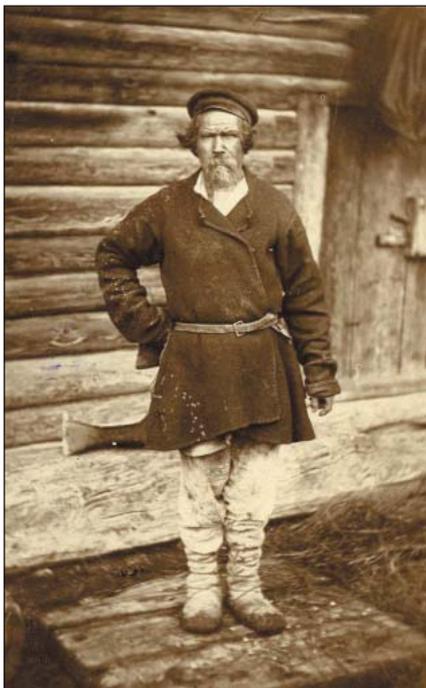
Группа крестьян в русской деревне Среднего Поволжья
(из фондов Этнографического музея КФУ)

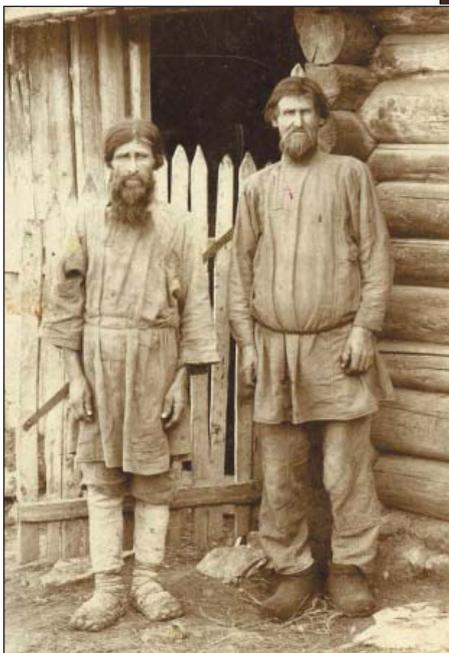
Вспашка зяби. Лаишевский уезд Казанской губернии.
Нач. XX в. (из фондов Этнографического музея КФУ)

Голод в Казанской губернии. 1907 г.
(НМ РТ КППи-114495-10д)

Крестьянин Чебоксарского уезда Казанской губернии. Нач. XX в. (из фондов Этнографического музея КФУ)

Крестьяне Ядринского уезда Казанской губернии. Нач. XX в. (из фондов Этнографического музея КФУ)

П.Ф. Хомутов – казанский губернатор в 1904–1905 гг. (из фондов Кировского областного краеведческого музея)

В.В. Марковников – ученый-химик, депутат IV Государственной Думы, входил во фракцию «Союза 17 октября» (ОРПК, ед.хр. 7685 (мед-140а))

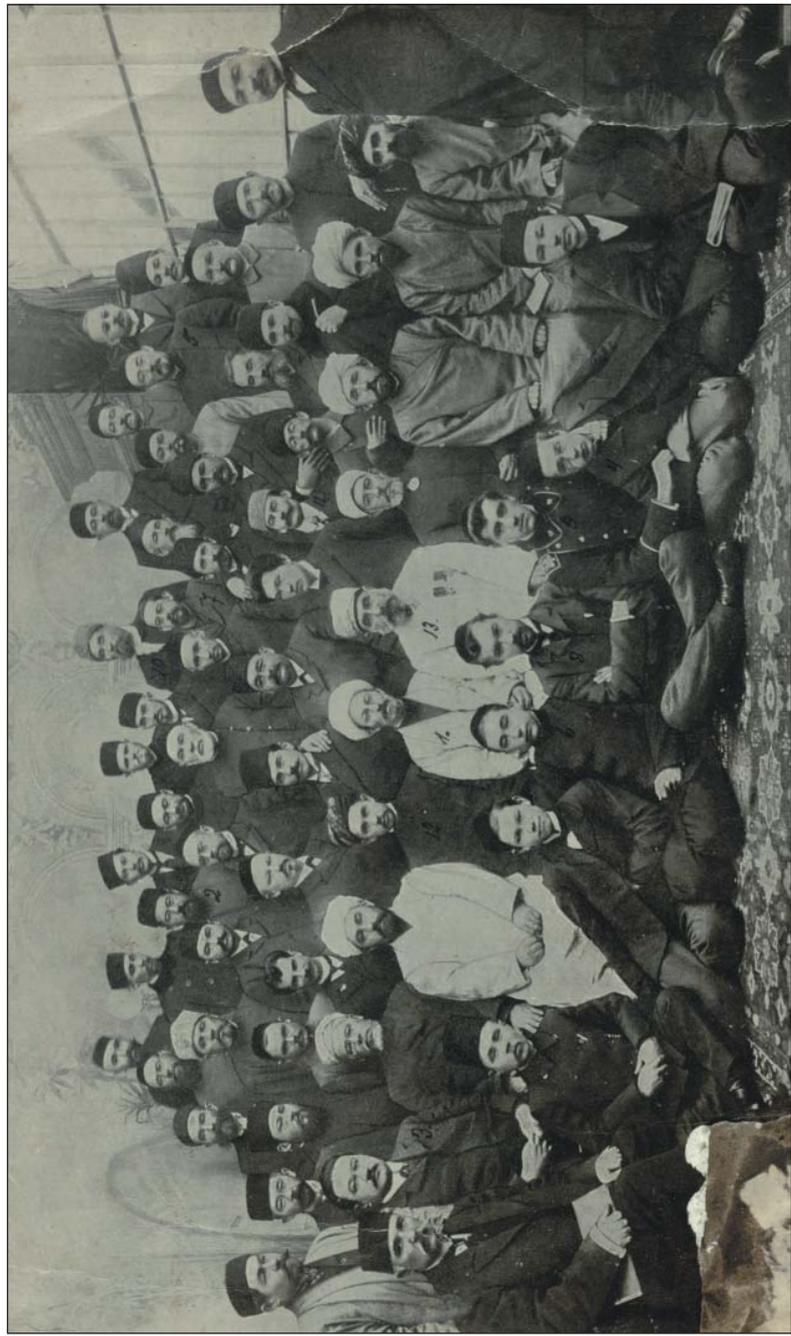
М.И. Догель – юрист, приват-доцент Казанского университета (ОРПК, ед.хр. 7685 (мед-70))

А.В. Васильев – член Государственного совета, профессор математики, член Конституционно-демократической партии (ОРПК, ед.хр. 7685 (мед-38))

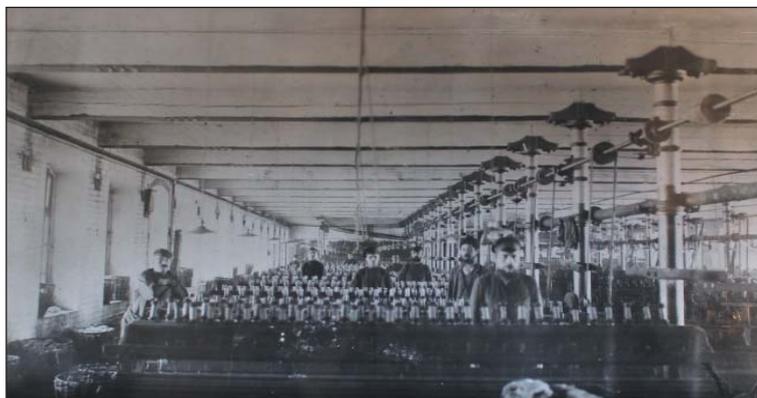
Октябристы
Казанской
губернии.
Нач. XX в.
(НМ РТ
КПГи-
122994/2)

Участники II Всероссийского съезда мусульман в Санкт-Петербурге. 15–22 января 1906 г.
(НМ РГ КШП-117974)

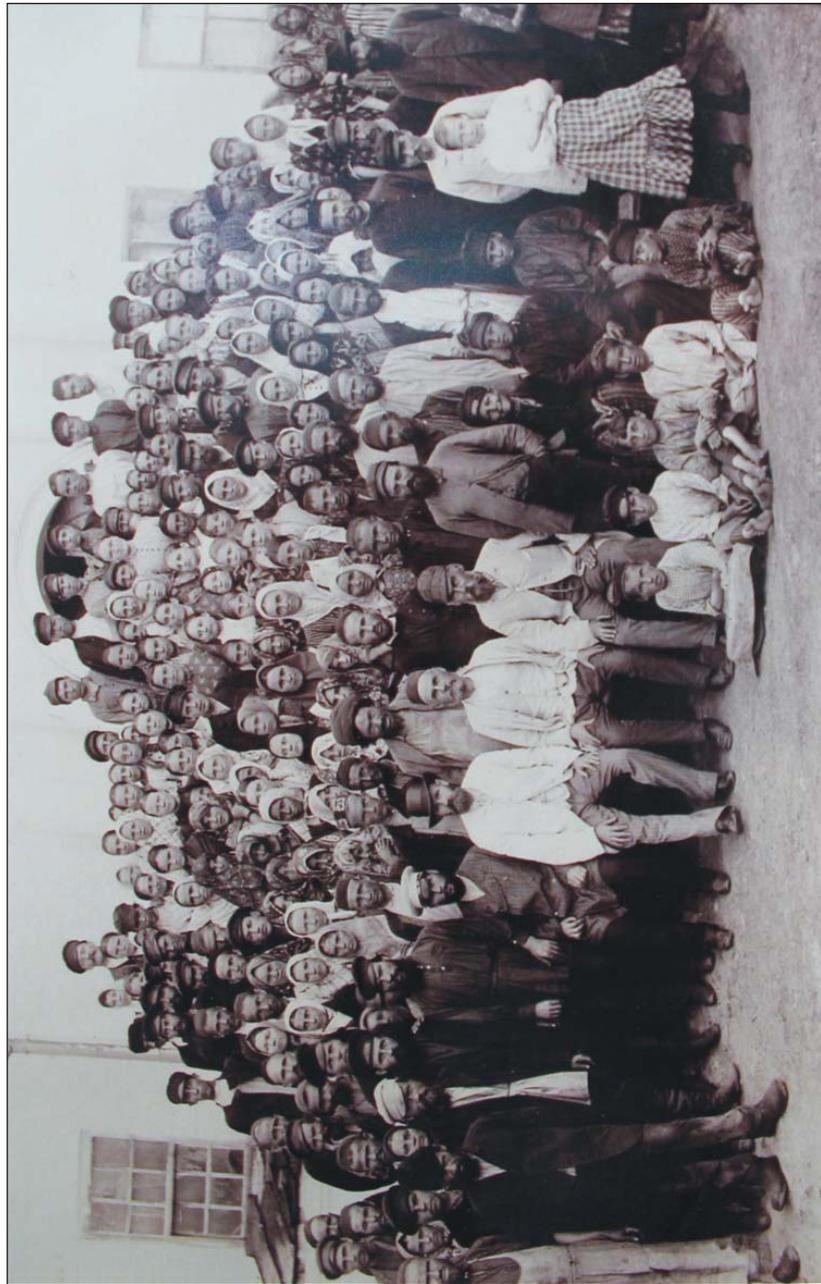
Фабрики
Алафузова
в Казани.
Нач. XX в.

Льнопрядильный цех Алафузовской фабрики

Жилое по-
мещение
алафузов-
ских рабо-
чих. Нач.
XX в.

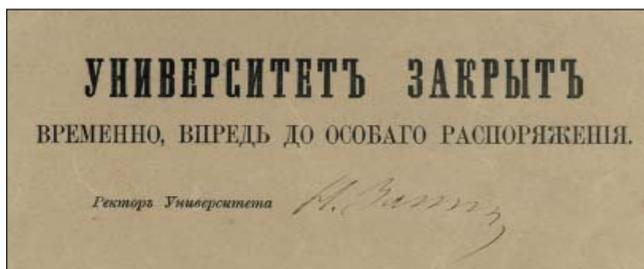
Алафузовские рабочие. Нач. XX в.

С.Ф. Спешков – попечитель
Казанского учебного округа
(19.11.1901 – 20.08.1905)
(ОРРК, ед.хр. 7685 (мед-210))

Д.И. Дубяго – профессор
астрономии, ректор Казанского
университета (1899–1905)
(ОРРК, ед.хр. 7685 (мед-73))

Объявление «Университет закрыт временно, впредь до особого распоряжения (с личной подписью ректора Н.Загоскина). 1906 г. (НМ РТ КППи-100847)

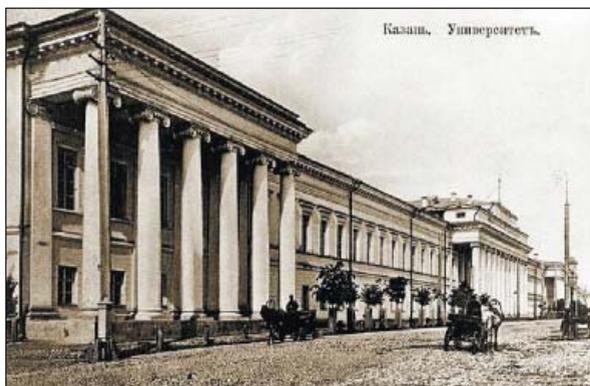

Н.Н. Парфентьев – профессор
Казанского университета. 1907 г.
(НМ РТ КППи-124777)

Н.П. Загоскин – профессор права, ректор
Казанского университета (1906–
1909) (ОРРК, ед.хр. 7685 (мед-86))

Казанский университет. Нач. XX в.
<http://posredi.ru/kazanskij-universitet-v-nachale-xx-veka.html>

Казанская духовная семинария. Нач. XX в.
(<https://pastvu.com/p/456882>)

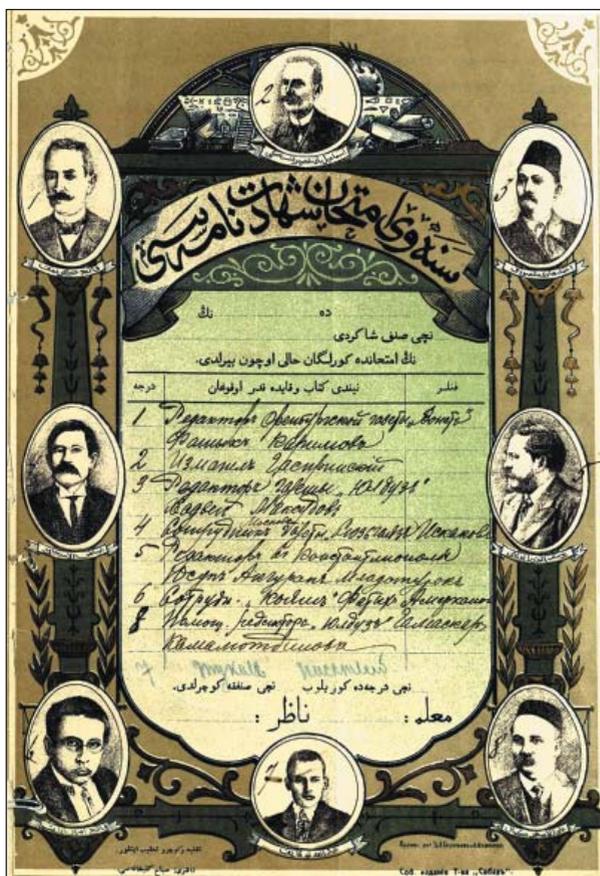

Старое здание Казанского ветеринарного института по ул.Грузинской.
Казань. Фото худ. В.Г. Федорова (НМ РТ КППи-119816/1)

Выпускницы
Ксенинской жен-
ской гимназии.

Казань,
1906–1907 гг.
(НМ РТ КППи-
120528/1)

Образец
свидетельства
об окончании
медресе.
Нач. XX в.
(из фондов
НА РТ)

Шакирды казанского медресе «Мухаммадия». 1905–1906 гг. (НМ РТ КППи-125727/2)

Галимджан Ибрагимов (слева) с шакирдами медресе Вали Хусаинова (Оренбург, 1905 г.) (из фондов ЦГА АД РТ)

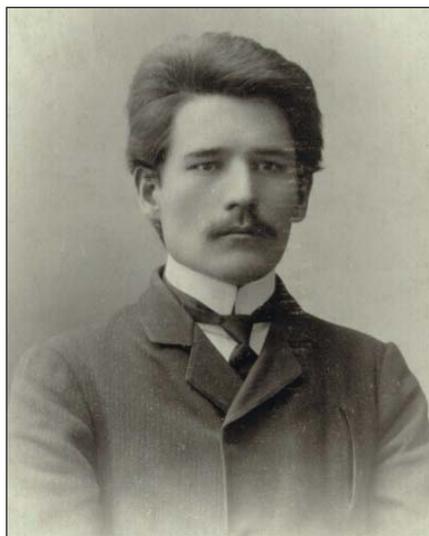
Шакирды медресе г. Уральска. Второй справа в первом ряду – Г. Тукай.
Нач. XX в. (из фондов Литературного музея Габдуллы Тукая)

Бывшие шакирды с товарищами на бухгалтерских курсах в Москве.
1906–1907 гг. (НМ РТ КППи-125394/8)

Хусаин Ямашев. Вырезка
из газеты. Нач. XX в.
(ст. № НМ РТ ДВХ-22/612)

Хусаин Абузаров – татарский журна-
лист, член редакции газеты «Тан йол-
дызы». 1908 г. (НМ РТ КППи-124948)

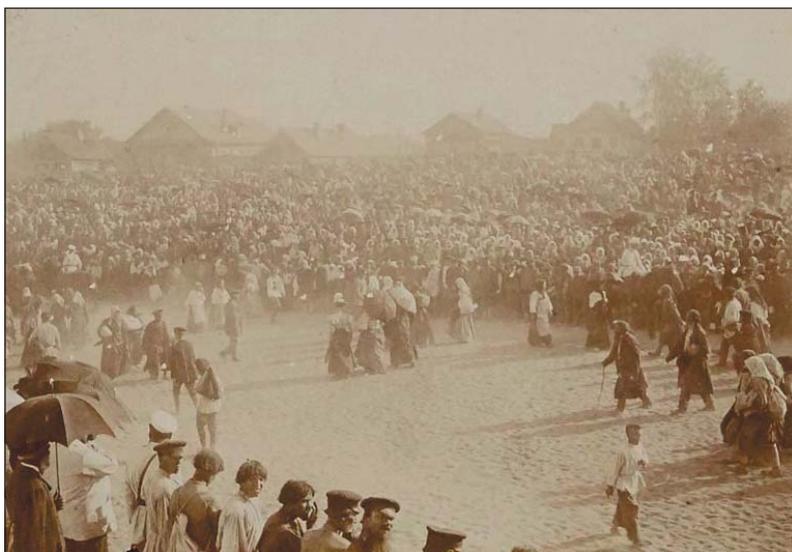

Казань. Нач. XX в.
(<https://pastvu.com/p/420179>)

Жертвы черносотенного
погрома в Казани. 1905 г.
(НМ РТ КППи-121584/1)

Казань. Кизическая дамба (<https://pastvu.com/p/451606>)

Шествие у Кизического монастыря. Нач. XX в.
(<https://pastvu.com/p/422726>)

3
2ф
Граждане! Не по черносотенниковъ октабри-
стствъ, не ходатаевъ кадетовъ, а борцовъ
народа. Голосуйте за списокъ, рекомендованный соц-
альдемократами.

Россійская Соціал-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединитесь!

КТО ЗАЧѢМЪ ИДЕТЬ ВЪ ДУМУ.

Октябристы и союзъ русска-
го народа — помочь правительству занять
заграничныхъ ростовщиковъ денегъ на войну съ
народомъ.

Рука объ руку съ правительствомъ держать на-
родъ въ рабствѣ, невѣжествѣ, угнетеніи и разореніи.

Кадегты, партія народной свободы, —
торговаться съ правительствомъ, чтобы получить ку-
сокъ власти для буржуазіи, отвѣтственность мини-
стерства.

Писать законы, которые останутся только на
умахъ.

Противодѣйствовать попыткамъ народа отвоевать
себѣ полную власть.

Ходатайствовать предъ палачами народа, чтобы
они добровольно отказались отъ власти.

Соціал-демократы, рабочая партія, —
борются за власть, чтобы можно было законо-
дательствовать въ интересахъ народа.

Добиваться полныхъ свободъ.

Добиваться полновластного народнаго представ-
ительства, Учредительнаго Собранія, на основѣ всеоб-
щаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Ити впередъ борющагося народа.

**ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ
САМАРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ Р. С.-Д. Р. П.**

Январь, 1907 г.

Печатано въ 4000 экземап.

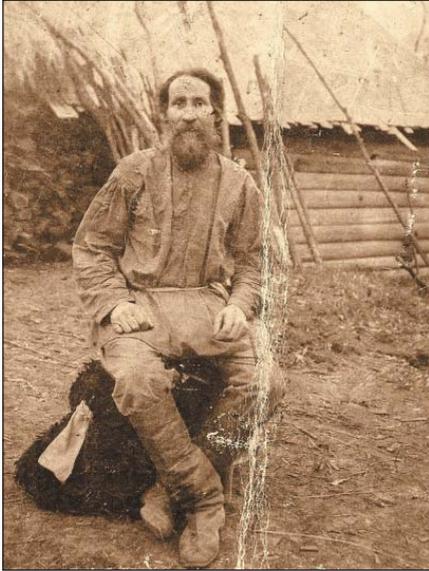
Типографія Самарскаго Комитета.

Граждане! Выберите не черносотенниковъ октабри-
стствъ, не ходатаевъ кадетовъ, а борцовъ за свободу
народа. Голосуйте за списокъ, рекомендованный соц-
альдемократами.

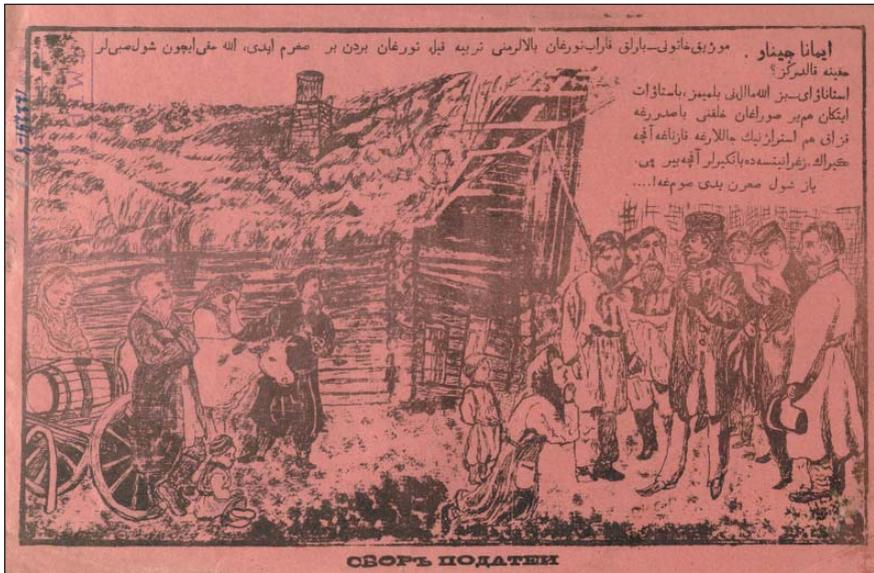
листъ № 2513

Прокламация
Самарского
Комитета
РСДРП (из
фондов Самар-
ского област-
ного историко-
краеведческого
музея им.
П.В. Алабина)

Е.Б. Сараев – сельский староста д. Вторые Тойзи Чебоксарского уезда. В 1905 г. за жалобу на произвол властей, направленную на имя императора, был арестован и отправлен в Цивильскую тюрьму (rusalbom.ru)

Карикатура из оренбургского журнала «Карчга» №8.
Оренбург: Паровая типолитография М.Ф.Г. Каримова, 1907 г.
(НМ РТ КППи-122291/4-2)

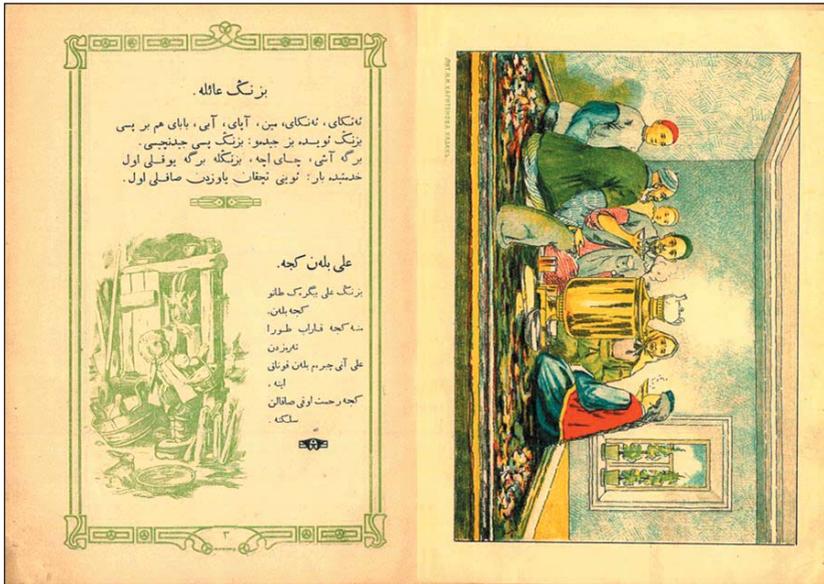
Музыканты «Восточного клуба». Сидят слева направо: Г. Валитов, Г. Гизатулин, Г. Сафиуллин; стоят: И. Атнагулов (не музыкант), Г. Аглюлин, М. Сафиуллин, Зариф (фамилия неизвестна). Казань, 1910 г. (из фондов НА РТ)

Лукман Аитов в роли Хайруча из комедии «Казанга сәяхәт». 1908 г. (НМ РТ КППи-124965/93)

Сахибжамал Гизатуллина-Волжская – первая татарская актриса (из фондов НА РТ)

Иллюстрации из книги
 для детей Габдуллы Тукая
 «Күңелле сәхифәләр»
 (Казань, 1910 г.)

Обложки журнала «Марла календарь»

Т.Е. Егоров с учениками КЦКТШ. Фото 1904 г.

Ученики КУС разных национальностей. Фото 1904 г.

Школа Братства св. Гурия в дер. Дюсьметьево Мамадышского уезда
Казанской губернии. Фото 1904 г.

«Отпавшие» в ислам старокрещенные татары с. Елышево
Мамадышского уезда Казанской губернии. Фото 1904 г.

П.И. Мочалов – революционер,
общественный деятель.
Нач. XX в. (из фондов НМ РМЭ)

П.П. Глезденев (псевд. Пагул ача) –
марийский просветитель, один
из основателей журнала
«Марла календарь»

П.Г. Григорьев (Эмяш) – учитель Унь-
жинской центральной школы Царево-
кокшайского уезда, марийский писатель

Марийский поэт Владимир
Мухин (псевд. Сави)

Казанские
участники
революции
1905 г. на
конференции
Истпарта.
1920-е гг.
(НМ РТ
КШПи-
124507)

тов, Фуад Туктаров, Галимджан Сайфутдинов, Исхак Бикчурин, Мирсаид Султангалиев и другие. В ходе обучения ученики осваивали не только достижения русской культуры, но и увлекались леворадикальными идеями. Именно ученики КТУШ выступали переводчиками революционных прокламаций на татарский язык, издавали газеты «Урал» и «Таң йолдызы».

С подростковой чуткостью шакирды реагировали на радикальные призывы вокруг, с воодушевлением встречали либеральные манифесты царя. Протест против существующего общественного порядка выражался в их среде в открытых конфликтах с руководством медресе и с конкретными преподавателями. Эти настроения мало чем отличались от волнений в других учебных заведениях, напоминающих мелкое хулиганство.

Учащиеся казанских медресе, в первую очередь ученики «Мухаммадии», принимали участие в работе общественной милиции в октябре 1905 г. В их числе оказался и младший брат писателя Ф.Амирхана – Ибрагим. Во дворе этого медресе собирали лошадей для народной милиции. Были организованы как конные, так и пешие патрули²⁰⁹. Возможно, для некоторых шакирдов одним из мотивирующих факторов стал материальный вопрос. По свидетельству одного из очевидцев, шакирдам-дружинникам Забулачной части Казани платили по 50 коп. за час дежурства²¹⁰. Ученические волнения 1906–1907 гг. проявили весь накопившийся негатив шакирдов. И если раньше говорили «Шәкерт эшне күп бозар, бер көн остадан узар» («Шакирд наломает много дров, но однажды обгонит мастера»)²¹¹, то теперь учащиеся медресе не очень-то стремились к религиозной учености. Их больше увлекала светская жизнь.

Любопытно, что руководитель этого медресе – мударрис «Мухаммадии» Г. Баруди – после разгона народной милиции был в числе манифестантов в поддержку царя. Как человек религиозный и законопослушный, он явно не разделял либеральных иллюзий своих шакирдов. Да и их основное требование – преобразование медресе в светское учебное заведение – даже не воспринималось всерьез. При этом по материально-технической базе, методам и программе преподавания казанское медресе «Мухаммадия» выгодно отличалась от других аналогичных конфессиональных училищ. Например, преподавателем географии и истории с 1904 г. здесь работал Юсуф Акчурра, осенью 1905 г. он редактировал газету «Ка-

---

²⁰⁹ Әмирханов Р. «Мөхәмәдия» мәдрәсәсе // Мәдрәсәдә китап киштәсе... – Казан: Тат. кит. нәшр., 1992. – Б.24.

²¹⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.73. Л.7.

²¹¹ Әйтем – чәчәк, мәкәль – җиләк. Халык афоризмнары. 2-нче кит. – Казан, 2002. – Б.113.

зан мухбире»²¹². Но в медресе готовили, в первую очередь, высокообразованных религиозных служителей.

В ноябре 1905 г. шакирды «Мухаммадии» предъявили свои претензии к руководству медресе. Их не устраивала учебная программа. Однако администрация во главе с Г.Баруди проигнорировала заявление учеников. Но протестные настроения среди шакирдов все же сохранились, что в результате стало поводом для нового конфликта с одним из преподавателей в феврале 1906 г. По решению руководства, эти 4 шакирда были исключены из школы. Увольнение товарищей оставшиеся ученики восприняли довольно болезненно, они уже не скрывали свое недовольство и раздражение. Шумиха в медресе всполошила всю округу, вызвали попечителей учебного заведения. Они пригрозили вызовом наряда полиции, что и было вскоре сделано: прибыли 10 городских. После разгрома в классах и битья окон, 82 ученика «Мухаммадии» были исключены из медресе²¹³. Уволенные шакирды 3 марта 1906 г. опубликовали открытое письмо в газете «Казан мухбире», где объясняли родителям, что не хотят после 10–15 летнего обучения в медресе жить в положении попрошайки («хэйерче») и «торговца верой» («дин сатучы»). Более того, они не были уверены, что после окончания медресе, сумеют устроиться муллами в мусульманских приходах. «Для этого нужно, чтобы отец был муллой, либо чтобы тесть был влиятельным лицом, либо вернуться из Бухары...», – писали шакирды²¹⁴.

После этого происшествия основной формой протеста стал коллективный уход из медресе. Например, из оренбургской «Хусаинии» ушли сразу 40 учеников, конфессиональное училище Вали Хусаинова в том же городе покинули 25 шакирдов²¹⁵. Но некоторые случаи, по сути, были спровоцированы руководством медресе. Но шакирды (особенно в воспоминаниях советского времени) потом называли это «уходом», но мударрисы считали «увольнением».

По подсчетам Д.М.Исхакова число татарских конфессиональных школ в Казанской губернии с 1905 по 1907 г. сократилось с 945 до 877²¹⁶. По всей видимости, закрытие учебных заведений было связано и с уменьшением числа учеников. Если поначалу ученические «забастовки» – коллективные уходы были характер-

---

²¹² Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты. Сб. статей / сост. Р.М.Мухаметшин. – Казань: Магариф, 2000. – С.134.

²¹³ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань: Магариф, 2004. – С.327.

²¹⁴ Медресе г. Казани XIX – нач. XX вв.: Сборн. док. и материалов / под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. – Казань: Гасыр, 2007. – С.142–143.

²¹⁵ Ибрагимов Г. Әсәрләр: 8 томда. – Т.7. – Казан, 1984. – Б.395.

²¹⁶ Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань, 1997. – С.26.

ны только для городских новометодных медресе, то постепенно в движение включились и ученики кадимистских конфессиональных школ, в том числе деревенских медресе. Хотя именно в таких учебных заведениях, как правило, были самые худшие условия проживания и неудовлетворительные методы преподавания. Но отсутствие контактов с учениками других школ и ограниченный кругозор мешали шакирдам сформулировать свои требования.

Да и у городских шакирдов эти требования были довольно туманными. Хотя действовали несколько комитетов – «Эль-Ислах» во главе Ф.Амирханом, «Берек» Г.Исхаки, ни одна группа не имела конкретного плана дальнейших действий. «Казанская молодежь в это время была одержима идеей реформации национальной школы. Выходила даже газета «Эль-ислах». Я разговаривал с этими «реформаторами», у них не было никаких четких планов, они хотели превратить татарские медресе, в которых они учились, в гимназии, инженерные школы и даже университеты», – писал приехавший в Казань в 1908 г. Заки Валиди²¹⁷. В советской и вслед за ней постсоветской историографии утвердилось положение о том, что после 1905 г. было окончательно введено новометодное преподавание и это стало якобы компромиссом между шакирдами и их мударрисами²¹⁸. Однако ученики татарских медресе так и не получили желаемого: национальных светских гимназий и университетов²¹⁹. Они хотели для себя достойной и интересной жизни, где самореализация сопутствовала бы материальному достатку.

Между тем, шакирдские волнения повлияли на формирование новых взглядов, ученики конфессиональных училищ стали более открыты к светской культуре. Один из выпускников оренбургского кадимистского медресе «Валия» вспоминал, что после 1905 г. последовало некоторое послабление режима медресе. Да и сами шакирды, прячась, посещали библиотеки, читали там газеты и журналы, издаваемые в Казани, Астрахани, Уральске, некоторые книги, поддерживали связь с шакирдами из других медресе²²⁰. Так в октябре 1907 г. в Казани конфисковали тираж татарских брошюр «Шәкертләренәң садәләре» (2965 экз.), поступивший из Оренбурга.

---

²¹⁷ Тоган Заки Валиди. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру / Пер. с тур. – М., 1997. – С.52.

²¹⁸ Юзеев А. Место джадидизма в татарской общественной мысли конца XIX – начала XX веков // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – №1. – С.167.

²¹⁹ Единственным дореволюционным национальным учебным заведением светского характера стала открытая в 1916 г. в Казани Татарская женская гимназия Фатыхи Аитовой. Кроме того, в разных городах функционировали курсы по подготовке татарских учителей и учительниц.

²²⁰ Абушаев Х. Г.Ибрагимов укыган иске мәдрәсә // Казан утлары. – 1987. – №2. – Б.167–170.

Брошюру с известными шакирдскими песнями, которые до этого распространялись в рукописи, отнесли к «вредным изданиям», «возбуждающим татарскую молодежь против школьного начальства и призывающих ее к преступным актам». В переводе цензорских органов тексты песен звучали следующим образом: *«Встанем шакирды, как одна душа и одно тело и воскликнем все в один голос и потребуем наших прав. Пойдем рука об руку таким путем и достигнем цели, из шкуры насильников мы выделаем сапожный товар. Нам не нужно пустозвонов, невежественных слепцов, называющих себя хальфами, помощниками мударисов, которые лежебочничают и занимаются ханжеством...»*²²¹.

Протестные настроения объединили шакирдов из разных городов и деревень, уже не было привычного противостояния учеников разных мударисов и схоластических «моназара» между ними. В шакирдской субкультуре революционной эпохи вместо богословских споров появились литературно-политические кружки, где велись дискуссии на разные темы. Они тоже проводились тайком от администрации. В разных городах именно шакирды стали организаторами первых литературно-музыкальных вечеров.

В начале XX в. ученики медресе продолжали традицию составления рукописных шакирдских изданий, но все чаще учащиеся становятся авторами новоявленной официальной татарской прессы, развернувшей свое информационное поле по всей территории Российской империи после 1905 г. Например, уже в шакирдские годы проявили себя поэты Ш.Бабич, З.Башири и другие авторы.

Ученические протесты привлекли внимание всей татарской общины, в том числе попечителей медресе. Менялась материально-техническая база. Появились отдельные учебные, жилые, молельные комнаты, столовые и библиотеки. Интерьеры классов украшались европейской учебной мебелью и аксессуарами: партами, столами, картами, досками, глобусами и т.п. Некоторые медресе состояли из нескольких корпусов. В общежитиях шакирды уже не ютились как столет назад в одной комнате по 50 человек. Они жили по несколько человек в комнате. Деление на классы предполагало отдельное обучение в разных комнатах. Таким образом, оставалось мало возможностей для поддержки традиционной ученической иерархии.

В некоторых медресе была решена и проблема питания. Ведь одним из требований во время шакирдских волнений 1906–1907 гг. стало устройство столовых со специальными поварами, на подобии тех, что имелись в русских учебных заведениях. Но с изменением бытовых условий, многие новые медресе начали взимать плату за обучение и проживание. До этого отсутствовала фиксированная

---

²²¹ ГАОО. Ф.10. Оп.2. Д.174. Л.1 об.

плата: каждый отдавал садака сколько мог, чаще всего родители благодарили мудариса и хальфу различными продуктами питания: мясом, крупами, хлебом, медом и т.д.

Для урегулирования взаимоотношений в медресе вводились внутренние правила поведения. В конце XIX в. они были лишь в медресе «Марджания». Но после 1905 г. многие мусульманские училища последовали его примеру. Например, согласно правилам «Мухаммадии» можно было посещать просветительские лекции, но запрещалось оставаться на литературно-музыкальный вечер в «Восточном клубе». Письменная оговорка рамок поведения шакирдов значительно снизила конфликтные ситуации.

Неизменным остались различные подработки шакирдов: учительство среди кочевников Средней Азии; торговля книгами, работа в сфере обслуживания (в качестве официантов, половых) и т.д. Как учащихся медресе, их продолжали приглашать в богатые дома для чтения Корана. Открывались и новые возможности для дополнительного заработка. Например, после 1905 г., с появлением татарской прессы, многие шакирды, даже во время учебы работали экспедиторами. Разгружали и развозили ночью очередной тираж газеты. Заработанные деньги уходили в первую очередь на оплату годового обучения, потом уже на приобретение новой одежды, на учебные принадлежности, на еду и т.п. Часто свои сбережения учащиеся сдавали на хранение хальфе или мугаллиму, в течение учебного года из этих денег шакирду каждую неделю выдавалась определенная сумма.

После шакирдских волнений 1906–1907 гг. сотни учащихся татарские медресе оставили учебу, часть из них ушла добровольно, часть была отчислена за различные проступки. Как писала большевистская газета «Урал» в 1907 г., из оставшихся не у дел учащихся «...богатые шакирды начали обучаться по-русски, бедные искали работу, некоторые стали фабрично-заводскими рабочими», а для остальных газета просила материальной помощи у читателей²²². Не все ученики из богатых семей могли себе позволить нанять репетиторов или обучаться по-русски. По замечанию Мажита Гафури, некоторые из-за самовольного ухода из медресе, «без благословения остаза» были лишены родительской материальной помощи и мало чем отличались от бедных учеников²²³.

Зараженные идеями революции, бывшие шакирды, после поражения своих идеалов, избрали разные пути. Г.Исхаки сменил свои эсеровские взгляды на пантюркистские, и накануне следующей революции мечтал уже о национально-культурной автономии для татар, стал основоположником проекта «Идел-Урал». Некото-

---

²²² Ибрагимов Г. Әсәрләр: 8 томда. – Т.7. – Казан, 1984. – Б.397.

²²³ Гафури М. Әсәрләр. – Т.3. – Казан, 1983. – Б.305.

рых его соратников-эсеров во время тюремного заключения сумели завербовать представители жандармерии. Один из таких татарских социал-революционеров М.Янбулатов принял даже православие²²⁴. Друг Г.Тукая, эсер Исхак Бикчурин, не выдержав двойной жизни агента тайной полиции, в 1913 г. покончил собой²²⁵. Социал-демократ Галимджан Сайфутдинов до конца жизни остался верен своему революционаризму. Активный участник событий 1905 г. в Казани, он даже мать своего будущего ребенка встретил в гуще революционного хаоса. С Александрой Войдиновой познакомился во время разгона демонстрации на Воскресенской улице возле университета. Сайфутдинова тогда сильно избили, а девушка привела его в свою квартиру и оказала первую медицинскую помощь. Она тоже была увлечена социал-демократическими идеями²²⁶. Из-за своей «политической неблагонадежности» Сайфутдинов не мог устроиться на постоянную работу и перебивался случайными заработками. В любой ссылке (Оренбурге, Вятской губернии) он умудрялся развить общественно-политическую активность. Очевидно, что здесь речь идет об особом психотипе. Обывательская жизнь была слишком скучной для него. Неслучайно, после рождения сына Вениамина в 1908 г. он расстался со своей возлюбленной. А.М.Войдинова вышла потом замуж за меньшевика. Г.Сайфутдинов был убит в 1918 г. во время освобождения Казани от белых²²⁷.

Наиболее талантливая и деятельная часть «бывших шакирдов» стала основой зарождающейся национальной светской интеллигенции. Они являлись работниками различных редакций, публицистами и писателями, артистами, мугаллимами. Одним из таких бывших шакирдов был Фатих Амирхан, Габдулла Тукай и другие известные деятели. Костяк театральной труппы Ильяс Кудашева-Ашкадарского состоял из бросивших медресе во время шакирдских волнений учеников: Нурулла Гайнуллин, Айхмет Ишмуратов-Кулаев, Нуретдин Хайретдинов-Ахунов²²⁸. Таким образом, шакирдская субкультура расширила свои границы и стала основой общенациональной культуры.

«Истекшее трехлетие выдвинуло и мусульманскую молодую интеллигенцию, – писал в конце 1907 г. Исмаил Гаспринский. –

---

²²⁴ Ибраһимов Г. Күрс. хезм. – Б.434.

²²⁵ Мәһдиев М.С. Реализмга таба. XX йөз башы татар әдәбиятында чынбарлыкның чагылышы мәсьәләләре. – Казан: Казан университеты нәшр., 1989. – С.65.

²²⁶ Гарафутдинов Р.А. Галимджан Сайфутдинов (Очерк жизни и деятельности). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. – С.29–30.

²²⁷ Гарафутдинов Р.А. Указ. соч. – С.89.

²²⁸ Махмутов Х. Сахна фидакаре // Казан утлары. – 1984. – №3. – С.174–178.

Эта интеллигенция, едва зародившаяся, без прошлого и традиций, не может стать живительным, культурно-бродительным ферментом народной массы, каковы, например, интеллигенция финская, польская, еврейская, армянская. Тут знают, что им надо, и потому кое в чем преуспели... Пожелаем, друзья, нашей пока малочисленной интеллигенции роста в ширь и глубину, правильно (по)ставленных задач для последовательной и упорной деятельности. Пожелаем, чтобы растерянность, разброд мысли и напрокат взятое доктринерство обратились в согласную, дружную «первоначальную» работу, в которой нуждается и которой ожидает народ»²²⁹.

Во многом благодаря бывшим шакирдам серьезно видоизменился и образ ученика медресе в литературе. Если в народном творчестве к религиозной учености, к шакирдам мы встречаем вполне уважительное отношение, то в татарской художественной литературе начала XX в. все чаще фигурируют шакирды-невежды. Конечно, надо отдать должное возникшему именно тогда реализму в литературе. Но не обошлось и без определенной субъективности. Г.Исхаки, например, не ограничивался критикой учебной программы медресе, а иллюстрировал внутренний мир шакирдов с нравственными сомнениями, иногда и пороками. В татарской прессе широкий резонанс получили его произведения «Жизнь ли это?», «Дядя шакирд». Но полемика на страницах газет и журналов, различные коллективные дискуссии не мешали функционированию татарских медресе вплоть до установления советской власти. Например, к 1912 г. число мектебов и медресе в Казанской губернии выросло до 1091²³⁰. При этом лишь в одном казанском медресе «Мухаммадия» в 1913 году учились 329 человек²³¹. Медресе оставались единственными доступными образовательными центрами для всех мусульман, слушателями русских учебных заведений становились немногие татары.

---

²²⁹ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.8828. Л.8–9.

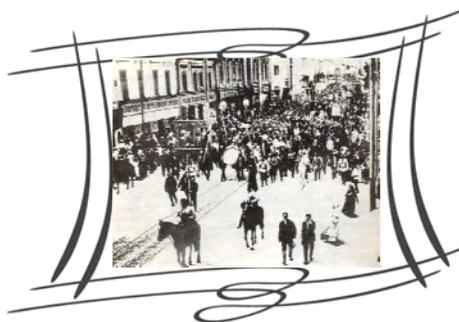
²³⁰ Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань, 1997. – С.26.

²³¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5482. Л.208.

ГЛАВА 3

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ

- 3.1. *От «банкетной» свободы к уличному хулиганству: общественные настроения в 1905–1907 гг.*
- 3.2. *По ту сторону баррикад: чиновники и военнослужащие в годы Первой русской революции.*
- 3.3. *Органы сыска и татарская буржуазия: поиск революционной опасности в начале XX в.*

3.1. От «банкетной» свободы к уличному хулиганству: общественные настроения в 1905–1907 гг.

События Первой русской революции открыли новую страницу в истории, они ознаменовали начало совершенно другой эпохи, где предстояли кардинальные перемены в окружающем мире, сознании и поведении людей. Начало революционных событий характеризовался общим эмоциональным подъемом, ожиданием решительных перемен в жизни. Эти настроения были свойственны, главным образом, представителям либеральной интеллигенции и студенчеству, а также примыкающим к ним учащимся. «... Уже в старших классах гимназии появились, в годы, казалось, расцвета самодержавного строя, в годы русско-японской войны «проклятые» вопросы, в чем смысл жизни, где правду найти, как разрешить сомнения», – вспоминал А.С.Сливко, бывший ученик Казанской мужской гимназии¹. Либеральные идеи, в первую очередь, были характерны для студентов Казанского университета. Неслучайно в обывательском сознании

¹ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2519. Л.12.

учебное заведение воспринималось как место скопления революционной молодежи, идущей против царя и веры. «... В разговорах старших, по преимуществу мещанского круга, я только и слышал, что рассказы про этот страшный Университет весь начиненный революционными студентами, как хорошая бомба динамитом, – писал А.Аросев, участник революционных событий 1905 г. в Казани. –...Бабушка говорила мне, чтобы я никогда не был студентом. Отец не отдал меня в гимназию, а в реальное училище только потому, чтобы шел не в университет, а в какой-нибудь технический институт»². Эти опасения имели некоторые основания. Студенчество, по крайней мере, в масштабах Казанской губернии, стало идейным вдохновителем и главной движущей силой революции. Они были в числе агитаторов, ораторов, милиционеров, в составе боевых дружин и т.д. Переодетые в рабочие одежды, «студенты» в казанских предприятиях стали основной головной болью сотрудников жандармерии. Бурлящая энергия молодости, категорическое отрицание представлений «отцов» (пропитанных полицейским строем общественной жизни), дух авантюризма несли их вперед к идеалам, часто не имеющим четких очертаний и содержания. «Да, важный исторический момент переживает Россия, все общество сильно наэлектризовано, ждем со дня на день великих событий; в виду некоторых осложнений 2/3 нашего студенчества вооружены револьверами, бойня без сомнения произойдет в недалеком будущем и в Казани», – писал один казанец в письме от 13 февраля 1905 г.³

В стенах университета и во дворе в январе 1905 г. устраивались митинги, при этом занятий с декабря не было. На эти собрания приходили не только студенты, но и учащиеся средних учебных заведений, служащие и рабочие. Митинги, проходившие вплоть до октября 1905 года, привлекали самую разнообразную публику. По словам студента А.Н. Соловьева, «вместе со «сливками» общества находились и его «подонки»⁴. Всех их привлекала новая информация, так называемая «правда жизни», о которой часто молчали газеты, но так смело говорили выступающие. Как отмечал казанский губернатор М.В. Стрижевский речи ораторов «действовали опьяняющим образом на слушателей» и «создавали весьма приподнятое настроение в городе». При этом он подчеркивал, что часть общества не воспринимала призывы к свержению монархии и устройству справедливого мира. «Благоразумные люди, пораженные неожиданностью дерзких речей, глубоко возму-

² Аросев А. Казанские очерки о революции 1905 г. – Казань, 1925. – С.5.

³ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.293. Л.95.

⁴ Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг. Документы и материалы / под ред. Х.Х. Хасанова и С.И. Мухамедова. – Казань, 1957. – С.184.

щались происходящим в университете, – писал он. – Но в большинстве случаев чувствовали себя растерянными и не могли влиять, в первое, по крайней мере, время, отрезвляющим образом на молодежь»⁵. Между тем, встречались эпизоды, когда взрослые унимали на время юношеский пыл. 13 февраля 1905 г. студенты пришли в Казанский городской театр на спектакль. Перед началом 3-го действия один из них стал выступать перед публикой с пламенной речью. Часть зрителей возмутилась дерзостью студента, поднялся шум, зал протестовал: «Мы пришли в театр не речи ваши слушать». Растерянные артисты не знали, продолжать спектакль или нет. Несмотря на все попытки студентов поддержать своего оратора, зал настоял на продолжении спектакля⁶.

Ученические протесты в этот период происходили в разных учебных заведениях. Они закрывались в аудиториях, устраивали сходки в общежитиях. По просьбе администрации молодежь разогнана нередко нарядом полиции⁷. Пресечение таких форм гражданской активности лишь усиливала протестные настроения, и убеждала остальных, более аморфных наблюдателей, в необходимости решительных действий. Данные настроения распространялись и благодаря тому, что студенчество и учащиеся были лишены в этот период своего основного занятия – учебной деятельности. Наиболее активная часть молодежи поддерживала прекращение занятий как одну из форм протеста, чтобы «не дать правительству ни молодых докторов, ни юристов, ни инженеров»⁸. Другая часть студенчества была не против возобновления учебы, но боялась обструкции со стороны однокурсников, обвинения в отсутствии солидарности. Распространялись слухи даже о физических угрозах студентам-«отступникам»⁹. Поэтому, по замечанию губернатора, «... все попытки значительного большинства студентов (не менее двух третей общего числа), направленные к возобновлению в университете правильных учебных занятий, прерванных с декабря месяца 1904 г., – не привели ни к каким благоприятным последствиям»¹⁰. Свободные от занятий, и не имеющие особых материальных проблем, учащиеся и студенты свои силы бросили на пробуждение местного пролетариата.

Между тем, в начале 1905 г., несмотря на все забастовочные попытки и отдельные беспорядки (зачастую в нетрезвом состоянии), настроения в рабочей среде в целом были не столь агрессив-

⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д. 2240. Л.8.

⁶ Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг. ... – С.55–56.

⁷ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.266. Л.3.

⁸ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.293. Л.96.

⁹ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.266. Л.10.

¹⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д. 2240. Л.8об.

ными. Основные требования сводились к экономическим вопросам. После удовлетворения просьб о повышении заработной платы, многие из трудящихся тут же приступали к работе. О событиях «кровавого воскресенья» в Казанской губернии узнали не сразу. Лишь вечером 10 января по казанским улицам прошелся слух, о расстреле демонстрации в Петербурге. Слух этот распространился благодаря служащим губернской канцелярии и жандармерии. Их по телеграфу предупредили о возможной опасности. Официальной информации не было¹¹. Но вскоре история расстрела мирного шествия в столице дошла до населения в регионах. Об этом рассказывали сами очевидцы, весть о 9 января передавалась из уст в уста. Продолжались устраиваться собрания. 21 января 1905 г. в ресторане Ожегова на Черном озере в память о петербургских рабочих был организован «банкет». Такая организационная работа студентов давала импульс новым забастовкам.

«Первые дни, после январской алафузовской забастовки 1905 г. темой разговоров у «курилки» были главным образом местные события. Рассказывали о том, как того или иного, даже случайно, арестованного рабочего в полицейском участке подвергали избиению, как расправлялись на улицах Ягодной и Адмиралтейской слободы пьяные запасные солдаты с мирными жителями...», – писал бывший рабочий М.Борисов в 1920-е гг. – Вспоминается в этих рассказах всех рабочих взволновавшее событие: уже после забастовки, на третий или четвертый день рано утром на одну работницу, шедшую на фабрику из города в Ягодную слободу напали трое запасных, сшибли ее с ног и намеревались учинить насилие... Только случайно проезжавший, недалеко от места происшествия, полицейский разъезд услышав вопли женщины, помешал выполнению гнусного намерения насильников запасных. И еще целый ряд подобных фактов, служивших теперь все чаще и чаще предметами случайных разговоров рабочих, медленно, верно делали свое дело...». Далее в духе своего времени, он добавлял о том, что эти рассказы способствовали зарождению в рабочих массах несомненного интереса к революции¹². Безусловно, заслуживает внимания его замечание о том, что «революционизировались» рабочие не сразу.

Очевидно, следствием «приподнятого настроения в городе» стала общественная активность мусульман Казанской губернии. Уже 28 января 1905 г. они отправили петицию на имя С.Ю.Витте, где требовали от государства пересмотра положения магометан империи и предоставления определенной самостоятельности в решении вопросов уммы, в том числе частных (бракоразводных и на-

¹¹ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1684. Л.5.

¹² Борисов М. За Казанкой в году пятом... – Казань, 1927. – С.25.

следственных отношений). Такого рода «бумажная» активность, без деструктивных акций, имела в итоге вполне реальные результаты. Как известно, 17 апреля 1905 г. царь подписал знаменитый закон о веротерпимости, почитаемый впоследствии не меньше октябрьского манифеста. Еще до обнародования данного документа – 8 апреля 1905 г. – в Казани было принято решение о проведении Всероссийского мусульманского съезда на Нижегородской ярмарке. Каждое лето на это масштабное торговое мероприятие стекались мусульмане со всех уголков Российской империи. Но в условиях постоянного маневрирования власти между либеральными и консервативными силами, мусульманский съезд прошел нелегально на арендованном для этого пароходе «Густав Струве». Тем не менее, на нелегальном собрании присутствовали 120 человек – представители буржуазии и интеллигенции, в том числе 20 студентов. Для людей, материально обеспеченных и не имеющих проблем с действующей властью, это был смелый шаг, поскольку они рисковали своей репутацией политически благонадежных граждан.

«Закончились обсуждения, совещания на собрании, решения были написаны карандашом; около одиннадцати вечера наш пароход приблизился к пристани Макария; вдруг среди людей появились и стали распространяться от одного к другому волнение и испуг, – вспоминал участник съезда богослов Муса Бигиев. – Слышалось: «А если нас будет встречать полиция, что с нами будет?», «Где сохраним эти записи, решения, акты?», «Что будем делать, если по прибытии парохода на пристань нас окружают и арестуют солдаты?». Эти дьявольские наущения овладели большинством собравшихся»¹³.

Но правоохранительным органом не удалось задержать участников собрания, более поздние попытки восстановить их полный список также не увенчались успехом¹⁴. По мнению А.Ю.Хабутдинова, в мусульманских съездах, как в первом, так и в дальнейшем (январь 1906 г.), принимали участие люди, главным образом, пожилого возраста, ушедшие с государственной службы, свободные от педагогической деятельности в конфессиональных школах. «Участникам 1 съезда трудно было понять пределы законопослушности своих действий, но после поражения московского восстания 1905 г. и начала массовых репрессий многие из них явно не хотели проблем для своего бизнеса», – пишет он¹⁵.

---

¹³ Цит. по: Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. – Нижний Новгород, 2005. – С.23.

¹⁴ Там же. – С.24.

¹⁵ Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. – М.: Издательский дом Марджани, 2013. – С.185.

Глава 3. Человек и власть

Апогеем революции в Казанской губернии стали октябрьские события 1905 г. в Казани, отмеченные как кровавыми потерями и физическим насилием, так и захватом власти, попытками народного урегулирования сложившейся обстановки. 17 октября в результате перестрелки на Воскресенской улице были ранены 36 человек, из которых 6 умерло. Кроме того, были ранены 5 сотрудников полиции¹⁶. Среди случайных жертв этих событий оказались плотник, горничная, железнодорожный служащий, интендантский солдат, приказчик, владелец магазина с сыном, ассенизатор и др. лица.

В этот день в Казани еще не знали о царском манифесте, известия о нем получили лишь 19 октября. Большая часть мусульманского населения города, скорее всего, готовилась к священному посту. 17 октября 1905 г. начался Рамадан¹⁷. Один из самых почитаемых месяцев в исламской культуре, традиционно ассоциируемый с религиозным смирением и отказом от мирских соблазнов, в 1905 г. преподнес совершенно неожиданные испытания.

«18-го октября в городе была полная паника, магазины все закрыты и забиты, банки и конторы закрыты, типографии все прекратили работу с 17 вечера, когда начались стрельбы, – писал по горячим следам 26 октября 1905 г. фабричный инспектор Казанской губернии В.В.Киселев. – 18-го не явились рабочие ни в одну типографию и на два механических завода, находящихся в центральной части города»¹⁸. По мнению казанского губернатора, в городе в этот день царило «тревожное настроение», распускались слухи «о готовящихся беспорядках, соединенных с поджогами и грабежами, и о вооруженном восстании». Подогревались слухи найденными в городе двумя подброшенными бомбами, а третья бомба в эти дни взорвалась в гостинице «Крым» в номере студента университета Буланова. От взрыва пострадали товарищи Буланова, один из которых успел скрыться¹⁹.

Утром 19 октября по городу был расклеен царский манифест 17 октября, кроме того документ был оглашен на заседании Городской думы²⁰. «Окна магазинов оставались забитыми, но некоторые уже торговали. На улицах народу было очень много, и заметно бы-

---

¹⁶ Полгода русской революции. Сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.) / сост. В.Обнинский. – М.: типография И.Н.Холчев и К., 1906. – С.5.

¹⁷ Исхаков С. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М., 2007. – С.182.

¹⁸ Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг. ... – С.196–197.

¹⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2240. Л.16.

²⁰ Заседание городской думы в памятные октябрьские дни // Волжский вестник. – 1905. – 9 ноября. – №2.

ло большое оживление», – свидетельствовал В.В. Киселев²¹. Об общем эмоциональном подъеме писали и другие авторы.

«У самых ворот я попал в объятия какого-то студента, который целовал меня троекратно, как в светлое христовое воскресенье и говорил «поздравляю», – вспоминал об этом дне очевидец. – Я не знал, что и думать. Но тут же увидел, как на другом тротуаре какой-то человек в шляпе целовал приказчика гостиного двора. Едва я сделал два шага, как попал под поцелуи высокого, сухого человека в широкополой шляпе. Он сказал: «поздравляю со свободой, с конституцией». Подойдя к думе, я увидел расклеенный манифест и толпу народа около него, живо обсуждавшую его. Многие опять-таки поздравляли друг друга и целовались»²².

Под влиянием разных настроений (и циркулирующих до этого тревожных слухов, и эмоционального подъема), а также устроенного полицейскими стрельбы на улицах города накануне, у небольшой группы населения возникло желание взять ситуацию под свой контроль. Повстанцы узаконили свои действия решением Казанской городской думы, которая постановила создать народную милицию. Кроме того, было получено разрешение от губернатора Хомутова, который по видимому находился под впечатлением от полученного накануне царского манифеста 17 октября. По его распоряжению из города были выведены казаки, что собственнo и облегчило задачу общественности по разоружению местной полиции²³.

Власть оказалась в руках общественных сил. Были освобождены арестованные 17 октября лица. А за уличным порядком следили народные милиционеры (в основном, из числа студентов, гимназистов и даже курсисток; встречались и рабочие). Впрочем, состав новоявленной власти был не столь однозначным. Например, богатого предпринимателя, гласного Казанской городской думы – Бадретдина Апанаева восставшие назначили милиционным начальником 5 части Казани²⁴.

«Никто ничего не понимал и не мог ни в чем разобраться. Большинство обывателей предпочло прятаться по домам, но многие ходили и по улицам, наблюдая за девицами-милиционерками и даже задавая им немало вопросов провокационного свойства, – вспоминал уполномоченный Казанского губернского земства по страховому делу Н.А.Мельников в эмиграции. – Это продолжалось, кажется, 2–3 дня и совершенно неожиданно кончилось тем, что появились процессии с портретами Государя и пением националь-

²¹ Революционное движение в Татарии... – С.197.

²² Аросев А. Казанские очерки о революции 1905 г. – Казань, 1925. – С.64–65.

²³ История милиции // Волжский вестник. – 1905. – 9 ноября. – №2.

²⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.768. Л.5.

ного гимна»²⁵. Об особом интересе обывателей к милиционерам с красными повязками отмечали и другие очевидцы²⁶. Прохожих интересовал внешний вид новоявленных охранителей порядка, их вежливые манеры и тихое поведение, заметно отличавшееся от грубоватых выпадов царских постовых. Но основная масса горожан в эти дни предпочитала сидеть по домам, некоторые лавки были закрыты или даже забиты деревянными щитами²⁷.

Дни милиционеров-студентов, с красными повязками на левом рукаве, военному Н.М.Покровину запомнились как время тихой свободы. «... Жизнь протекала за эти дни обычным порядком и житель г. Казани стал уже свыкаться с новой обстановкой своей жизни, – писал он, – т.е. не стал дико смотреть на призыв (из бывшей городской думы) собираться на митинг, безбоязненно брал в руки и читал воззвания «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», газету «Земля и воля» и пр.»²⁸.

Однако власть, быстро захваченная либеральными силами города, так же стремительно была отобрана военными и возвращена законным хозяевам – местным чиновникам. «Еще с раннего утра 21 октября началось странное, тревожное движение по улицам. Толпы хулиганов задирали милиционеров, среди хулиганов черносотенцев выделялись знакомые обывателям переодетые городовые», – сообщала либеральная газета «Волжский вестник»²⁹. Городская дума была освобождена с помощью юнкеров и солдат 230-го Ветлужского резервного батальона.

22 октября в день Казанской иконы Божьей матери традиционное религиозное шествие приобрело совсем другой характер. Если верить отчету казанского губернатора «патриотическая манифестация» насчитывала более 50 тыс. человек³⁰. Судя по всему, часть этой массы позднее консолидировалась совершенно для других задач. По свидетельству очевидцев, по Большой Проломной улице уже часов в 11 утра двигалась толпа из 200–300 человек. Они были настроены очень агрессивно, устроили погромы в еврейских торговых заведениях³¹. Из-за того, что 22 октября пришлось на воскресенье, многие владельцы магазинов и мастерских обнару-

---

²⁵ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола, 2008. – С.121.

²⁶ Борисов М. За Казанкой в году пятом... – Казань, 1927. – С.67–68.

²⁷ Аросев А. Казанские очерки о революции 1905 г. – Казань, 1925. – С.70–71.

²⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2255. Л.2.

²⁹ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань: Магариф, 2004. – С.308.

³⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2240. Л.21об.

³¹ НА РТ. Ф.41. Оп.2. Д.2481. Л.185.

жили беспорядки и не досчитались товаров лишь на следующий день. Погромы в частных квартирах продолжались и 23 октября³². Хулиганы действовали на Большой Проломной, Рыбнорядской улице и на Булаке. По официальным данным были выбиты стекла в 35 квартирах, занимаемых преимущественно евреями. Пострадало и помещение синагоги. Но начальник губернии М.В. Стрижевский, назначенный уже в 1906 г., снисходительно оценивал произошедшее: «Объясненные насильственные действия нельзя считать особенно значительными в виду того настроения, которое было вызвано оскорблением патриотического, национального и религиозного чувства благомыслящей части населения»³³.

Основной силой черносотенного движения по слухам являлись мелкие торговцы, причем преимущественно мясники. Этот факт сильно тревожил самих героев новостей, они были вынуждены обратиться к губернатору с просьбой, «чтобы он каким-либо образом снял с мясников клевету». Торговцы не отрицали своих монархических взглядов, но считали оскорбительным обвинения в погромах³⁴. Свидетелями по этому делу проходили более ста человека, к ответственности привлекли пятерых³⁵. Обвинили их в основном в расхищении чужого имущества. Но даже из них некоторые впоследствии были либо освобождены под залог, либо оставлены на свободе под гласный надзор полиции³⁶. Впрочем, в народной памяти именно казанские мясники остались главными виновниками этих событий.

Всего жертв за эти дни насчитывалось около 45 человек убитыми и ранеными³⁷. По другим данным, 11 человек скончались от полученных ран³⁸, а получили ранения еще 46 человек. Среди жертв были и дети³⁹. В отчетах думских врачей Казани всех трех городских участков за 1905 г. отсутствуют данные о работе муниципальных амбулаторий за октябрь и ноябрь⁴⁰. Вероятно, в условиях городских беспорядков и всеобщего хаоса медицинская помощь оказывалась в частном порядке.

В целом, обычная жизнь города возобновилась только к началу ноября. С 31 декабря стала вновь функционировать Казанская городская управа. Заседание думы, состоявшееся 5 ноября, усиленно

---

³² Там же. Л.430–430об.

³³ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2240. Л.21об.

³⁴ Волжский вестник. – 1905. – 8 ноября. – №1.

³⁵ НА РТ. Ф.41. Оп.2. Д.2481. Л.1–2об., 320–320об., 411об.; Ф.1. Оп.4. Д.2240. Л.21об.

³⁶ НА РТ. Ф.41. Оп.2. Д.2509. Л.79.

³⁷ История Казани. – Т.1. – Казань, 1988. – С.317.

³⁸ Волжский вестник. – 1905. – 8 ноября. – №1.

³⁹ Волжский вестник. – 1905. – 9 ноября. – №2.

⁴⁰ НА РТ. Ф.98. Оп.4. Д.1927. Л.1–30.

охранялось городскими от возможных «революционных элементов». 1 ноября открылась городская библиотека. Судебные и другие учреждения начали свою работу чуть раньше. Но учебные заведения были еще закрыты⁴¹. Прекращенные на время местные газеты тоже стали выходить с начала ноября. «Настроение в городе до сих пор подавленное, угнетенное. Носятся слухи о новом погроме», – сообщали они⁴².

К 1906 г. протестный жар в губернском городе сменился другими настроениями. Революционная практика оказалась не столь радостной, как представлялась, а путь к великим идеалам сопровождался порой кровавыми потерями. К таким изменениям в своей жизни и судьбе не все молодые люди оказались готовы.

«На меня до такой степени удручающе подействовали все эти убийства и стоны, что я решил хотя на время бросить политическое увлечение, – писал казанец Арсений 29 октября 1905 г. – Я нисколько не боюсь казацких нагаек, побоев, пожалуй и смерти, но меня страшит в данный момент то, что и мне придется, может быть, бить или, еще того хуже, убивать ни в чем неповинных людей»⁴³.

Хотя встречались и совершенно противоположные настроения, когда даже личная трагедия не останавливала человека. Так, 21 октября 1905 г. у здания Казанской городской думы манифестантами был растерзан присяжный поверенный А.Е.Михайлов-Двинский. Его либеральная речь стоила ему жизни, он скончался в тот же день в больнице⁴⁴. Несмотря на эту трагедию в семье, сын присяжного поверенного, ученик 2-й Казанской мужской гимназии Евгений Михайлов-Двинский продолжал отстаивать идеалы покойного отца. 9 января 1906 г. его арестовали за распространение прокламаций партии социал-революционеров. Против него завели уголовное дело, но влиятельные родственники представили гимназиста несмышленным ребенком, который якобы был уверен, что «Манифест 17 октября» дал народу «свободу слова и печати» и потому революционные прокламации не являются запрещенной литературой. 16-летнего подростка освободили под личную ответственность деда Е.М.Михайлова⁴⁵.

До некоторых уголков Казанской губернии революционные идеи дошли лишь в конце 1905 г. Рабочие и крестьяне стали вникать в суть словосочетаний «свобода слова», «свобода собраний». При переводе русских прокламаций на другие языки возникали определенные трудности. Так, местная жандармерия сообщала в

⁴¹ Волжский листок. – 1905. – 9 ноября. – № 305.

⁴² Там же.

⁴³ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.293. Л.478.

⁴⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2240. Л.19.

⁴⁵ НА РТ. Ф.41. Оп.2. Д.2512. Л.3.

1906 г. о том, что агитаторы-переводчики Казанского комитета российской социал-демократической группы не могут правильно перевести слово «свобода» на татарский язык. Для этого им приходилось обращаться либо к арабскому языку, либо заменять его татарским переводом слова «простор»⁴⁶.

Значительное влияние на формирование общественных настроений оказывали публикации в либеральной прессе, люди начинали по-другому смотреть на привычные вещи. В некоторых населенных пунктах митинги организовывали студенты, приехавшие из Казани. Например, так было в Спасском затоне⁴⁷.

Продолжались аграрные беспорядки, провоцируемые часто сельской молодежью. Одним из самых действенных методов революционной агитации считалось воздействие на умы через печатное слово. В больших количествах печаталась нелегальная политическая литература, выходили газеты. 24 ноября 1905 г. Высочайше утверждены временные правила о периодической печати, согласно которым значительно упростилась и процедура регистрации газет, и цензура. Например, только в Казани число разрешенных периодических изданий в 1906 г. дошло до 36, фактически выходило 25. Для сравнения в 1905 г. в губернском центре издавалось 7 газет⁴⁸. Новые периодические издания не всегда были представлены в публичных библиотеках-читальнях. «Посетители часто высказывают свое недовольство на то, что в читальнях слишком ограничен выбор газет каковой от Комитета не зависит, и это отражается на количестве читателей, число которых уменьшилось по сравнению с прошлым годом», – отмечал в своем отчете за 1906 г. Казанский городской комитет попечительства о народной трезвости⁴⁹. Газеты доходили до читателя не только по подписке или через публичные читальни, их передавали из рук в руки, привозили из разных уголков империи. Так в начале 1906 г. в Казанской губернии встречалась даже газета «Забайкальский рабочий», издаваемый читинским комитетом РСДРП⁵⁰.

Благодаря росту официальных печатных органов и нелегальных прокламаций, увеличилось количество «сознательных» рабочих. «... Я начал выписывать издававшуюся в Казани эсеровскую газету «Волжский вестник». Читая в этой газете корреспонденции с мест, я сам заразился «писательством» и начал посылать в газету коррес-

---

⁴⁶ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.369. Л.2.

⁴⁷ ЦГА ИГД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2283. Л.2.

⁴⁸ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань: Магариф, 2004. – С.528.

⁴⁹ Отчет Казанского городского комитета Попечительства о народной трезвости за 1906 год. – Казань: Типо-литография Округного Штаба, 1907. – С.9.

⁵⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2267. Л.11.

понденцию, в которых сообщал о разных фактах из жизни завода и других. Случилось как-то само собою, что я стал писать в духе тех корреспонденций, которые помещались в «Волжском вестнике», – вспоминал П.И. Ефимов, рабочий из Звениговского затона Чебоксарского уезда. – (...). Постепенно и незаметно для себя я превратился в крамольника. Я продолжал оставаться почти неграмотным, я ничего не понимал в программе политических партий, не знал разницы между социал-демократами и эсерами, но меня потянула революция, появилось горячее желание что-то делать для революции...»⁵¹. Свои публицистические опыты на страницах «Волжского вестника» П.И. Ефимов скрывал даже от самых близких людей.

Между тем по всей стране участились аресты и обыски. Закрывались недавно открытые либеральные газеты, против их редакторов заводились уголовные дела за «оклеветание в печати»⁵². Здесь следует отметить, что иногда в данных делах обвинителями выступали частные лица, не согласные с той или иной газетной заметкой. Например, воодушевленные свободой слова редактор-издатели обличали в своих публикациях нечестных предпринимателей, что, безусловно, не нравилось последним. Некоторые подавали даже судебные иски против журналистов. Так, в 1906 г. купца Г.Ибрагимова возмутила корреспонденция крестьянина М.Зайнутдинова, опубликованная 24 июня 1906 г. в газете «Азат халык». При этом ответчиком в суде выступил редактор издания Галиаскар Камал. Его адвокату удалось отстоять интересы своего клиента⁵³. Впрочем, позднее газета все равно закрылась.

Многие обыватели стали более подозрительными. Даже частные разговоры в узком кругу знакомых могли стать причиной жандармских преследований и судебных разбирательств. Из-за забастовочного движения, уличных беспорядков и некоторой парализации деловой и общественной сферы, изменился во многом традиционный уклад жизни. На время закрывались не только предприятия и учебные заведения, но и меньше стали проводиться различные публичные мероприятия. Люди все чаще сидели по домам. Это касалось как Казани, так и уездов губернии. «В Лаишеве мне неоднократно высказывали свои сожаления мои знакомые, что разные сплетни побуждают жителей больше сидеть по домам, тогда как прежде жилось веселее», – отмечал инспектор народных училищ Лаишевского уезда Каменицкий в ноябре 1905 г.⁵⁴

---

⁵¹ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1139. Л.3об.–4.

⁵² НА РТ. Ф.41. Оп.2. Д.2513, 2515, 2517, 2525, 2545, 2546, 2571, 2572 и др.

⁵³ НА РТ. Ф.41. Оп.2. Д.2568. Л.62.

⁵⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1899. Л.8.

Идеологи революции культивировали «методы партизанской борьбы», при этом не исключая террористические акты и экспроприации. Такие радикальные способы борьбы разделяли и социал-демократы, и социал-революционеры⁵⁵. Эта агрессивная волна являлась прямым следствием повседневной практики хамства и грубости (распространенной как в обывательской среде, так и официальной), когда ежедневно нарушались границы человеческого достоинства, ущемлялись права личности. Например, среди единичных обязательных постановлений Казанской городской думы за 1905 г. одно почти целиком посвящено манерам поведения самого характерного городского персонажа – извозчиков. «Строжайше воспрещается извозчикам преследовать обывателей назойливыми предложениями своих услуг, спать на экипажах, заводить брань и драку, позволять себе над проходящими насмешки, непристойно громкий разговор, крики, делать такие действия, которые могут оскорблять чувство стыда и приличия, исполнять свои естественные надобности на площадях и улицах и вообще нарушать общественный порядок и тишину», – говорилось в одном из пунктов постановления. Городские власти предупреждали извозчиков о том, что они обязаны по требованию полицейских чинов везти раненого или больного человека, «а также подкидыша или пьяного» по указанному чиновником адресу. Плату за оказанную услугу извозчик получал в кассе городской управы⁵⁶. Конечно, извозчики не могут олицетворять собой собирательный образ широких народных масс, но с другой стороны их повседневное поведение было выкристаллизовано в какой-то мере взаимоотношениями и отношением к ним самой клиентуры – представителей различных социальных слоев. Грубость извозчиков, очевидно, можно рассматривать и как реакцию на принижение их человеческого достоинства, а не только как недостаток культурного развития.

Этот традиционный тип мышления, усиленный в какой-то степени революционными идеалами интеллигенции, в 1906 г. нашел выход в различных деструктивных акциях. В Казани, например, после октябрьских событий 1905 г., по мнению горожан, появилась «масса оборванцев, занимающихся кражами и грабежами даже на улицах»⁵⁷. Но и до этого в городе было неспокойно. Так называемое хулиганство получало все большее распространение. В газетах

---

⁵⁵ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). – М., 2000. – С.327–329.

⁵⁶ Сборник обязательных для жителей г. Казани постановлений Казанской городской думы за 1872–1913 гг. – Казань: Электрическая типография Л.П. Антонова, 1914. – С.28–29.

⁵⁷ Волжский листок. – 1905. – 28 ноября. – №320.

Глава 3. Человек и власть

то и дело появлялись сообщения о том, что казанские хулиганы напугали пассажиров трамвайных рейсов (то бросали в вагон камни, разбивали стекла и т.д.), то приставали по вечерам к прохожим. Могли запросто оскорбить человека или даже ударить⁵⁸.

С нарастанием революционной волны, участились вооруженные нападения с целью ограбления. Как и в 1905 г.⁵⁹, жертвами уличных хулиганов становились в первую очередь люди так называемого «интеллигентного вида». *«Многие из жителей Пороховой слободы, а в числе их и мы просители, как проживающие в ней, терпим разные насильственные действия со стороны празднующегося люда, проявляемого как над нами, так и над членами семьи, в большинстве же над учащимися, часто – в требовании денег на «выпивку», а иногда – и оскорблениями словами и действием, – обращались к начальнику Казанского порохового завода его вольнонаемные служащие в апреле 1906 г. – В настоящее время с уменьшением деятельности Алафузовских фабрик такого народа, значительно прибавилось и характер их действий принимает чисто «хулиганский»; так например: выстраиваются в разных углах и переулках партийно – человек по 3–4 – и следят за каждым мимо проходящим, останавливая и требуя от него денег на «пиво», в противном же случае угрожают: ограбить или прямо-таки – зарезать, снять верхнее платье».* Подписали прошение 29 человек. Люди жаловались на то, что они получают скромное жалованье и не могут каждый раз «откупаться» от уличных хулиганов. «В недалеком будущем мы предполагаем, что действия этих людей может принять угрожающие для нас размеры, откуда можно ожидать: грабежи, убийства и т.п.», – прогнозировали просители, аргументируя свой вывод тем, что накануне «производились выстрелы из револьверов»⁶⁰.

Не менее опасно было в соседней Ягодной слободе г. Казани. В местечке под названием Кокуй еще с 1905 г. орудовала группа агрессивной молодежи, которая вечерами нападала на прохожих. Причем, не разбирая, интеллигент это или рабочий. В августе 1905 г. один из алафузовских рабочих скончался от полученного там ножевого ранения. «Вообще в этой местности почти каждый вечер слышны крики «караул», «бьют», «режут». Полиция же находится где-то далеко, далеко...», – сообщала пресса⁶¹.

---

⁵⁸ Волжский листок. – 1905. – 7 сентября. – №272.

⁵⁹ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань: Магариф, 2004. – С.304.

⁶⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.95–96.

⁶¹ Волжский листок. – 1905. – 31 августа. – №266.

На 1906 г. приходится пик террористической активности, как в России, так и в поволжских губерниях⁶². Власти усиленно охраняли различные учреждения, связанные с финансовой деятельностью⁶³. Это отделения Государственного банка, Казенные палаты, почтово-телеграфные службы. В частном порядке нанимали стражу из числа нижних чинов полиции и коммерческие банки. Служащие некоторых финансово-кредитных учреждений вооружались револьверами. Привычным стало и установление «электрической сигнализации», соединявшей банки и полицейские участки. Такие устройства в Казани в марте-апреле 1906 г. установили в отделении Государственного банка, Казанском городском общественном банке⁶⁴.

Частные вкладчики начали опасаться за свои сбережения еще в 1905 г. Их пугали слухи о том, что грядет падение курса ценных бумаг, поэтому многие спешили забрать свои вклады⁶⁵. К концу года банки атаковали целые толпы вкладчиков. Например, 29 ноября 1905 г. у казанского отделения Государственного банка уже в 7 часов утра образовалась очередь из 150–200 человек. Все хотели получить свои сбережения обратно. В здание банка клиентов пускали по специальным билетам, которые выдавались в ближайшем проулке⁶⁶. Тревожный эмоциональный фон постоянно подогревался различными слухами, циркулирующими по городу и уезду. На них стали реагировать даже официальные власти. Правоохранительные органы постоянно ожидали новых беспорядков, поэтому периодически усиливали военные караулы и принимали другие меры безопасности. Очень часто в своих действиях они руководствовались городскими слухами⁶⁷.

От хулиганов и злоумышленников страдали не только служащие банков и почтово-телеграфных служб, но и продавцы казенных винных лавок. Например, 3 марта 1906 года в винную лавку №22 в Академической слободе г. Казани явилась толпа молодых людей из 6–7 человек и один из них, направив револьвер в продавца, потребовал «от имени боевой дружины» выдачи казенных денег. Продавец сумел выбежать на улицу и начал кричать. На его крик прибежал полицейский, но упустил преступников⁶⁸. Такие нападения происходили и после этого случая. Уже осенью 1906 г.

---

⁶² Романова Г.В. Борьба подразделений политической полиции Поволжья с революционным террором в 1905–1907 гг. Автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 2005. – С.19.

⁶³ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.1.

⁶⁴ Там же. Л.106.

⁶⁵ Волжский листок. – 1905. – 28 ноября. – №320.

⁶⁶ Волжский вестник. – 1905. – 30 ноября. – №19.

⁶⁷ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.94, 109.

⁶⁸ Там же. Л.84.

управляющий акцизными сборами Казанской губернии просил разрешить выдачу продавцам казенных винных лавок полицейских свистков, «чтобы они могли в случае грозящей опасности свистком призвать на помощь»⁶⁹.

Эти и другие эпизоды иллюстрируют широкое распространение среди населения различных видов оружия, в том числе огнестрельного. В Казани, очевидно, револьверы и другие виды оружия попали в частные руки после разоружения полиции 19 октября 1905 г. Как отмечал казанский губернатор, среди народных милиционеров были не только учащиеся, но и «лица судившиеся за кражи», которые «прежде всего воспользовались возможностью распродать доставшееся им имущество»⁷⁰. 11 декабря 1905 г. губернатором были изданы обязательные правила, согласно которым запрещалось иметь и тем более носить при себе огнестрельное оружие. Для этого требовалось специальное разрешение полиции. Кроме того, продажа оружия должна была осуществляться только в специализированных магазинах, а товар отпускался покупателям только после предъявления именного свидетельства на право покупки. Нарушителям грозил штраф до 500 рублей или арест до 3-х месяцев⁷¹.

Казанская городская управа сдала остатки оружия лишь в октябре следующего 1906 г. В тюках, переданных в ведомство казанского полицмейстера, оказалось 61 револьвер и 61 шашка, а также холодное оружие, трости, шубы, седла и пр. Кроме того, управцы сдали ящик с патронами⁷². При этом некоторые владельцы магазинов так и не сумели получить оплату за отпущенное милиционерам 19–21 октября 1905 г оружие. Казанский окружной суд признал все прошения того периода, написанные на бланке Казанской городской управы, недействительными. Так купцу М.Я. Раму в судебном порядке отказали вернуть 1074 руб.⁷³

Тем временем, нелегальное оружие использовалось не только в Казани и Казанской губернии. Посылки с оружием и патронами отправлялись в самые разные точки империи. Так, в июне 1906 г. Бакинское ГЖУ перехватило восемь ценных посылок, отправленных из Казани в Шушу Елизаветопольской губернии. В них содержались «оружие и огнестрельные припасы»⁷⁴.

Помимо нелегальных револьверов и патронов, революционеры использовали и оружия собственного производства. В Казани в 1906 г. лаборатория по изготовлению бомб была обнаружена в до-

---

⁶⁹ Там же. Л.131.

⁷⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д. 2240. Л.17об.

⁷¹ Волжский листок. – 1905. – 14 декабря. – №333.

⁷² НА РТ. Ф.98. Оп.4. Д.2224. Л.4.

⁷³ Там же. Л.33.

⁷⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.194.

ме Копыловой на Поповой горе⁷⁵. Террористические акты были направлены, прежде всего, против представителей власти. Например, 11 марта 1906 г. была брошена бомба в окно здания Казанского губернского жандармского управления⁷⁶. А 24 сентября того же года на Ивановской площади неизвестным лицом совершено покушение на казанского вице-губернатора Кобеко, который в 10 утра направлялся в Кремль. В результате, взрыва бомбы чиновник получил легкое ранение в висок, а вот преступника так и не поймали⁷⁷. «Жизнь человеческая обесценилась: «террор» вышел за пределы узкого круга людей, всецело посвятивших себя делу освобождения», – отмечал анархист В. Забрешнев в своем докладе, прочитанном в октябре 1906 г.⁷⁸

Невольными жертвами подобных «актов возмездия» могли стать простые горожане, случайно оказавшиеся рядом со сброшенной бомбой. Да и сами изготовители бомб иногда взрывались из-за своих случайных действий. В Казани в 1906 г. произошел взрыв в квартире Ивановой в Академической слободе⁷⁹. Неудивительно, что под влиянием инстинкта самосохранения люди начинали порой поддаваться панике, расценивая любое нетипичное поведение как нечто подозрительное и опасное для жизни. Да и слухи о готовящихся беспорядках усиливали чувства страха.

Общественные настроения можно проследить по характеру традиционных крестных ходов. Одним из самых значимых таких событий в Казанской губернии всегда была встреча иконы Смоленской Божьей матери, которая проходила в июне. Этот крестный ход собирал ежегодно до двух десятков тысяч богомольцев⁸⁰, однако в годы революции желающих принять участие в данном шествии заметно поубавилось. В 1905 г. на население оказало воздействие поведение местных чинов полиции, которые особенно тщательно готовились к предстоящему шествию. Они обходили домовладельцев, просили их усилить охрану своих помещений. Конечно, это насторожило многих и на саму встречу иконы, по сравнению с предыдущими годами, верующих собралось значительно меньше⁸¹. Хотя само мероприятие прошло спокойно, в следующем 1906 г. накануне события

---

⁷⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2182. Л.20б.

⁷⁶ Романов В.В. Политическая полиция в Поволжье в 1905–1907 гг.: дисс. ... к.и.н. – Казань, 1992. – С.147.

⁷⁷ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.335.

⁷⁸ Русская революция и анархизм. Доклады, читанные на съезде коммунистов-анархистов, в октябре 1906 г. / под ред. П.Кропоткина. – Лондон, 1907. – С.40.

⁷⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2182. Л.3.

⁸⁰ Казанский телеграф. – 1900. – № 2296. – 26 июня.

⁸¹ Волжский листок. – 1905. – 28 июня. – №216.

люди делились слухами о том, что «на встречу иконы Смоленской Божьей матери какие-то революционеры и бомбисты переоденутся в военную форму» и «произведут беспорядки»⁸². Поэтому 25 июня 1906 г. когда религиозная процессия двигалась по Кизической дамбе, упавший сверху камень стал причиной настоящей паники и давки. Богомольцы приняли камень за бомбу, и с криками «спасайтесь, кто может!» часть толпы ринулась откоса вниз, часть направилась к реке Казанке, а другая часть ринулась в ворота Кремля, остальные побежали по Пролонной улице. Верующие были страшно напуганы. Но, вероятно, местных хулиганов наоборот забавляла подобная реакция толпы. Так в тот же день на Ивановской площади перед Спасскими воротами Кремля под ноги толпы была брошена хлопушка-пистон. Раздавшийся треск напоминал стрельбу и напуганная «толпа разлилась по Воскресенской улице, заполняя встречные переулки». Их беготня сопровождалась шумом и плачем, криками упавших. Обезумевшую от страха людскую массу сумели успокоить священники, с большим трудом все же удалось восстановить порядок. Но в результате паники и давки, множество людей пострадали, получили ранения, переломы и ушибы⁸³. 2 июля 1906 г. Смоленская икона Божьей матери была обнесена по границе древней Казани. Однако крестный ход привлек весьма ограниченное количество богомольцев, напуганных беспорядком при встрече иконы⁸⁴. Неудивительно, что в 1906 г. богомольцев было мало – обстановка в городе оставалась беспокойной.

В революционное время люди по-разному реагировали на сложившуюся ситуацию, у некоторых обострялись «душевные болезни». Так лишь по линии думских врачей за 1906 г. 13 казанцев с таким диагнозом были направлены в Окружную лечебницу для душевнобольных⁸⁵. Помимо думских врачей, в Казани в этот период работали земские и частнопрактикующие медики. Поэтому количество больных, безусловно, в реальности было намного больше представленных цифр. Печальным следствием душевных заболеваний являлись случаи суицида. Всего же из общего количества смертей по Казанской губернии в 1906 г. 8% составляли самоубийства (больше 100 человек)⁸⁶.

Для сохранения порядка в губернском центре, периодически призывали уездных полицейских чинов. Однако блюстителей правопорядка и в уездах постоянно не хватало. Революционные вол-

⁸² НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.182.

⁸³ Волжский курьер. – 1906. – 28 июня. – № 107.

⁸⁴ Волжский курьер. – 1906. – 4 июля. – № 111.

⁸⁵ Отчет Казанской городской управы за 1906 год. – Казань, 1907. – С.68–69.

⁸⁶ Обзор Казанской губернии за 1906 год. – Казань, 1907. – С.71

нения в деревнях Казанской губернии начались, в основном, осенью 1905 г. Но отдельные случаи порчи имущества случались и летом⁸⁷. В октябре того года аграрные беспорядки были отмечены в Цивильском уезде, в ноябре – Чистопольском, Лаишевском, Спасском уездах. «Беспорядки происходили при всяком удобном случае: проезжал ли какой-нибудь мифический «генерал» с «золотой грамотой от царя», появлялся ли высланный на родину «студент», повышал ли арендную цену помещик, загонялся ли крестьянский скот его управляющим, – все это служило искрой, одинаково хорошо воспламенявшей давно скопившийся горючий материал на местах, и одна за другой вставали картины, нарисованные страшной рукой мщениа и нищеты», – отмечал современник⁸⁸. В 1906 г. протестные настроения в сельской местности усилились. Вероятно, неурожай этого года стал одним из факторов крестьянской агрессии. Поджогов было так много⁸⁹, что частные страховые общества перестали страховать деревянные строения в деревнях. Более того, они отказывались выдавать и страховые премии по ранее застрахованным постройкам, если причиной пожара являлись народные волнения. Поэтому как альтернатива частным страховым обществам при Казанской губернской земской управе было организовано Добровольное земское страхование⁹⁰.

В росте протестных настроений не малую роль сыграли агитаторы, проводившие как личные беседы с крестьянами, так и распространявшие революционную литературу в виде прокламаций и брошюр. Среди революционизированных просветителей много было представителей так называемого третьего элемента: учителей, врачей и других служащих. Кроме интеллигенции, источником информации служили рабочие, выходцы из деревень. После увольнения из-за участия в рабочей забастовке, как правило, они возвращались в родные края. «Слово «забастовщик» приобрело у крестьян совершенно новое значение: оно обозначало что-то вроде бунтовщика, революционера, что раньше выражалось словом «студент», – отмечал В.И. Ленин. – Но поскольку «студент» принадлежал к среднему сословию, к «ученым», к «господам», он был чужд народу. Наоборот, «забастовщик» сам вышел из народа, сам при-

---

⁸⁷ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д. 2240. Л.3 об.

⁸⁸ Полгода русской революции. Сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.) / сост. В. Обнинский. – М., 1906. – С.52.

⁸⁹ Но в 1906 году из 1033 пожаров официально как поджог были зафиксированы лишь 132 случая (Обзор Казанской губернии за 1906 год. – Казань: Типография губернского правления, 1907. – С.63).

⁹⁰ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола, 2008. – С.114–115.

надлежал к числу эксплуатируемых...»⁹¹. В рабоче-крестьянской среде в революционный период менялось постепенно и отношение к самим студентам. Это происходило не только под влиянием митингов, демонстраций, городских и аграрных беспорядков, но и в результате совместного времяпрепровождения в местах заключения. Например, алафузовский рабочий М.Борисов вспоминал о том, как его коллегу А.Вендиктова арестовали в 1905 году. При этом рабочий не имел никакого отношения к революционному движению и был далек от леворадикальных идей. Однако долгое нахождение в одной камере со студентами не прошло для него бесследно: рабочий открыл для себя учащуюся молодежь с новой стороны. «Ничего говорит, люди хорошие, со мной обращались как с братом, все вместе пили и ели, все что им не принесут с воли все делят поровну и мне тоже доля...»⁹².

Революционные годы в какой-то степени сблизили некоторых представителей абсолютно полярных социальных слоев. Особенно это было характерно для молодежной среды, где в период революции были размыты традиционные социальные границы. Например, до 1905 г. вряд ли можно было застать за совместной работой дворняжку и простого рабочего. В октябре 1906 г. в Казани была задержана полицейскими гимназистка Вера Булич, дочь уважаемого земского деятеля Петра Булича. Вместе с напарником-рабочим она расклеивала прокламации. Это был не первый случай ареста взбалмошной гимназистки, несмотря на запреты родителей, она вновь и вновь убегала из дома и участвовала в новых революционных акциях. Отец периодически за солидный денежный залог вызволял ее из-под ареста. Летом 1906 г. в Чистопольском уезде Вера Петровна совместно с местными крестьянами подожгла имение собственного дяди, земского начальника Александра Булича⁹³.

Столь радикальное поведение этой девушки было обусловлено и семейным воспитанием. Несмотря на всю внешнюю респектабельность семьи Булич, в родителях Веры давно зрело недовольство общим положением в стране. Этот скрытый протест выражался в чтении либеральной прессы и в духовной опустошенности. Семейная чета Булич, очевидно, находилась в поиске морально-ценностных ориентиров. Их не устраивала церковная жизнь: они не посещали службы, не соблюдали религиозные обряды. Мать Веры, урожденная Чаадаева, увлекалась идеями толстовцев. При этом какую-то достойную духовную альтернативу своим детям они

---

⁹¹ Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Революция 1905–1907 годов. Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1975. – С.143.

⁹² Борисов М. За Казанкой в году пятом ... – Казань, 1927. – С.27.

⁹³ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.518. Л.74–75.

не дали. Дочерей устроили в гимназии, где исповедовались вполне традиционные ценности с ежедневными молитвами и законами Божьими. С детской искренностью Вера отрицала все эти требования, чем навлекла гнев гимназического начальства и была еще в 1904 г. отчислена из Родионовского Института благородных девиц. Но и в частной гимназии Котовой, куда ее привели родители, программа обучения и воспитания мало чем отличалась от казенных учебных заведений⁹⁴. Моральная неустойчивость юного создания, ее социально-психологическая неустроенность (гимназистка не могла наладить контакт со своими однокурсницами), амбивалентность суждений и поведения родителей, очевидно, и привели к радикальным действиям. Всю сознательную жизнь Вера Булич (в замужестве Брауде) посвятила революционной деятельности, пренебрегая даже обязанностями матери. Ее единственную дочь воспитывали родители. И таких участников революции 1905 г., вроде Веры Булич-Брауде, среди молодежи было не мало. «Домой вернулась уже на рассвете, за что и получила нагоняй от матери, – вспоминала об одной из маевок 1905 г. еще одна девушка А.С.Комлева. – Пришлось сознаться, где я была и что видела. Мать – в слезы: «Ох, Тонька, Тонька, пропадешь ты когда-нибудь! Но ни слезы, ни уговоры матери меня не остановили. Я твердо решила идти по намеченному пути»⁹⁵. Именно такая молодежь вела основную агитационную работу среди широких слоев населения.

Помимо газет, основную часть агитационных материалов составляли прокламации. Их расклеивали на улицах, оставляли в местах большого скопления народа. Например, в начале января 1906 г. в г.Тетюши на углу дома местного купца Михаила Калсанова городские срывали прокламации социал-демократов «К солдату». Распространителя прокламации так и не нашли⁹⁶. 9 января 1906 г. в разных местах Алафузовского завода были найдены несколько экземпляров прокламаций. На следующий день во время выхода рабочих из завода, когда они столпились возле главных ворот, выброшено было около 100 экземпляров прокламаций. Органам власти не удалось установить распространителя агитационных материалов. При этом практически все бумаги были быстро разобраны рабочими⁹⁷.

Агитаторы старались использовать любую возможность донести информацию до широких масс. Для этого они посещали культурно-массовые мероприятия и незаметно пронесли в зрительный зал агитационные материалы⁹⁸. Прокламациями были заполнены тер-

⁹⁴ Там же. Л.72.

⁹⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1558. Л.8.

⁹⁶ Там же. Л.3–4.

⁹⁷ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2267. Л.5–6.

⁹⁸ Там же. Л.32.

ритории вокруг промышленных предприятий, торговых и учебных заведений, церквей, складских помещений, места общественного гуляния, парходные пристани, вокзалы, улицы, дороги, частные дворы и пр. Их иногда удавалось пронести внутрь заводов и фабрик, театров и других публичных мест. Прокламации расклеивали на заборах и столбах, на стенах жилых и общественных зданий, оставляли в отхожих местах. Разносчики газет умудрялись распространить прокламации вместе с газетами. Порой прокламации подбрасывались через открытые форточки. Например, так часть революционных воззваний к учащимся в мае 1906 г. оказалась в классных помещениях 2-й Казанской гимназии⁹⁹. Очень часто их обнаруживали дети и приносили взрослым. Агитационные материалы находили и в городах, и в сельской местности. Люди находили прокламации у себя во дворе, потом отдавали эти материалы в органы власти¹⁰⁰. Некоторые крестьяне не могли даже прочитать революционные листки, т.к. среди них достаточно было неграмотных. Непонятные бумаги они приносили для прочтения волостным писарям и другим должностным лицам¹⁰¹.

Помимо прокламаций, практически всеми партиями, большими тиражами выпускались различные брошюры¹⁰². Например, в январе 1906 г. Чебоксарским уездным исправником на дороге недалеко от деревни Бигильдино Никольской волости были обнаружены брошюры «Постоянная армия и милиция», «Путь революции»¹⁰³, в селе Байглычеве Алькеевской волости Тетюшского уезда – брошюры «Год войны», «Хватит ли на всех земли, если ее разверстать правильно», «Положение русского крестьянства»¹⁰⁴.

Если с одной стороны население постоянно сталкивалось с революционной литературой, чаще всего с подпольной, то с другой, повсеместно весной-летом 1906 г. проходили судебные заседания, где рассматривались дела того или иного активиста, задействованного в аграрных или других беспорядках. Поэтому власти ждали от народа новых протестных выступлений. Из-за этого в дни судебных слушаний усиливали меры безопасности¹⁰⁵. В уезды, где проходили сессии Казанского окружного суда, направлялись наряды

---

⁹⁹ Там же. Л.56.

¹⁰⁰ Там же. Л.23.

¹⁰¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2267. Л.24.

¹⁰² Бобровников Н. Что такое «политическая партия»? – Казань: Типография Казанского университета, 1905. – 11 с.; Демчинский Н.А. Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом. – Казань: Типо-литография И.Н. Харитонова, 1906. – 10 с.; Залесский В.Ф. Что такое Союз Русского Народа и для чего он нужен? – Казань: Типо-литография И.С.Перова, 1907. – 16 с.

¹⁰³ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2267. Л.7.

¹⁰⁴ Там же. Л.8.

¹⁰⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.112.

полиции¹⁰⁶. Любопытно, что ожидаемые чиновниками беспорядки иной раз заканчивались отменой судебного заседания по причине неявки основных свидетелей¹⁰⁷. В качестве обвиняемых по этим делам проходило иногда огромное количество людей. Например, на 12 июня 1906 г. было назначено судебное заседание в г.Чистополе. В аграрных беспорядках обвинялись 155 человек¹⁰⁸.

Показательно, что в уездах в 1906 г. действовали даже специальные комитеты по умиротворению населения. Их деятельность была направлена, прежде всего, на работу с населением во время подготовки к выборам в Государственную думу. К лету того же года действие уездных комитетов по умиротворению населения считалось утратившим свое значение¹⁰⁹.

Переполненность тюрем, аресты и обыски, показательные судебные слушания, общая подозрительность вокруг, безусловно, действовали угнетающе, внушали страх. Поэтому и агитационная литература часто оценивалась как источник зла и неприятностей. Более того, в 1906 г. были случаи расстрела за хранение и распространение нелегальной литературы¹¹⁰. Поэтому обращает на себя внимание то, что люди как огня боялись прокламаций и другой агитационной продукции, всячески отреклись от связи с революционерами¹¹¹.

К концу 1906 г. многие губернии находились на военном положении. По инициативе губернатора в Совете Министров специально обсуждался и был положительно решен вопрос об усиленной охране города Казани. В городе действовал военно-полевой суд¹¹². В этих условиях немного странным представлялся призыв вице-губернатора Д.Кобеко украсить дома национальными флагами и иллюминацией по случаю годовщины манифеста 17 октября 1905 г. При этом под строжайшим запретом были любые манифестации, шествия и уличные собрания¹¹³, а Государственную думу уже распустили, и готовились к выборам депутатов второго созыва.

Постепенно революционное движение шло на спад. Власти пытались контролировать население, наряду с арестами и обысками, продолжали практиковаться гласные и негласные надзоры за «неблагонадежными лицами». Однако все эти меры были направлены

---

¹⁰⁶ Там же. Л.119.

¹⁰⁷ Там же. Л.174.

¹⁰⁸ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.122.

¹⁰⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.185.

¹¹⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2510. Л.106.

¹¹¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2267. Л.10.

¹¹² Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. – М.: Наука, 1965. – С.260–261.

¹¹³ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.231.

не на устранение причины явления, а лишь последствий. Образ власти, особенно самого императора, сильно видоизменился. Он уже не рассматривался широкими массами как гарант некоей справедливости. В период «свободы слова» политика, как царя, так и его правительства подверглась жесткой критике на страницах печати. Эти умонастроения выражались, в том числе, и через визуальные образы – карикатуры на царя¹¹⁴.

В 1907 г. в Казанском окружном суде рассматривалось достаточно много, по сравнению с предыдущими годами, уголовных дел с обвинениями представителей разных сословий в богохульстве, оскорблении царя и власти. Дела с такой формулировкой превалировали в судебной практике Казанской губернии и в 1908 г. Недоверие к высшей власти стало очевидной тенденцией общественных умонастроений.

Но страх за себя и близких вынуждало некоторых людей отвлечься от своих слов и действий. Прежде всего, приверженцы либеральных взглядов оправдывались и пытались показать свою революционность, отделить себя от радикалов. *«... Революционером я не был и не желаю быть, я человек коммерческий и хорошо понимаю, что через революционное движение за последние два года мы, торговцы, много пострадали, все дела наши почти встали..., – говорил в конце 1906 г. член Государственной думы, чистопольский предприниматель Гариф Бадамшин. – Я думаю, что каждая народность обязана и имеет право защищать свои религиозные права; кроме того, в среде мусульман нельзя найти ни одного революционера»*¹¹⁵. Вероятно, это было вызвано и тем, что в обывательском сознании в 1907 г. революция уже ассоциировалась, в первую очередь, с экспроприациями и террором.

Усиление полицейского режима способствовало развитию в народных массах (в особенности в интеллигентских кругах) меланхолических настроений, вызванных крахом многих либеральных идей. Тревожность и разочарование определили мрачное восприятие времени в условиях наступившей реакции¹¹⁶.

«Дела здесь обстоят, в общем, не важно. Реакция господствует и реакция такого сорта, про которую можно сказать, что она нахо-

---

¹¹⁴ Мойсинович А.М. Образ Николая II в политической карикатуре периода первой русской революции // Вестник ЯрГУ. – Серия Гуманитарные науки. – 2015. – №3(33). – С.16.

¹¹⁵ Нафигов Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли (очерк истории 1895 – 1917 гг.). – Казань: изд-во Казанского университета, 1964. – С.81.

¹¹⁶ Стейнберг М. Меланхолия нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. – М.: НЛО, 2010. – С.214.

дится не вне нас, а внутри, – писал о ситуации в Казани революционерке Вере Булич (Брауде) в Париж один из ее единомышленников, студент университета Григорий Вечтомов в январе 1908 года. – Полицейских репрессий особенных нет, но царит настроение худшее всяких репрессий: полнейшее равнодушие и апатия. Это и среди рабочих и среди интеллигенции, поэтому с.д. [социал-демократическая] организация влачит жалкое существование. Районных комитетов нет, кружков во всем городе функционирует не более 3-х, квартир нет, иногда трудно найти место для собрания 4–5 человек». Автор письма являлся председателем ликвидированного 5 января 1908 года казанского комитета РСДРП¹¹⁷.

Это непростое время показало глубокую дифференциацию общества не столько по сословным или социальным признакам, а сколько поколенческий разрыв между различными общественными силами. Пресловутый вопрос «отцов и детей» обрел катастрофические масштабы. В период буржуазного развития общества серьезно трансформировались морально-религиозные ценности, происходила рационализация сознания, пошатнулись церковные авторитеты. Но духовные потребности во многом оставались неудовлетворенными. В этих условиях, когда уже не работали традиционные религиозные принципы, призывающие к смирению и индифферентному отношению к мирской жизни, возникло стремление немедленно изменить окружающую действительность. Задыхающаяся и скупающая в тисках жесткого режима молодежь тяготела в большей степени к радикальному решению назревших проблем. Она искала выхода своей бурлящей энергии, необузданной в свое время объединяющей государственной идеей.

Люди зрелого и старшего возраста предпочитали реформаторский путь или же согласились оставить все как есть. В силу особенностей возрастной психологии для них были больше характерны инстинкты самосохранения. Да и на фоне разгула в стране агрессии и насилия часть общества отказалась от революционных идей, испугавшись наступления анархии, и выбрала меньшее зло в виде прежнего режима власти.

Впрочем, несмотря на крах многих надежд, связанных с либеральным переустройством общественного порядка, революция дала некоторые результаты. И эти изменения коснулись, главным образом, массового сознания, по словам поэта Г.Тукая «... в 1905 году мы проснулись». И никакие попытки свернуть разыгравшееся революционное действие не могли уже убить зародившиеся в сердцах многих простых обывателей сомнения в правильности окружающего уклада, а также стремления к построению гражданского общества.

---

¹¹⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.518. Л.82.

3.2. По ту сторону баррикад: чиновники и военнослужащие в годы Первой русской революции

Революция 1905 г. традиционно исследовалась с позиции недовольных государственной системой общественных сил. Представители официальной власти в этом фокусе изучались лишь как источник реакции и репрессий, как циничные и жестокие проводники царских указов. Между тем многочисленный отряд российского чиновничества, полицейских и жандармских органов, военных нельзя рассматривать как бездушных исполнителей правительственной воли. Наряду со многими рядовыми гражданами, революция застала их врасплох, они также были растеряны и испытывали в условиях народных волнений самые разные эмоции. Например, некоторые представители власти разделяли радость либеральной интеллигенции, очевидно, убежденные в мирном характере предстоящих перемен, в том числе через публичное обсуждение проблем в муниципальных собраниях. Эти реформаторские порывы строго пресекались вышестоящим начальством. 24 марта 1905 г. земский отдел МВД распространил среди губернаторов циркуляр следующего содержания: *«Согласно поступающим ко мне сведениям, в некоторых губерниях были случаи, что лица, состоящие на государственной службе, позволяли себе за последнее время принимать в земских и городских собраниях и даже разного рода частных обществах и сборищах участие в противоправительственной агитации, причем, в некоторых случаях они присоединялись к требованиям различных реформ в государственном строе и пытались вместе с другими поддерживать свои домогательства угрозой прекратить деятельность того или иного общественного учреждения, в состав*

кого они входили»¹¹⁸. В этой связи министр внутренних дел А.Г.Булыгин просил начальников губернии пристальнее следить за государственными служащими и пресекать случаи политической агитации с их стороны. После обнародования манифеста 17 октября в 1905 г., Министерство внутренних дел разослало циркуляры о том, что лицам, состоящим на государственной службе, запрещено организовывать кружки и союзы, а также вступать в существующие общественные организации¹¹⁹. Но если действия чиновников можно было как-то ограничить, не подчинялись этим циркулярам и указам их родственники.

Между тем сыновья и дочери, другие родственники доставляли государственным мужам немало хлопот. Их либеральные взгляды как нельзя лучше показывают царящие в этих семействах истинные настроения. Невзирая на должность родителя, молодые люди продолжали действовать по велению сердца. Так вечером 11 февраля 1905 г. в городском театре перед началом спектакля начал выступать перед публикой сын казанского чиновника Флавиан Эрнестович фон Шульман, требуя защитить студентов от избиений. Часть публики не выдержала и начала покидать партер. В итоге вызвали полицию, на студента Шульмана составили протокол¹²⁰. Узнав, о родстве нарушителя закона, таких молодых людей, как правило, отпускали. Обращает на себя внимание то, что арестованные в Казанской городской думе 21 октября 1905 г. захватчики власти, вскоре были освобождены. Этот момент объясняется, как правило, слабоволием губернатора Хомутова¹²¹. Однако в числе повстанцев было много студентов, молодежи. Причем молодых людей не из простых семей, а материально обеспеченных и влиятельных в определенных кругах.

Так, отец революционерки Веры Брауде (Булич) казанский чиновник Петр Булич неоднократно вызволял свою дочь из тюремного заключения за денежный залог¹²². Дворянин так и не сумел отговорить Веру от увлечения революционными идеями, он был против ее деятельности, но каждый раз приходил на помощь, когда наследница попадала в полицию. Только в 1905–1906 гг. под своей настоящей фамилией Булич она арестовывалась в Казани четыре раза. Совсем иначе был настроен родной брат ее отца – земский начальник в Чистопольском уезде Александр Булич. Он считал, что племянница мешает его служебной карьере. Поэтому он забрал ее

¹¹⁸ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1226. Л.4.

¹¹⁹ Волжский вестник. – 1905. –11 ноября. – №4.

¹²⁰ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.266. Л.27.

¹²¹ Аросев А. Казанские очерки о революции 1905 г. – Казань, 1925. – С.83; Алексеев И.Е. Черная сотня в Казанской губернии. – Казань, 2001. – С.93.

¹²² ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.518. Л.47.

из казанской коммуны революционной молодежи в Чистопольский уезд и поместил «там в какую-то избу под присмотром стражника Желтова...». «...Он заявил, что арестована за то, что своим поведением позорю его фамилию. Он женился на богатой дочери генерала, получил в приданое большое имение в Чистопольском уезде и делал себе карьеру.», – вспоминала сама Вера. Но земскому начальнику А.Буличу спасти честь фамилии так и не удалось, непослушная племянница мало того, что сбежала, но еще и подговорила местных крестьян поджечь имение дяди¹²³.

А.Булич был далек от либеральных убеждений. Очевидно, что он представлял собой классический тип земского начальника – равнодушного и далекого от народа. Именно таких ненавистных должностных лиц некоторые активисты-сельчане были готовы устранить даже физически. Так, рабочий Звениговского затона Чебоксарского уезда П.И. Ефимов вспоминал о том, как казанские эсеры постановили ликвидировать за издевательское отношение к крестьянам земского начальника Сунгурова. Ефимов был назначен исполнителем этого убийства, но по неизвестным причинам он не сумел исполнить это дело¹²⁴. Агрессивные выпады против земского начальника устраивали и местные крестьяне. Иногда Сунгурову удавалось выйти из ситуации при помощи дипломатических обещаний, в самые критические моменты чиновник предпочитал удалиться. Например, в августе 1906 г., узнав о готовящемся нападении, он сразу же выехал на пароходе в Казань¹²⁵. Но, вероятно, не все земские начальники имели такую «славу» среди подконтрольного населения, были и совершенно противоположные фигуры, сочувствующие крестьянам. Иначе не появлялись бы циркуляры МВД, где то и дело пытались пресечь либеральные порывы земских начальников. «...Публичное нарушение Земским начальником порядка деятельности общественных учреждений, вместе с агитацией против основ государственного строя, и проявления тем явного неуважения к мировоззрению и верованиям народных масс, всецело преданных Престолу, лишают его самого в глазах народа должного авторитета», – говорилось в документе от 24 марта 1905 г.¹²⁶ Но аграрные беспорядки продолжались, и 9 декабря того же года был подписан еще один циркуляр. В МВД считали, что в этих условиях чрезвычайно важна дисциплина со стороны земских начальников; от них требовали особого внимания, усердия и такта при исполнении своих служебных обязанностей¹²⁷. Впрочем, 5 октября

¹²³ Там же. Л.69.

¹²⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1139. Л.7.

¹²⁵ Там же. Л.7об.

¹²⁶ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1226. Л.4.

¹²⁷ Там же. Л.6.

1906 г. был подписан указ, который значительно ограничил власть земских начальников. Их лишили судебных полномочий, и наказания на крестьян теперь налагались только после одобрения вышестоящего административного органа власти¹²⁸.

Либеральные идеи были характерны в большей степени не государственным служащим, а исполнителям выборных должностей. Своеобразным островком либеральной мысли в системе российской власти оставалось земство, сумевшее сохранить в какой-то степени идеалы 60-х гг. ушедшего столетия. «... *Радикализмом были увлечены некоторые отдельные земские деятели. Примкнули к нему и очень многие земские служащие*, – вспоминал земский деятель Н.А. Мельников. – *Но земство, как таковое, оставаясь по отношению к центральной власти на положении борющейся стороны и продолжая исповедовать те же взгляды, которые были им усвоены раньше, не променяло этой мирной борьбы на военные действия, к которым звал «Союз освобождения» и радикалы»*¹²⁹.

Некоторые земские деятели Казанской губернии лишились должности из-за своих убеждений. Так в 1906 г. был отстранен от службы председатель Спасской уездной земской управы В.П. Геркен. Владимир Павлович возглавил Спасское земство с начала 1905 г. и вызвал недовольство местной элиты тем, что к земской работе он привлекал специалистов с неоднозначной репутацией, иными словами политически «неблагонадежных». Причем это касалось не только известных своими либеральными взглядами врачей и фельдшеров, но и членов управы. Так обязанности секретаря Спасской земской управы исполнял бывший студент Киевского университета В.И. Кудрявцев, замеченный полицией в студенческих кружках еще в 1901 г. После увольнения, не устроившего губернскую администрацию секретаря, на его место был взят человек с аналогичной «политической» репутацией. Бывшего военного В.А. Вейнштока губернатор также не утвердил в должности. Новый кандидат на должность секретаря был уволен из армии и лишен военного звания, осужден на каторжные работы (но потом приговор отменили) за «составление, воспроизведение и распространение противоправительственных воззваний»¹³⁰. Вскоре вслед за своими кадрами последовал и сам В.П. Геркен.

Подозревались в антиправительственных взглядах некоторые служащие городских самоуправлений. Например, в 1906 г. за кри-

---

¹²⁸ Уильямс С. Либеральная реформа при нелиберальном режиме. Создание частной собственности в России в 1905–1916 гг. / Пер. с англ. – М.; Челябинск, 2016. – С.158.

¹²⁹ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола, 2008. – С.110.

¹³⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д. 1903. Л.87–88.

тику власти, высказанную в частном разговоре, попал под надзор полиции секретарь городской управы Лаишева – Михаил Белоглазов¹³¹. Не менее либеральной показала себя Казанская городская дума в октябре 1905 г.: часть гласных и некоторые члены управы поддержали создание городской коммуны, участвовали в организации народной милиции. Решительные действия городских избранных были обусловлены возмутительными событиями накануне: вечером 17 октября полиция открыла огонь по горожанам и некоторые гласные на себе испытали весь ужас уличных зверств и чудом остались живы. Прежде всего, гласные были недовольны поведением казаков и призывали убрать их из города. Среди активистов городской думы были Алкин, Брокмиллер, Перимов, Хохряков и другие. Гласный Хохряков предложил возбудить ходатайство не только об удалении казаков, но и всей местной администрации¹³². Казанская городская коммуна просуществовала всего три дня. Возвращение к обычной реальности давалось недавним активистам с большим трудом. *«Последние события в Казани и роль, которую дума играла в них, были затронуты слегка и окутаны дымкой недоговоренного, – сообщали наблюдатели заседания городской думы, состоявшегося 5 ноября 1905 г., впервые после октябрьских событий. – Речи были какие-то сдавленные, искусственно сдержанные. Гласные держали себя, как нашалившие мальчики, которым немножко совестно вспоминать свои проделки и потому с покорностью ждут удара карающей руки...»*¹³³.

Все эти моменты свидетельствовали о системном кризисе страны, когда каждый человек, в том числе наделенный должностными полномочиями и отвечающий за определенные механизмы власти, видел недостатки государственной машины, но не всегда представлял, каким образом можно избавиться от этих изъянов. В это сложнейшее время, в кипящей пучине недовольства, очень легко было увлечься радикальными идеями, предлагающими легкие решения наболевших вопросов. Другое дело, что объектами не только критики, но и конкретных насильственных действий революционеров являлись те самые государственные служащие, исполнители монаршей воли.

Террористические акты революционного периода были направлены против представителей власти и немало людей были убиты или пострадали за свою «должность». Среди них оказались не только члены царской семьи, министры или губернаторы, но и рядовые

---

¹³¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1899. Л.1.

¹³² Заседание городской думы в памятные октябрьские дни // Волжский вестник. – 1905. – 9 ноября. – №2.

¹³³ Волжский листок. – 1905. – 9 ноября. – №305.

нижние чины полиции, военные и т.д. Во время городских и аграрных беспорядков оказались в центре народной агрессии городовые, стражники и другие представители правопорядка. Например, «ранен один стоявший на посту городской, где я живу. Его окружили 6 человек, вырвали у него револьвер, ранили в ногу и убежали», – сообщил о событиях 17 октября 1905 г. в Казани очевидец¹³⁴.

В годы революции было убито несколько десятков губернаторов. Они стали основной мишенью революционеров-террористов.

К должности казанского губернатора накануне революции – в конце декабря 1904 г. приступил бывший глава Вятской губернии – Павел Федорович Хомутов. 48-летний статский советник пробыл на этой должности чуть меньше года, и, вероятно, поэтому местная элита не успела составить о нем определенного мнения. «Это был очень благожелательный человек, любезный и мягкий в обращении. Он всегда старался содействовать всем, не прибегал к «усмотрению», но и не искал популярности. Симпатичный был человек. Но, как администратор, он был довольно слаб и полицию распустил», – вспоминал земский деятель Н.А.Мельников¹³⁵. Свои воспоминания он писал уже в эмиграции, и оценивал деятельность казанского губернатора, памятуя о том, как он в октябрьские дни 1905 г. передал власть Городской думе, разрешил разоружить полицию. Уже после этих событий Хомутов по болезни оставил должность, его обязанности возложил на себя вице-губернатор Кобеко¹³⁶. Бывшего начальника губернии провожали на вокзале его недавние подчиненные с губернской администрации и чины местной полиции. Покинул Хомутов Казань 12 ноября того же года¹³⁷.

10 ноября 1905 г. П.Ф. Хомутова заменил полковник А.А. Рейнбот. Слухи о назначении полковника Генерального штаба ходили по городу уже накануне его прибытия¹³⁸. Он исполнял обязанности губернатора до 7 января 1906 г. Амбициозному Анатолию Анатольевичу было явно тесно в Казанской губернии, и вскоре он занял пост московского градоначальника¹³⁹. Но из-за чрезмерного увлечения казнокрадством ему пришлось оставить государственную службу¹⁴⁰. С начала 1906 г. Казанскую губернию возглавлял быв-

---

¹³⁴ Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг. ... – С.196.

¹³⁵ Мельников Н.А. Указ. соч. – С.114.

¹³⁶ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1789. Л.11; Волжский вестник. – 1905. – 8 ноября. – №1.

¹³⁷ Волжский вестник. – 1905. – 12 ноября. – №6.

¹³⁸ Волжский вестник. – 1905. – 10 ноября. – №3.

¹³⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2104. Л.1.

¹⁴⁰ Розенталь И. «И вот общественное мнение!». Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. – М., 2007. – С.296.

ший пермский губернатор Михаил Васильевич Стрижевский, прослуживший до 1913 г.

Вице-губернатором еще до 1905 г. был статский советник Дмитрий Дмитриевич Кобеко. Этот чиновник испытал на себе революционный террор. Утром 24 сентября 1906 г. на него было совершено покушение перед Кремлевскими воротами. В результате, взрыва бомбы Кобеко получил легкое ранение в висок, а вот преступника так и не поймали¹⁴¹. По совету врачей чиновник был вынужден передать управление губернией управляющему казенной палатой, действительному статскому советнику Штенгеру. Но уже 28 сентября Кобеко приступил к работе¹⁴². После этого случая чиновник стал действовать осторожнее. Во время поездок по губернии местные полицейские начали проводить определенную подготовительную работу. Исправников просили обратить внимание на агитаторов и по возможности не допустить их участия на сельских сходах. Поэтому перед прибытием губернатора рекомендовалось «пропустить вперед для наблюдения несколько человек стражи и это же самое сделать спустя некоторое время после приезда»¹⁴³.

В 1907 г. казанские эсеры предприняли неудачную попытку террористического акта в отношении командующего войсками Казанского военного округа, генерала А.Г.Сандуцкого¹⁴⁴. В том же году казанский полицмейстер обратился к городской управе с просьбой «убрать витрину около ворот в крепости». Эта витрина, писал он, «является самым удачным местом прикрытия для злонамеренных людей, желающих совершить над кем-нибудь насилие во время проезда в кремль»¹⁴⁵. Полицейстер, вероятно, давал указание, оглядываясь на события последних лет.

Помимо первых лиц губернской власти повышенным вниманием революционизированных, в том числе террористических, групп пользовались представители местной жандармерии. Казанское губернское жандармское управление размещалось в доме Бутягина на Большой Красной улице¹⁴⁶, которое считалось не очень удобным. Так как канцелярия была устроена на первом этаже, а ее окна выходили на улицу, любой прохожий заглядывал в окна жандармерии. Таким образом, могли быть опознаны и задержанные, и заглянувшие сюда тайные информаторы. В марте 1906 г. злоумыш-

---

¹⁴¹ История Казани в документах и материалах... – С.335.

¹⁴² НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2115. Л.163.

¹⁴³ Там же. Л.165.

¹⁴⁴ Хабибрахманова А.В. Социальный состав казанской группы эсеров в 1904–1907 гг. // Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века. – Казань, 2003. – С.48.

¹⁴⁵ Дневник Казани. – 1907. – № 145. – 28 февраля.

¹⁴⁶ Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 г. – Казань, 1905. – С.15.

ленники бросили в окна КГЖУ бомбу. Работники получили легкие ранения, а преступников не поймали¹⁴⁷.

Накануне революции управление возглавлял полковник Николай Илларионович Мочалов, но в следующем году произошли две кадровые замены на этом посту. Вместо полковника П.С. Александрова был назначен подполковник Константин Иванович Калинин, служивший с марта 1904 г. на должности помощника начальника. Выходец из черниговских дворян до этого успел поработать в Вологодском, Виленском, Бессарабском ГЖУ и имел почти 20-летний опыт службы. Поэтому в 1905 г. в некоторые периоды он временно исполнял должность начальника КГЖУ. Полковник Калинин возглавлял жандармское управление Казанской губернии в самые жесткие годы реакции и оставил свою должность по собственному желанию во время Первой мировой войны по состоянию здоровья. Бывшему начальнику КГЖУ было чуть больше 50 лет, когда он скончался¹⁴⁸.

Годы службы были сопряжены с огромными нервными напряжениями, иногда это заканчивалось довольно плачевно. Например, в ноябре 1905 г. в Арске распространились слухи о том, что из Казани в Арск движется толпа разъяренных студентов, намеренных отомстить местным мещанам за избитого накануне агронома Пирогова. Напуганный городской старостой Щелкин даже успел проводить свою семью из Арска в более безопасное место. Информация исходила от прикомандированного в город жандармского служащего, поэтому староста сразу поверил ему. Но в назначенный базарный день студенты в городке так и не появились, а приглашенный врач сумел установить, что жандарм страдает от галлюцинаций и, к сожалению, не в своем уме¹⁴⁹. Действительно, иногда рабочая нагрузка приводила к психическим расстройствам. Как докладывал сам полковник Калинин в начале 1906 г., сотрудники КГЖУ испытывают «страшное переутомление» и лишь за небольшой отрезок времени было «три случая заболевания среди унтер-офицеров нервным расстройством исключительно на почве переутомления, один случай даже со смертельным исходом»¹⁵⁰.

В чрезвычайных условиях от них требовали немедленного реагирования, но часто поиски приводили к мифическим революционерам, а не к настоящим зачинщикам беспорядков¹⁵¹. Офицеры жан-

---

¹⁴⁷ Романов В.В. Политическая полиция в Поволжье в 1905–1907 гг.: дисс. ... к.и.н. – Казань, 1992. – С.147.

¹⁴⁸ Алексеев И. «Кадровый вопрос» в Казанском губернском жандармском управлении накануне февральской революции 1917 г. // Русская народная линия. [Электронный ресурс] <http://ruskline.ru>. Дата обращения 23.02.2016.

¹⁴⁹ Волжский вестник. – 1905. – 22 ноября. – №13.

¹⁵⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2273. Л.4.

¹⁵¹ Борисов М. За Казанкой в году пятом... – Казань, 1927. – С.28.

дармерии не справлялись с большими объемами работы, обусловленными не только революционной порой, но и из-за реформирования самого Управления. Дело в том, что с 1 апреля 1905 г. было упразднено Казанское охранное отделение и его функции переданы КГЖУ. При этом численность сотрудников осталась прежней, хотя обязанности прибавились. В штате жандармского управления состояли 4 офицера: сам начальник, адъютант и два помощника начальника управления. «Ныне число дел в Управлении возросло в несколько раз, переписка разрослась до громадных размеров», – писал полковник Калинин, – (...) В виду вышеизложенного, по моему мнению, является безусловно необходимым увеличить штатный состав офицерских чинов Управления до следующих размеров по числу 12 уездов Казанской губернии: учредить 4 должности помощников, возложить на каждого заведование 3 уездами, затем учредить должность 1 помощника в г. Казани, должность отдельного офицера специально для заведования агентурой и розыскной деятельностью, начальника управления и адъютанта. Число нижних чинов также крайне необходимо увеличить...»¹⁵². Начальник губернии согласился с доводами начальника КГЖУ и подтвердил необходимость увеличения штата жандармерии¹⁵³.

Ряды жандармерии в революционный период были усилены сотрудниками полиции. Так, в начале 1906 г. по прошению начальника КГЖУ в его распоряжение были командированы околоточные надзиратели Казанской городской полиции Нуждин и Покровский¹⁵⁴. В жандармерии новыми сотрудниками были довольны. Поскольку жандармы перед Пасхой получали традиционную денежную награду, начальник КГЖУ хотел поощрить и временных работников, однако губернатор отказал в этом, сославшись на то, что с основного места их работы – казанской полиции – никаких распоряжений по поводу вознаграждения не поступало. М.В.Стрижевский ограничился лишь благодарностью отличившимся околоточным надзирателям¹⁵⁵. Однако губернаторская благодарность никак не повлияла на служебные дела Нуждина и Покровского. В октябре 1906 г. стало известно, что пока они занимались политическим розыском, в родном казанском полицейском управлении одного из них – Покровского – уволили за «неявку на службу». Этим фактом был крайне возмущен его прямой начальник – жандармский офицер – ротмистр К.К. Трескин. В прошении на имя начальника губернии он писал о том, что подчиненные ему «Нуждин и Покров-

---

¹⁵² НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2273. Л.4–4об.

¹⁵³ Там же. Л.7.

¹⁵⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2273. Л.16.

¹⁵⁵ Там же. Л.21–23.

ский аккуратно справлялись со своими обязанностями, ни разу не пропустили службу». После постановления Губернского правления об увольнении, Покровского пришлось освободить и из службы в КГЖУ. Трескин называл это «чувствительной потерей» для розыскной службы¹⁵⁶. Ротмистр возглавлял розыскной и наблюдательный отдел КГЖУ. В революционных условиях, надежных и проверенных сотрудников, действительно, не хватало. Ротмистр Трескин считал своим «нравственным долгом и священной обязанностью» добиться отмены постановления Губернского правления. «...Самые элементарные понятия о справедливости обязывали Губернское правление прежде чем уволить надзирателя Покровского «за неявку на службу» – запросить Управление – является ли он на службу или нет, чего в данном случае выполнено не было», – писал он¹⁵⁷. Однако поиски справедливости внутри бюрократической системы не увенчались успехом. В конце концов, у офицера Трескина серьезно пошатнулось здоровье, и он был вынужден оставить службу. При этом ротмистр являлся одной из ключевых фигур в КГЖУ¹⁵⁸. Константин Капитонович был прикомандирован накануне революции для исполнения должности помощника начальника управления КГЖУ в Свияжском, Тетюшском и Чебоксарском уездах. Но из-за нехватки специалистов временно заведовал розыскной и наблюдательной деятельностью КГЖУ. В итоге Трескин так и остался на этой должности. Когда 2 сентября 1906 г. приказом по корпусу жандармов его назначили «начальником омского отделения жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги», полковник Калинин ходатайствовал о том, что бы офицера временно оставили в Казани, хотя бы до назначения ему замены. Впрочем, уже в конце октября сообщалось о том, что Трескин «подвергся серьезному заболеванию и вследствие этого лишился возможности заниматься делами службы». Из-за его болезни на некоторое время в Казани практически прекратилась вся розыскная и наблюдательная деятельность жандармерии¹⁵⁹. Лишь в ноябре 1906 г. на место ротмистра Трескина назначили бывшего помощника начальника Пермского ГЖУ ротмистр Гривина¹⁶⁰.

Неслаженные действия, отсутствие конструктивного сотрудничества между двумя правоохранительными структурами характеризует не только этот эпизод с увольнением прикомандированного в жандармерию полицейского надзирателя, но и другие случаи. Так в годы революции сотрудники обычной полиции арестовали сек-

---

¹⁵⁶ Там же. Л.24.

¹⁵⁷ Там же. Л.26об.

¹⁵⁸ Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 г. – Казань, 1905. – С.15.

¹⁵⁹ НА РГ. Ф.1. Оп.4. Д.2273. Л.28–28об.

¹⁶⁰ Там же. Л.30.

ретного агента КГЖУ, встречались эпизоды двойной вербовки тайных информаторов. Из-за этого были приняты специальные меры, запрещающие общей полиции проводить самостоятельные действия в сфере политических преступлений. Она подчинялась жандармскому управлению¹⁶¹.

Помимо сложностей с внутренним реформатированием, казанская жандармерия испытывала в этот период и трудности стратегического характера. Из столицы шли самые разные указания, очень часто непоследовательные и противоречивые. Так наряду с дарованием «свободы слова» и других «свобод» осенью 1905 г., во многих городах и губерниях вскоре вводились усиленные меры охраны. Все силы жандармерии и полиции были брошены на пресечение любых революционных устремлений. Иногда указы высшей администрации и местной власти противоречили друг другу. Манифестом 17 октября была объявлена полная свобода собраний, а в Казани даже спустя две недели после этого действовал губернский указ от 14 октября, согласно которому о предстоящих собраниях нужно было извещать органы власти¹⁶².

В апреле 1905 г. при Казанском губернском жандармском управлении был образован отдел наружного наблюдения (филеров). Туда были откомандированы 5 унтер-офицеров ликвидированного охранного отделения. Почти все филеры служили раньше в армии, к службе в охранке переходили в большей степени по материальным соображениям. Некоторые служащие имели солидный стаж наружных наблюдений. Как отмечает исследователь В.В. Романов, «тяжелые условия деятельности, функциональная однобокость служили основой для деградации части филеров, которая находила выражение в пьянстве»¹⁶³. Тайные информаторы и наблюдатели жандармерии населением, в основном, оценивались крайне негативно. «Шпиков и всякой дряни на улицах завелось очень много», – писала одна казанская гимназистка в начале 1906 г.¹⁶⁴

К 1906 г. количество агентов наружного наблюдения КГЖУ было увеличено до 7 человек. Еще в ноябре 1905 г. начальник КГЖУ П.С. Александров просил увеличить количество филеров, этот же запрос повторил новый руководитель ведомства К.И. Калинин в январе 1906 г. Он считал недостаточным количество «хороших секретных агентов», затруднительным ему представлялся и подбор таких кадров. «По обстоятельствам дела я полагаю бы безусловно необходимым число филеров довести до 12 человек, т.е. иметь

---

¹⁶¹ Романов В.В. Политическая полиция в Поволжье в 1905–1907 гг.: дисс. ... к.и.н. – Казань, 1992. – С.98.

¹⁶² Волжский вестник. – 1905. – 10 ноября. – №3.

¹⁶³ Романов В.В. Указ. соч. – С.220.

¹⁶⁴ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.294. Л.59.

кроме 4 филеров унтер-офицеров – 8 человек вольнонаемных, – писал он. – Принимая во внимание, что содержание каждого филера в месяц обойдется около 50 рублей, считая помимо жалованья, мелкие расходы при наблюдении, как например извозчики, конка и т.п., общая сумма на которую возрастет, расход по наблюдательной деятельности будет равняться 400 рублям в месяц. Т.е. вместо расходуемых в настоящее время 500 рублей в месяц потребуются на расходы по розыскной деятельности 900 рублей в месяц»¹⁶⁵.

Помимо КГЖУ функционировало еще Казанское отделение Московского жандармского полицейского управления на железных дорогах. Наблюдение на территории вокзала всегда было одной из актуальных задач охраны. Поэтому два агента КГЖУ постоянно находились на вокзале¹⁶⁶, всегда готовые следовать за своими «подопечными» по любому маршруту. Для этого сотрудникам охраны обычно выделялись билеты 2 и 3 классов «на предъявителя» на бесплатный проезд по Московско-Казанской железной дороге¹⁶⁷.

Постоянно сотрудничали (хотя не всегда успешно) с жандармерией органы полиции. В штате Казанского городского полицейского управления в 1905 году состояли 48 человек. Управление во главе с полицмейстером находилось на Воскресенской улице. Губернский город был разбит на 6 полицейских частей, каждый из которых делился на 2–3 участка. Заведовали участками приставы. Отдельный полицейский надзиратель был прикреплен к Алафузовским предприятиям, с 1906 г. аналогичная должность появилась при заводе Крестовниковых. Кроме обычных полицейских частей, в январе 1905 года г. город был разделен дополнительно на районы. За порядком в них следили не только полицейские, но и военные: Свияжский и Ветлужский резервные батальоны. Охрана отделения Государственного банка, почты и телеграфа также возлагалась на солдат. Кроме того в распоряжении губернских властей находились Спасский и Лаишевский резервные батальоны¹⁶⁸.

В уездах полицию возглавляли уездные исправники, также в штате были помощник исправника, служащие канцелярии (секретарь, столоничальник, регистратор), полицейские надзиратели и становые приставы. Численность штата полиции в уездах колебалась от 8 до 13 человек. Самым многочисленным был штат Казанского уезда (13), затем шли Чистопольский (11) и Спасский (11)¹⁶⁹.

---

¹⁶⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2273. Л.8.

¹⁶⁶ Романов В.В. Указ. соч. – С.214.

¹⁶⁷ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2273. Л.8.

¹⁶⁸ Хасанов Х.Х. Казань в годы первого штурма царизма. – Казань, 1985. – С.59.

¹⁶⁹ Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 г. – Казань, 1905. – С.16, 201, 253, 302.

Отношение к революционным волнениям не у всех полицейских было однозначным, некоторые отличались даже либеральностью взглядов. «...Один из исправников, Ефимов, усиленно читал серьезный, но радикального направления журнал «Право» и открыто утверждал, что вмешиваться в беспорядки полиции не следует, что идет «проявление нормального исторического процесса» и, как только «народ добьется наиболее либеральной конституции», все само собой придет в порядок. В устах исправника такие речи были довольно дерзновенными», – вспоминал Н.А.Мельников¹⁷⁰.

Служащие правоохранительных органов были частью российского общества, интуитивно недовольного существующим порядком и собственным положением. Жалованье полицейских чинов Российской империи в начале XX в. не соответствовало прожиточному минимуму. Установленный в 1872 г. максимум размера вознаграждения (1500 рублей в год) оставался неизменным даже в 1912 г. В период революции в некоторых регионах империи присоединились к забастовочному движению и полицейские. Такие случаи в 1905 г. зафиксированы в Екатеринославе, Киеве; воззвания от имени «Союза городских» были обнаружены в Тифлисе. Предъявляемые требования носили не только экономический характер, но и касались профессиональных обязанностей, в частности служащие жаловались на многообразие функционала и просили освободить от некоторых обязанностей, касающихся политической полиции¹⁷¹.

Материальное обеспечение полиции во многом зависело от муниципальных органов власти. Это было одним из обязательных статей их расходов. Например, в 1905 г. Казанской городской думой на содержание полиции выделено 58 070 рублей¹⁷². Этого было недостаточно для удовлетворения всех материальных запросов служащих правопорядка.

Поэтому неудивительно, что в ноябре 1905 г. начали активно выступать и служащие Казанской полиции. Они требовали от своего начальства улучшения условий служебного быта, увеличения жалования. Казанский околоточный надзиратель получал в месяц 39 руб. 66 коп., из этих средств он должен был обеспечить себе обмундирование, проживание в районе службы. При этом стоимость аренды квартиры в центре Казани и на окраинах довольно сильно отличалась. Не устраивал служащих полиции режим труда и отдыха. Каждые два-три дня им приходилось дежурить полные сутки при полицейской части, круг обязанностей у них был широким: от обеспече-

¹⁷⁰ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола, 2008. – С.114.

¹⁷¹ Дунаева А. Реформа полиции в России: сегодня и сто лет назад // Родина. – 2012. – №11. – С.42.

¹⁷² Отчет Казанской городской управы за 1905 год. – Казань, 1906. – С.308.

ния правопорядка до ответа на телефонные звонки, разные заявления и удовлетворения просьб заключенных. Полицейские ходатайствовали об увеличении жалованья, об изъятии из сферы их деятельности политических дел, а также о полноценном выходном дне (хотя бы один раз в неделю). Кроме того, они требовали одинакового отношения при продвижении по службе, их категорически не устраивало, что кто-то из коллег получал повышение в результате чьей-то протекции. Околоточные надзиратели хотели, чтобы при карьерном продвижении учитывались их служебные заслуги и опыт. Самое интересное, что они в своих требованиях не отрицали факты взяточничества и заявляли, что при назначении им жалованья в 60–65 руб. в месяц они откажутся «от всяких поборов и бойкотируют своих товарищей уличенных в том»¹⁷³. На заявления полицейских вышестоящие власти отреагировали незамедлительно, но не так, как планировали сами заявители. Полицейских вызвали в участки, где их заставили дать подписки о том, что они обязуются не вступать в союзы¹⁷⁴. Вероятно, местная администрация боялась консолидации страж правопорядка и роста их профессиональной солидарности. Через несколько дней после этого, уже 1 декабря 1905 г. околоточных надзирателей и старших городских всех частей Казанской городской полиции принял и.д. казанского губернатора, который выслушал все их требования, но предложил изложить все на бумаге и обещал оказать полное содействие¹⁷⁵.

В 1906 г. в городском бюджете расходы на содержание полиции незначительно изменились, сумма выросла до 59 066 рублей. При этом согласно утвержденному к этому времени штату городской полиции вначале было выделено лишь 56 200 рублей, затем дума постановила о назначении прибавочного жалованья 42 городским и 6 конно-полицейским стражникам (2866 рублей)¹⁷⁶. Очевидно, на пересмотр бюджета повлияла и политическая активность казанской полиции в ноябре 1905 г. Другая просьба околоточных надзирателей – об отстранении от расследования политических дел – так и не была удовлетворена. Эта обязанность осталась за ними, но действовать полицейские должны были исключительно под руководством жандармских служащих¹⁷⁷.

Помимо материальных нужд полицейским (особенно нижним чинам) приходилось сталкиваться с неприятием населения. С началом революционных волнений, уже зимой 1905 г., по Казани ходили тревожные слухи о предстоящей расправе («избиении») на-

¹⁷³ Волжский вестник. – 1905. – 26 ноября. – №16.

¹⁷⁴ Волжский вестник. – 1905. – 29 ноября. – №18.

¹⁷⁵ Волжский листок. – 1905. – 2 декабря. – №324.

¹⁷⁶ Отчет Казанской городской управы за 1906 год. – Казань, 1907. – С.274.

¹⁷⁷ Романов В.В. Указ. соч. – С.98.

рода над полицией и начальствующими лицами. Этот слух хорошо иллюстрирует весьма негативное отношение большей части населения к представителям власти, в особенности к полицейским. При этом слухи передавались не только как угроза, но и как предупреждение. Например, рабочий Алафузовского завода Плотников в феврале 1905 г. предупредил своего брата – городского 6 части города, что бы «он уходил с полицейской службы, если хочет быть целым, так как на днях будут страшные беспорядки»¹⁷⁸.

Отношение населения к блюстителям правопорядка существенно изменилось после манифеста 17 октября 1905 г. Некоторыми людьми царские слова о свободе были восприняты буквально как разрешение на все. Например, после оглашения манифеста в одну из чайных в Звениговском затоне Чебоксарского уезда явился подвыпивший рабочий и начал кричать о том, что теперь всем дана свобода, теперь его никто не тронет. Находившийся тут же стражник выставил шумного посетителя за дверь. Через 15–20 минут рабочий вернулся в чайную, но уже не один, а в сопровождении нескольких товарищей. Матом, размахивая кулаками, они бросились на стражника. Это был выходной день, и в чайной оказалось много народу, но никто не стал вмешиваться в конфликт. Стражник, очевидно, оценив силы, спрятался на кухню. Разъяренные плотники бросились за ним, но прислуга не пустила их на свою территорию. Арбитром в этой ситуации выступил местный лесничий. Он пользовался уважением в рабочей среде и его как переговорщика отправили на кухню. «Бледный и дрожащий, предстал стражник пред своими врагами, – вспоминал один из очевидцев. – Лесничий объяснил ему положение дела: или жестокая потасовка или категорический отказ от службы с немедленным выездом из затона. Стражник выбрал второе. Его тут же разоружили, сорвали погоны»¹⁷⁹. До этого случая в затоне патрулировали два стражника, после этого нападения сюда были командированы 12 служителей правопорядка¹⁸⁰. По всей видимости, подобные эпизоды вынуждали губернское руководство увеличить штат служащих полиции. К декабрю 1905 г. число урядников в Казанской губернии было доведено до 177 вместо прежних 102, а число стражников выросло до 1192 человек¹⁸¹.

Ожидаемое «избиение» казанской полиции в начале 1905 г. не состоялось, однако в октябре того же года неожиданно для нее самой была разоружена гражданским населением городская полиция.

¹⁷⁸ НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.266. Л.29.

¹⁷⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1139. Л.106.–2.

¹⁸⁰ Там же. Л.206.

¹⁸¹ Хасанов Х.Х. Казань в годы первого штурма царизма. – Казань, 1985. – С.139.

Причем участники событий потом вспоминали о том, что произошло это стихийно, непреднамеренно. «Помню сцену: высокий пристав, когда к нему подошли и стали разоружать он тогда заговорил. «У меня семья, дети». У него была растерянность полная»¹⁸². Участники шествия подходили к стражам порядка, а они, напуганные напором толпы, сдавали оружие.

«...Сего числа партия социал-демократов, воспользовавшись расположением городских на постах в одиночку, почти всех 1, 2, 3, 4 и 5 частей обезоружила и с некоторых даже сняла форменную одежду. Как оружие, так и одежду городских самоуправно передала членам своей партии. Обезоруживание и раздевание городских продолжается в настоящее время, – рапортовал 19 октября 1905 г. пристав 6-й части А.И. Васильев казанскому губернатору П.Ф.Хомутову. – Для охраны жителей города и их имущества та же партия назначила выборных из своей среды лиц, неизвестных обществу и совершенно незнакомых со службой охраны. Мы и городские 6-й части собрались в одно место в здании 6-й части, где находится 2-я рота 8-го запасного батальона в числе 200 человек во главе капитана Гольдшадд, и нами сделано распоряжение ни под каким видом не подчиняться требованиям незаконной партии, именуемой себя социал-демократами. Такое положение полиции заставляет ее бездействовать: выходить для исполнения своих обязанностей в одиночку – значит подвергать себя постыдному обезоруживанию или смерти; послать же для исполнения весь состав 6 части в 30 человек, а тем более частями, – значит, подвергать ее вооруженному столкновению с незаконной партией и в конце все-таки остаться без всяких сил»¹⁸³. Приставу Васильеву все-таки пришлось в некоторой степени подчиниться требованиям революционеров, вверенный ему участок разоружили самым последним. При этом полицейский прибегнул к хитрости и заявил дружинникам, что «у полиции никогда не было оружия», а городские носили при себе «пустые кобуры для страха населения». Рабочие-дружинники обыскали участок, ушли ни с чем: пристав успел припрятать оружие¹⁸⁴. Вероятно, этот поступок стал решающим в дальнейшей профессиональной карьере Алексея Ивановича Васильева, в 1906 г. он возглавил Казанское городское полицейское управление, сместив на посту и.о. полицмейстера Павла Борисовича Панфилова. Кадровые перемены коснулись и других должностей: был заменен помощник полицмейстера¹⁸⁵.

¹⁸² ЦГА ИПД РТ. Ф.36. Оп.1. Д.404. Л.26.

¹⁸³ Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг. ... – С.197.

¹⁸⁴ Аросев А. Казанские очерки о революции 1905 г. – Казань, 1925. – С.69–70.

¹⁸⁵ Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 г. – Казань, 1905. – С.16.

Октябрьский переворот в Казани, конечно, оказал существенное влияние на общий имидж полиции и всей губернской власти. Воодушевленные успехом радикалы в этот период выносили смертный приговор самому губернатору, а местонахождение полицмейстера Панфилова было неизвестно¹⁸⁶. Видимо, только этот факт останавливал революционеров от решительных действий против него¹⁸⁷.

Да и сами стражи порядка вели себя иногда скорее пассивно. Например, не всегда реагировали на уличных хулиганов, предпочитая оставаться в стороне. Естественно, это возмущало обывателей¹⁸⁸. Впрочем, и полицейское начальство было недовольно работой околоточных надзирателей. В декабре 1905 г. П.Б. Панфилов писал о неудовлетворительном состоянии дорог и тротуаров, о грубости извозчиков в обращении с горожанами, о многочисленных кражах и т.д. Начальник полиции грозился уволить недобросовестных служащих своего ведомства¹⁸⁹. Критика Панфиловым собственных подчиненных, очевидно, была вызвана не столько общественным мнением, а скорее ноябрьскими выступлениями околоточных надзирателей и пересмотром системы управления после октябрьских событий. Последнее отразилось, прежде всего, на кадровых перестановках. Но были предприняты и другие меры. Например, в ноябре 1905 г., была организована специальная телефонная станция, которая связывала губернаторский дворец с приставами всех полицейских частей Казани.¹⁹⁰ Однако телефонная связь не всегда содействовала успешной реализации управленческих задач. Иногда секретная информация, передаваемая по телефону, становилась достоянием третьих лиц. Причем, очевидно, что такая утечка информация происходила не только из-за преданности некоторых телефонисток революционным идеям, но и из-за их чрезмерной словоохотливости.

13 марта 1906 г. начальник КГЖУ направил губернатору секретное сообщение, где указывал на непрофессиональное поведение телефонисток, обслуживающих линию Казанской жандармерии. Полковник К.И. Калинин считал, что они неоднократно подслушивали служебные разговоры. 11 марта офицерам КГЖУ доложили о происшествии в городской тюрьме, данная информация вскоре стала известна посторонним лицам. Жандармы решили не оставлять этот

---

¹⁸⁶ 10 ноября 1905 г. он вернулся в Казань из Санкт-Петербурга.

¹⁸⁷ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.293. Л.438.

¹⁸⁸ Хладнокровие полиции // Волжский вестник. – 1905. – 17 ноября. – №9; Слепота полицейского // Волжский вестник. – 1905. – 24 ноября. – №14; Сочувствие полиции хулиганам // Волжский вестник. – 1905. – 9 декабря. – №26.

¹⁸⁹ Волжский вестник. – 1905. – 10 декабря. – №27.

¹⁹⁰ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.41.

факт без внимания. Выяснилось, что в этот день за данное соединение отвечала телефонистка Софья Корноухова¹⁹¹. В дальнейшем весь гнев непосредственного начальства был направлен на ее персону. Ее немедленно уволили с работы, а коллегам пригрозили, что при повторении подобных случаев, «весь состав телефонисток будет заменен новым»¹⁹². Этот случай остался бы рядовым событием, если не неожиданный поворот как восстановление на прежнем рабочем месте бедной телефонистки. Причем произошло это по личной просьбе губернатора М.В. Стрижевского. Он считал, что есть обстоятельства, «которые смягчают неосторожные действия по службе женщины почтово-телеграфного чиновника». В частности, Михаил Васильевич указывал на тяжелые материальные условия Корноуховой. Да и резкое увольнение, по мнению губернатора, послужило уже достаточным наказанием за нарушение профессиональной этики¹⁹³. Этот случай иллюстрирует многие характерные моменты российской действительности начала XX в.: недобросовестное выполнение служебных обязанностей, поспешные и необдуманные решения при устранении проблем, стремление наказать конкретного человека-исполнителя, а не ответственного работника за всю сферу деятельности. В результате в этот частный вопрос (социальная незащищенность конкретной телефонистки) вовлечено первое лицо губернии, и он ходатайствует о рабочем месте для нее. Индивидуальная проблема телефонистки решена, а изъяны ее службы практически остались в первоначальном виде.

Для сохранения порядка в губернском центре, периодически призывали уездных полицейских чинов. Однако блюстителей правопорядка и в уездах постоянно не хватало. Обычно уездные полицейские выполняли обязанности тайных агентов, а также караулили в Казани специальные помещения для задержанных полицией лиц¹⁹⁴. К осени 1906 г. губернская тюрьма уже была переполнена и часть арестованных лиц ожидала решения суда в пересыльной тюрьме¹⁹⁵. «Иногда за взятку через тюремного надзирателя нам удавалось обмениваться письмами», – вспоминала А.С. Комлева. Ее будущий муж А.П. Комлев сидел в Казанской тюрьме. По его рассказам тюремный режим был не тяжелым, как это было в Ярославле и других тюрьмах. А.С.Комлева посещала жениха три раза в неделю. Свидания проходили в тюремной конторе и длились до 15 минут¹⁹⁶.

---

¹⁹¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.75.

¹⁹² Там же. Л.77.

¹⁹³ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.79–80.

¹⁹⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.183.

¹⁹⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.518. Л.75.

¹⁹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.1558. Л.16.

Очевидно, из-за отмеченного Комлевыми «слабого» тюремного режима иногда случались побеги. Особенно часто бежали обычные преступники. В Казанском окружном суде в этот период рассматривались дела, где обвиняемыми выступали городовые, надзиратели, конно-полицейские стражники, упустившие из-за своей невнимательности и беспечности арестантов. Чаще всего суд ограничивался штрафом за такие должностные преступления¹⁹⁷.

Всего в губернии на тот период работали 14 тюрем¹⁹⁸. На 1 января 1906 г. в губернских и уездных местах заключения содержались 1099 человек, через год их число составило 1578. Но при этом в течение года в тюремные учреждения вновь прибыло более 27 тыс. чел., в том числе более 6 тысяч пересыльных арестантов. При этом в течение 1906 г. лишь при полицейских отделениях содержались 16 100 чел., впоследствии многие были освобождены, но все они оставались под гласным или негласным надзором полиции. Политических преступников в тюрьмах Казанской губернии в 1906 г. насчитывалось 532 чел. Надо отметить, что изменение числа арестантов означало не только их освобождение, административную высылку или перемещение в исправительные учреждения других губерний, но и естественные причины. Так в 1906 г. в тюремных больницах скончались 29 чел.¹⁹⁹

Эмоциональное описание условий содержания в Казанском полицейском участке и Чистопольской тюрьме содержится в автобиографической повести Г.Исхаки «Зиндан», опубликованной в 1907 г. Он подробно описал жестокость обращения с ним: и в Казани, и в Чистополе надзиратели его неоднократно избивали, а оскорбления и издевательства были вообще в порядке вещей. Автор попал в тюрьму как политический преступник. Он отмечал, что там пытались отделить так называемых политических из числа интеллигентов и заключенных крестьян (участников аграрных беспорядков). Опасались антиправительственной агитации со стороны первых. Условия содержания крестьян были значительно хуже, их всех (25 чел.) содержали в одной камере²⁰⁰.

Большой резонанс в губернском городе получило самоубийство бывшей заключенной – казанской курсистки Кузнецовой. Она была арестована еще в 1903 г. В тюрьме как политическая преступница она провела год и четыре месяца. Очевидно, что долгое нахождение в местах заключения не прошли бесследно для ее психики. Согласно официальной версии именно тюрьма стала причиной

¹⁹⁷ НА РТ. Ф.41. Оп.2. Д.2656. Л.1; Д.2661. Л.3; Д.2679. Л.1; Д.2554. Л.1.

¹⁹⁸ Обзор Казанской губернии за 1906 год. – Казань: Типография губернского правления, 1907. – С.60.

¹⁹⁹ Обзор Казанской губернии за 1906 год. – Казань, 1907. – С.61–62.

²⁰⁰ Исхакий Г. Эсэрләр: 15 т. – Т.1. – Казан, 1998. – Б.320.

смерти девушки. Ее похороны, состоявшиеся в Казани 18 сентября 1905 г., привлекли внимание огромного количества горожан. За гробом курсистки с Анатомического театра университета до Арского кладбища последовали до тысячи человек. Ее смерть рассматривали как результат жестокого тюремного режима, а сама девушка осталась в памяти революционной молодежи как жертва полицейской системы управления²⁰¹. К слову, Мария Кузнецова была дочерью казанского чиновника²⁰². Нельзя исключить и того, что суицидальной настрой у нее возник не только из-за тюремного режима, а под влиянием критики со стороны родственников.

В 1907 г., по сравнению с предыдущим годом, количество побывавших в местах заключения Казанской губернии было значительно меньше – более 16 тыс. чел. Всего же в тюрьмах губернии на 1 января 1908 г. содержались 1847 чел.²⁰³

Опорой гражданской власти в революционной ситуации были военные формирования. В конце 1905 г. в Казанской губернии находилось около 5,5 тысяч военнослужащих²⁰⁴. «В случае возникновения беспорядков где-либо в городе 230 батальон немедленно занимает караулами все выходы из крепости и принимает меры к охране казначейства, Государственного банка, почты и телеграфа», – гласил приказ штаба Казанского военного округа начальнику 58-й резервной бригады от 12 января 1905 г. Был дан аналогичный приказ и начальнику Казанского пехотного юнкерского училища о подготовке резервных войск, готовых по требованию гражданских властей, принять участия в наведении порядка в городе²⁰⁵. По требованию казанского губернатора уже в марте 1905 г. воинские части были усилены двумя казачьими сотнями²⁰⁶. Казаки и их нагайки стали символом этого периода.

Жестокие действия казаков, их склонность к мародерству (например, во время октябрьских событий ими были разграблены некоторые лавки на Воскресенской улице) либеральные газеты объясняли их нетрезвостью. Считалось, что казаков «спайвала» местная полиция²⁰⁷. Именно действия казаков 17 октября 1905 г. побудили казанскую общественность ходатайствовать 19 октября перед губернатором об изгнании их из города, а взамен им для охраны правопорядка на следующий день была создана собственная народная мили-

---

²⁰¹ Волжский листок. – 1905. – 20 сентября. – №281.

²⁰² НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д. 2240. Л.9.

²⁰³ Обзор Казанской губернии за 1907 год. – Казань, 1908. – С.55.

²⁰⁴ Романов В.В. Указ. соч. – С.101.

²⁰⁵ Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг. ... – С.34.

²⁰⁶ Хасанов Х.Х. Казань в годы первого штурма царизма. – Казань, 1985. – С.60.

²⁰⁷ Полгода русской революции. Сборник материалов ... – С.5.

ция. Редактор газеты «Казанский телеграф» Ильяшенко сравнил вечер и ночь 17 октября в Казани с осажденным Порт-Артуром²⁰⁸.

Спустя несколько дней именно с помощью военных, в том числе юнкеров, губернской администрации удалось вернуть себе власть. Участие юнкеров в несанкционированном (так считало большинство населения) расстреле здания городской думы долго обсуждалось в местной либеральной печати²⁰⁹. Будущие офицеры в них представлялись как марионетки, вызволенные из казарм группой «черносотенных» манифестантов, отправленные «для усмирения «бунтовщиков» начальником юнкерского училища». По слухам, 20 юнкеров после октябрьских событий были намерены покинуть учебное заведение, отправиться в армию²¹⁰.

За участие в этих событиях юнкера впоследствии получили медали «За охрану Казанской городской думы в октябре 1905 г.». Только не все люди положительно оценивали их службу. Такое отношение со стороны части населения вызывало негодование у юных военных, а некоторые случаи доходили и до суда. Юнкера пытались таким образом защитить свою офицерскую честь. Например, в 1907 г. был предан суду военный писарь, допустивший ироничное замечание по поводу медали за охрану думы на груди казанского юнкера²¹¹.

Впрочем, не вся юнкерская молодежь так рьяно защищала свое доброе имя, некоторые, вероятно понимали изъяны той системы, которой они служили. С июня 1906 г. в юнкерское училище на постой была ведена сотня Уральского казачьего полка²¹². Но соседство с казаками не способствовало развитию верноподданнических чувств среди молодых военнослужащих. Наоборот, в этот период усилились антиправительственные настроения. В юнкерских казармах появилась выпускавшаяся огромными тиражами подпольная литература. В марте 1907 г. в Лядском саду были арестованы юнкера Болясов и Комарог. После этого начались репрессивные меры и против других курсантов. В тот же месяц уволены или же были отправлены в другие полки около 30 юнкеров, позднее многих перевели в Варшавский военный округ²¹³.

Еще раньше начали зреть протестные настроения среди простых солдат. Интересно, что начальство пыталось предупредить их

---

²⁰⁸ Заседание городской думы в памятные октябрьские дни // Волжский вестник. – 1905. – 9 ноября. – №2.

²⁰⁹ Волжский листок. – 1905. – № 305. – 9 ноября; Волжский листок. – 1905. – № 316. – 23 ноября.

²¹⁰ Волжский вестник. – 1905. – 11 ноября. – №4.

²¹¹ Дневник Казани. – 1907. – № 170. – 31 марта.

²¹² Волжский курьер. – 1906. – № 97. – 15 июня.

²¹³ Дневник Казани. – 1907. – № 164. – 24 марта; Дневник Казани. – 1907. – № 184. – 17 апреля.

протестные выступления. Например, военный Н.М. Покровин так вспоминал октябрь 1905 г. в Казани: *«По тем признакам, которые отражались и на такой маленькой воинской части, как вьючно-пулеметная рота (47 нижних чинов), можно было заключить, что и верхи военного командования пришли в замешательство и растерянность; не проходило и дня, чтобы не было какого либо экстренного распоряжения по отношению улучшения быта нижнего чина: то выдавать ½ ф. белого хлеба к утреннему чаю, то выдать ½ ф. мыла, то получить из интендантского склада постельную принадлежность и выдать ее на руки солдатам и прочее»*²¹⁴.

Очевидно, что внимательное отношение к солдатам пулеметной роты со стороны начальства, его опережающие действия были продиктованы волнениями в других военных формированиях Казанского гарнизона. Тем временем они все громче заявляли о своих правах, агитация велась и в их рядах. Например, газета «Волжский вестник» в ноябре 1905 г. написала о том, что солдаты Свияжского батальона недовольны холодом и темнотой в казармах (выдавалось очень мало керосину и дров), казенной пищей и одеждой. «Хлеб выдают сырой, никуда не годный, который есть невозможно. Вместо полагаемой по уставу горячей пищи выдают только кипяченую воду, – сообщалось в заметке. – Нет чаю и сахара. Солдаты уже два года как ходят в старых, одним и тех же шароварах. Остающихся от хлеба денег не выдают»²¹⁵. Конечно, газета была левого направления. Но даже если она сгущала краски в целях пропаганды, очевидно, что корреспонденция базировалась на реальном неудовлетворительном положении солдат.

Да и казаки не всегда были готовы исполнять волю губернско-го начальства. Например, в 1906 г. в Лаишевский уезд для усмирения крестьянских волнений были присланы около 300 уральских казаков. По словам местного уроженца с.Алексеевское Т.Д.Басова, они отказались казнить восставших крестьян села Ново-Спаское, поэтому казаков отозвали обратно. «Революционно настроенных» военнотружущих сменили донские казаки. Но местное население сумело настроить их против помещиков, имения которых они должны были охранять. Когда казаки выказали недовольство по поводу скудной крестьянской пищи, те посоветовали столоваться им у барина. «Есаул казачий занимался выпивкой и при таком случае мы направили его в имение Сахарова с группой казаков, и они

---

²¹⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2255. Л.2.

²¹⁵ История Казани в документах и материалах. XX век. – Казань, 2004. – С.314.

порезали там много дичи и скота, – вспоминал Басов. – После этого случая их тоже отвели восвояси»²¹⁶.

Летом 1906 г. начальник КГЖУ сообщал о том, что нижние чины Казанского гарнизона устраивают вблизи лагерей собрания, «причем патрули, посылаемые для наблюдения за порядком, нередко служат охраной таким кружкам, т.е. исполняют функции диаметрально противоположные тем, для выполнения которых они посылаются»²¹⁷.

Введение во многих губерниях, в том числе и Казанской, военного положения и режима чрезвычайной охраны, очевидно, немногочисленно приостановило эти порывы. Командующие военными округами и губернаторы могли учреждать военно-полевые суды²¹⁸.

С 4 октября 1906 г. Казань со всеми прилегающими к нему слободами была объявлена в положении усиленной охраны сроком на один год²¹⁹. Согласно этому порядку все домовладельцы должны были извещать полицейские части о приезжающих и выезжающих лицах. Данные правила предусматривали также наказание за содержание нелегальных типографий, складов оружия и взрывчатых веществ, за допущение несанкционированных собраний, лабораторий взрывчатых веществ. Теперь ответственность за эти незаконные действия несли владельцы помещений. Виновные подвергались либо административному аресту сроком до 3 месяцев, либо штрафовались²²⁰. С этого времени губернатор издавал различные обязательные постановления. Например, 23 октября был издан указ о закрытии всех дополнительных выходов из зданий (во дворы и т.д.). Если для небольших помещений этот приказ был выполнимым, то для больших общественных зданий возникли сложности. Так, ректор Казанского университета пребывал в недоумении. В здании университета было множество выходов во дворы. Да и пропуск трех тысяч студентов и сотрудников через один выход представлялось очень затруднительной задачей²²¹. В итоге, губернатор уведомил ректора, что данное постановление не распространяется на университет²²². Исключение из правил пришлось сделать не только для императорского учебного заведения, но и для других

---

²¹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.360. Л.22.

²¹⁷ Цит. по: Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. – М., 1965. – С.209.

²¹⁸ Хасанов Х.Х. Казань в годы первого штурма царизма. – Казань, 1985. – С.172.

²¹⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2182. Л.5.

²²⁰ Там же. Л.6.

²²¹ Там же. Л.19.

²²² Там же. Л.20.

общественных зданий²²³. Таким образом, указы не всегда были последовательными и продуманными. Обязательные правила от 24 октября того же года запрещали собрания и сборища на улицах, скверах и других общественных местах²²⁴.

Усиленная охрана города постоянно продлевалась вплоть до лета 1913 г.²²⁵ По сути, чрезвычайные меры охраны продолжались почти до Первой мировой войны. Это как нельзя лучше иллюстрирует нерешенность насущных задач Первой русской революции: свободы и равенства. Полицейские меры усилили общественное недовольство, в том числе в рядах самой власти и бюрократических кругах. Многочисленный отряд государственных служащих, полиции, жандармерии и военных, безусловно, в силу своих должностных обязанностей находился по ту сторону революционных баррикад. Но среди них было немало лиц сочувствующих антиправительственным действиям более независимых граждан. Тем более большинство служащих государственных ведомств испытывали те же материальные проблемы как большинство жителей империи, практически были лишены социальных гарантий. Например, с 1909 г. полицейские Казанской губернии начали объединяться в различные общества взаимной помощи и открывать собственные ссудо-сберегательные кассы (были зарегистрированы в Казани, Лаишеве, Чистополе)²²⁶. Очевидно, что материальное положение хранителей правопорядка оставляло желать лучшего. Постоянные попытки высшей власти ограничить гражданские права чиновников, сделать из них безмолвных исполнителей лишь подтверждает неоднозначность их взглядов.

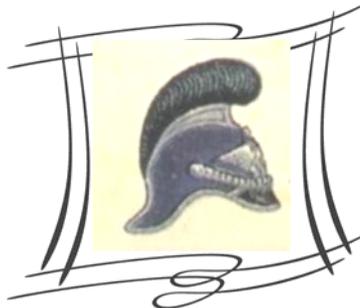
---

²²³ Там же. Л.25.

²²⁴ Хасанов Х.Х. Казань в годы первого штурма царизма. – Казань, 1985. – С.173.

²²⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2182. Л.32, 34, 40, 48, 61, 70.

²²⁶ НА РТ. Ф.411. Оп.1. Д.38. Л.10; Д.34. Л.11; Д.130. Л.8.

3.3. Органы сыска и татарская буржуазия: поиск революционной опасности в начале XX в.

С самого своего возникновения мусульманское общественное движение оказалось в поле зрения Департамента полиции – высшего учреждения политического сыска России. Однако, на начальном его этапе, в конце 1870-х вплоть до начала XX в., когда активность татар-мусульман еще не приобрела яркой политической окраски, местные органы Департамента ограничивались сбором и оценкой информации, которая впрочем, не подвергалась строгому и детальному анализу. Так, например, Казанское губернское жандармское управление (КГЖУ) лишь косвенно участвовало в расследованиях, инициированных Министерством внутренних дел, по поводу организации петиционной компании за отмену закона о языковом цензе для мусульманского духовенства.

Их проводил своими силами и через собственных осведомителей казанский полицмейстер, а также уездные исправники. Жандармское управление же подключалось только в том случае, когда просто не хватало информации по определенным лицам и событиям. В целом, его донесения оценивали настроения мусульман в этот период как достаточно спокойные. Лишь в период проведения Всероссийской переписи населения констатировалось, что «положение дел во всех уездах Казанской губернии, населенных татарами с каждым днем делается тревожней, брожение умов и волнения в мусульманской среде не только не прекращаются, а напротив увеличиваются...»²²⁷. Однако, по завершении мероприятия, когда страхи и возмущение сельского населения рассеялись и улеглись, внимание жандармских офицеров к общественной жизни нерусских народов вновь заметно ослабло.

Для политического сыска Российской империи не было тогда более важной задачи, чем борьба с террористическим группировками и революционной пропагандой. По мнению же жандармерии му-

²²⁷ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.46. Л.35об.

сульмане, в силу своей ограниченности и опоры на традицию оставались вне поля деятельности антигосударственных и подрывных организаций. Так, в политическом обзоре Казанской губернии за 1901 г., говоря об активности татар, чуваш, черемисов и вотяков отмечалось следующее: «Инородцы эти, находясь на низкой ступени культуры, отличаются еще тем, что упорно держатся дедовских обычаев и с трудом перенимают новое... не приходят в соприкосновение с посторонними людьми, таким образом, они до некоторой степени гарантированы и от вредных политических течений»²²⁸. Поэтому, на протяжении достаточно долгого времени, вплоть до 1908 г. мусульманское обновленческое движение не представляло особого интереса для политической полиции. Большинство громких дел, в которых звучали громкие имена тех или иных общественных деятелей татарского народа, велись в рамках борьбы с революционными политическими партиями и так называемой «левой» опасностью. Для мусульман добавлялись еще и обвинения в национальной обособленности и «ненависти ко всему русскому».

Первые серьезные обращения к политической деятельности представителей исламской общественности начинаются в 1905–1906 гг., когда было зафиксировано их активное участие в уличных волнениях и партийном строительстве. Причем, в поле зрения политической полиции сразу же попали не только татарские эсеры и социалисты, исповедовавшие откровенно радикальные взгляды, но и умеренные сторонники конституционных демократов. Своеобразным отголоском многолюдных собраний буржуазии, духовенства и интеллигенции, проходивших в Казани в 1905 г., на которых рассматривалась возможность политического объединения мусульманского сообщества России, стало задержание и допрос одного их создателей партии «Иттифак аль-Муслимин» Юсуфа Акчурина.

Аресту предшествовало письмо Особого отдела Департамента полиции на имя начальника Казанского губернского жандармского управления от 27 января 1906 г. В нем упоминалось существование сильной социал-демократической организации в Казани, пытающейся установить свое влияние на татарское население города. Результатом такой пропаганды, по мнению департамента, могло быть появление кружка революционных агитаторов из числа интеллигентных татар, в состав которого вошли Ю.Акчурин, С.Алкин и Г.Галеев. Как считали столичные чиновники, существовала опасность тесных связей этого кружка с аналогичными объединениями в Баку. Письмо завершалось просьбой о принятии мер «... к выяснению личности, деятельности и сношений упомянутых Акчурина, Алкина и Галеева, а равно и других членов возникшего в Казани

---

²²⁸ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.123. Л.88.

татарского кружка и отношения его к агитирующим среди татар социал-демократам и вместе с тем озаботиться выяснением, не имеется ли у этого кружка связей с татарскими кружками на Кавказе»²²⁹. Очевидно, что сформировавшаяся в губернском центре сильная группа мусульманских либералов, имевшая огромное влияние на местное население стала беспокоить политическую полицию своим возможным сочувствием к идеям революции и смене государственного строя. Остроты добавили, по всей видимости, и доносы, безапелляционно обвинявшие всех казанских «иттифакцев» в социал-демократической направленности.

Так или иначе, но казанские жандармы весьма ответственно подошли к выполнению требований, изложенных в письме. В ночь с 4 на 5 марта 1906 г. в квартире Юсуфа Акчурина в доме Мангушева на Сенной улице был произведен обыск, а сам фигурант дела арестован. Впрочем, разбирательство с известным политиком, выходцем из богатой и уважаемой семьи симбирских фабрикантов, породненной с знаменитой купеческой династией Юнусовых, ничего не принесло, кроме большого скандала.

На допросе 7 марта 1906 г. Ю.Акчурин заявил: «Я не признаю себя принадлежащим к социал-демократам и равно в пропаганде идей этой партии. Я принадлежу к партии кадетов и состою членом казанского комитета партии кадетов и был на съезде этой партии в Петербурге в качестве делегата и как сотрудник газеты «Казанский вестник»...»²³⁰. Задержание Ю.Акчурина сразу же получило огласку в столице, и уже 8 марта Казанский губернатор ознакомился с телеграммой Председателя совета министров, в которой содержалась просьба сообщить о причинах ареста. Кроме этого, нельзя было обойти вниманием ходатайство влиятельных мусульманских предпринимателей и священнослужителей: М-Р.А.Юнусова, М-Р.И.Юнусова, М-З.А-К.Апанаева, М-Ш.М.Казакова, И.М.Апанаева, Г.М.Галеева (Баруди), С.М.Аитова, Т.Мангушева, Х.Асановича с просьбой об освобождении Ю.Акчурина из под стражи. Начальнику Управления полковнику К.И.Калинину оставалось оправдываться тем, что в его распоряжении имеются сведения о политической неблагонадежности и агитации среди мусульман. Однако, при этом он отмечал, что при обыске ничего предосудительного не обнаружено. Точку в деле поставил рапорт отдельного цензора от 6 апреля 1906 г., так и не нашедшего в деловой переписке и трудах Ю.Акчурина какой-либо крамолы.

Таким образом, начальник КГЖУ 8 апреля того же года вынужден был высказать свое мнение Директору Департамента полиции

---

²²⁹ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.369. Л.11 об.

²³⁰ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.369. Л.5-5 об.

о необходимости освобождения Акчурина из-под ареста и установления за ним «серьезного наблюдения»²³¹. Несмотря на то, что, формально расследование завершилось безрезультатно, жандармерия сумела оценить растущую политическую активность мусульман и определить ее в качестве нового объекта своей профилактической деятельности. Однако, не имея профессиональной агентурной сети в этой среде, практически ничего не зная о процессах, происходивших в татарском обществе, политическая полиция, по-прежнему увязывала контроль над мусульманским населением с целенаправленным противодействием социалистической пропаганде. Главная опасность виделась здесь в появлении радикальных революционных группировок, способных расколоть традиционно лояльные общины и превратить их в очаги антигосударственных выступлений. Показательной в этом смысле является история с арестом бывшего депутата Государственной Думы чистопольского 2 гильдии купца Гарифа Сиразетдиновича Бадамшина²³².

Началась она 29 июля 1907 г. с заявления крестьянина Вятской губернии Сарапульского уезда Абдуллы Ахметзяновича Галеева на имя Помощника Начальника КГЖУ в Казанском, Лаишевском и Чистопольском уездах подполковника Тихообразова, в котором он просил определить его в штат управления осведомителем. Безусловно, главным стимулом для «добровольца», служившего в Чистополе в конторе одного русского торговца, являлись деньги. Обладая широкими связями в мусульманской среде, активно участвуя в различных молодежных меджлисах и чутко ощущая возрастающий интерес государства к общественной активности татарского населения, Абдулла Галеев решил превратить свои знания и знакомства в товар. Он фактически навязал свои услуги М.Зотову вахмистру дополнительного штата КГЖУ в Казанском, Лаишевском, Чистопольском уездах, ошарашив его известием о том, что в уездном городе существует «тайный революционный кружок мусульман со взносом 7 рублей 50 копеек с члена». Причем, одним из главных его участников заявитель назвал артиста И.Кудашева-Ашказарского на несколько дней с гастролями посетившего Чисто-

---

²³¹ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.369. Л.29.

²³² Необходимо отметить, что Г.С.Бадамшин и до этого привлекался к ответственности. В частности, в декабре 1906 г. он был арестован в г.Чистополе за распространение среди мусульман Выборгского воззвания. В тюрьме он находился вместе с эсером Г.Исхаки, задержанном за антиправительственную агитацию среди крестьян и муллой 1-соборной мечети г.Чистополя Н.Амирхановым, оказавшемся в камере за хранение нелегальной литературы. Г.С.Бадамшин был освобожден в январе 1907 г. по распоряжению министра внутренних дел. См. Мусульманские депутаты Государственной думы России.1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост.Л.А.Ямаева. – Уфа, 1998. – С.282.

поль. Пользуясь, случаем, Галеев выманил у вахмистра 6 рублей, якобы необходимых для вступления в кружок. И хотя, сведения доносителя не подтвердились, жандармы решили использовать «ловкого парня» для наблюдения за неблагонадежными мусульманами, в том числе и за бывшим депутатом Государственной Думы Г.С.Бадамшиным²³³. Именно в это время, А.А.Галеев написал заявление с просьбой об устройстве на службу, в котором, отмечал среди своих былых заслуг, разоблачение и передачу полиции типографии комитета революционеров в Малмыже.

Вот так абсолютно случайно, из числа корыстных авантюристов стали формироваться агентурные кадры жандармерии по работе с мусульманским населением. Тот же М.Зотов в своем рапорте отмечал: «Проверить все сказанное Галеевым, каким-либо путем...не представилось никакой возможности. При всем этом имею честь доложить, что Галеев, при случае любит выпить и в подобных случаях при каждой встрече со мной надоскучивает гривенниками и двугривенными...»²³⁴.

Тем не менее, А.А.Галеев, получивший в управлении кличку «Перс», умело подогревал интерес своего начальства громкими донесениями. Основываясь на его данных М.Зотов 12 сентября 1907 г. сообщил подполковнику Тихообразову следующее: «... Гариф Сиразетдинович Бадамшин при всяком удобном случае отпускает товар из своего магазина покупателям татарам, вкладывает в оный возмутительные прокламации и свою рекламу...начинает постепенно втолковывать покупателю противоправительственные идеи, говоря, что вот нас мусульман в Росси 28 миллионов и мы нуждаемся в земле, лугах и в разного рода свободах, но ничего не делаем, ничего этого не добиваемся, не помогаем друг другу...между тем у нас в России имеются в русских монастырях миллионы денег и много угодий; много земли удельной и помещицкой»²³⁵.

Кроме этого, вахмистр упоминал и совершенно абсурдные сведения о том, что Бадамшин выкалывает глаза на портрете императора, произнося оскорбительные фразы. А.А.Галеев, втершийся в доверие к купцу и пользовавшийся его хорошим расположением, передавал жандармам образцы рекламы и рукописи, полученные в магазине. Он также сообщал о всех единомышленниках предпринимателя, попутно указывая на чистопольские медресе как источник революционной пропаганды, где на гектографе печатались запрещенные издания и прокламации. В октябре-ноябре 1907 г. и начале 1908 г. «Перс» успел отметиться доносами на И.Бикчурина, мугаллимов

---

²³³ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.497. Л.3-4.

²³⁴ Там же. Л.5-6.

²³⁵ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.497. Л.6а(об).

З.Мухаметзакирова, М.Мухамедшина. По его наводке проводились обыски и задержания неблагонадежных лиц. В феврале 1908 г., благодаря стараниям А.А.Галеева, был арестован и Г.С.Бадамшин. За всю эту работу осведомитель получал 12 рублей в месяц.

Преследование купца оказало тяжелое впечатление на всех мусульман Чистополя. Он стал первым татарским предпринимателем, пострадавшим за активную общественную деятельность. Это особо подчеркивали его единомышленники, выразив в 1 соборной мечети 26 февраля 1908 г. горькое сожаление по поводу несправедливого, по их мнению, решения властей. Так, чистопольский мещанин Махмуд Юмаев, после вечерней молитвы, обращаясь к верующим заявил следующее: «... сегодняшней день для нас, да и для всех мусульман тяжелый и печальный, Гариф Бадамшин арестован, он был два раза выбран в Государственную Думу, где старался на благо народа и за веру Ислама. Он терпит как Великий Пророк мучения ... еще скажу Вам этого не нужно бояться ... каждому магометанину нужно стараться как старался он»²³⁶. То есть практика расследований, основанная на доносах и провокациях, вызвала у мусульманского населения города резкий протест и недоверие.

Впрочем, легкость в сборе «доказательств» при помощи добровольных агентов из числа мусульман, их весьма актуальная и детальная «информация» о так называемых революционных настроениях стали весьма привлекательными для органов политического сыска, до того слабо ориентировавшихся в особенностях татарского общественного движения.

Можно предположить, что важный сигнал того же А.А.Галиева о неблагоприятной политической ситуации, якобы складывавшейся в приходских мектебе и медресе Казанской губернии, открыл для жандармерии новое перспективное направление деятельности.

«Перс», в частности, указал на формирование в Казани мусульманского кружка «Шакертляр Галями», целью которого, по его мнению, являлось обучение и воспитание «мусульманских детей в школах враждебно русскому Царю и русским людям»²³⁷. Это заявление было как нельзя, кстати, в период первого широкомасштабного расследования, развернувшегося в губернском центре, в отношении одного из массовых шакирдских обществ и крупнейших деятелей джадидизма.

Переписка «О возникновении среди шакирдов г. Казани агитации с целью организации союза под названием «Бреги», стремящегося к низвержению самодержавия и созыву Учредительного собрания» была начата в Казанском губернском жандармском управ-

---

²³⁶ Там же. Л.38–39.

²³⁷ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.497. Л.38.

лении по требованию казанского губернатора 11 мая 1907 г. Поводом к началу расследования стало получение Директором народных училищ в апреле того же года от одного из учащихся медресе «Марджания» экземпляра программы вышеназванного союза. Речь шла об организации шакирдов «Берек», возникшей в стенах медресе «Марджания» и находившейся под влиянием группы татарских эсеров под руководством Гаяза Исхаки. Этот неформальный союз объединял в себе мусульманскую молодежь, получавшую образование в ряде конфессиональных учебных заведений, протестовавшей против «половинчатых» реформ татарского духовенства и буржуазии и требовавшей радикальных преобразований в системе национального просвещения. По сути, это была оппозиционная джадидскому предпринимательству организация, лидеры которой не раз заявляли о непреодолимости конфликта между различными классами, между «прогрессивным» молодым и «отсталым» старым поколениями татарского общества.

Среди 12 пунктов программы союза значились требования «изменить постановку учебного дела в медресе до основания», изъять управление мектебе и медресе «от приходских богачей и мулл». По настоящему опасно звучал 11 пункт, по которому Союз шакирдов обозначал своим «первым долгом бороться против самодержавия и низвергнуть его».

Не менее крамольным выглядело и содержание 12 пункта программы: «Когда управление государством находится в руках буржуазии, невозможно восстановить равноправие всех народов и равномерное всеобщее обучение, поэтому Союз шакирдов требует восстановить путем всеобщей, прямой, тайной подачи голосов учредительное собрание»²³⁸.

Безусловно, эти установки прямо противоречили целям реформаторской мусульманской буржуазии и духовенства. Однако, ряд пунктов программы союза совпадал с декларациями III Всероссийского съезда мусульман, был близок идеям джадидских деятелей по развитию народного образования. Это, в первую очередь, надевание равными правами учащихся татарских и русских учебных заведений, обязательности обучения на родном языке, отделения светских учебных заведений от медресе, финансирование мусульманских школ на средства земств, городских управлений и правительства, передачи управления национальным просвещением и воспитанием в руки самих татар.

Такое совпадение было обусловлено определенным влиянием на шакирдское движение некоторых представителей джадидского духовенства, в частности, имама Сенной мечети Казани Г.А-К.Апа-

---

²³⁸ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.505. Л.2об.

наева, поддерживавшего дружеские отношения с вожаками учащейся молодежи²³⁹.

Однако, обнаружение программы союза, имевшей по своему содержанию явный антигосударственный характер, привлекло самое пристальное внимание губернских властей к намечаемым мероприятиям казанского бюро партии «Иттифак аль-Муслимин», не имевшим ничего общего с радикальными планами шакирдской организации.

Дело в том, что в мае 1907 г. Г. Баруди вместе со своими ближайшими сподвижниками и единомышленниками из числа духовенства, предпринимателей и интеллигенции, намечал организацию курсов по подготовке преподавателей для новометодных училищ. Они должны были открыться в медресе десятой махалли Новотатарской слободы г. Казани, где имам-хатибом и мударрисом служил младший брат Г. Баруди – Салихзян Галеев, так же искренний сторонник новых веяний в жизни татарского народа, педагог-новатор. На курсы ожидался приезд около сотни мугаллимов и шакирдов из Казанской, Вятской, Пермской, Уфимской, Оренбургской, Нижегородской и других губерний.

Вообще, по замыслу Г. Баруди, сельские учителя, помимо семинаров, посвященных методике преподавания светских наук (именно по ним ощущалась острая нехватка специалистов), должны были обсудить и принять как руководство к действию, программу развития всеобщего начального образования, принятую на III Всероссийском съезде мусульман. В качестве завершающего мероприятия на 16 мая 1907 г. намечалось проведение всероссийского съезда деятелей народного образования и просвещения, который был призван выработать конкретную тактику реформаторов в новых послереволюционных условиях.

Власти, обеспокоенные стремительно растущей активностью лидеров мусульманского сообщества немедленно увязали ее с появлением программы союза «Бреги». Подозрения их подогрел и во время подоспевший 14 мая 1907 г. донос из Оренбургской губернии, подписанный неким Гайфуллой Гизетуллиным. В нем говорилось: «Просим съезд мусульманских учителей отменить. Доверия им нет. Программа бесполезна и против магометанской религии. Против их программы большинство. Или выработанную на съезде программу считать обязательной лишь для участников съезда, а не для всех магометан»²⁴⁰.

Таким образом, сугубо просветительские мероприятия иттифакцев приобрели в глазах местной администрации, видевшей во

---

²³⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.505. Л.36.

²⁴⁰ Там же. Л.9.

всех проявлениях общественной активности революционную опасность, зловещий характер, одну из форм противозаконной деятельности, осуществляемой под руководством татарских социалистов, при негласной поддержке некоторых предпринимателей и духовных лиц.

Следует также отметить еще одно важное обстоятельство, характеризующее недостаточную информированность органов политического сыска о процессах, происходивших в то время в мусульманском обществе. На наш взгляд, в данном конкретном случае произошла определенная путаница в оценке, совпавших по времени разнохарактерных событий. В результате чего пострадала наименее виновная сторона в лице джадидской буржуазии и духовенства.

По мнению исследователей, организация «Берек» практически не имела широкой социальной базы и не была готова к массовым действиям, тем более проведению общероссийских мероприятий.

Скорее всего, речь шла о Втором Всероссийском съезде шакирдов, проведенном комитетом «Ислах» в Казани 1–6 мая 1907 г. Данная структура также выступала жестким оппонентом по отношению к джадидскому предпринимательству, была близка к социал-демократам и требовала радикальной реформы системы профессионального образования. Костяк комитета составляли шакирды медресе «Мухаммадия» во главе с бывшим учащимся того же учебного заведения писателем Ф.Амирханом. Авторитет организации был весьма высок и это позволило в течении двух лет провести 2 съезда с участием мусульманской молодежи из многих российских губерний.

В то же время, казанское бюро партии «Иттифак аль-Муслимин» предпринимало настойчивые попытки поставить под контроль массовое шакирдское движение, по возможности деполитизировав его и направив энергию учащихся и мугаллимов на решение насущных задач, зафиксированных в программе партии. Вероятно, именно, участники Второго всероссийского съезда шакирдов и должны были принять участие в работе курсов, организованных Г.Баруди и его сторонниками.

Так, Директор народных училищ 5 мая 1907 г. сообщил губернатору, что уже со 2–3 мая в Якуповском медресе Новотатарской слободы, где обязанности мудариса исполнял брат Г.Баруди С.Галеев, были открыты соответствующие курсы, на которых, педагоги медресе «Мухаммадия» и других крупных учебных заведений начали преподавание новых методик обучения религиозным наукам, а также истории, географии, арифметики, геометрии и педагогики²⁴¹. Слушателями курсов стали почти 100 мугаллимов и

²⁴¹ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.505. Л.16.

шакирдов. Нам представляется не случайным совпадение времени проведения этих занятий с собраниями Второго всероссийского съезда шакирдов, осуществленного комитетом «Ислах».

К тому же, вряд ли можно было вести речь о каком-либо сотрудничестве между Г.Баруди и Г.Исхаки, ввиду их личной неприязни и постоянных конфликтов.

Тем не менее, для Казанского губернского жандармского управления имя последнего, неоднократно привлекавшегося к ответственности по политическим мотивам, было хорошо известно, и как раз с ним оно увязало, намеченные на май 1907 г. мероприятия.

Этого оказалось достаточно для начала громкого политического дела. Губернатор в своем предписании казанскому полицмейстеру от 15 мая 1907 г., основываясь на слухах и доносе Г.Гизетуллина, предположил, что на собрании 16 мая должен обязательно выступить Г.Исхаки и его сторонники «по преступному сообществу». В результате чего, противоправительственная программа союза «Бреги» будет принята к руководству к действию шакирдами и мугаллимами российских губерний. Он также совершенно безосновательно настаивал на связи и сотрудничестве Г.Исхаки в этом деле с Г.Баруди, С.Галеевым и Г.Апанаевым «выступающими себя, когда это им удобно и выгодно, сторонниками правительственной партии»²⁴². Губернатор также потребовал от полицмейстера принятия немедленных мер по пресечению «явной законопреступности нарождающейся организации «Бреги».

Настрой начальника губернии был жестким и решительным: «... я признаю безусловно необходимым воспользовавшись задуманным съездом раз и навсегда ликвидировать эту преступную организацию, всех участников съезда задержать, подвергнуть их обыску и аресту и затем привлечь к законной ответственности, смотря по обстоятельствам, или в порядке охраны, или в общеуголовном порядке»²⁴³.

Однако, ввиду аморфности «Берека», отсутствия какой-либо информации о комитете «Ислах», объекта для массовых арестов и репрессий обнаружено не было. Все меры полиции свелись к отклонению прошения Х.Максуди и К.Ханафеева о проведении собраний учителей 16 и 18 мая 1907 г. в доме Утямышева и Галеева на Сенной площади, разгону 17 мая нелегальной сходки шакирдов пяти казанских медресе в районе д.Борисково, закрытию в тот же день педагогических курсов С.М.Галеева в Якуповском медресе. Кроме этого, в период с 22 мая по 11 июня 1907 г. были проведены

---

²⁴² Там же. Л.10.

²⁴³ Там же. Л.11об.

обыски и проверки учащихся в медресе «Мухаммадия», «Марджания» и Якуповском медресе с конфискацией 23 тюков литературы.

Параллельно этим действиям полным ходом шла переписка, открытая в жандармском управлении. Однако, у следователей существовали очевидные проблемы со сбором доказательств и более или менее достоверной информации. Они сумели получить, наконец, некоторые сведения о комитете «Ислах», но почему-то считали, что он был преобразован в союз «Берек». Соответственно главным подозреваемым оставался Г.Исхаки. Вероятно, основным источником для жандармов являлись все те же слухи, беспочвенные доносы и опросы мало осведомленных лиц.

Поэтому все выводы их строились на предположениях и косвенных уликах. Ничем не доказанное участие Г.Исхаки в подготовке съезда считалось неоспоримым, а круг его предполагаемых соучастников определялся все той же политической заданностью и просто догадками. Так, мулла Габдулла Апанаев попал в их число как один из приятелей Г.Исхаки, пользовавшийся большим влиянием на учащуюся молодежь. Купеческий сын А-Х.М-Ш.Казаков оказался под подозрением из-за того, что разместил в своем доходном доме приехавших в Казань шакирдов и мугаллимов. Г.Баруди, инициатор реподготовки учителей стал соратником своего антипода Г.Исхаки по причине дружбы с Г.Апанаевым и родства с С.М.Галеевым. Купцы 1 гильдии С.М.Аитов и М-С.М-С.Галикеев, будучи друзьями Г.Баруди и сторонниками партии кадетов. Общим объединяющим началом для всех этих лиц в глазах жандармерии была бурная общественно-политическая деятельность в 1905–1906 гг.

Единственным человеком среди джадидских деятелей, чья вина казалась очевидной, являлся С.М.Галеев, организовавший в своем медресе злополучные курсы.

Но это все не помешало, в конечном счете, обвинить уважаемых казанских купцов и имамов, в создании ни много, ни мало, революционной партии.

В постановлении, представленном, по завершении расследования начальником казанского жандармского управления губернатору 18 августа 1907 г., констатировалось, что руководители союза «Бреги» в ходе переписки установлены не были. Однако, она «... выяснила причастность к действиям в пределах Казанской губернии мусульманской революционной партии указных мулл г. Казани Габдуллы Апанаева, Салихзяна и Галимзяна Галеевых, казанских купцов: Абдулхамида Казакова, Садыка Галикеева и Сулеймана Аитова, а равно и Мухаметгаяза Исхакова... Муллы Апанаев и братья Галеевы, совместно с Исхаковым руководили революционной противоправительственной пропагандой среди местного татарского населения ... распространяли преступную партийную литера-

туру, причем работали в сем направлении, как непосредственно, так и посредством шакирдов союза «Бреги» («Берек» – прим. автора) ... казанские купцы Казаков, Аитов, Галикеев, не принимая непосредственного участия в указанном революционном движении, содействовали последнему денежной помощью и допускали устройство в своих домах, тайных собраний, названной партии...»²⁴⁴.

На первый взгляд, все это звучало впечатляюще. Однако, конкретные факты, говорящие о преступных действиях, например, того же Г.Баруди, в распоряжении жандармов не было. Полковник Калинин, предложивший вначале переместить Галеевых и Апанаева на должность имамов в какую-нибудь другую, смежную с Казанской, губернию, нашел возможным привлечь к ответственности одного лишь С.М. Галеева, да и то, за организацию неразрешенного публичного мероприятия. В сомнениях пребывал и казанский полицмейстер Васильев, считавший почему-то главным зачинщиком бунтовщиков только Г. А-К. Апанаева.

Такое развитие событий не устраивало губернатора М.В. Стрижевского, уже успевшего проафишировать перед начальством раскрытие опасного заговора «панисламистов». 27 ноября 1907 г. он вернул дело на исследование. Оно продолжалось четыре месяца, но ожидаемых результатов так и не принесло. Неоспоримые улики по-прежнему отсутствовали, даже пресловутая «преступная литература», найденная в некоторых медресе, на проверку оказалась собранием обыкновенных учебников и дидактических пособий. Обвинение, шитое белыми нитками, неумолимо расплзлось по швам. Тогда М.В. Стрижевский, желая перехватить инициативу, пошел на крайнюю меру. Прямо на донесении полковника Калинина от 16 февраля 1908 г., где говорилось, что каких-либо новых существенных обстоятельств о преступной противоправительственной деятельности подозреваемых лиц не выявлено, он поставил следующую резолюцию: «возбудить ходатайство о высылке муллы Апанаева, братьев Галеевых и купеческого сына Казакова под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию на три года. Дело об Аитове и Галикееве прекратить»²⁴⁵.

Министр внутренних дел, конечно же, не заметил явного самоуправства губернатора и 21 марта 1908 г. утвердил его решение, правда, с некоторыми изменениями. Петербургский чиновник сократил срок наказания до двух лет, а местом ссылки определил Вологодскую губернию²⁴⁶.

---

²⁴⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.505. Л.25–27об.

²⁴⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.505. Л.59–60; РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.800. Л.37об.

²⁴⁶ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.505. Л.74.

Попытки исправить решение министра внутренних дел по отношению к казанским священнослужителям и купеческому сыну А-Х.М-Ш. Казакову предпринимались неоднократно. Не помогла ни личная просьба муфтия М.Султанова о пересмотре скандального дела, адресованная П.А. Столыпину, ни поездки А.Я. Сайдашева в Правительствующий Сенат, ни многочисленные прошения купечества и духовенства Казани, Уфы, Оренбурга. Следует отметить, что власти проявили некоторую гуманность, разрешив сосланным провести часть срока не на суровом российском севере, а за границей: Галимзян мулла отправился в Дамаск, а затем в Бейрут, Салихзян Галеев – в Стамбул, Габдулла Апанаев – в хадж, Абдулхамит Казаков – в Берлин. В марте-июне 1910 г. все четверо вернулись в Казань.

Таким образом, страх перед революционными настроениями, непонимание процессов, происходивших в этот период в татарском обществе, провоцировали власти на принятие необоснованно жестких мер по отношению к видным представителям мусульманской буржуазии и духовенства. Обвинив без всяких доказательств, влиятельных казанских иттифаковцев в разработке антигосударственной программы, создании подрывной партии, подстрекательстве учащихся медресе, сотрудничестве с социалистами губернатор М.В. Стрижевский фактически на 2 года обезглавил городское бюро «Союза Мусульман». Основной удар репрессий был направлен не на реальных возмутителей спокойствия, а на добропорядочных, в большинстве своем монархически настроенных деятелей, ярко проявлявших себя в джадидских преобразованиях.

Впрочем, данное дело ознаменовало собой лишь начало в бесконечной череде других громких расследований, пытавшихся обнаружить в мусульманском общественном движении начала XX в. уже другое антигосударственное явление – панисламизм, которое в глазах царской бюрократии представлялось не менее пугающим и опасным, чем собственно революционная деятельность.

ГЛАВА 4

ЧЕЛОВЕК СО СВОЕЙ КУЛЬТУРОЙ

- 4.1. *«После 1905 года мы проснулись»*: ренессанс татарской культуры в начале XX в.
- 4.2. *«Зовите нас крещенами»*: этноконфессиональные процессы в кряшенском (крещено-татарском) обществе в начале XX в.
- 4.3. *«Наша работа среди черемис не пропала даром: замечается сильный подъем сознания...»*: мариЙцы Казанской губернии в 1905–1907 гг.

4.1. «После 1905 года мы проснулись...»: ренессанс татарской культуры в начале XX в.

1905 год является важным рубежом в развитии татарской культуры в самом широком ее понимании. Если до этого времени она основывалась, главным образом, на конфессиональных традициях, то в период революционных исканий во весь голос заявила о себе светская культура. Поиски новых форм в литературе и искусстве продолжались еще с рубежа XIX–XX вв., но эти робкие стремления к европейским стандартам выглядели либо как примитивное копирование чужой культуры, либо носили излишне нравоучительный характер.

Данное культурное торможение было вызвано не только ограничительными мерами государства (например, власти не давали разрешения на издание газет или на проведение литературно-музыкальных вечеров), но и кризисом в самой татаро-мусульманской общине, где до конца XIX в. преобладали средневековые принципы обучения в конфессиональных школах, игнорировались новые формы общественных объединений. При этом появившиеся в татарских слободах люди с другим мышлением (с воодушевлени-

Глава 4. Человек со своей культурой

ем воспринимавшие достижения европейской цивилизации, и слышанные о тенденциях эпохи Просвещения) в конце XIX в. большинством мусульманского населения воспринимались с подозрением. Таким человеком в Казани стал Каюм Насыри. Он открыто заявлял о своей инаковости. Он был «другим» в образе жизни и в духовных устремлениях.

Этот кризис внутри татарского общества вылился в конфликт разных идеологически течений. О борьбе кадимизма и джадидизма в сфере образования уже говорилось в предыдущей главе, где основное внимание было уделено изменениям в татарских медресе. Помимо функционирования традиционных конфессиональных школ, со второй половины XIX в. стали открываться земские учебные заведения. Однако татарское население практически игнорировало их, воспринимая как один из факторов ассимиляции народа. Безусловно, это настороженное отношение имело под собой некоторые основания.

Но в период Первой русской революции татарские общественные деятели стали проявлять интерес к муниципальным учебным заведениям. Данные школы являлись крайне необходимыми в сельской местности, где из-за вялости джадидских преобразований наблюдалось падение грамотности и стагнация духовного образования. Поэтому, исходя из решений 3 Всероссийского съезда мусульман, проходившего в Нижнем Новгороде с 16 по 21 августа 1906 г. и предусматривавшего с укреплением конфессионального, развитие светского образования у татар, мусульманская буржуазия, духовенство и интеллигенция, обратила самое серьезное внимание на взаимодействие и сотрудничество с органами местного самоуправления, городскими думами и земствами¹. Например, Казанское бюро «Союза мусульман» в составе Г.Баруди, Г.А-К. Апанаяева, С.Ш. Алкина, Ю.Акчуры и др., фактически утвердившее во всех махаллях Казани новометодное образование и поощрявшее учреждение русско-татарских школ с различными источниками государственного финансирования, особое внимание уделяло тем уездам, где реформы проходили медленно и трудно.

Пытаясь реализовать ряд постановлений 3-го съезда, бюро отправило в с.Большие Ковали Казанского уезда имама Г.А-К. Апанаяева для подготовки официального запроса из волостной в уездную управу о состоянии дел с просвещением мусульман. Этот документ констатировал, что мусульмане в течение десятилетий, платя наравне с русскими земский сбор, собственных училищ от земства не имеют и считают такую ситуацию для себя «обременительной и не-

---

¹ Фахрутдинов Р.Р. Татарский либерализм в конце XIX – начале XX века. Очерки политической истории. – Казань, 1998. – С.98.

справедливой». Данный вопрос стал предметом обсуждения уездного земского собрания, открывшегося 7 октября 1906 г. В целом доклад, прочитанный на собрании перед гласными, выглядел вполне лояльным и демократичным, признававшим, что мусульмане, составлявшие более половины населения всего уезда, имеют право на собственные земские школы, «чуждые миссионерских и русификаторских задач, с преподаванием на родном языке».

После напряженного обсуждения и прений, в которых прозвучали самые разные настроения и предложения, было наконец решено образовать специальную комиссию «для разработки вопроса об образовании мусульман», в которую вошли кроме 3 гласных от сельских обществ, председателя собрания Якобия, председателя управы Новицкого еще и видные представители мусульманского населения, а именно, имамы: Г.Баруди, Ш.Х. Абызов; педагоги: Ш.А. Тагиров, И.В. Терегулов; купцы: М.И. Галеев, М.А. Сайдашев, М-Б.А-К. Апанаев, М-С.М-С. Галикеев; адвокат С.Ш. Алкин². Особую политическую остроту обсуждаемому вопросу, безусловно, придали «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих на востоке и юго-востоке России», утвержденные министром народного просвещения 31 марта 1906 года. Ряд положений этого акта вызвали резкую критику со стороны мусульманской общественности. Ее взволновали, прежде всего, пункт 4 правил, в котором татарам запрещалось заниматься преподавательской деятельностью в киргизских школах, пункты 9 и 33, передававшие право общего надзора за медресе и мектебами на инспекторов инородческих училищ (что было равнозначно прямому контролю министерства народного просвещения над мусульманскими учебными заведениями) и, конечно же, пункт 13 предписывавший «для облегчения учащимся инородцам перехода к изучению русского языка» учебные книги и пособия печатать в двойной транскрипции – русской и инородческой, а это понималось татарами как попытка правительства склонить молодое поколение к принятию русского алфавита, отказу от религиозной и национальной самобытности.³ (Действие данных правил ввиду наметившихся волнений среди татар Казанской и других губерний было приостановлено министром внутренних дел П.А. Столыпиным 3 февраля 1907 г.)

Таким авторитарным мерам министерства лидеры мусульман противопоставили компромиссные по сути постановления своего 3-го Всероссийского съезда мусульман, в которых, кроме финансовой помощи уже существующим мектебе и медресе было обозначено желание и согласие учреждать повсеместно русско-татарские об-

---

² НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2670. Л.1–2.

³ Там же.

щеобразовательные училища с обязательными часами основ веры и шариата.

К чести руководства земской управы и собрания в лице Якобия и Новицкого, руководствовавшихся тем принципом, что «по воззрениям земства в основу народной школы должны быть положены желания народа» на заседании вышеупомянутой комиссии 21 ноября 1906 года после убедительных выступлений М.А. Сайдашева, А.М-Ю. Апанаева, С.Ш. Алкина дальнейшая разработка принципов земского просвещения мусульман уезда была передана еще более узкому кругу людей, разбирающихся во всех тонкостях народного образа жизни, знающих психологию и желания деревенских татар. Эту подкомиссию возглавил неофициальный предводитель татарских реформаторов Г.Баруди. Как раз ее выводы должны были лечь в основу программы просветительской деятельности уездного земства среди инородцев.

Вот три основных пункта окончательного заключения данной подкомиссии в дословном изложении: «1) Ввиду того, что мусульмане считают себя обиженными тем, что они, платя в течение более 40 лет наравне с русскими все земские повинности, на дело своего просвещения ничего от земства не получают, и существующие медресе содержатся или на частные средства, или же на средства сельских обществ, хотя в них преподаются не только богословские науки... желательно чтобы земство выдавало всем существующим медресе и мектебе в деревнях ... денежные пособия, не обуславливая обязательного изучения русского языка в них; 2) ... желательно, чтобы земство приняло на себя инициативу ходатайствовать о пересмотре ... правил (от 31 марта 1906 года – прим. авт.) и об изменении их в духе постановлений 3-го Всероссийского мусульманского съезда; 3) так как в программе 3-го мусульманского съезда в существенных чертах выражено все то, мусульмане считают желательным и осуществимым в деле народного образования желательно, чтобы земство руководствовалось лишь этой программой»⁴. Согласие, достигнутое земскими деятелями и мусульманским движением, не на шутку встревожило властные структуры. Попечитель казанского учебного округа писал 23 декабря 1906 г. казанскому губернатору: «...казанская уездная земская управа, взявшись устраивать дело народного образования среди инородцев уезда, сама подала повод к возбуждению общего вопроса об изменении Правил 31 марта 1906 г. и о принятии постановлений 3-го мусульманского съезда, сообщив при том этому вопросу острый характер»⁵.

---

⁴ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2670. Л.8об.

⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2670. Л.8–9об.

Глава 4. Человек со своей культурой

Ему вторил в письме на имя губернатора 1 января 1907 г. директор народных училищ Казанской губернии: «...начинания казанской уездной земской управы по отношению к инородческому образованию совершенно не соответствуют пользе государства...»⁶. Однако несмотря на эти отрицательные оценки, правительству пришлось считаться с реалиями исторического момента и оно, под нажимом земств и мусульманского движения, взамен одиозных Правил от 31 марта 1906 г. вынуждено было выпустить 15 декабря 1907 г. новые установления, разрешающие в каждой татарской деревне учреждать на земские средства школы нового типа с преподаванием на родном и русском языках с обязательным ежедневным обучением основам веры и шариата. При этом значительно облегчался сам процесс открытия подобных учебных заведений, когда для юридического оформления требовался приговор не всего села, а лишь 10 желающих того человек, естественно имеющих детей школьного возраста⁷. Уже в 1910 г. директор народных училищ Казанской губернии констатировал: «... татары-мусульмане с каждым годом проявляют большую склонность к обучению русскому языку и быстро возрастает число ходатайств об открытии русско-татарских училищ...»⁸.

Стремление к созданию государственных русско-татарских училищ, активное сотрудничество с властями и русской общественностью при выработке основных принципов национального образования в этих учебных заведениях, должно было, по мнению, идеологов мусульманской буржуазии, отвлечь внимание властных структур от конфессиональной системы образования, дать ей полную автономию, вывести из под контроля Министерства народного просвещения, передав в полное ведение Оренбургского магометанского духовного собрания.

Эта идея, как и огромное количество предложений с мест, вошли затем в поправки мусульманской фракции 3 Государственной думы при разработке законопроекта «О введении всеобщего начального обучения в Российской Империи». Мусульманские представители, в частности, сформулировали следующие предложения. Обучение в школах должно вестись на родном языке. Они обязаны соответствовать интересам государства и одновременно учитывать религиозные и национальные интересы местного населения, его обычаи и традиции. Вероучителей и программу духовных наук необходимо утверждать в Духовном собрании. Религиозные школы следует передать из ведения Министерства народного просвещения Министерству внутренних дел с тем, чтобы надзор за учебно-

---

⁶ Там же. Л.12.

⁷ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.6188. Л.21–22об.

⁸ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.12617. Л.7.

воспитательной стороной и внутренним распорядком осуществлялся Духовным собранием. Однако, прежде требуется провести реформу самого Собрания, организация которого должна строиться на выборных началах. Важным было предложение о личном выборе попечителя при отнесении частной школы к тому или иному ведомству. И, наконец, мусульманские депутаты ясно дали понять, что успешное функционирование государственной начальной школы в среде татар будет невозможно без ощутимой финансовой поддержки⁹. Конечно, обойтись только лишь громкими декларациями было невозможно. Для того, чтобы государственная школа не превратилась в успешного конкурента приходского конфессионального училища, необходимо было определиться с содержанием ее учебного процесса, преподавательскими кадрами, учебной литературой.

Показательно в этом смысле обсуждение программы русско-татарских училищ на заседании Казанского уездного земства 10 и 11 января 1912 г. с участием татарских предпринимателей, духовенства и интеллигенции. После обширного доклада инспектора народных училищ Я.Д.Коблова мусульмане выступили со своими комментариями и предложениями. Казанский 1 гильдии купец М-Б.А-К. Апанаев назвал отношение уездных мусульман к русско-татарским школам подозрительным и призвал при создании их избегать каких-либо тенденций, придерживаясь лишь только просветительских целей. Председатель собрания, член Государственной Думы, уездный предводитель дворянства А.Боратынский отметил подозрительность татарского населения к русским и высказался, ссылаясь на манифест о свободе совести, против любых гонений на религиозной почве. Он подчеркнул, что в русско-татарских школах все общеобразовательные предметы первые 2 года будут преподаваться на родном языке при условии обязательного изучения русского языка. В ответ на это высказывание предприниматель М.А. Сайдашев попросил разъяснений, отметив, что употребление татарского языка только в качестве орудия при изучении русской грамоты явно недостаточно. Он также сказал: *«Мы хотим ввести язык наших дедов, материнский язык, как особый предмет; мы хотим дать своим детям воспитание на своем языке; хотим, чтобы в этих школах преподавался еще арабский язык, необходимый для изучения нашей религии; русский же язык, как необходимый нам язык, должен занять первое место»*¹⁰.

На заседании 12 января инспектор Я.Д.Коблов более подробно остановился на проекте программы русско-татарской школы, по которой планировалось давать еженедельно 12 уроков русского

---

⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.4485. Л.110б.

¹⁰ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.772. Л.63.

языка, 6 уроков родного языка, 6 уроков арифметики, 6 уроков вероучения и 2 урока пения. Кроме этого, предполагалось сделать языком преподавания в первые два года учебы только татарский, а в последующие два года русский язык. При этом преподавание вероучения и родной речи оставалось обязательным весь 4-годичный срок обучения. В целом, представители мусульман одобрили данный проект, но внесли в качестве предложения вопрос об увеличении часов вероучения до 8 уроков в неделю. По замечанию М.А.Сайдашева уроки пения было решено заменить преподаванием рецитации Корана.

Интересным было обсуждение вопроса о педагогическом персонале русско-татарских школ. Инспектор народных училищ считал, что вероучение должны преподавать приходские муллы, а все остальные предметы, в том числе и родную речь, учителя русского языка. На это последовали логичные возражения со стороны почти всех участников собрания. По твердому убеждению джадидского духовенства, интеллигенции и буржуазии, муллы не должны принимать участие в учебном процессе государственных школ, а заниматься этим должны специально обученные мугаллимы, на долю которых должно выпасть преподавание, как вероучения, так и общеобразовательных предметов. Имам Г.Апанаев заметил, что знает «много школ в Мамадышском уезде, ученики которых довольно хорошо начинают владеть русским языком, а по родному и вероучению ничего не знают. И это вполне понятно – учитель преподавал как следует, а мулла – как попало»¹¹. На возражение Я.Д.Коблова о том, что мугаллимы не имеющие соответствующей подготовки не смогут обучать общеобразовательным предметам, М.А.Сайдашев ответил следующее: *«Уроки вероучения очень тесно связаны с татарской грамотой. Мугаллимы же более способны обучать грамоте, чем муллы, к тому же в этих школах преподавание должно вестись по новому методу (т.е. звуковому), а многие муллы совершенно не подготовлены в этом отношении»*¹². Понимая, что у таких школ действительно может возникнуть проблема с квалифицированными кадрами, М.А.Сайдашев предложил временно возложить преподавание родного языка и вероучения на мулл, а остальных предметов на мугаллимов. С данным предложением совещание полностью согласилось.

Наиболее острой в обсуждении стала проблема надзора за деятельностью русско-татарских школ. Духовенство, в основном, поддержало предложение Коблова о привлечении к нему приходских имамов. В то же время большинство предпринимателей, неко-

---

¹¹ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.772. Л.64об.

¹² Там же.

торые священнослужители и интеллигенция, в том числе Ш.Иманаев, Г.Апанаев, М-Б.А-К.Апанаев, М.А.Сайдашев, выступили против. По их мнению, училищный совет должен состоять только из учителей, так как контроль со стороны мулл может привести к усилению религиозного начала в училище и превратить его в обыкновенное приходское мектебе или медресе. «А потому учащиеся могут выйти лишь с односторонними знаниями, тогда как желательнее более гармоничное развитие»¹³. При поддержке А.Боратынского верх одержала последняя точка зрения, и, дело надзора за школой полностью было поручено учительскому персоналу.

Вопросы национального образования стали одним из самых обсуждаемых в появившейся после 1905 г. татарской прессе. В каждом номере татарской газеты публиковались статьи и сообщения о качестве обучения в медресе, программах, мугаллимах и муллах, шакирдах, о реформе системы образования, татарах, поступивших в русские учебные заведения.

Попытки открыть периодические печатные издания были еще в конце XIX в., но все они останавливались различными бюрократическими препонами. Кроме того, имело место и особое отношение государства к инородцам, поощрение их культурного роста не входило в планы правительства. Так татарская газета оставалась долгое время недосыгаемой мечтой наиболее образованной части татар: интеллигенции, учащихся, буржуазии. «В 1901 г. мы (группа учеников Казанской татарской учительской школы – прим. авт.) восхищались простым торговым объявлением татарского купца о предстоящих распродажах, – вспоминал анонимный автор в газете «Вақыт» от 12 декабря 1915 г. – Объявление самое обыкновенное, теперь такие печатают всюду». Но тогда учеников подкупило то, что оно было на татарском языке, наклеено на витрине рядом с русскими афишами, да еще напечатано на листе бумаги, напоминающей газету. «Татарская газета! Нужно было сойти с ума от радости при виде татарской газеты, но в 1905 г. происходили другие более удивительные события, которые коснулись и татар, и научили их смотреть на все остальное равнодушно»¹⁴.

Первая газета на татарском языке появилась в Санкт-Петербурге и называлась «Нур» («Луч»), издавать ее начал местный имам А.Баязитов, в том же 1905 г. в Казани юрист С.Алкин начал издавать газету «Казан мухбире». В 1906 г. насчитывалось восемь новых татарских газет, только в Казани выходило пять из них: «Юлдуз», «Азат», «Баянель-хак», «Тан юлдузы», «Азат халык»¹⁵.

¹³ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.772. Л.65 об.

¹⁴ НА РТ. Ф.969. Оп.1. Д.46. Л.25–27-об.

¹⁵ Баттал Г. Казан төркиләре. – Казан, 1998. – Б.134.

Глава 4. Человек со своей культурой

Новые газеты вызывали живой интерес, нередко читатели умеренным газетам предпочитали более «острые» издания. Так, Ф.Амирхан в частном письме другу сообщал о том, что вместо газеты «Казан мухбире» подписался на новую газету «Азат». Последнее издание привлекло его так называемой радикальностью. Он отмечал, что редактор данной газеты Г.Апанаев уже несколько раз привлекался к судебной ответственности из-за своих статей¹⁶.

Издатель газеты «Юлдуз» А.Максуди с 1892 г. пытался получить разрешение на издание национальных газет и журнала, но каждый раз его ходатайства оставались без внимания. Лишь в период революции ему удалось осуществить свою давнюю мечту. «Юлдуз» издавалась до 1918 г., она стала очень популярной среди населения, постепенно из еженедельной превратилась в ежедневную. Всего с 1906 по 1918 г. вышло 1895 номеров, тиражи в разные годы доходили до 5–8 тысяч экземпляров¹⁷.

Татарские газеты издавались не только в Казани, но и в других городах Российской империи, где компактно проживали мусульмане. Конечно, функционирование газет и журналов стало возможно особенно в тех местностях, где были богатые татарские предприниматели. Именно они являлись основными спонсорами национальной прессы. Но после спада революционной волны, многие издания закрылись. В первую очередь это коснулось газет леворадикального характера, выжила лишь умеренно-либеральная пресса. Но увеличилось количество специализированных журналов: для детей, для женщин, для представителей различных профессий. С появлением татарских газет, значительно снизилось влияние «Тарджемана»¹⁸. *«Двадцать пять лет назад, словно человек давящийся хлебом за неимением белой булки, довольствующийся махоркой вместо дорогих сигарет, мы вынуждены были читать «Тарджеман» и искренне внимали ему. С тех пор мы сильно изменились! – писал Г.Тукай в уральской газете «Фикер» в 1906 г. – Как скачущая впереди хвоста своего одинокая лошадка, газета «Тарджеман» выглядела в наших глазах довольно передовой. Но сейчас, спасибо за это, на арену вышли скакуны вроде «Таң йолдызы», «Вақыт», «Фикер». Мы пытались пустить и «Тарджеман» на эти скачки. Тут и увидели, кто впереди, а кто отстаёт»¹⁹.* Снижение популярности бахчисарайской газеты связано было не только с умеренностью взглядов, «осторожностью» издателя Гаспринского. Для некоторых читателей трудным представлялся и язык издания:

¹⁶ Амирхан Ф. Әсәрләр. Т.4. – Казан, 1986. – Б.231

¹⁷ Гаффарова Ф.Ю. Әхмәтһади Максуди. – Казань, 2002. – Б.26–27.

¹⁸ Валиди Дж. Очерк истории образованности и литературы татар. – Казань, 1998. – С.79.

¹⁹ Тукай Г. Әсәрләр. 5 томда. – Т.3. – Казан, 1985. – Б.235–236.

Глава 4. Человек со своей культурой

смесь крымско-татарского с турецким, с арабскими, персидскими словами был не всегда легким для восприятия. Поэтому когда появились мусульманские волго-уральские газеты с понятным языком изложения, многие переключились на них²⁰.

Появление национальной периодической печати дало новый импульс развитию татарской литературы. Произведения поэтов и писателей через страницы газет и журналов быстрее доходили до своих читателей, а реклама новых произведений в прессе оживила книгоиздательское дело. Кроме того, после октябрьского манифеста 1905 г. упростилась процедура регистрации издательств и типографий. Если до 1906 г. в Казани только братья Каримовы имели издательство с собственной типографией, то в годы революции и позднее были созданы типографии «Магариф», «Баянелъхак», «Миллят», «Урняк», «Умид». Свои книги татарские издатели печатали и в других типографиях, принадлежащих русским предпринимателям (типографии И.Н.Харитоновой, И.В. Ермолаевой и др.). Накануне революции, в 1904 г., в казанских типографиях было отпечатано 248 татарских изданий с общим тиражом 2 948 570 шт., в 1908 г. татарские издательства предложили уже 426 наименований новых книг, а в 1909-м – 476. При этом тиражи не сильно отличались от дореволюционных: 1908 г. – 2 594 025 шт., 1909 г. – 3 164 935²¹. Таким образом, можно говорить о качественном скачке в книгоиздательском деле. Значительно расширился диапазон издаваемой литературы. Наряду с религиозными и художественными текстами, выпускалось очень много научно-популярной литературы, справочников и других книг практического характера.

Оценивая развитие татарской литературы уже после 1905 г., сами некоторые татарские авторы сравнивали ее с «быстротой распространения эпидемических болезней», считали это явление ненормальным и указывали на необходимость серьезной литературной критики. «Каждый автор расхваливает в объявлениях свое произведение, сотрясая землю и небо (ибо деньги нужны) и объявления этим верить нельзя», – писала казанская газета «Баянелъхак» в 1912 г.²²

Татарская литература после 1905 г. развивалась под влиянием русской литературы. Это было совершенно новое веяние, ведь в произведениях авторов рубежа XIX–XX вв. З.Бигиева, М.Акъегета, ранней прозе Г.Исхаки чувствовались мотивы турецкой беллетристики того периода, а литературные сочинения Р.Фахреддина за-

²⁰ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д. 8828. Л.3.

²¹ Подсчитано авт. по: Каримуллин А. Татарская книга начала XX века. – Казань, 1974.

²² Обзор мусульманской печати // Мир ислама. – Спб., 1912. – Т.1, Выпуск 2. – С.280.

Глава 4. Человек со своей культурой

метно отличались от актуальной реалистичной прозы его современников. Но более молодые авторы предпочитали другие творческие решения.

Так, один из основателей национальной сцены, выдающийся комедиограф Галиаскар Камал, прославившийся самобытным, талантливым пером, называл в числе своих учителей Н.В. Гоголя и А.Н. Островского. Не менее сильным было воздействие и произведений А.М. Горького, которые безоговорочно владели тогда умами молодых татарских писателей. Очевидная идейная перекличка с творчеством А.М. Горького наблюдается в новаторской драматургии Гафура Кулахметова, чьи драмы «Две мысли» и «Молодая жизнь» вошли в историю как первые произведения татарской пролетарской литературы. Рефлексирующий борец за свободу Дауд, мечущийся между Красной и Черной мыслями или босяк Юсуф с революционной риторикой из «Молодой жизни» – все они герои на перепутье, характерные для литературы А.М. Горького и других русских писателей начала XX в.

Крупнейший татарский литератор и общественный деятель Гаяз Исхаки также внимательно учился у русских классиков, талантливо претворяя их уроки в блестящих образцах национальной прозы. Сын сельского имама, выпускник знаменитого Апанаевского медресе Казани, он, еще в 1898–1902 гг., находясь в стенах Татарской учительской школы, заинтересовался русской литературой и, постигая ее эстетические секреты, начал переводить на татарский язык. В 1901 г. в переводе Г.Исхаки была издана повесть А.С.Пушкина «Капитанская дочка», а несколько позднее опубликована в его авторской интерпретации повесть Н.В.Гоголя «Старосветские помещики». Однако, наибольшее воздействие на художественный мир Г.Исхаки оказали И.С.Тургенев и Л.Н.Толстой, у которых он учился мастерству тонкого психологизма, философичности, емким образным характеристикам. Молодой прогрессивный просветитель Мансур из романа «Нищенка» прототипом, которого был сам писатель, буквально живет произведениями этих великих художников. Он признается в том, что всегда восхищался высотой и ясностью их мысли, необычайной проникновенностью лиризма. Неслучайно, что, именно на Г.Исхаки обратил свое внимание А.М.Горький, когда задумал издать в 1911–1912 гг. серию сборников из произведений национальных литератур народов России. Писатель не только поддерживал переписку со своим татарским коллегой, но и способствовал публикации в переводе на русский язык в журналах «Современник» и «Заветы» его романа «Жизнь ли это?» под названием «Дневник шакирда», драмы «Брачный договор» и ряда других сочинений. Русская пресса назвала Г.Исхаки одним из основателей и

крупнейшим представителем татарской литературы, отцом татарского литературного языка.

Огромные тиражи художественных, научно-популярных и публицистических книг, газет и журналов на татарском языке способствовали реформированию языка. Благодаря этим изданиям создавалось единое языковое пространство. При этом авторы стремились избавиться как от османизмов, так и от русских слов. Последних за революционные годы в татарском языке накопилось особенно много.

«Некоторые казанские газеты все еще употребляют большое количество русских слов. Например, "Казань Мухбери", обсуждая вопрос о местном самоуправлении в передовой статье, говорит: "земство", "городская управа", "оппозиционные партии", "бюрократия", "земская реформа", "законопроект", "реакционные земства", "съезд", "министр внутренних дел", "губернское земское собрание", "Дума". В торговом отделе мусульманских газет встречается много таких прямо списанных с русских слов, как: "спрос", "сделка", "выбор", – писал в 1909 г. автор, скрывавшийся под псевдонимом Г.Алисов. – Но уже существует стремление прекратить это пользование русскими словами и заменять их или чисто тюркскими, или соответствующими арабскими и персидскими»²³. Как отмечали татарские журналисты, за годы существования национальной прессы был выработан особый газетный язык²⁴. Однако понимали его не все читатели. Так, в 1909 г. в издательстве «Сабах» (Казань) вышел специальный «Карманный словарь или помощь читателям газет», составленный Ф.Садыковым. Словарь включал такие термины как «агитатор», «пенсия», «монархия», «революция», «радикал», «социал-демократы», «социал-революционеры», «военное положение», «джадидизм», «кадимизм», «манifestация» и другие слова²⁵.

Этот словарь свидетельствовал о том, что для многих русских терминов так и не были найдены соответствующие аналоги в татарском языке. Даже, казалось бы, самые обыкновенные слова не были распространены в татарском языковом обиходе. Например, по сообщению казанской жандармерии в 1906 г. переводчики прокламаций социал-демократической партии пытались найти достойное смысловое значение слову «свобода» в татарском языке. В итоге, остановились на арабском варианте «хоррият», но появилась и другая альтернатива из повседневной татарской речи – «ирек», что дословно тогда понималось как «простор»²⁶. Таким

²³ Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – №3/4. – С.239.

²⁴ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.1114. Л.38.

²⁵ НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.129. Л.3–4.

²⁶ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.369. Л.2.

Глава 4. Человек со своей культурой

образом, сложившиеся социальные реалии способствовали реформированию татарского языка, созданию нового языкового пространства на страницах печати. С ростом татарского национального самосознания, этот вопрос становится еще более актуальным.

Еще одной характерной тенденцией революционных и постреволюционных лет в татарской культуре стал рост интереса к истории. При этом различные труды по истории татар появлялись и до революции, но в данный период, помимо них, были опубликованы работы по философии и методологии истории (например, «История и наука» Ю.Акчуры в 1906 г.), а историю татар и тюрков как дисциплину начали преподавать в медресе. Публикации по истории постоянно печатались на страницах новых татарских газет. Одним из активных авторов этой поры был историк Г.Ахмеров²⁷.

Помимо консолидации общества на страницах печати, не меньшее распространение в 1905–1907 гг. получили различные публичные собрания, культурно-массовые мероприятия. «Свобода союзов», наряду со «свободой слова», открыла новые возможности для развития национальных культур. «Временные правила об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. уже 23 апреля того же года были закреплены в новой редакции «Основных законов Российской империи»²⁸. Согласно закону значительно упростилась процедура регистрации обществ, которая при благоприятных условиях могла занимать не больше одного месяца. Первый татаро-мусульманский союз – Бекбулатовское общество взаимной благотворительности касимовских татар в Санкт-Петербурге – был организован еще в 1867 г., в 1903 г. по всей России их насчитывалось всего 8. В 1915 г. функционировало уже 87 мусульманских благотворительных обществ²⁹.

Однако в пределах Казанской губернии фактически были лишь два татарских общественных объединения. Из них Общество пособия бедным мусульманам г. Казани действовало с 1897 г. 21 декабря 1906 г. зарегистрировано Общество мусульман г. Казани «Восточный клуб»³⁰. Инициированное в 1908 г. властями Царско-народное мусульманское общество вскоре было закрыто и существенной роли в общественной жизни татар губернии не сыграло. Попытки чистопольских татар в 1912–1914 гг. создать собственное мусульманское общество не увенчались успехом. Очевидно, что, в постреволюционные годы борьбы с мифическим панисламизмом, в

²⁷ Губайдуллин Г. Труды (статьи и выступления). – Баку, 2010. – С.29.

²⁸ Туманова А.С. Общественные организации и русская публика начала XX века. – М., 2008. – С.171.

²⁹ Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. – М., 2013. – С.143.

³⁰ НА РТ. Ф.411. Оп.1. Д.1. Л.2, 9.

одной из самых «татарских» губерний России официальными властями не поощрялось стремление татар к самоорганизации. И даже марионеточное ЦНМО в итоге закрылось по подозрению участников в панисламизме.

Одной из форм общественной активности в Российской империи в этот период стало внимание к свободному времяпрепровождению. Основная масса общественных объединений представляла собой кружки по интересам. Вся энергия политизированной народной массы была направлена на альтернативные варианты публичной активности. В разных городах России в этот период устраивались татарские литературно-музыкальные вечера. Хотя даже с упрощением процедуры по получению разрешения на проведение вечеров, по аналогии с общественными объединениями, планируемые татарские мероприятия вызывали у властей особое подозрение. Сложности с получением разрешения усугублялись и некоторыми представителями старшего поколения татар, которые часто выступали против мусульманских концертов, театральных постановок и литературных вечеров.

Основными организаторами всегда выступала молодежь – это были либо приказчики, либо шакирды. Татарской интеллигенцией постепенно проводилась мысль о том, что литературно-музыкальные вечера или «Әдәбият ахшамы» – это возможность слушать мелодии своей нации не в сомнительных местах, а в приличных залах. «Если музыка, призывающая к прелюбодеянию – это харам, то музыка, зовущая к прогрессу, просто обязательна», – писал о литературно-музыкальных вечерах Г.Тукай³¹. Именно эти мероприятия, во многом способствовали распространению лояльного отношения к музыке.

До этого музыкальная культура на протяжении долгих столетий носила частный характер, публичное исполнение мелодий не приветствовалось мусульманским духовенством. Игра на музыкальных инструментах, пение и танцы были под запретом в медресе, хотя это не всегда останавливало шакирдов. После 1905 г., в некоторых медресе разрешалась игра на музыкальных инструментах. Особое место в этом ряду занимало новометодное медресе «Галия» в Уфе, открытое в 1906 г. В учебном заведении ученики организовали даже собственный оркестр. Музыкальный кружок действовал и в оренбургском медресе «Хусаиния»³². В частной школе Акчуриных в г. Симбирске, открытой в 1907 г., отдельно преподавалось пение³³. В ка-

³¹ Тукай Г. Әсәрләр. 5 томда. – Т.3. – Казан, 1985. – Б.225.

³² Рахимкулова М.Ф. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге // Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность: Хрестоматия. – Уфа, 2010. – С.153.

³³ ГАУО. Ф.76. Оп.7. Д.692. Л.10об.

Глава 4. Человек со своей культурой

занском «Восточном клубе» работал свой оркестр струнных инструментов, в составе которого выступали музыканты: И. Галиакберов, К. Г. Зайпин, В. Апанаев и другие. Они исполняли, в основном, произведения из татарского фольклора, то есть были попытки привить публике хороший музыкальный вкус. Кроме того, в клубе организовали мужской и женский хор.

Развитие музыкального искусства тесно связано с татарским театром. Именно в революционный период были представлены публике первые официальные татарские спектакли. При этом добиться разрешения на демонстрацию театральных постановок было не всегда легко. Например, не сразу сумел показать свои постановки в Оренбурге И. Кудашев-Ашкадарский. Премьера спектакля «первой мусульманской драматической труппы» планировалась на 3 декабря 1905 г. Но силами консервативно настроенных горожан-мусульман и губернских чиновников его затея была приостановлена. Однако несостоявшаяся премьера вызвала большой резонанс в татарском обществе по всей России. Как цепная реакция в других городах империи один за другим начинаются показы любительских спектаклей на татарском языке: 21 апреля 1906 г. в Уфе, 5 мая и 22 декабря 1906 г. – в Казани, 13 января 1907 г. – в Астрахани. Задумка Кудашева-Ашкадарского была представлена оренбургской публике лишь 10 февраля 1907 г.³⁴

Казанские татары в 1906 г. получили разрешение лишь на два представления. Многочисленные прошения артистов-любителей Габдрауфа Ниязбаева, Рахимбека Меликова губернской администрацией были оставлены без внимания. Вероятно, чиновников смутил возраст и социальный статус просителей – они были студентами и представляли интересы учащейся молодежи, большая часть которой являлась носителем революционных идей. Лишь авторитет статского советника Ибрагима Терегулова помог пробить бюрократическую броню недоверия, известный педагог взял под свою личную ответственность программу театрального вечера и сумел убедить начальство в том, что в нем не будет никаких антиправительственных выступлений. В следующем 1907 г. театральное дело в Казани немного наладилось, молодежь с удовольствием репетировала все новые и новые пьесы (и татарских авторов, и переводные произведения). Их любительская труппа так и называлась «Яшь-ләр» («Молодежь»). Всего в 1907–1908 гг. состоялись премьеры около десяти спектаклей. Когда в 1907 г. начал функционировать «Восточный клуб», появилась и постоянная площадка для показов. До этого татарские представления проходили на сцене «Клуба приказчиков» (совр. ул. Большая Красная) и «Нового клуба» (ул.

---

³⁴ Махмутов Х. Сәхнә фидәкәре // Казан утлары. – 1984. – №3. – Б.174–176.

Горького)³⁵. Чуть позднее оформилась профессиональная театральная труппа «Сайяр», с 1911 г. она базировалась в помещении «Восточного клуба».

Помимо театральных показов, в «Восточном клубе» проводились литературно-музыкальные вечера, публичные лекции, работала библиотека-читальня³⁶, игровая комната, чайная. Музыкальные таланты охотно посещали репетиции струнного оркестра, мужского и женского хора. Их выступления также проходили в клубе.

Первое время татарские публичные собрания и культурно-массовые мероприятия в городах посещали только мужчины. В публичной жизни долгое время сохранялось разделение на мужскую и женскую сферу. Например, в 1906 г. татарские женщины города Казани обратились в городскую думу с просьбой назначить им два дня в неделю, «в которые татарское отделение городской общественной библиотеки посещали бы только одни женщины, чтобы мужчины в эти дни не допускались»³⁷. Не все мусульманские женщины осмеливались прийти на показ татарских пьес. Поэтому для таких дам в Казани в 1907 г. был организован специальный спектакль для зрителей-женщин. Следует заметить, что в постановке «Жалкое дитя» играли одни женщины³⁸. В этой связи критики-кадимисты высказывали пожелание, чтобы женские роли играли не мусульманки, а представительницы других конфессий. Но с каждым годом татаро-актрис в мусульманских труппах становилось все больше, а театральные показы все чаще устраивались уже общие.

В начале XX в. «женский вопрос» прочно занял место, как в татарской публицистике, так и в литературе³⁹. Более того, мужчины-писатели подписывались женскими псевдонимами, чтобы привлечь еще больше внимания к своим произведениям. Например, прозаик Г.Гафуров, известный под именем Чыгтай, свой рассказ «Тутам» («Моя сестра») в 1905 г. опубликовал под авторством не-

---

³⁵ Мәхмүтов Н., Илялова И., Гыйззэт Б. Октябрьгә кадәрге татар театры. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. – Б.35–41.

³⁶ *Эта была третья мусульманская библиотека в городе Казани. Первые две (Исламская библиотека А.Максуди, организованная при Городской общественной библиотеке, и мусульманский отдел библиотеки Алафузовского народного дома) были открыты в 1906 г. Внимание к культурным потребностям мусульманского населения края со стороны органов городского самоуправления и местных предпринимателей, поощрение их инициативы вышестоящими инстанциями, можно рассматривать как один из итогов революционной поры.*

³⁷ Волжский курьер. – 1906. – 28 февраля.

³⁸ История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амирханова. – Казань, 2004. – С.533.

³⁹ См. Никишина С.Р. Проблема феминизма в татарской литературе начала XX века (эволюция творческого метода и героя). – Елабуга, 2004.

кой «Галимы»⁴⁰. Героиня произведения ставит ряд требований, касающихся равноправия мусульманских женщин. Значительную роль в пропаганде женской эмансипации сыграли писатели Г.Исхаки и Ф.Амирхан. Открытие мусульманских женских школ и даже татарской женской гимназии, поступление некоторых татарок в различные высшие курсы в послереволюционные годы стало своего рода ответом на вызовы нового времени. Решение «женского вопроса» было частью глобальной задачи национального просвещения и прогресса.

В качестве основного фактора успешности нации в начале XX в. татарские общественные деятели рассматривали развитие системы образования. Ее изменения были начаты в татарских медресе еще на рубеже XIX–XX вв., но в годы революции приобрели качественно новый уровень: необходимость перемен стали осознавать более широкие слои мусульманского населения. Немалую роль в этом сыграли и шакирдские волнения 1906–1907 гг.

Начальное образование мусульман в государственной школе виделось джадидскому предпринимательству на русском и родном языке, с обязательным усвоением основ веры, общеобразовательных предметов. При этом важнейшим условием становилась эффективность учебного процесса и сбалансированная программа, предусматривавшая равноценное преподавание религии, светских наук, татарского и русского языков. Существенное внимание уделялось профессионализации педагогического труда, более активной роли в учебном процессе мусульманских учителей – мугаллимов. По сути как мы уже отмечали, происходила мягкая исламизация государственного начального образования для татар, которое, вместе с реформированной приходской конфессиональной школой, становилось одним из ключевых элементов формирующейся системы национального просвещения.

В 1905–1907-е гг. стала доминировать татарская светская культура. Гуманизм, благородство, сострадание, присущие русской литературе, ее выстраданная, а не показная народность, стали примером, ярким образцом для многих татарских писателей и поэтов постреволюционной поры. При этом татарская молодежь стремилась создать особую национальную культуру, сохранить при новых условиях самобытность народа. Их идеи прогресса и гуманизма были направлены на развитие человеческой индивидуальности, свободу его волеизъявления. В это время наметились положительные перемены в воспитании детей, изменилась роль женщин в семье и обществе.

---

⁴⁰ Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. – Казань, 1983. – С.177.

Глава 4. Человек со своей культурой

Рождение «своей» культуры в самом широком ее понимании (историческая самобытность, национальное книгоиздательство и пресса, система образования, литература и искусство, образ жизни) было сложным процессом самопознания и поисков татарской идентичности на фоне пантюркистского идеологии Исмаила Гаспарлы, проектов по консолидации мусульман Габдурашида Ибрагимова и других деятелей этой поры. Революционные преобразования 1905–1907 гг. в России ускорили данный процесс, открыли татарскому народу новые возможности для создания собственных социокультурных институтов на легальной основе, а так же для проявления политической активности. Эта условная автономия в области культурного развития, несмотря на издержки внутренней политики царизма, раскрыла потенциал татарского общества и продемонстрировала способность к консолидации и самоорганизации, к творчеству и созиданию. Как писал поэт Габдулла Тукай: «После 1905 года мы проснулись...». В этом образном сравнении – вся грандиозная сила исторического момента.

4.2. «Зовите нас крещеными»: этноконфессиональные процессы в кряшенском (крещено-татарском) обществе в начале XX в.

В начале XX в. кряшенское общество испытало на себе ряд противоречивых явлений повлиявших на весь ход социокультурной жизни представителей этой этноконфессиональной группы. Эти тенденции были связаны с изменениями как в социально-экономическом положении кряшен – постепенным переходом от патриархально-общинных к буржуазным отношениям в деревне, разрушением замкнутой системы крестьянской общины, так и в общественно-культурной сфере – усилением консолидационных процессов, политизацией и секуляризацией их общественного движения. Ключевым событием кристаллизовавшим и усилившим эти процессы стала Первая русская революция.

Революция 1905–1907 гг. подтолкнула правительство к принятию программы либеральных реформ. Одним из важных законода-

тельных инициатив в значительной мере повлиявших на этноконфессиональные процессы в кряшенском сообществе стали указы о признании в стране свободы совести. Религиозная политика Российской империи, на протяжении многих столетий строившаяся на идее доминирования православия над всеми другими религиозными традициями, в условиях усиления социальной активности религиозных меньшинств, привела к росту противоречий между государственной властью и нерусскими народами страны. Несостоятельность государственной идеологии, нарастающий общественный кризис, усугубившийся социальными и экономическими проблемами, вынудили правительство пойти на изменения в конфессиональной политике, направленные на уравнивание политического и религиозного статуса национальных меньшинств с представителями титульного населения империи.

Указом от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» всем конфессиям на территории Российской империи были предоставлены относительная свобода вероисповедания и право регистрации конфессиональных объединений. Прекращалась практика уголовного и административного преследования за переход из православия в другие христианские вероисповедания (п. 1), разрешался официальный переход из православия в нехристианские религии лицам, «числящимися православными, но в действительности, исповедующие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к православию принадлежали сами они или их предки» (п. 3)⁴¹.

Вскоре после издания указа от 17 апреля 1905 г. в знак несогласия с проводимой в стране реформами ушел в отставку обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев. Его сменил либерально настроенный князь А.Д. Оболенский. Смена руководства Св. Синода знаменовала собой окончание целой эпохи в истории церкви, отход от консервативно-традиционалистского курса в политике. «После двухвековой политики религиозных стеснений, – по словам премьер-министра С.Ю. Витте – Россия вступала на путь широкой веротерпимости»⁴². Окончательное закрепление веротерпимого отношения государства ко всем традиционным религиозным группам на территории империи было зафиксировано в манифестом от 17 октября 1905 г., введившего в России «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова и союзов»⁴³.

---

⁴¹ О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 года. – СПб., 1905. – С.12–14.

⁴² Витте С.Ю. О современном положении Православной церкви // Слово. – 1905. – №108. – 28 марта.

⁴³ Высочайший манифесты 17 октября 1905 г. и 26 февраля 1903 г. и их значение для русского народа. – Казань, 1907. – С.10.

Глава 4. Человек со своей культурой

С вводом в действие основных положений указа от 17 апреля 1905 г. началось беспрецедентное в истории России движение за отход от православия в пользу других религиозных объединений, нанесшее существенный удар по господствующему положению РПЦ. Наиболее массовый выход из православия наблюдался на западной окраине империи – Царстве Польском и белорусских губерниях, где с 1905 г. по 1909 г. в католичество вернулись 232 705 человек, в Прибалтике 11 527 человек перешло из православия в лютеранство⁴⁴.

В Волго-Урале подавляющее большинство лиц, официально разорвавших отношения с православной церковью были из числа кряшен. Всего с 1905 по 1909 г. по неполным данным о своем желании отказаться от православного статуса и официально причислиться к мусульманским общинам заявило 49 910 крещеных татар, что составляло почти третью часть всего кряшенского населения (см. таблицу ниже).

Численность крещеных татар «отпавших» от православия и причисленных к мусульманским обществам с 1905–1909 гг. по губерниям Восточной России⁴⁵

Губернии	Численность «новых» мусульман
Казанская	38 999
Уфимская	4 505
Симбирская	4 360
Пензенская	866
Оренбургская	513
Вятская	427
Самарская	69
Саратовская	38
Семипалатинская область	94
Иркутская	28
Акмолинская область	8
Тобольская	3
Итого	49 910

Естественным результатом этого процесса стал отказ «новых» мусульман от кряшенской идентичности важной составляющей которой являлась принадлежность к православной конфессии и безболезненная интеграция их в татаро-мусульманское культурно-информационное поле. Надо подчеркнуть, что именно желание

⁴⁴ Wert P.W. At the margins of orthodoxy mission, Governance and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. – Ithaca and London, 2001. – P.250.

⁴⁵ РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.472. Л.48об., НБ РГИА. Папка 2349.

Глава 4. Человек со своей культурой

полноценно войти в татарское национальное пространство, в социокультурных реалиях начала XX в. возможное исключительно при исповедании ислама, стать по выражению самих «новых» мусульман «настоящими» татарами (*чын татар*), стало главными побудительными мотивами перехода этих лиц в ислам⁴⁶. Как отмечали православные миссионеры, крещены желающие исповедовать ислам довольно часто аргументировали свое желание тем, что они, являясь татарами, разговаривая на татарском языке, должны исповедовать «татарскую» (мусульманскую), а не «русскую» (православную) веру⁴⁷.

Основная масса отошедших от православия относились к группе новокрещеных татар, предки которых приняли православие в XVIII–XIX вв. после проведения первой государственной ревизии (1719–1722 г.). По нашим подсчетам после объявления в стране свободы совести к мусульманским общинам было причислено 87% от общего количества новокрещен. Это были потомки крещеных татар «отпавших» от православия в XIX в., которые несмотря на то, что к началу XX в. практически полностью порвали всякие отношения с православной церковью, вплоть до 1905 г. формально считались ее членами. Единственной крупной этнотерриториальной группой новокрещен сохранившей православную ориентацию и крещенскую идентичность были жители 9 селений северо-западной части Тетюшского и юго-восточной части Цивильского уезда Казанской губернии (молькеевские крещены). Несмотря на участие в движении за отход от православия в ислам (1827, 1866 гг.), образование в ряде селений групп «новых» мусульман (Полевая Буа, Баймурзино) основная часть молькеевских крещен предпочла остаться в составе православной конфессии. Основными причинами этого были проживание в преобладающей христианско-чувашской среде, а также широкая миссионерская и культурно-просветительская деятельность православного духовенства и учителей конфессиональных (миссионерских) школ.

Более сложная картина наблюдалась среди старокрещеных татар⁴⁸. Всего о желании официально исповедовать ислам заявило до 11 тыс. старокрещеных татар, что составляло 9% от их общего количества⁴⁹. В отличие от новокрещен «отпадавших» целыми селе-

---

⁴⁶ НА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.121647. Л.217 об.

⁴⁷ НА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.121647. Л.217 об.

⁴⁸ В дореволюционной историографии старокрещеными татарами обозначались татароязычные группы населения, предки которых приняли православие во второй половине XVI – XVII в.

⁴⁹ РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.472. Л.48об., НБ РГИА. Папка 2349, Никольский Н.В. Крещеные татары. Статистические сведения за 1911 год. – Казань, 1914.

Глава 4. Человек со своей культурой

ниями среди старокрещеных татар имелось много случаев, когда в ислам переходили лишь часть жителей селений, члены отдельных семей образовывавших новые религиозные общины. Среди этих лиц имелись как «отпавшие» во второй половине XIX в. так и те, кто официально заявил о своем желании сменить конфессиональный статус во время реализации положений указа 17 апреля 1905 г. В частности в Казанской губернии 34 000 (88%) «новых» мусульман были потомками кряшен «отпавших» от православия в XIX в., а 4 753 человек (12%) лицами перешедшими в ислам после обнаружения манифеста 17 октября 1905 г.⁵⁰ Конфессиональная дифференциация среди старокрещеных татар сопровождалась ростом социального и межконфессионального напряжения, приводила к драматическим событиям внутри их общин, вызывала острые семейные конфликты.

Объявление свободы совести стало в определенной степени «проверкой на прочность» кряшенской идентичности. Несмотря на официальное разрешение переходить в ислам, большинство кряшен сознательно отказалось от такой возможности, предпочтя сохранить свое прежнее этноконфессиональное положение. Фактически именно после событий 1905 г. можно говорить о формировании четких границ между представителями двух религиозных сообществ (татар-мусульман и татар-кряшен) и окончательном выделении кряшен из общей массы татар. Это было, в том числе, и формой рефлексии, связанной с формированием татарской гражданской (буржуазной) нации, строившейся на мусульманской основе и традиции (*миллэт*), и усилением культурного разрыва, в основе которого лежало различие письменных традиций, образовательной системы и религии. Данные процессы сопровождалось ростом кряшенского самосознания и попытками конструирования идеологии «кряшенской народности». В этом отношении большой интерес представляют публицистические и художественные произведения кряшенской интеллигенции. Формирование идеологии особой кряшенской идентичности впервые обозначилось в произведениях первого кряшенского поэта, священника Я.Е. Емельянова⁵¹. Для этого автора ключевым и практически исключительным маркером «кряшенскости» была принадлежность к православной конфессии, что вполне отражало взгляды первых кряшенских просветителей, учеников Н.И. Ильминского. Несколько другую концепцию можно увидеть в программной статье, другого яркого кряшенского поэта и

---

⁵⁰ Исхаков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). – Казань, 2011. – С.195.

⁵¹ См.: Емельянов И. Стихи на крещено-татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань, 1879.

Глава 4. Человек со своей культурой

писателя Д.Г. Григорьева (Саврушевский) «Зовите нас крещенами» вышедшей в свет в 1906 г.⁵². Д.Г. Григорьев пытается расширить границы кряшенской идентичности, включая в нее не только конфессиональную, но и этническую основу. Впрочем, как и Я.Е. Емельянов, Д.Г. Григорьев видит в конфессиональном факторе наиболее значимую и существенную составляющую самосознания кряшен. Эта трансформация взглядов показывала определенный генезис восприятия кряшнами своего положения в полиэтничном, мультикультурном пространстве Волго-Уральского региона во второй половине XIX – начале XX в., формирование у них не только особой конфессиональной, но и этнической идентичности.

Изменение вероисповедальной ситуации в стране, нанесшее серьезный удар по православной миссии, существенно повлияло на просветительское движение кряшен и развитие их культурно-образовательных институтов. Начиная с 1860-х гг. благодаря деятельности ученого-востоковеда и миссионера Н.И. Ильминского и его последователей, повсеместного внедрения его просветительских концепций в духовную и образовательную сферу, созданная им система становится базисом, на основе которой формировалась «высокая» культура кряшен и других крещеных нерусских народов Волго-Уральского региона. Во второй половине XIX в. стараниями Н.И. Ильминского был создан первый татарский кириллический алфавит для кряшен, татарский язык стал широко применяться в церковной практике и конфессиональном образовании, увеличилось количество православных духовных лиц из числа кряшен. В относительно короткий срок Н.И. Ильминскому удалось создать разветвленную сеть конфессиональных учебных заведений с двуязычной системой преподавания, национальные приходы с «инородческим» духовенством и богослужением на родных для прихожан языке. Для зарождающейся кряшенской интеллигенции благодаря внедрению системы Ильминского, РПЦ стала одним из «социальных лифтов», позволявших им повысить свой статус в обществе, образовательный уровень и улучшить свое материальное благосостояние. Деятельность большинства представителей «инородческой» интеллигенции была тесно связана с православной церковью. Многие из них начинали свой путь в стенах созданных православными миссионерами учебных заведений, где получали первоначальное образование в христианском духе, впоследствии сами становились учителями конфессиональных учебных заведений и посвящали свою жизнь культурному и религиозному просвещению соплеменников, и, наконец, переходили в духовное сословие. Наиболее талантливые и деятельные

---

⁵² Григорьев Д. Зовите нас крещенами // Известия по Казанской епархии. – 1906. – № 14–15. – С.450–454.

Глава 4. Человек со своей культурой

лица из кряшен получили «дорогу в жизнь», смогли реализовать себя в деле образования и просвещения соплеменников. В их лице православные миссионеры получили энергичных деятелей христианского просвещения.

Со смертью Ильминского (1891 г.) и изменениями в конфессиональной политике государства по отношению к крещеным нерусским народам, созданные им миссионерско-просветительские институты вступают в полосу острого кризиса, растет количество противников дальнейшего использования методик разработанных ученым в образовательной и церковной практике. Сама система Ильминского, к началу XX в. перерастает те рамки, которые были заложены ее основателем. Создававшаяся как миссионерская методика, направленная на христианизацию «инородцев» и борьбу с их исламизацией постепенно она превратилась в важнейший фактор культурной мобилизации коренных народов Волго-Уралья (за исключением мусульман). При этом ее миссионерская составляющая постепенно нивелировалась и отступала на второй план. Главным становилось развитие просвещения и культуры, школьного образования местных народов. Многие учителя (в первую очередь школ и училищ МНП и земских организаций), потерявшие в лице Н.И. Ильминского направляющий и координирующий орган, сдерживавший их в рамках миссионерской деятельности, перестают рассматривать систему лишь как форму христианизации соплеменников, выступают за развитие светских знаний, национального образования и культуры, ратуют за дальнейшее расширение применения родного языка в школьной практике.

В одной из полемических работ, направленных против системы Ильминского инспектор народных школ Мамадышского уезда Казанской губернии А. Беляев заметил, что «время длинных волос и безграмотного учительства... миновало»⁵³. Действительно, созданные Н.И. Ильминским в пореформенный период миссионерские школы во главе с учителем-церковником, с аскетическим характером, вся деятельность которого была направлена на обучение детей церковным дисциплинам, а венцом карьеры ему представлялся священнический сан, все меньше удовлетворяли потребностям и нуждам как сельских обществ, так и представителей кряшенской интеллигенции. Социально-экономические и общественные изменения, происходившие в стране, настойчиво требовали структурных преобразований, расширения преподавания светских дисциплин в начальной школе. На рубеже XIX–XX вв. появляется новый тип кряшенского учителя с секулярным сознанием и светским на-

---

⁵³ Беляев А. Просьба к Н.И. Ильминскому о разъяснении вопросов по народной школе // Волжский вестник. – 1891. – №5. – 6 января.

Глава 4. Человек со своей культурой

правлением деятельности, с высокими культурными запросами. Среди молодых представителей учительской корпорации набирают силу либеральные и революционные идеи. Неудовлетворенность молодых учителей постановкой учебного процесса и материального обеспечения в миссионерских школах выразилась в начале XX в. в текучести педагогических кадров в этих учебных заведениях. Не имея возможности полностью реализовать свои педагогические идеи в жестких клерикальных рамках этих школ, учителя стремились перевестись в земские и министерские учебные заведения. Например, только за 1900–1903 гг. сменился преподавательский состав в 85 миссионерских (братских) школах Казанской губернии. Количество этих школ в связи со сложным финансовым положением миссионерских организаций постепенно сокращалось.

Сильный удар по системе Ильминского был нанесен действиями назначенного в 1903 г. на казанскую кафедру архиепископа Димитрия (Ковальницкого) (1839–1913). С первых дней своего архиерейского служения он заявил о себе как о последовательном противнике использования местных языков в церковной практике и образовательном процессе. Система преподавания в братских школах была пересмотрена в пользу расширения применения русского языка. Был поставлен вопрос о целесообразности использования этих школ в деятельности церкви. Большие возражения казанского архипастыря вызвало независимое положение Казанской центральной крещено-татарской школы (КЦКТШ). По его инициативе возбуждается вопрос о расформировании данного учебного заведения. КЦКТШ должна была стать обычной церковно-приходской учительской школой, подчиненной местному епархиальному руководству.

К счастью, данная идея не была реализована. Активная позиция сторонников идей Ильминского, как в Казани, так и в столице, позволила поднять вопрос о будущем системы образования крещеных нерусских народов на самый высокий государственный уровень. Для ознакомления с положением вещей на месте в Казанский и Оренбургский учебные округа был командирован член училищного совета МНП ученый-филолог, профессор А.С. Будилович. Отчет о его поездке стал основным источником при обсуждении вопроса о дальнейшем развитии школьной политики в этом регионе во время «Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев» состоявшегося в мае 1905 г. по распоряжению министра народного просвещения В.В. Глазова. В состав этого совещательного органа были приглашены известные деятели образования – Н.А. Бобровников, С.В. Смоленский (Казань), И.Я. Яковлев (Симбирск), А.А. Воскресенский (Букеевская орда), протоиерей Ф.Д. Соколовский, И.А. Износков (Санкт-Петербург), П.Н. Луппов (Вятка), Монастырли (Крым). Экспертами выступили ученые-восто-

Глава 4. Человек со своей культурой

коведы Н.Ф. Катанов, М.А. Машанов, барон В.Р. Розен, этнограф С.В. Чичерина⁵⁴. Сам состав членов совещания, практически полностью представленный сторонниками идей Н.И. Ильминского, predetermined общую направленность принятых им рекомендаций. Большинство его членов с некоторыми оговорками высказались за сохранение системы Ильминского в образовательной деятельности. Предлагалось не только восстановить, но и расширить ее использование, в частности, разрешить преподавание Закона Божьего и катехизиса на языках нерусских народов в старших отделениях «инородческих» училищ⁵⁵.

На основе решений съезда были разработаны «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», высочайше утвержденные 31 марта 1906 г.⁵⁶ Вскоре после «Особого совещания» были сняты со своих постов попечители Казанского и Оренбургского учебных округов С. Спешков и Н. Зайончковский. На их места были назначены последователи идей Н.И. Ильминского – А.Н. Деревницкий (КУО) и Н.И. Бобровников (Оренбургский учебный округ). Не менее значимые изменения произошли и в системе местной церковной организации. Был переведен с казанской на одесскую кафедру архиепископ Димитрий⁵⁷.

Несмотря на попытки восстановить систему образования, заложенную при Н.И. Ильминском, с ее характерной конфессионально-миссионерской направленностью и патриархальным укладом воспитания, сделать это в стремительно меняющейся социально-политической обстановке было практически невозможно. Революционные события 1905 г., приведшие к участию в политике широких народных масс, к либерализации печати и распространению по всей империи новостей о различных движениях в среде национальных меньшинств, сыграли заметную роль в росте социальной и общественной активности местных народов⁵⁸. Как показывают документы, революционное брожение затронуло и «инородческие» учебные заведения, в том числе детища Н.И. Ильминского – КЦКТШ и Казанскую учительскую семинарию (КУС). Студенты последней принимали активное участие в проходивших в городе демонстрациях, в подаче петиций с политическими требованиями. В

---

⁵⁴ Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / под ред. А.С. Будиловича. – СПб., 1905. – С. III.

⁵⁵ Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев... – С. 22.

⁵⁶ Свод законов и циркуляров, циркуляров и справочных сведений по народному образованию в переходный период. – М., 1908. – С. 155–160.

⁵⁷ Яковлев И.Я. Моя жизнь. Воспоминания. – М., 1997. – С. 216.

⁵⁸ Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. – М., 2013. – С. 309.

Глава 4. Человек со своей культурой

это же время в семинарии появляются первые нелегальные периодические издания «Мыслитель», «Семинарист», «Семинарские вопли»⁵⁹. Среди наиболее активных членов этих выступлений из нерусских учащихся были кряшены и чуваша⁶⁰. В связи с революционными событиями дирекции пришлось временно закрыть семинарию, а более 30 ее учеников отправить по домам⁶¹.

В советской историографии закрепилось мнение, что главными побудительными причинами, вызвавшими выступления учеников КУС, стали социально-политические и революционные мотивы⁶². Более внимательное знакомство с источниками по этой проблеме позволяет несколько скорректировать данные идеологические клише. Главным для учеников из числа нерусских народов были не абстрактные революционные требования, а конкретные вопросы, связанные с предоставлением равных прав и возможностей с представителями титульного населения империи в области культурного строительства и получения образования. В сентябре 1906 г. в КУС вспыхивают новые волнения. Главной их причиной стали события, развернувшиеся вокруг кандидатуры наставника по русскому языку. На эту должность претендовали два кандидата, одним из которых был Р.П. Даулей – кряшенский деятель, один из ярких представителей культурно-общественного движения нерусских народов региона начала XX в.⁶³ Против кандидатуры Даулея открыто выступил преподаватель этого предмета в КУС А.С. Рождествин – заслуженный и авторитетный педагог, работавший здесь еще со времен Н.И. Ильминского. Несмотря на это, ученики и преподавательский состав выбрали на эту должность Р.П. Даулея. Вскоре в газете «Казанский телеграф» появилась публикация, направленная против «новых порядков» в семинарии. Группа семинаристов обратилась за разъяснениями к ее автору – А.С. Рождествину. Они потребовали от него написать опровержение. Получив отрицательный ответ, ученики организовали сходку, на которой выдвинули требования о преобразовании семинарии в исключительно «инородческое» учебное заведение, которое должно было удовлетворять их интересы⁶⁴. Во время обсуждения этого вопроса в совете семина-

---

⁵⁹ Чекменева Т.М. Казанская «инородческая» учительская семинария и ее роль в просвещении нерусских народов Поволжья: дисс. ... к.и.н. – Казань, 1985. – С.68.

⁶⁰ НА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.8766. Л.9.

⁶¹ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.7522. Л.22–24об.

⁶² Чекменева Т.М. Указ. соч. – С.63–65; Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар в Поволжье. – Казань, 1941. – С.125.

⁶³ Р.П. Даулей был первым кряшеном, получившим высшее образование. В 1903 г. он окончил Казанскую духовную академию по миссионерскому противомусульманскому отделению.

⁶⁴ НА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.7522. Л.22об.–23.

рии произошла поляризация мнений. Одни, во главе с Р. Даулеем и Н. Ашмариным (известный тюрколог-чувашевед), выступили на стороне протестующих, другая группа, представленная Д.М. Яйчковым (учитель музыки) и А.С. Рождествовым, высказалась за строгое наказание возмутителей спокойствия. Результатом конфликта стало изгнание из КУС многих студентов и высылка из Казанской губернии Р. Даулея.

Волнения в семинарии, вызванные желанием учеников расширить свои права, вспыхивали и в последующие годы. Ответом местной администрации на это стали массовые отчисления протестующих и возбуждение против них уголовных дел. К 1909 г. из КУС было исключено 45 воспитанников, участвовавших в выступлениях, из них 18 были приговорены судом к различным срокам тюремного заключения и ссылке в Сибирь⁶⁵.

Хотя данные выступления не привели к существенным результатам, они свидетельствовали о существенных изменениях в жизни представителей нерусской интеллигенции и учащейся молодежи. Как мы видели, главными требованиями учащихся были деклериализация и национализация учебного процесса в образовательных заведениях, работавших по системе Ильминского. Эти явления, хотя и в значительно меньших масштабах, проявились и в системе начальных школ. После Первой русской революции 1905 г. здесь начался процесс расширения преподавания светских дисциплин, вводятся дополнительные общегражданские предметы. Фактически наблюдалась постепенная трансформация «инородческих» школ, превращение их из миссионерско-просветительских учреждений в культурно-национальные.

Совершенно новым явлением для кряшенского социума стало появление антиклерикального движения. Как отмечалось в резолюции съезда священников нерусских приходов Буинского уезда Симбирской губернии (1906 г.), «если раньше учитель был первым помощником священника, то теперь положение изменилось. Агитаторы не оставили в покое учителей инородческих школ, распространяя среди них отрицание авторитета святой церкви, ненависть к религии»⁶⁶. Встречались случаи, когда молодые учителя вместо христианско-просветительской деятельности вели среди кряшен агитацию атеистических убеждений. Так, по утверждению жителя с.Молькеево Цивильского уезда М. Егорова, 8 мая 1907 г. к нему явились учителя школы МНП Тихон Волков (воспитанник КЦКТШ), Баймурзинской и Ново-Буинской миссионерских школ Филиппов и

---

⁶⁵ Чекменева Т.М. Указ. соч. – С.70.

⁶⁶ ГАУО. Ф.134. Оп.7. Д.799. Л.78.

Петухов и начали убеждать его самого и его гостей, «что Бога нет, а Иисус Христос был простой, но очень умный человек»⁶⁷.

Под влиянием социал-демократической пропаганды среди учителей кряшенских начальных школ набирают силу подпольные кружки «левого» направления. Особой популярностью среди молодых интеллектуалов пользовалась партия социал-демократов, в своей политической программе уделявшая особое внимание аграрному вопросу, что было особенно актуально для кряшен продолжавших оставаться преимущественно крестьянским сообществом, испытывавших острую потребность в расширении земельных наделов и улучшении условий жизни.

Одним из ярких представителей этого революционного направления был известный кряшенский общественный деятель Ф.Н. Максимов (Сердинский). После окончания КЦКТШ и КУС он поступил на учительскую службу. Революционные события 1905–1907 гг. внесли изменения в устоявшуюся жизнь молодого учителя. Он вступает во Всероссийский учительский союз и одновременно во Всероссийский крестьянский союз, принимает активное участие в их работе среди населения. Эта привлекло внимание официальных властей: в январе 1906 г. он был арестован и до мая того же года содержался в Новоузенской тюрьме по обвинению в антиправительственной пропаганде и агитации. В 1907 г. Сердинский поступает на физико-математический факультет Казанского университета, но уже в следующем году был вынужден покинуть его стены и эмигрировать за границу. В Бельгии он поступает в Льежский политехнический институт, а в 1911 г. – Парижский университет. 22 января 1915 г. Сердинский стал обладателем общего диплома кандидата наук Французской Республики. После Парижа он обучался в Гренобльском электротехническом институте, где в 1920 г. получил диплом инженера-электрика. В эмиграции Ф. Сердинский не потерял интереса к политической жизни. Во время пребывания во Франции он посещал собрания русских эмигрантов, лекции представителей различных политических партий. По собственному признанию был знаком с руководителями партий эсеров, меньшевиков и большевиков, слушал лекции В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, А.А. Богданова, Н.Д. Авксентьева, В.М. Чернова и других. Во время лечения в Италии поддерживал близкую связь со студентом Неаполитанского университета В.А. Антоновым-Овсеенко. В беседах о знакомых эмигрантах в период нахождения во Франции упоминал о связях с Гаязом Исхаки, Садри Максуди, состоял членом Французской социал-демократической партии. Лишь с приходом к власти большевиков и оконча-

---

⁶⁷ ОРРК. Ф.7. Оп.1. Д.9. Л.82.

Глава 4. Человек со своей культурой

нием Гражданской войны Ф. Сердинский получил возможность вернуться на родину. В 1942 г. за свои проэсеровские политические взгляды и «антисоветскую» агитацию был арестован и вскоре скончался в областной больнице тюремного отдела НКВД ТАССР⁶⁸.

Революция 1905 г. породила среди представителей «иностранческой» интеллигенции новые надежды, желание расширить рамки культурной жизни своих соплеменников. Наблюдался рост интереса к литературе на родном языке, к фольклору и этнографии. В данное время отмечается расширение репертуара книжной продукции на языках местных нерусских народов, происходит становление новых жанров в литературе – появляются первые драматические произведения, пьесы, поэмы, романы. Крупнейшим культурным центром нового просветительского движения продолжает оставаться Казань. Именно здесь начинает свой путь основная часть нового поколения творческой интеллигенции, большинство из них были выпускниками казанских педагогических учебных заведений. В 1905–1907 гг. заявляют о себе такие видные деятели печатного слова, как основатель марийской литературы С.Г. Чавайн, марийские писатели, поэты и переводчики: В.М. Васильев, П.П. Глезденев, Г.Г. Кармазин, Ф.А. Букетов, Н.С. Мухин, М.С. Герасимов-Микай, А.Ф. Конаков, выдающиеся чувашские поэты: К.В. Иванов, М.К. Сеспель, ученый-этнограф, историк и переводчик Н.В. Никольский, удмуртский педагог и переводчик И.С. Михеев и др. Пристальное внимание к национальным языкам, определенная «мода» на этнический дискурс в художественном творчестве были связаны с усилением самосознания нерусских народов. Росту востребованности произведений на родном языке способствовало появление многочисленной прослойки сельской и городской интеллигенции, интересовавшейся культурой родного народа, общим повышением грамотности населения.

Не остались в стороне от этих культурных веяний и кряшены. Благодаря либерализации внутривосточного курса и ослаблению цензуры в стране они получили возможность самостоятельно издавать художественные и научно-популярные произведения на татарском языке. Одной из первых таких работ стала книга И.К. Кузьмина «*Байырга ойртыя торган князя*» (Наставление о том, как вести сельское хозяйство, чтобы разбогатеть. На татарском языке. 1905). В ней в доступной форме излагались новые методы обработки почвы, полеводства, пчеловодства. Схожий по тематике труд священника Д.Г. Григорьева-Саврушевского «*Бай булыгыз*»

---

⁶⁸ Гилязов И., Петров-Текин Н. «Вел антисоветскую пораженческую агитацию» (Жизнь и судьба Федора Николаевича Сердинского) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2011. – №1–2. – С.72–76.

Глава 4. Человек со своей культурой

(Будьте богатыми) был опубликован в 1913 г. В 1914 г. вышел в свет сборник стихов Бориса Старикова, продолжившего традиции своего отца – поэта Якова Емельянова⁶⁹.

К 1907 г. благодаря усилиям учителей КЦКТШ и КУС на базе Переводческой комиссии Казанского учебного округа начинают издаваться учебные пособия на татарском языке для кряшенской учащейся молодежи по общегражданским дисциплинам. В 1907 г. директором КЦКТШ Т.Е. Егоровым был составлен «Первоначальный учебник русского языка для крещеных татар» (2400 экз.)⁷⁰, руководителем женского отделения КЦКТШ П.В. Егоровой издана «Первая после букваря книга для чтения на крещено-татарском языке» (*Буквардян сун укый торган княгя*) (2400 экз.). В 1909 г. увидели свет книги: «Рассказы из русской истории на татарском языке Ф.А. Смирнова» (переведены Д.З. Захаровым, под общей редакцией Р.П. Даулея) (1200 экз.), «Третья книга для чтения на татарском языке» (составлена Н. Герасимовым, под общей редакцией Р.П. Даулея) (2400 экз.), «Наглядный арифметический задачник на татарском языке» (составлен А. Кузнецовым, под общей редакцией Р.П. Даулея) (2400 экз.)⁷¹. В 1912 г. директором КУС А.А. Воскресенским было подготовлено к публикации «Руководство к изучению татарского языка» Н.И. Ильминского⁷².

Эти издания стали первыми светскими учебными пособиями для кряшенских учебных заведений. Они были составлены на основе популярных в то время русских учебников для начальных школ. Наряду со сведениями по общеобразовательным дисциплинам в них давался широкий круг практических знаний. Издание и внедрение в педагогическую практику данных книг способствовали расширению изучаемых в кряшенских начальных школах предметов, внедрению передовых для того времени педагогических методик, росту уровня подготовки учеников. Через эти учебные пособия дети могли познакомиться с произведениями классической

---

⁶⁹ Об этом факте, ссылаясь на рукописную работу А.Н. Григорьева «Кряшенская художественная литература», пишет М. Глухов (Глухов М. Tatarica. – Казань, 1997. – С.428).

⁷⁰ Данный труд представлял из себя несколько переработанную работу Н.И. Ильминского, широко применявшуюся в кряшенских школах для изучения русского языка (см. выше). В 1910 г. известным татарским педагогом Г.Н. Ахмеровым данная работа была переведена на арабский шрифт и издана как учебное пособие для изучения русского языка в татаро-мусульманских учебных заведениях.

⁷¹ Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 27 декабря 1909 г. – Казань, 1910. – С.14.

⁷² Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 27 декабря 1911 г. – Казань, 1912. – С.8–9.

русской литературы, расширить свои знания в области математики, естествознания, географии, истории, биологии, химии.

В целом количество новых изданий подготовленных для кряшен было не столь значительным, как например переводов православной литературы. Это можно объяснить отсутствием альтернативных форм финансирования таких проектов. В отличие от татар-мусульман, среди которых было много представителей крупной торговой и промышленной буржуазии, активно участвовавших в развитии книгопечатания, издании газет и журналов, кряшены, сохранявшие преимущественно аграрный уклад жизни, не имели возможности сами, без помощи общественных организаций и государства, в массовом порядке издавать книги и брошюры. В связи с этим многие рукописные работы, подготовленные представителями творческой интеллигенции, не доходили до широкого круга читателей. Например, в 1911 г. выпускниками КУС Брюховым и Васильевым были подготовлены к печати несколько научно-популярных изданий: «Мир Божий», где в доступной форме освещались географические понятия; «Рациональное сельское хозяйство», посвященное популяризации знаний в области сельского хозяйства; «Мелодии» – сборник хороводных народных песен молькеевских кряшен и жителей с. Ташкирмень Лаишевского уезда; «Сборник стихов» в котором давались переводы стихотворений русских поэтов XIX – начала XX вв.⁷³

Таким образом, после Первой русской революции заявила о себе целая плеяда талантливых представителей кряшенской интеллигенции. Хотя к большинству из них известность пришла уже в годы советской власти (1918–1920-е гг.), первые шаги на литературном поприще были сделаны ими в 1905–1917 гг. Одной из таких ярких личностей был Давид Григорьев-Саврушевский (1876–1942). Его творческий путь был типичен для представителей кряшенской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. После окончания братской школы в родной деревне Большие Савруши Мамадышского уезда Казанской губернии он поступил для продолжения обучения в КЦКТШ. Работал учителем в начальных школах. В конце XIX в. закончил миссионерские курсы при Казанской духовной академии и был посвящен в сан, служил священником в кряшенских приходах Казанской, Уфимской и Вятской губерний.

С 1902 г. Д. Григорьев начинал активно публиковаться в органах местной и центральной церковной печати. В своих статьях, написанных на русском языке, он освещал культурную и религиозную жизнь своих прихожан, показывал сложности пастырского

---

⁷³ Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 3 декабря 1911 г. – Казань, 1912. – С.4.

Глава 4. Человек со своей культурой

служения среди нерусского населения. Одними из центральных сюжетов публицистических произведений Д. Григорьева были темы воцерковления кряшен, борьба с усиливающимся среди них влиянием ислама⁷⁴. Последняя проблема особенно волновала автора еще и потому, что этот процесс, сопровождавшийся драматическими событиями, связанными с конфессиональной дифференциацией и ростом противоречий на религиозной почве затронул жителей его родной деревни, в том числе его близких родственников.

В 1906–1917-х гг. Д. Григорьев сотрудничал с казанскими церковными органами, работал над переводами на татарский язык религиозной, учебной и научно-популярной литературы. В это время он начал писать стихи, которые были опубликованы уже после революции (1920 г.) в сборнике под названием «Сандугач. Стихи на кряшенском языке». Полностью реализовать себя на общественном и литературном поприще ему удалось уже в годы советской власти, когда он опубликовал основную часть своих произведений, участвовал в создании кряшенских газет «Кряшен» (1917 г.), «Кызыл алям» (1918–1922 гг.), организации Кряшиздата⁷⁵.

После Первой русской революции у нерусских народов Волго-Уральского региона начинает создаваться национальная периодика и формируется профессиональная журналистика. Пионерами в этой области были татары-мусульмане. Благодаря наличию мощной интеллектуальной элиты, располагая независимыми от государства механизмами финансирования проектов в области народного просвещения, сложившейся системой национального книгопечатания и книготорговли, татары-мусульмане в короткий срок смогли создать развитую, многообразную по тематике и жанрам периодическую печать. Первая татарская газета «Нур» (Луч) вышла 2 сентября 1905 г. В 1906 г. татарская пресса была представлена уже 20 названиями, а в 1917 г. выходило около 50 изданий, в том числе 14 журналов⁷⁶.

Наряду с татарами-мусульманами попытки наладить систему издания газет и журналов предпринимали представители других нерусских народов. В конце 1905 г. Н.А. Бобровников инициировал создание в Казани чувашской газеты «Хыпар» (Весть), редактором

---

⁷⁴ Григорьев Д. Среди отпавших татар. Случайные беседы // Известия по Казанской епархии. – 1902. – №17. – С.790–799; его же. Положение священника среди отступников // Известия по Казанской епархии. – 1905. – №22. – С.960–968; его же. Несколько слов о причинах успешного распространения магометанства среди инородцев-язычников // Православный благовестник. – 1905. – №2. – С.85–89.

⁷⁵ Глухов М. Tatarica. – Казань, 1997. – С.243.

⁷⁶ Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток-Запад» (на примере развития русской культуры). – Казань, 2002. – С.50–51.

Глава 4. Человек со своей культурой

которой был назначен Н.В. Никольский. Ее первый номер увидел свет 21 января 1906 г. Но уже в мае 1907 г. в связи с начавшейся в стране политической реакцией, по настоянию казанской губернской администрации, в виду «вредного» направления, газета была закрыта, а ее сотрудники подвергнуты аресту и судебному преследованию⁷⁷.

В 1907 г. с инициативой издания газеты для кряшен выступил Р.П. Даулей. Этот проект был поддержан попечителем КУО А.Н. Деревицким, официально обратившимся 4 октября 1907 г. в МВД с этим предложением⁷⁸. Мы не располагаем сведениями о причинах, которые не позволили этому проекту реализоваться. Возможно, определенную роль в этом сыграла печальная судьба первой чувашской газеты, а также отсутствие источника финансирования и ясных перспектив развития газеты. Более подробная и однозначная информация имеется о другом нереализованном проекте по созданию газеты для кряшен, разработанным мамадышским епископом Андреем (князь Ухтомский) в 1910 г. В ходе обсуждения вопросов религиозно-просветительской деятельности среди крещеных нерусских народов Волго-Уральского региона на «Особом совещании по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Поволжском крае», открывшемся 12 января 1910 г. в Санкт-Петербурге по инициативе премьер-министра Российской империи П.А. Столыпина, им была предложена широкая программа для поддержки культурно-религиозной самобытности кряшен, в числе которых предусматривалось и создание для них специального периодического органа.

В «Программе газеты для крещеных татар» (датирована 28 января 1910 г.), направленной автором членам совещания, предусматривалось издание в Казани еженедельной газеты на татарском языке «общехристианского направления»⁷⁹. Газета должна была состоять из следующих основных разделов: 1) передовая статья, в которой давалась бы общая информация о политической ситуации в стране и мире; 2) корреспонденция; 3) текущие сведения о ситуации в разных областях империи, заметки по интересующим читателя вопросам: сельскому хозяйству, географии, физике, природоведению; 4) народное образование; 5) письма из деревни; 6) ответы и разъяснения редакции; 7) объявления⁸⁰. Заведование газетой и редактирование материалов должен был взять на себя учитель татар-

---

⁷⁷ Никольский Н.В. Первая чувашская газета «Хыпар». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chnmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=302&Itemid=43

⁷⁸ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.800. Л.310об.

⁷⁹ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.800. Л.309об.

⁸⁰ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.800. Л.309об.-310.

ского языка КУС Р.П. Даулей. Предусматривался общий еженедельный тираж в 500 экз. Расходы на издание в размере 4200 руб. в год должны были компенсироваться из государственных средств, 1720 руб. – поступать за счет платной подписки⁸¹. Это предложение, как и другие проекты епископа Андрея, были благосклонно приняты членами совещания, в числе которых было много влиятельных государственных и церковных деятелей. Но в связи с убийством в 1911 г. премьер-министра П.А. Столыпина и изменением общего вектора внутривластного курса государства практическая реализация программы, предложенной совещанием, затянулась, а с началом Первой мировой войны была полностью свернута.

Альтернативой газетному органу мог стать выпуск календарей. С 1906 г. на чувашском, марийском, удмуртском языках в губернских центрах региона Н. Никольским, П. Глезденевым, А. Емельяновым, И. Михеевым начинают выпускаться ежегодные календари, которые при отсутствии других периодических изданий выполняли важную коммуникационную функцию между обществом и его интеллектуальной элитой. В календарях читатель мог познакомиться с полезной практической информацией, узнать о новостях, происшедших в стране и мире. В них публиковались сведения о событиях в области национальной культуры и общественной жизни. Понимая важное значение такого периодического органа в развитии родной культуры, крышенская интеллигенция предпринимала попытки наладить издание такого органа на татарском языке в Казани. Особую активность в этом вопросе проявляло молодое поколение учителей, воспитанников КУС. Один из них – Назарий Кибяков в 1911 г. разработал подробную программу и предложил для рецензирования и публикации в Переводческую комиссию КУО⁸² рукописный календарь под названием «*Татарга календарь*. На 1912 год».

Календарь Н. Кибякова состоял из нескольких разделов: 1) Месяцеслов (календарь); 2) Российский императорский дом (данные о членах императорской фамилии); 3) Рассуждения о пользе астрономии и предметах ее; 4) О растениях и животных; 4) О влиянии тепла на растения и животных; 5) Сведения о насекомых; 6) Метеорология; 7) Медицина; 8) Ветеринария; 9) Рассуждения о лечении и профилактике болезней; 10) Агрономия; 11) Об управлении России. Законодательные акты Российской империи; 12) Русское государство (география России); 13) Железные дороги; 14) Почта и телеграф; 15) Лесоводство; 16) Селекция домашнего скота; 17) Формы документов (образцы заполнения официальных документов: прошений,

---

⁸¹ Там же.

⁸² Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 17 октября 1911 г. – Казань, 1912. – С.1–2.

расписок и др.); 18) Как заранее узнавать погоду; 19) По каким явлениям угадывать урожай; 20) О затмениях солнца и луны на 1912 г.; 20) Предсказания погоды на 1912 г.⁸³

Как видно из названия разделов, это было весьма информативное по содержанию и тематике издание, в котором читатель мог узнать массу полезных сведений по различным аспектам практической сельскохозяйственной деятельности, медицине, правовой и политической системе в стране, законодательству. Информация была направлена на популяризацию научных знаний, расширение общего кругозора сельского населения. Тем не менее, члены Переводческой комиссии нашли невозможным публикацию этой работы. Главным возражением было отсутствие в календаре религиозной составляющей – не было православного церковного календаря, святцев, обозначения дней поминовения усопших, религиозно-нравственных рассказов⁸⁴. Кроме того сыграла свою роль и внешняя конъюнктура, связанная с недовольством попечителя КУО А.Н. Деревецкого слишком «тенденциозным и либеральным» направлением календарей, выпускавшихся частными лицами на языках нерусских народов края. Таким образом, несмотря на неоднократные попытки наладить выпуск периодических изданий для кряшен, в дореволюционный период эта задача оказалась нереализованной. Но предпосылки появления периодических изданий у кряшен существовали. Об этом наглядно свидетельствуют появление и быстрый рост числа кряшенских газет после революционных событий 1917 г., когда были окончательно сняты все внешние ограничения для развития книгопечатания на языках нерусских народов.

Эпоха «эмансипации» способствовала модернизации кряшенского общества, в это время начала складываться их светская по духу культура, и общеобразовательная школа. Кряшенское общественное движение, во многом переживала те же процессы, какие отмечались у представителей других крещеных нерусских народов Волго-Уральского региона, связанные с трансформацией культурно-просветительских институтов, созданных во второй половине XIX в. православными миссионерами, в культурно-национальные, усилением самосознания и политизацией взглядов их элит. В это время фактически начали проявляться контуры особой модели кряшенской культурной автономии. В то же время среди подверженных «левой» революционной и антирелигиозной пропаганды молодежи набирает популярность идея о возможности совмещения кряшенской и татарской секулярной идентичности. Представители этого направления считали, что в условиях роста революционной

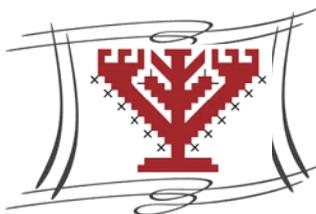
---

⁸³ Там же. – С.3–5.

⁸⁴ Там же.

Глава 4. Человек со своей культурой

ситуации в стране и прихода к власти представителей социалистических партий влияние религии на народные массы будет неуклонно падать, что приведет к тому, что ключевая роль конфессионального фактора в самосознании кряшен и татар-мусульман будет также снижаться. Это позволяло им высказывать надежды о возможности интеграции кряшен в будущем в общетатарское культурно-информационное пространство при безусловном сохранении их самобытных особенностей и уклада жизни⁸⁵. Эти разнонаправленные тенденции показывали качественные изменения, происходившие среди кряшен, поляризацию мнений ее интеллигенции на пути дальнейшего развития. В советское время (1920–1930-е гг.) эти явления проявились более рельефно и стали оказывать все более существенное влияние на этнокультурные процессы среди кряшен.

4.3. «Наша работа среди черемис не пропала даром: замечается сильный подъем сознания...»: мари́йцы Казанской губернии в 1905–1907 гг.

На рубеже XIX–XX вв. Марийский край представлял собой аграрную провинцию. В сельском хозяйстве было занято 95–97% населения⁸⁶. По данным переписи 1897 г., в Казанской губернии проживало 122,7 тыс. мари́йцев, из них 54 тыс. – Царевококшайском, 36 тыс. – Козьмодемьянском, 12 тыс. – в Чебоксарском уездах⁸⁷.

Вопросы истории мари́йского народа периода первой российской революции стали предметом научного интереса в 1920–1930-е гг. Одной из первых профессиональных работ является публикация Г.Лихачева «Волжские мари в первой революции»⁸⁸. Развитие революционного движения в Марийском крае в 1905–

⁸⁵ ЦПИМН ИЯЛИ. Ф.56. Оп.1. Л.63–64.

⁸⁶ Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. – Йошкар-Ола, 1974. – С.29.

⁸⁷ История Марийской АССР. Т.1. – Йошкар-Ола, 1986. – С.199.

⁸⁸ Лихачев Г. Волжские мари в первой революции // Марийская автономная область. – 1931. – №1–2. – С.93–107.

Глава 4. Человек со своей культурой

1907 гг. представлено в исследованиях С.А.Коробова⁸⁹, А.С.Патрушева⁹⁰, коллективных трудах⁹¹. Вместе с несомненными достижениями в изучении данной темы историко-партийное направление давало о себе знать. При всей новизне представленного материала в 1950–1980-е гг. методологическая основа оставалась прежней. В последнее время проводится большая и кропотливая работа по переосмыслению истории Республики Марий Эл XX в., и в частности, периода первой революции. Более взвешенные оценки деятельности революционных организаций, их влияния на социально-политическую активность марийского народа даны в работах А.Г.Ошаева⁹², А.Г.Иванова и К.Н.Санукова⁹³.

Особенностью Марийского края была незначительность помещичьего землевладения. К началу XX в. оно составляло 2% пашни. 98% пахотной земли находилось в руках общин. Другая особенность заключалась в том, что 2/3 территории края было покрыто лесами, 92% которых принадлежало казне, 2–3% частным лицам и 5–6% сельским и городским обществам⁹⁴.

Вследствие того, что дворянское землевладение было незначительным, большинство крестьян Марийского края, не испытывало непосредственного гнета господ. Положение крестьян находилось в прямой зависимости от обеспеченности их земель. Несмотря на относительное увеличение количества угодий, крестьянские хозяйства продолжали испытывать аграрное перенаселение. Так, например, в Козьмодемьянском уезде с 1871 по 1907 гг. земельные общины приобрели 502,8 дес., в Царевококшайском – 527,3 дес.⁹⁵ Тем временем крестьянское население этих уездов за указанный период увеличилось почти в два раза. Сложным был процесс модернизации сельского хозяйства. Население аграрной провинции росло быстрее, чем производительность сельскохозяйственного производства.

---

⁸⁹ Коробов С.А. Революционное движение в Марийском крае в период первой буржуазно-демократической революции в России. (1905–1907 гг.). – Йошкар-Ола, 1952.

⁹⁰ Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. – Йошкар-Ола, 1974.

⁹¹ Очерки истории Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1965; История Марийской АССР. Т.1. – Йошкар-Ола, 1986.

⁹² Ошаев А.Г. Общественно-политическое движение в Марийском крае в период первой российской революции (1905–1907 гг.). – Йошкар-Ола, 2012.

⁹³ Иванов А.Г., Сануков К.Н. История марийского народа. – Йошкар-Ола, 1999 (2-ое изд., 2011); Иванов А.Г., Сануков К.Н. История Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2015.

⁹⁴ Очерки истории Марийской организации КПСС. – Йошкар-Ола, 1968. – С.9.

⁹⁵ Крестьянское землевладение Казанской губ. Вып.13. – Казань, 1909. – С.252–253, 264–265.

Глава 4. Человек со своей культурой

Необеспеченность землей заставляла крестьян прибегать к аренде земли у помещиков. Так в Чебоксарском уезде у частных владельцев в собственной запашке оставалось всего 23% площади земли, остальное сдавалось в аренду крестьянам⁹⁶. Рост налогов и снижение размеров крестьянского надела вынуждали крестьян расширять пашню в ущерб другим угодьям и прибегать к аренде земли. Аренда земли носила потребительский характер.

Материалы показывают, что в уездах с марийским населением к 1905 г. имелась определенная неравномерность распределения земель между крестьянами. Если по Козьмодемьянскому уезду 1,6% крестьянских хозяйств имели земли до 5 дес., то 2,1% – свыше 15 дес. В Царевококшайском уезде 0,8% деревенских дворов имели до 5 дес., а 2,8% – свыше 15 дес. При этом в Козьмодемьянском уезде 65,3% крестьянских дворов владели землей от 8 до 15 дес., в Царевококшайском уезде 72,4% крестьянских хозяйств имели столько же земли⁹⁷. Эти данные позволяют говорить о том, что значительная часть крестьянства края относилась к категории среднеобеспеченных хозяйств. Крайние группы (до 5 дес. и свыше 15 дес. земли) составляли незначительное число дворов. В.А.Мухин в своих воспоминаниях отмечал: «Марийцы жили почти одинаково»⁹⁸. При определяющей роли общины в перераспределении земли между хозяевами к началу XX в. заметно проявилась тенденция к уравниванию размеров крестьянского землевладения и землепользования, исходя из трудовых возможностей семьи. Происходило сокращение низших и высших по посевам групп дворов.

Основной тягловой силой в крае была лошадь. Обеспеченность рабочим скотом крестьян различных национальностей в крае в конце XIX в. достигла почти одинаковых результатов. Крестьяне, не имевшие рабочего скота, практиковали сдачу надельной земли в аренду. Для периферии, как это ни печально признавать, было свойственно настойчивое стремление к уравнительности. Коллективизм, подавление индивидуальных тенденций – порождение периферийной ментальности. В провинции считалось, что в тяжелые времена так легче выжить.

Категории крестьян (бедные, средние, богатые) не являлись неизменными. Для ведения хозяйства зажиточные крестьяне стали использовать наемный труд. В уездах с марийским населением найм рабочей силы практиковался в среднем около 2,5% хозяйств-

---

⁹⁶ Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губ. – Казань, 1896. – С.426.

⁹⁷ Статистика землевладения 1905 г. Вып. 7. Казанская губ. – СПб., 1906. – С.10–11.

⁹⁸ Мухин В.А. (А.Сави) Марийские коммунисты // У илыш. 1922. № 3–4. – С.11–12.

Глава 4. Человек со своей культурой

вах⁹⁹. В начале XX в. процесс расслоения пошел несколько быстрее. Вместе с тем, говорить о классовом самосознании бедных слоев крестьянства говорить сложно. Общество той эпохи можно охарактеризовать как сословно-классовое переходного типа от феодализма к капитализму¹⁰⁰. В Марийском крае классовые черты общества были отражены слабее, чем в центральных районах страны.

В рассматриваемый период сельское хозяйство края продолжало испытывать большие трудности. Хроническим явлением были неурожай и недороды хлебов и трав. За предреволюционные годы было несколько лет неурожайных (взять хотя бы тяжелые 1891, 1899, 1900, 1903 г.), которые сильно подрывали крестьянское хозяйство. Типичными для отчетов Козьмодемьянской уездной земской управы были такие выражения, как «урожай яровых – ниже среднего», «урожай ржи получился ниже среднего, местами даже плохой». Показатели урожайности в среднем составляли: озимые – сам–3, яровые – сам–2¹⁰¹. В 1904–1905 гг. урожайность понизилась ввиду наступившей дождливой погоды во время уборки хлеба. Таким образом, урожай хлебов и трав в изучаемый период находился в тесной связи с климатическими условиями и количеством внесенного удобрения. Погодные условия оказывали серьезное влияние на экономическое положение крестьян.

Кроме того, одной из причин тяжелого положения крестьян, особенно малообеспеченных, были большие налоги. В Козьмодемьянском уезде подвозная повинность с 1901 г. по 1905 г. увеличилась на 68%¹⁰². В дополнение к прямым налогам крестьяне платили косвенные налоги на предметы первой необходимости (чай, сахар, табак, спички и др.). На крестьян налагали непосильные подати, в результате чего на них накапливались многочисленные недоимки. В 1901 г. за крестьянами Козьмодемьянского уезда только по продовольственным капиталам числилось 12 823 руб. 10 коп.¹⁰³

---

⁹⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губ. – СПб., 1904. – С. 7.

¹⁰⁰ Иванова Н.А., Желтова В.П. Социальная структура России в начале XX в.: коррективы в традиционных представлениях // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века. – М., 1996. – С. 54–55.

¹⁰¹ Подсчитано по: Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы за 1900–1901 гг. – Козьмодемьянск, 1902. – С. 9; Там же. 1901–1902 гг. – Козьмодемьянск, 1903. – С. 7, 9; Там же. 1902–1903 гг. – Козьмодемьянск, 1904. – С. 7, 8.

¹⁰² Подсчитано по: Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы за 1900–1901 гг. – Козьмодемьянск, 1902. – С. 101; Там же. 1902–1903 гг. – Козьмодемьянск, 1904. – С. 114–115; Там же. 1904–1905 гг. – Козьмодемьянск, 1906. – С. 109.

¹⁰³ Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы за 1900–1901 гг. – Козьмодемьянск, 1902. – С. 9.

Глава 4. Человек со своей культурой

Хотя земледелие и считалось основным занятием крестьян края, оно не везде обеспечивало население хлебом. Поэтому крестьяне, особенно безлошадные, были вынуждены заниматься различными промыслами. В Козьмодемьянском уезде кустарными промыслами занималось 11,2% населения, в Царевококшайском – 11,2%, в Чебоксарском – 10,4%¹⁰⁴. Аграрный сектор края был слабо вовлечен в рыночные отношения. Главной причиной этого была община. Урожайность на этих землях была, как правило, ниже частновладельческих. Общинное землевладение стало тормозом для развития производственных сил, не отвечало потребностям товарного хозяйства. Вместе с тем, крестьянская община давно превратилась в институт выживания на основе экстенсивного хозяйствования.

Сами же крестьяне причину своей бедности видели в недостаточном количестве земли, что приводило к стремлению изъять ее у частных владельцев, а также (что справедливо) в высоких налогах и акцизах. Все это создавало общий тревожный фон во взаимоотношениях крестьянства и властей, грозило социальными потрясениями в деревне.

Начавшееся весной 1905 г. аграрное движение в России, которое выразилось в захвате крестьянами помещичьей земли, порубке леса, поджогах и разгроме усадеб, в Казанской губернии проявлялось «пока еще в довольно скромных размерах»¹⁰⁵.

Население, не исключая даже образованных учителей, еще слабо разбиралось в политических программах революционных партий. И выслушивая разные точки зрения, старались выделить те партии, которые наиболее полно затрагивали их собственные интересы. В результате агитационной работы в Помьяльской, Посадско-Сотниковской и Помарской волостях Чебоксарского уезда возникают революционные группы и кружки. В Кокшамарах было организовано революционное ядро из местных жителей, куда вошли: А.В.Боброва (Ишпайкина), С.В.Бобров, В.В.Ивановский, С.Е.Соловьев, И.К.Будников, М.С.Ключников, Н.М.Орлов, Ф.Г.Орлов, Н.Г.Хлебников, И.Н.Агафонов, А.И.Ишпайкин и др.¹⁰⁶ Брошюры и прокламации доставлялись в д.Кокшамары И.С.Ключниковым, учившимся в Казани в музыкальной школе. Революционная группа из 12 человек существовала в с.Красный Яр под руководством И.П.Воробьева.

---

¹⁰⁴ Первая всеобщая перепись Российской империи, 1897 г. Т.ХIV. Казанская губ. – СПб., 1904. – С.246–247.

¹⁰⁵ Лившиц С. Казань в годы первой революции. – Казань, 1930. – С.32.

¹⁰⁶ Воспоминания П.Н.Лукоянова и А.П.Шулганова о событиях в деревне Кокшамары в 1906г. // Марийский археографический вестник. – 1997. – № 7. – С.200.

Глава 4. Человек со своей культурой

Осенью 1905 г. с театра военных действий возвращается в д.Миткино Арбанской волости Царевококшайского уезда П.И.Мочалов. Он сыграл заметную роль в революционных событиях в Марийском крае. На формирование политических взглядов Петра Ивановича, судя по всему, особое влияние оказала служба в армии, куда его призвали в 1903 г. До этого уроженец д.Митькино успел отучиться в Больше-Ошургинском начальном училище и, вероятно, собирался продолжить крестьянские традиции своей семьи. Сразу после возвращения с Дальнего Востока в г.Казани он входит в контакт с представителями губернской организации партии социалистов-революционеров (ПС-Р) и 25 октября 1905 г. вступает в члены этой партии¹⁰⁷. П.И.Мочалов создает революционный кружок, который своей деятельностью охватывает селения Арбанской, Вараксинской, Петриковской волостей и г.Царевококшайск¹⁰⁸.

Революционно-демократическими идеями оказались охвачены селения Царевококшайского уезда. В Себеусадской и Моркинской волостях революционную пропаганду вели кондуктор Сотнурского лесничества Иконников и семинарист Ложкин. Иконников проводил агитацию среди марийцев в д.Ярамор. Исполняющий обязанности губернатора, выяснив обстоятельства дела, заключил, что по своей неразвитости и легковерию, марийцы «особенно восприимчивы ко всяким толкам и внушениям разных агитаторов»¹⁰⁹.

На собрании в Шерагановском училище Себеусадской волости 4 декабря учителя приняли решение работать как среди интеллигенции, так и среди крестьян. Несмотря на пристальный надзор местных властей, 12 декабря собрание учителей прошло в с.Морки. В их числе был П.Г.Григорьев, учитель Уньжинской центральной школы, который проводил агитацию и беседы в Кожлоере и Арине¹¹⁰.

Одной из наиболее распространенных форм движения крестьянства в 1905 г. был отказ от исполнения повинностей. В Тойдаковской волости Козьмодемьянского уезда марийцы отказались от уплаты окладных и других повинностей. Причинами, вызвавшими такую ситуацию, являлись еще более ухудшившие положение крестьян война с Японией и недород 1905 г.¹¹¹ Несмотря на обещания не допустить падения цен на продукты земледелия, правительству не удалось удержать довоенную конъюнктуру, что привело к материальным затруднениям.

---

¹⁰⁷ Документальный фонд НМ РМЭ. Фонд П.И.Мочалова. КП-3261/159.

¹⁰⁸ Юксерн В. Чап паша – мондалтдыме // Марий коммуна. –1985. – 12 ноября.

¹⁰⁹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1901. Л.7, 7об., 9.

¹¹⁰ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2350. Л.16.

¹¹¹ ЦГА ИПД РТ. Ф.36. Оп.1. Д.49. Л.11.

Глава 4. Человек со своей культурой

6 декабря 1905 г. крестьянин Арбанской волости П.И.Мочалов «побуждал крестьян» к самовольному вывозу казенного леса из Аргамачинского лесничества¹¹². В ночь на 11 декабря 1905 г. агитатор был арестован¹¹³. Днем к зданию Царевококшайского полицейского управления прибыло более 200 человек, с требованием о немедленном его освобождении. После отказа уездного исправника исполнить эту просьбу, к вечеру толпа с угрозами удалась. В газете «Волжский вестник» указывалось: «Теперь бедные черемисы ходят и ищут советов, как им помочь бедному Мочалову»¹¹⁴. Помощник уездного исправника отмечал, что они подговаривают крестьян других обществ с марийским населением примкнуть к ним, «но сочувствия до настоящего времени не встретили». Анализ материалов показывает, что выступление марийских крестьян было вызвано слухами о бесплатном отпуске леса и агитацией П.И.Мочалова. В самом же крестьянстве были сильны традиционный уклад и обычаи, требовавшие покорности и смирения. Наличие вооруженных полицейских в селениях с марийским населением вносило в крестьянскую среду большой страх. Тем не менее, агитационная деятельность, затрагивающая насущные проблемы крестьянства, содействовала некоторому их пробуждению.

В Марийском крае борьба различных политических сил за депутатские места в Государственной думе развернулась среди крестьянства. На Козьмодемьянском уездном съезде уполномоченных от волостей было избрано 6 выборщиков: 2 марийца, 2 чуваша, 2 русских. Исполняя распоряжение губернатора, уездный исправник выяснил, что все вышеперечисленные лица под судом и следствием не состояли, ни к каким политическим партиям и союзам не принадлежат и относятся к этим партиям и союзам совершенно равнодушно¹¹⁵. Такие результаты свидетельствовали о том, что в уезде были избраны лояльные власти лица. Вместе с тем, они позволяют сделать вывод о том, что влияние политических партий было незначительным.

---

¹¹² Документальный фонд НМ РМЭ. Фонд П.И.Мочалова. КП-1715.

¹¹³ *Освобожден из заключения в апреле 1910 г. В июле 1917 г. Мочалов П.И. стал первым председателем Царевококшайского Совета крестьянских депутатов, созданного как совещательный орган при уездном комиссаре Временного правительства. В 1917 г. его избрали председателем общества мари, а в 1918 г. – председателем уездного земельного комитета. 3 сентября 1918 г. он вступает в члены РКП(б). В 1920 г. в д. Митькино П.И.Мочалов организовал первую комсомольскую ячейку. Впоследствии являлся членом общества ссыльных и политкаторжан, затем стал персональным пенсионером. Именем одного из первых марийских революционеров названы улицы в п.Краснооктябрьский и д.Пекшиксоло Медведевского р-на.*

¹¹⁴ Волжский вестник. –1905. – 30 декабря. – № 42.

¹¹⁵ ГА РМЭ. Ф.3. Оп.1. Д.511. Л.34, 36, 39об., 40.

Глава 4. Человек со своей культурой

Весной и летом 1906 г. крестьянские общества края, как и многих других районов страны, направляли в адрес Государственной думы и ее депутатов значительное число приговоров и наказов. Надежды крестьян отражает приговор, составленный на совместном сходе Кокшайского, Кокшамарского, Ирмучашского обществ Посадско-Сотниковской волости Чебоксарского уезда, в котором говорилось: «Требуйте передачи всей земли трудящимся, а также отставьте всеобщее избирательное право с прямым, равным и тайным голосованием без различия пола, вероисповедания и национальностей»¹¹⁶. Составителем и агитатором схода для сбора подписей являлся учитель с.Кокшайского А.Ф.Кутасов¹¹⁷.

Следует заметить, что такие приговоры составлялись под известным влиянием кадетов, имевших большинство в I Думе, а также и эсеров. С различной степенью полноты приговоры и наказания раскрывали экономическое и социально-политическое положение трудящихся масс.

Во многих районах края летом 1906 г. усиливаются протестные настроения. 14 июля толпа марийцев около 200 человек из д.Акрамбал, Торгановой, Иркиной, Ошурги и Красного Яра явилась в Звениговский затон к земскому начальнику Сунгурову и предъявила экономические претензии. 16 июля эти же крестьяне, около 300 человек, явились в Помьяльское волостное правление и потребовали от волостного старшины и писаря объяснений, на каком основании они получают жалование 700 руб., когда волостным сходом было ассигновано только 350 руб.¹¹⁸. Организованное выступление марийцев произошло 26 июля 1906 г., где митингующие вынесли решение о смещении волостного старшины и писаря, с заменой их своими кандидатами-крестьянами Покровской волости¹¹⁹.

30 июля в Кокшамарах состоялся массовый политический митинг. Удобное географическое месторасположение, а главное, относительно высокий образовательный уровень населения деревни, предопределили устройство мероприятия¹²⁰. 29 июля из Казани приехали 3 агитатора и остановились у М.Г.Орлова. Начальник Казанского губернского жандармского управления (КГЖУ) о нем писал: «Является одним из главных агитаторов в д.Кокшамары и окрестностях»¹²¹. Значительную помощь в организации митинга оказали учителя.

---

¹¹⁶ Волжский вестник. –1906. – 14 июня. – № 151.

¹¹⁷ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.445. Л.43.

¹¹⁸ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.315. Л.147, 147об., 148.

¹¹⁹ Лихачев Г. Указ. соч. – С.99.

¹²⁰ Патрушев А.С. Политический митинг в Кокшамарах в 1906 году // Вопросы дореволюционной истории Марийского края. – Йошкар-Ола, 1978. – С.135.

¹²¹ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2605. Л.3; Ф.199. Оп.2. Д.511. Л.6.

Глава 4. Человек со своей культурой

На митинге выступали с докладами приехавшие по приглашению И.С.Ключникова студент Г.А.Мартюшин (Стоян), рабочий и учитель¹²². Ораторы в д.Кокшамары, с.Сидельниково ставили цель: подготовить крестьян к демонстрации в виде протеста на роспуск правительством Государственной думы. Крестьяне этих селений выражали свою солидарность с теми взглядами, которые выражались в «Манифесте к крестьянству», подписанном Комитетом Трудовой группы, Всероссийского Крестьянского Союза (ВКС), парламентской фракцией социал-демократов, Центральными комитетами партии социалистов-революционеров (ПС-Р) и российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), Всероссийского Учительского Союза (ВУС)¹²³. Призывы Выборгского воззвания нашли живой отклик среди крестьян приволжской области Марийского края. На митинге в Кокшамарах было вынесено решение «добиваться, чтобы требования бывших членов Государственной думы были удовлетворены». Кокшамарские события можно считать одним из самых значительных революционных выступлений, которые произошли не стихийно, а по заранее подготовленному плану.

6 августа в Чебоксарском уезде произошли открытые беспорядки одновременно в различных пунктах. В Звениговском затоне толпа крестьян хотела учинить насилие над земским начальником Сунгуровым. Он, узнав о готовящемся бунте, скрылся. Перед выступлением звениговские агитаторы обошли ближайшие марийские деревни, призывая организовать для того, чтобы прибыть к земскому начальнику¹²⁴. Толпа крестьян Красноярского и Ошургинского обществ, собравшаяся по поводу денег на семена и под влиянием агитации, не застав дома земского начальника, разгромила его канцелярию. Беспорядками 6 августа в Звениговском затоне руководили местные марийцы И.Воробьев и П.Антонов¹²⁵. Выступление марийских крестьян, вылившееся в демонстрацию с красным флагом, несколько парализовало действия полицейских. Наведя страх на полицию, крестьяне Помьяльской волости, покинув Звениговский затон, разошлись.

Ввиду того, что 1905 г. был неурожайный, кокшамарская община еще в июне 1906 г. обратилась за помощью к земскому начальнику по закупке семян. Обращение общины осталось без внимания. Поэтому 6 августа, под влиянием подстрекательства М.Орлова, все кокшамарское общество стало требовать немедленной выдачи семенной ссуды деньгами, разрешения рубить лес на

¹²² ГА РМЭ. Ф.П-95. Оп.1. Д.15. Л.43; НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2572. Л.19об.

¹²³ Волжский вестник. -1906. - 3 августа. -№190; Докум. фонд НМ РМЭ. Фонд И.С.Палантая. КП-3230.

¹²⁴ ГА РМЭ. Ф.П-95. Оп.1. Д.14. Л.32.

¹²⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2610. Л.1об., 2об.

льготных условиях и бесплатной пастьбы скота в казенном лесу. К возбужденным кокшамарцам присоединились крестьяне с.Сидельниково и других деревень. Под натиском народа земский начальник дал подписку на доставление денег из казначейства. Однако, когда он направился на пароходную пристань, возмущенная толпа догнала его, стащила с пристани, стала избивать. Из-за невыполнения земскими начальниками возложенных на них обязанностей и под непосредственным влиянием агитации в Звениговском затоне и Мариинском Посаде начались открытые выступления. Один из участников тех событий вспоминал: «Революция 1905 г. только через год подняла весь Чебоксарский уезд и марийский народ... 6 августа весь народ вышел на улицу»¹²⁶. В крестьянской массе накопилась такая масса горючего материала, что достаточно было подбросить искорку, чтобы все пошло в движение.

Попытки местной полиции усмирить собственными силами это движение не увенчались успехом. Ввиду нерешительных действий исправника для наведения порядка в левобережный район Чебоксарского уезда направили вице-губернатора Кобеко. 10 августа с 40 казаками он прибыл в Звениговский затон, а затем в д.Ошургу¹²⁷.

Общественное движение в Чебоксарском уезде, достигшее исключительной силы в июле и августе, заметно сокращается в сентябре. Упадок движения прежде всего был связан с разгромом общего революционного движения после разгона Государственной думы. Несомненно, на ослабление движения повлияли и репрессии царской власти. В выступлениях в Кокшамарах, Звениговском затоне наблюдался недостаток организованности, хотя крестьяне и делали попытки совместной борьбы. Выступления крестьян заметно дезорганизовали деятельность низового административного аппарата. Однако, полностью парализовать деятельность властей эти выступления не смогли.

Подъем митинговой волны, пришедшийся на лето 1906 г., большей частью был связан с вопросами о Государственной думе. Безусловно, многие выступления были выражением накопившегося недовольства и, в зависимости от уровня политической сознательности населения той или иной местности, носили более или менее резкий характер. Не следует забывать о том, что настроение крестьян летом поднялось ввиду неурожая прошлого года и ожидавшегося недорода. Встречая сопротивление властей, аграрное движение принимает более резкий характер, часто выражаясь в форме погромов и прямых ограблений.

---

¹²⁶ Воробьев И.П. Мундыр ужара // Ончыко. –1967. –№ 1. – С.41.

¹²⁷ ГА РМЭ. Ф.П-95. Оп.1. Д.15. Л.2.

Глава 4. Человек со своей культурой

Итак, народные массы с конца декабря 1905 г. с боями отступали под усиливающимся натиском царизма. В крае революционное движение продолжало развиваться по восходящей линии. Наиболее острая социально-классовая борьба в Марийском крае разгорается летом 1906 г.

Революция 1905–1907 гг. всколыхнула жизнь российской провинции, привлекая к активному участию в общественно-политической жизни широкие слои общества. Зарождавшаяся марийская интеллигенция, которая в основном была представлена учителями, под влиянием революционных событий начинает выступать за освобождение своего народа от социального, национального и духовного гнета.

Важное значение имело распространение революционных идей на марийском языке. Один из активных общественных деятелей учитель П.Г.Григорьев составил прокламацию для распространения среди крестьян на марийском языке под названием «Иза-шольо марий-шамыч!» («Братья марийцы!»). В этой прокламации он указывал на низкий уровень грамотности среди марийцев, высокий уровень налогообложения, недостаток земли для крестьян, и предлагал решить этот вопрос – путем обучения марийцев на родном языке, введением прогрессивного подоходного налога, наделением землей только тех, кто будет ее обрабатывать. На допросе П.Г.Григорьев объяснял: «... Цель воззвания: разъяснить значение Государственной думы... образования, о котором черемисы имеют смутное представление...»¹²⁸.

В этот период листовки на марийском языке широко распространялись в Козьмодемьянском уезде. Среди них была листовка под названием «Мам шўдат народлан народный вуйвырныйвлә» («Что велят народу народные представители»). Изданием и распространением занимались учителя Пертнурского двухклассного училища, мариец А.М.Баронов и Т.Г.Матвеев¹²⁹. Пропаганда способствовала пробуждению национального самосознания марийцев. В письме из Козьмодемьянского уезда, адресованном студенту Г.А.Мартюшину, отмечалось: «Наша работа среди черемис не пропала даром: замечается сильный подъем сознания, желание сорганизоваться...»¹³⁰.

Работа Исменецкой революционной группы состояла в читке переводимых учителем К.Т.Тимофеевым на марийский язык брошюр и прокламаций, а также в изучении и пении революционных песен. Кокшамарский кружок, установивший связь с казанскими революционерами, почти полностью состоял из марийцев.

¹²⁸ НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2350. Л.13, 16.

¹²⁹ Патрушев А.С. Марийские листовки периода первой русской революции // Тезисы докладов и сообщений научной сессии «200 лет марийской письменности». – Йошкар-Ола, 1977. – С.11.

¹³⁰ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.553. Л.209об.

Глава 4. Человек со своей культурой

Многие представители марийской интеллигенции в годы революции наряду с требованиями широкой демократизации общества, проведения коренных экономических перемен и изменения политической системы в своих выступлениях впервые открыто поставили вопросы о ликвидации национального неравенства, создании равных и свободных условий для развития языка и культуры нерусских народов. Конечно, такое яркое проявление роста национального самосознания стало возможным только благодаря могучей революционной волне. Классик марийской литературы С.Г.Чавайн указывал: «Революция 1905 г. подняла у марийской интеллигенции национальное самосознание. Если многие до сих пор стыдились, что они марийцы, то теперь заговорили о марийской литературе, книге, газете»¹³¹. В.М.Васильев, П.П.Глезденев, П.М.Кунаев и объединившиеся вокруг них молодые национал-демократы, просветители, создали ежегодник «Марла календарь» на родном языке в г.Казани, ставшем «идеологическим центром всех инородцев»¹³².

Первый номер «Марийского календаря», с обращением к марийскому народу, вышел 24 марта 1907 г., тиражом в 2400 экземпляров¹³³. В статье, озаглавленной «Тунча илышым турло семын молэмдаш шонышы энг-влак нергеште» («О людях, которые думали изменить мир»), особое внимание обращалось на следующий момент: «В прошлом году в Думе не было ни одного марийца, нынче тоже никто (из марийцев) не избран. Кто же должен говорить в думе за марийцев?»¹³⁴. Такой постановкой вопроса издатели стремились пробудить в марийцах чувство национального достоинства.

Издание «Марийского календаря» связано было с одним из этапов марийского национального движения, которое в годы первой революции организационно еще не было оформлено (в отличие, например, от татарского) и имело больше культурно-просветительскую, чем социально-политическую направленность¹³⁵.

По происхождению и социальному положению марийскую интеллигенцию можно назвать крестьянской, так как она была связана с сельским хозяйством, материально привязана к сельской общине. Поэтому в мировоззрении и общественно-политических поступках интеллигенции отражались в основном и помыслы марийского крестьянства. Размах выступлений марийского крестьянства

---

¹³¹ Чавайн С.Г. Ойпого. – М., 1935. – С.13.

¹³² Домокош П. Формирование литературы малых уральских народов / Пер. с венгерского. – Йошкар-Ола, 1993. – С.125.

¹³³ «Марла календарьлан» – 50-ий // Ончыко. –1957. –№ 2. – С.109.

¹³⁴ Марла календарь. – Казань, 1907. – С.46.

¹³⁵ Сануков К.Н. Национальные отношения среди народов Поволжья и Приуралья // Межэтнические отношения и национальные проблемы и движения в Поволжье и Приуралье XVIII–XX вв. – Чебоксары, 1996. – С.47–48.

Глава 4. Человек со своей культурой

в годы революции был в прямой зависимости не только от состояния революционной борьбы в стране, но и от активности национальной интеллигенции в поддержку его коренных социальных, экономических интересов.

Однако, прогрессивными идеями была одержима только просвещенная часть марийского населения, которая в тот период была немногочисленна, а значительная же его часть продолжала сохранять патриархальные убеждения. Революционная волна, подрывая позиции существующего строя, способствовала развитию национально-освободительного движения угнетенных «инородцев», породив революционно-демократическую идеологию, как направление общественной мысли. Это направление стало преобладающим и внутри зародившегося марийского общественно-политического движения. Деятельность марийской интеллигенции была направлена на создание прогрессивной национальной культуры, на просвещение народа, на участие на равных правах с другими народами в освободительном движении.

Проявление элементов этнического самосознания на быденном уровне было заметно еще до революции. В осознанной форме национальное самоопределение было представлено грамотной частью марийцев, которые поняли, что национальное возрождение возможно лишь через просвещение народа на родном языке. Такие идеи были присущи, прежде всего молодой, пока что немногочисленной части марийцев. Лишь мощная революционная волна в стране дала значительный толчок росту национального самосознания марийцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сменивший реформаторское XIX столетие, XX век начал свой фактический отсчет с 1905 года. Волнения разных слоев населения были обусловлены, прежде всего, требованиями уважения человека как гражданина своей страны, личности, работника, учащегося... Этот призыв в 1905–1907 гг. в различных формах звучал из уст как материально обеспеченных обывателей, так и людей самых обездоленных независимо от их конфессиональной или этнической принадлежности. Первая русская революция стала временем больших надежд и разочарований: годами подавляемая энергия молодежи вырвалась наружу в ожидании удивительных свершений, но практически в первые месяцы опьянения свободой вновь попала в тиски полицейского режима. Приостановка гражданских порывов стала возможна из-за характерной для населения разобщенности, отсутствия единства в конкретных требованиях и действиях.

Анализ протестной активности 1905–1907 гг. показывает, что сложности были обусловлены и ментальными особенностями населения. Социальная активность той или иной группы в Казанской губернии коррелируется с этноконфессиональной принадлежностью участников событий. Например, татары очень часто игнорировали рабочие забастовки на заводах и фабриках, в уездах с мусульманским населением в меньшем количестве зафиксированы аграрные беспорядки, а шакирдское движение набирает оборот лишь в 1906 г., под влиянием общеимперских учебных заведений. В советской историографии это объяснялось идеологической «неподготовленностью» татарского населения, однако на наш взгляд здесь надо учесть и их менталитет, для которого были характерны терпение и фатализм, осторожность и стремление к конструктивному диалогу с властями. Именно последнее демонстрировали представители татарской элиты, пытавшиеся отстоять свои гражданские интересы в правовом пространстве.

Покорность и смирение были характерной чертой марийского менталитета, именно поэтому выступления марийского крестьянства носили фрагментарный характер, а единичные агитаторы были скорее исключением из правил и их призывы сильно диссонировали с традиционными представлениями мари. Весьма любопытную картину представляет общественная активность чувашского населения Казанской губернии. С одной стороны в уездах, заселенных преимущественно чувашами, как и в русских селениях, имели ме-

сто активные крестьянские выступления. С другой, чувашское общество в начале XX в. демонстрировало определенную полярность, где были представлены различные идейные течения: от эсеров до монархистов.

В целом, революция 1905–1907 гг. нанесла серьезный удар по традиционным представлениям и укладу жизни общества. Пошатнулся авторитет отцов, начальства, царя и церкви. Наряду с позитивными переменами, ориентированными на построение гражданского общества, получили широкое распространение такие дивидантные формы поведения как хулиганство, экспроприации и террор. Они являлись не только ответной реакцией на ограничительные меры правительства, на курс по свертыванию провозглашенных свобод, но и стали результатом набравшей оборот революционной анархии. В условиях хаоса различные криминогенные группы старались воспользоваться ситуацией и под революционной маской решить собственные задачи. Поэтому усиление полицейского режима и мобилизация официальной власти, привлечение военных сил рассматривались как единственный возможный выход из сложившегося положения.

Вместе с тем достижения первых этапов революции стали определенным ориентиром для дальнейших действий. Если до революции общественная жизнь развивалась в конфессиональном русле, то после событий 1905–1907 гг. спектр самоорганизаций становится очень разнообразным. Наметились тенденции по национальной, профессиональной, женской консолидации. Отдельную сферу составили различные общества по интересам (любителей охоты, садоводов, спортивные общества, народные университеты и т.д.).

В школьной жизни после ученических волнений революционных лет был усилен надзор за учащимися. За ними следили теперь не только в период обучения, но и во время каникул. В то же время ставится вопрос о введении всеобщего обучения во всей Российской империи и вскоре этот план начинает реализовываться на уровне муниципалитетов. Поэтому ученические требования о доступном образовании для всех практически были удовлетворены.

Вообще социальная сфера после революционных лет претерпела существенные изменения. Помимо всеобщего обучения, готовится проект об обязательном страховании рабочих, широкое распространение получают больничные кассы, просветительская работа среди рабочих и т.д. Впервые за многовековую историю крестьянской России заговорили о частной собственности на землю.

Пожалуй, самое большое достижение правительства – это надевание своих поданных свободой совести и вероисповедания, избирательными правами, уменьшение гонений на национальные культуры. Деятельность парламента не сыграла существенной роли в

государственной политике, однако в начале избирательной кампании население Поволжья было воодушевлено предстоящими переменами и широтой декларируемых возможностей, в том числе для так называемых инородцев. Эта сопричастность к государственной политике подстегивало общество сильнее многовековых миссионерских проповедей. Развитие гражданских начал способствовало и свободному самоопределению этнических групп, кристаллизации национальной идентичности и гордости за свое происхождение.

Обращение к этническому дискурсу стало в какой-то мере результатом краха общегражданских идеалов о правовом государстве. Либеральный порыв многих представителей национальной интеллигенции в постреволюционные годы был направлен в литературу, журналистику, искусство, педагогику. Именно на этот период приходится ренессанс татарской культуры с «золотым веком» национальной литературы, огромной книгоиздательской сетью, десятками газет и журналов на татарском языке, с победным шествием татарского театра по всем регионам империи, усиленной работой татарских интеллектуалов в области истории, богословия, философии, лингвистики и других гуманитарных сферах. В постреволюционный период идет выстраивание новой системы национального образования в татарских медресе с учетом интересов подрастающего поколения, с широкой технической базой и внешкольной работой.

С 1905 г. начинается официальное возвращение в ряды татар-мусульман татар-христиан, главным образом, из числа новокрещенных. Впервые фактические мусульмане получили право на регистрацию официальных мусульманских общин и строительство мечетей. Аналогичными правами были наделены и старообрядцы Казанского края. К 1912 г. в Казанской губернии были официально зарегистрированы 21 старообрядческая община, к этому времени действовали староверческие храмы в Казани, Чистополе, Нижнем Услоне, открылись старообрядческие училища.

Оставшаяся часть крещеных татар в этот период консолидируется по этноконфессиональному принципу и идет формирование кряшенского общества на основе единства религии, языка и традиций. Культурный разрыв между двумя татарскими сообществами усилился из-за различий в письменной традиции, образовательной системе и религии.

Рост национального самосознания наблюдался и среди других народов Поволжья. Появились периодические издания на марийском, чувашском, удмуртском языках. В этот период написал свою выдающуюся поэму «Нарспи» чувашский поэт Константин Иванов, опубликовал первое стихотворение на марийском языке «Ото» поэт Сергей Чавайн, начал свою деятельность удмуртский ученый-педагог Иван Михеев и многие другие представители национальной

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

интеллигенции Казанского края. Всеми ими двигала любовь к своему народу, идеи просветительства и гуманизма.

В целом, по стране в постреволюционный период наоборот усилились тенденции по ограничению прав человека, особенно в отношении лиц в какой-то мере задействованных в революционных событиях. И это касалось не только тех, кто действительно совершал акты насилия и был связан с революционным террором, но и обычных людей, не скрывавших свои либеральные убеждения. На них вешался ярлык политически неблагонадежных лиц. С такой репутацией они не могли устроиться на работу в государственные заведения (например, в сфере образования). Этот момент, конечно, существенно осложнял жизнь человека, особенно если он не имел других источников дохода, и не было возможности переквалифицироваться в другие специальности. Такие преследования лишь усугубляли озлобленность населения и меланхолические настроения. Среди «политически неблагонадежных» много было интеллигенции, образованных и думающих людей, способных увлечь за собой менее осведомленные массы. Этот реакционный курс власти и нерешенные проблемы социально-экономической и политической жизни стали почвой для следующих революционных потрясений, наступивших уже через десять лет.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1

*Из отчета казанского губернатора М.В. Стрижевского
о состоянии Казанской губернии за 1905 год*

1906 г.

Отчетный год в отношении урожая хлебов далеко не оправдал надежд земледельческого класса. Вследствие плохого качества озимых семян и неблагоприятных условий погоды урожай ржи получился ниже среднего, а урожай овса вышел только удовлетворительным.

Наряду с выдачей продовольственных ссуд была организована губернским земством и благотворительная помощь путем устройства столовых и питательных пунктов в местностях наиболее пораженных неурожаем.

Особенно значительный недород ржи оказался в тех уездах, где сосредоточились частновладельческие имения и где крестьяне принадлежат к разряду бывших помещичьих.

Крестьянское землепользование в этих уездах находится в исключительно тяжелых условиях. Земельная нужда ощущается наиболее сильно. При выходе из крепостной зависимости, бывшие помещичьи крестьяне преимущественно получили в наделе по 1 десятине земли на ревизскую душу.

При таком земельном наделе, обрабатываемом крестьянами самым примитивным способом и при отсутствии у крестьян сторонних заработков, экономическое положение бывших помещичьих крестьян и в годы хороших урожаев не может считаться обеспеченным, тем более, что со времени освобождения крестьян от крепостной зависимости состав их семейств ныне почти удвоился, а через это и самый размер надела на наличную душу вдове уменьшился. [...]

Широко разлившаяся в последнее время, благодаря периодической прессе, социалистическая пропаганда нашла здесь для себя особенно благоприятную почву. Учение о равномерном распределении земли, составляющей частную собственность отдельных лиц, между всему трудящимися, и даже преступная пропаганда о насильственном отобрании от владельцев их собственности и уничтожении помещичьих хозяйств – находили себе здесь ярких последователей, преимущественно в лице местной интеллигенции (врачей, учителей, учительниц, и, к прискорбию, даже в лице духовен-

ства), действовавших увлекательно в особенности на крестьянскую молодежь.

Лица, направившие свою пропаганду в сторону экономических интересов сельского населения, должен признать, достигли значительных успехов, т.к. они касались самых жизненных сторон деревенского уклада и при том вполне доступных пониманию неразвитой крестьянской массы.

Брожение это выразилось в стремлении крестьянского населения увеличить количество засеваемой земли за счет земель бывших своих помещиков на возможно льготных для себя условиях и получить даровую рубку леса в помещичьих дачах.

Возникшие недоразумения, в большинстве случаев, оканчивались соглашением крестьян с помещиками, по коему крестьяне получали в пользование необходимое для них количество земли, хотя и не всегда на ожидаемых условиях.

Для предупреждения насильственных действий со стороны крестьян в нескольких случаях администрация обращалась к содействию казаков и пехотных воинских частей. В пяти случаях брожение крестьян выразилось, к сожалению, в более резкой форме.

18 июня 1905 г. – в дер. Крестниковой Цивильского уезда крестьяне сожгли дом с постройками в усадьбе дворянок Белокозович.

19 августа 1905 г. в дер. Аверьяновой Чистопольского уезда крестьяне совершили поджог надворных построек дворянки Стрижевской, находившейся в аренде у фельдшера Грошева, и разграбили часть имущества и хлеба арендатора.

27 октября 1905 г. в с. Ивановой Цивильского уезда, крестьяне совершили разгром некоторых построек потомственного почетного гражданина Курбатова и разграбили из амбаров весь принадлежащий ему хлеб.

17 ноября 1905 г. в с. Новоспасском Спасского у. крестьяне сожгли дом и постройки дворянки Казем-Бек и разграбили в усадьбе часть имущества и хлеба.

18 и 22 ноября 1905 г. в дер. Змиевских Новоселках Чистопольского у., крестьяне произвели поджоги строений светлейшей княгини Ливень, разгромили амбары и разграбили часть имущества.

Во всех этих случаях разграбленное имущество и хлеб в большей части администрацией было разыскано и возвращено законным владельцам; виновные обнаружены и привлечены к ответственности по суду в установленном порядке.

С лицами, ведущими преступную пропаганду в сельском населении, администрация все время вела упорную и систематическую борьбу. К сожалению, мероприятия администрации и в этом направлении не всегда встречали должную поддержку в особенности в Ка-

занской судебной палате, где возникшие дела оканчивались нередко прекращением или даже полным оправданием обвиняемых.

Побывавши на суде и получив там оправдание, агитаторы становились далеко смелее и действовали более решительно. В подобных случаях администрации оставалось лишь прибегать к мерам административного воздействия, чтобы парализовать вредную деятельность агитаторов и возбуждать производства в порядке положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. [...]

Борьба с этим злом [газеты левого направления] представляется, по крайней мере в Казанской губернии, чрезвычайно затруднительною. Почти все случаи наложения ареста на газеты, по ст. 9 Высочайше утвержденных Вашим императорским величеством 24.11.1905 г. Правил, распоряжением Казанской судебной палаты отменены, а редакторы газет, привлеченные к ответственности, получили оправдание от суда.

Например, в №159 от 10 июля газеты «Вечернее эхо» вышла статья-воззвание, где правительство критиковалось за роспуск гос. думы. «Все мирные пути испытаны – они более не годятся. Остается борьба – будьте все на своих местах...». За эти строки был арестован редактор газеты Стадырнов. Но вскоре Казанская судебная палата оправдала его. [...] Такое привилегированное отношение к преступлениям печати не может продолжаться без огромного вреда для всего населения и даже для самого суда, авторитет которого будет в конце концов подорван окончательно в глазах населения. [...]

Происходившие в Университете митинги посвящались исключительно обсуждению государственных, политических и общеэкономических вопросов. Главным ораторами на них выступали преимущественно лица, принадлежащие к социал-демократической и социал-революционной партиям, произносивших зажигательные речи, направленные к самому резкому и беззастенчивому порицанию всего существующего строя империи. Ораторы указывали на неотложную необходимость немедленного свержения Монархического образа правления и замену его республиканским на началах социал-демократических, приглашали всех к объединению с ними, требовали немедленной организации всеобщего народного вооруженного восстания и зывали к чувствам граждан помочь восстанию лично и материально. Все подобные речи заканчивались возмутительными возгласами и сбором денежных пожертвований на оружие и бомбы, а также открытой раздачей противоправительственных прокламаций.

При страстном ведении подобных дебатов речи ораторов действовали опьяняющим образом на слушателей, частью не окрепших в знаниях (учащиеся средних учебных заведений), частью со-

вершено необразованных или весьма мало развитых (мастеровые, рабочие, домашняя прислуга и т.п.) и создавали весьма приподнятое настроение в городе.

Благоразумные люди, пораженные неожиданностью дерзких речей, глубоко возмущались происходящим в университете, но в большинстве случаев чувствовали себя растерянными и не могли влиять, в первое по крайней мере время, отрезвляющим образом на молодежь. [...]

В Казани были устроены 18 и 22 сентября 1905 г. два демонстративных шествия с красными флагами и революционными песнями при похоронах дочери чиновника Марии Кузнецовой (обвинявшейся в государственном преступлении) и ученика Казанского реального училища Константина Малиновского, покончивших жизнь самоубийством. Оба эти случая, выдающиеся по необычной внешней обстановке и полному пренебрежению к установленным православною церковью обрядам, привлекли массу публики, большая часть коей принадлежала однако к числу любопытствующих.

Руководившие шествиями в надгробных речах старались привести присутствовавших к сознанию, что погибшие Кузнецова и Малиновский были жертвами бюрократического строя и произвола и пали в борьбе за свободу. В честь этой свободы демонстранты с пением революционных песен прошли по городу, требуя, чтобы все присутствующие и встречающиеся обнажали головы при звуке марсельезы.

Призыв рабочих и мастеровых к забастовкам, повторявшийся почти на каждом из митингов, происходивших в университете, не прошли бесследно. 20 сентября 1905 г. с утра забастовали в Казани легковые извозчики, а 22 числа вечером объявили забастовку рабочие завода Крестовникова. Забастовка первых длилась три дня, а последние бастовали сутки.

27 сентября совет университета, в виду не прекращавшихся митингов с участием посторонней публики, решил наконец временно закрыть университет до 6 октября.

В виду этого 28 сентября учащиеся высших и средних учебных заведений обнаружили попытки устроить собрание в городском пассаже и на Театральной площади, но попытки эти были предупреждены своевременно принятыми полицейскими мерами. [...] Перед открытием Университета по городу начали циркулировать слухи о заготовленных евреями бомбах, при помощи которых 6 октября предполагалось оказать успешное сопротивление полиции, войскам и казакам. [...]

Усилия крайних элементов добиться общей забастовки, чтобы осложнить общее напряженное состояние в Казани, в мере возможности были парализованы и все заводы, линия городского

трамвая, электрическая осветительная сеть и водопровод продолжали действовать обычным порядком. Тем не менее в городе господствовало весьма тревожное настроение, поддерживаемое вызывающим поведением крайних элементов, с утра 18 числа избравших здание Городской думы местом своих собраний и распускаемых слухами о готовящихся беспорядках, соединенных с поджогами и грабежами, и о вооруженном восстании. Такому настроению способствовала также находка на улицах города двух неизвестно кем подобранных бомб и взрыв третьей бомбы в гостинице «Крым» в номере студента Университета Буланова. Этим взрывом оборвало пальцы на руках у студента Университета Иванова и причинило раны его товарищу, скрывшемуся тотчас после взрыва.

День 18 октября прошел без всяких насилий, хотя революционная партия, видимо, подготавливалась к выполнению своих дальнейших планов.

19 числа в 10 часов утра при значительном стечении публики открылось чрезвычайное заседание Городской Думы для обсуждения вопроса об участии города в охранении порядка и спокойствия в Казани.

Все видные представители революционной партии, даже не принадлежащие к числу гласных, приняли живейшее участие в прениях и скоро предмет занятий Думы свелся исключительно к обсуждению законности действий высшей и в губернии административной власти и полиции.

В это время собравшаяся у городской думы толпа революционеров насильно разоружила трех городских, возвращавшихся мимо Думы с наряда из Кафедрального собора и одного постового городского, отобрав от них шашки. По ходу обстоятельств представляется несомненным, что разоружение полиции входило в план революционеров. В заседании Думы собравшиеся решили немедленно разоружить всех нижних чинов полиции и, для выполнения этого решения, в сопровождении гласных Думы, большими толпами (в состав коих было не мало лиц вооруженных револьверами) направились одновременно во все полицейские части, обезоруживая на пути встречаемых в одиночестве городских именем бывшего губернатора. Дерзость революционеров достигла таких пределов, что на пути они пытались обезоружить даже воинский постой у здания окружного штаба, но стоявший на посту нижний чин в первого сделавшего такую попытку студента Университета Иосифа Брегея дал выстрел из ружья и тяжело ранил его.

Толпа потребовала выдачи виновного нижнего чина и, только благодаря вмешательству начальника окружного штаба, пригрозившего расстреливанием каждого, кто обнаружит намерение при-

близиться к зданию штаба (на дворе штаба находился взвод казаков), – дело не дошло здесь до большого кровопролития.

В 1 полицейскую часть толпа приблизилась в тот момент, когда воинская часть оттуда выбыла и там находилось лишь не более 8 городских, которые, под влиянием дерзко настроенной толпы, сняли с себя вооружение и передали его в канцелярию Полицейского управления, где оно и осталось.

В 2, 3, 4 и 5 частях г. Казани прибывшая толпа насильно обезоружила городских и взятое у них оружие тут же было разобрано студентами и другими лицами, пожелавшими вступить в ряды милиции. [...]

Отобранном у городских оружием партия революционеров не удовлетворилась и принудила члена Городской управы Попрядухина выдать несколько требований на имя оружейных магазинов, где ночью с 19 на 20-е революционеры, путем насилий и угроз, заставили выдать себе некоторую часть оружия за счет Городской управы.

В число революционеров вступали не только учащиеся в высших и средних учебных заведениях, но также несколько учащихся девиц и лиц неоднократно судившиеся за кражи. Эти лица прежде всего воспользовались возможностью распродать доставшееся им имущество.

Вечером 19 числа революционерами был устроен митинг в Городской управе и другой более многолюдный митинг в помещении городского театра, где произносились зажигательные речи об удачном начале восстания и все лица призывались к объединению.

20 октября с раннего утра революционеры начали снова собираться в здании Городской управы, где должно было происходить прерванное накануне заседание думы, а затем устроили по городу, по случаю похорон 3 убитых 17 октября, многолюдное демонстративное шествие с пением революционных песен. В шествии участвовало до 10 тысяч человек, преимущественно учащихся, в числе коих было много евреев.

При виде самозванных охранителей порядка и вызывающего поведения главарей, настроение большинства жителей города становилось все более и более не спокойным и уже 20 числа выразилось разоружением 5 членов милиции.

С утра 21 октября жители Казани стали готовиться к совершению молебствия на Ивановской площади против здания Городской управы, после которого собравшиеся устроили патриотическую манифестацию по городу, направившись с пением гимна и тропаря «Спаси Господи люди твоя», с оркестром музыки, портретом Вашего величества и множества флагов, на Воскресенскую улицу.

При выходе из крепости толпа стала быстро увеличиваться. Перед памятником Царя-освободителя она остановилась, и оркестр

юнкеров несколько раз исполнил народный гимн. В это время из крепости вышел и присоединился к оркестру второй оркестр 230 Ветлужского резервного батальона.

На пути шествия, встречаемых членов милиции народ разоружал и, не нанося оскорблений действием, отпускал их.

Против магазина Сапожникова стояла большая толпа студентов, но когда манифестация стала приближаться, все они быстро разошлись.

У городского полицейского управления манифестация остановилась, пропела гимн и со словами: «долой милицию, дайте нам нашу старую полицию» потребовала выхода полицейских чиновников и встретила их криками «ура». Когда же манифестация поравнялась со зданием Университета, из последнего был сделан выстрел; в толпе произошло некоторое замешательство, но оба оркестра тотчас же заиграли гимн и порядок быстро восстановился.

С Воскресенской улицы манифестация свернула на Рыбнорядскую улицу, где один из членов милиции сделал попытку произвести выстрел, но был обезоружен и избит. С Рыбнорядской манифестация направилась по Большой Проломной улице, а оттуда по Гостинодворской улице вновь поднялась на Воскресенскую. Около толчка, один из членов милиции, также одетый в гимназическую форму, также пытался выстрелить в толпу, но был обезоружен и защищен от грозившей жесткой расправы офицерами юнкерского училища и помощником полиции.

В это время манифестация составляла толпу не менее 15 тысяч человек. На пути многие домовладельцы снимали с домов флаги и передавали манифестантам, почти во всех домах жители стояли у окон, крестились и благословляли толпу.

От угла Гостинодворской улицы манифестанты направились по Воскресенской улице обратно в кремль. В это время было замечено, что вся площадка Думы занята вооруженными милиционерами и студентами, которые стояли с революционерами, направленными на толпу. Предвидя возможность столкновения, полицмейстер просил выстроившихся на площадке милиционеров удалиться в Городскую управу, а публику проходить мимо, не обращая внимания. Идущие впереди с флагами благополучно миновали подъезд Городской управы, а когда самая густая масса народа, с оркестром юнкеров, приблизилась к зданию общественного управления, то со стороны стоявших на площадке, без всякого, по свидетельству очевидцев, повода был открыт по народу частый огонь. Появились раненые и убитые. В народе произошла паника. Оркестр юнкеров был оттеснен. Начальник юнкерского училища, чтобы защитить безоружных юнкеров-музыкантов от дикой расправы, тотчас же распорядился вызвать на место дежурную роту юнкеров. Одновре-

менно с этим начальник караула, охранявшего находившийся против здания Городской управы склад неприкосновенного запаса оружия, унтер-офицер 230 Ветлужского резервного батальона Царегородцев, по собственному почину, приказал караулу открыть ответный огонь по студентам и милиционерам, часть которых тотчас же бросилась в здание городской управы и, загородив подъезд, открыла огонь из окон и с верхнего балкона Управы, а другая часть старалась скрыться бегством. В числе последних находился и присяжный поверенный Михайлов-Двинский, который вначале пытался произнести противоправительственную речь, но оскорбленная и крайне озлобленная толпа тотчас же задержала его и трех других лиц; из коих двое были убиты на месте, двоим в том числе и Михайлову-Двинскому были нанесены столь тяжкие побои, что по доставлению в больницу, они вскоре умерли.

Вызванная 4 рота юнкеров быстро прибыла на помощь и начальствование над всеми войсковыми частями перешло к начальнику юнкерского училища, полковнику Гениште, распорядившемуся под огнем из Городской Управы. Один взвод юнкеров был направлен к заднему подъезду Городской управы с приказанием никого не выпускать из здания. По этому поводу из окон управы был открыт огонь, вследствие чего командир взвода приказал обстрелять окна. [...]

Осажденным было предложено сдаться. Вскоре они приняли все условия и приостановили стрельбу из окон, а вслед за этим была остановлена стрельба и войсковыми частями. Стрельба продолжалась около часа времени и закончилась в 6 часов вечера. По сигналу из здания Городской управы вышел протоирей Андреевский, уверявший, что в Городской управе укрылось не более 20 перепуганных человек. Между тем, по сдаче, в Городской управе было арестовано 130 человек, принадлежащих преимущественно к учащейся молодежи. [...]

При осмотре здание Городской управы производило впечатлительное вооруженного помещения: в комнатах везде были разбросаны револьверы, коробки с патронами, шашки, разная одежда; на одном присутственном столе лежало седло, а на другом уздечка; столы были сдвинуты и из них устроены заграждения; под столом в канцелярии Управы найдены изорванные протоколы заседания и другие заметки революционеров, банка с заспиртованными частями человеческого тела, счета из магазинов Молокова об отпуске револьверов и патрон, заметка с отметками: «революции 15, 16, 17, 18, 19, 20 и кровавой бани 21» и т.д.

Никто из юнкеров и других нижних чинов в перестрелке 21 октября убит и ранен не был. Из обывателей же семь человек было убито и 9 ранено. [...]

[22 октября, день иконы Казанской божьей матери]. Вся патриотическая манифестация, в составе более 50 тысяч человек, в полном порядке, направилась от Собора по улицам города.

К сожалению, патриотическое настроение жителей Казани в этот день к вечеру омрачилось несколькими случаями насилий, проявленных преимущественно над евреями, учащимися и некоторыми городскими деятелями, принимавшими наиболее близкое участие в устройстве милиции. Насилие как над самими этими лицами, так и над имуществом их были совершены подонками городского населения, искавшими удобного случая воспользоваться чужою собственностью. Были разбиты стекла в здании синагоги и уничтожена большая часть имущества ее. То же самое произведено в магазине Кискачи и в квартире Раздольского. Выбиты стекла в 35 квартирах, занимаемых преимущественно евреями. Нанесены побои еврею Ротенбергу, ученику промышленного училища Ольховскому и ученику реального училища Макарову.

Пятеро громил задержаны и привлечены к ответственности.

Объясненные насильственные действия нельзя считать особенно значительными в виду того настроения, которое было вызвано оскорблением патриотического, национального и религиозного чувства благомыслящей части населения; последнее поэтому относилось совершенно равнодушно к происходящим разгромам и не оказывало содействия ни полиции, ни войскам при прекращении возникших беспорядков.

Во весь день 23 октября до самого вечера продолжались такие же многоядные патриотические манифестации, закончившиеся без всяких столкновений, насилий и погромов. Рабочими заводов Крестовниковых и Пороховых устроена была патриотическая манифестация с крестным ходом, прошедшая весьма чинно. Патриотические чувства пожелала выразить в этот день также рабочие Алафузовского завода.

Домовладельцы г. Казани, в стремлении содействовать окончательному водворению в городе порядка, устроили 27 октября совещание, пред началом которого совершили молебствие о здравии Вашего императорского Величества, а затем повергли по телеграфу к подножию Престола свои верноподданнические чувства горячей любви и преданности. На этом совещании домовладельцы пришли к убеждению, что разоружение полиции совершалось гласными при участии возбужденной толпы и что отобранное оружие было роздано группе неизвестных лиц. Исходя из этих соображений домовладельцы обратились с ходатайством о назначении расследования о незаконных действиях Думы, к каковому и было своевременно приступлено. [...]

ПРИЛОЖЕНИЯ

Неудавшееся восстание, причинившее столь много горя мирным жителям, оставило глубокие следы в населении Казани и многих заставило взглянуть более трезво на безумные планы политических авантюристов. Что касается учащейся молодежи, то она, в лице своих непримиримых крайних элементов, по-видимому, не отказалась от участия в политической жизни страны. [...]

НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2240. Л.1–5, 8–9, 16–22.

Приложение №2

*Сообщение из газеты «Волжский вестник»
о собраниях мусульман г. Казани*

1905 г.

Навстречу потребностям мусульман. Со стороны гласного городской думы, присяж повер. С.Г.Ш. Алкина возбуждено ходатайство перед казанским губернатором:

«Имею честь заявить Вашему превосходительству что мной и секретарем газеты «Казанские вести» Ю.А. Акчуриным под моей ответственностью будет устроен целый ряд бесед с мусульманами г.Казани, начиная с 10 сего ноября на тему об истинном значении Манифеста 17 октября об учреждении Государственной думы и о выборах в нее для более детального и ясного ознакомления с этими законодательными актами.

Подобное заявление на словах мной было сделано находящемуся ныне в отпуске Казанскому губернатору Хомутову и получено от него разрешение.

Беседы будут происходить два раза в неделю, начиная с 10 ноября в номерах «Сарай» в 8 вечера.

Волжский вестник. – 1905. – 10 ноября. – №3.

Приложение №3

*Сообщение из газеты «Волжский вестник»
о полиции г. Казани*

1905 г.

На страницах местных газет появилось сообщение о желании чинов казанской городской полиции возбудить ходатайство об улучшении их служебного быта. Вчера все чиновники были вызваны в участки, где их заставили («их заставили» зачеркнуто цензором и заменено на «им предложено» – прим. ред.) дать подписки,

в том, что по требованию начальства они обязуются не принадлежать ни к каким союзам.

Волжский вестник. – 1905. – 29 ноября. – №18.

Приложение №4

Выписки из полученных агентурным путем писем казанцев за 1905–1906 гг.

Письмо учителю С.И. Осиповскому,
Ставропольское городское училище

20 февраля 1905 г.

Нужно так или иначе показать правительству, что студенческое движение тоже не игрушечное дело, что с ним тоже не легко бороться. Ведь нашего брата 70 тысяч человек, хорошая армия, вооруженная словесными саблями и пушками. И в конце января было получено из революционного комитета прекратить занятия до 1 сентября и тем самым не дать правительству ни молодых докторов, ни юристов, ни инженеров. Все наши мысли были направлены к этому и оказывается и это можно сделать, стоит только теснее сомкнуться. Здесь учредилась даже боевая организация в количестве 35 чел. Имеет все орудия и приняты все меры, чтобы не дать открыть Институт. Есть даже бомбы. Для совместного действия основался «союзный комитет» из студентов университета, ветеринаров и рабочих. Сам я тоже по рекомендации состою в типографии комитета корректором, исправляю ошибки на наборных текстах и пр.

Володька

Владиславу Александровичу Кунцевичу,
в село Красная Горка Казанской губернии

6 июля 1905 г.

Интересна политика теперешнего правительства: на словах огромные обещания, а на деле бесчисленные комиссии, тянущие дело и не достигающие цели. Но я верю, что скоро сгинет этот гнет бюрократии, дело народной революции продвигается, все эти события в Одессе, в Лодзи, в Риге, в Кронштаде и др. имеют огромное значение.

Сергей Петяев

Письмо фельдшерице-акушерке Феодоре Ивановне Сазоновой,
в село Куликовское Тюкалинского уезда Тобольской губернии

31 июля 1905 г.

«Экипаж жизни» твердо стал в колею революции и теперь уже ничто, его из этой колеи не выбьет. Этим я, конечно, вовсе не хочу сказать, что в скором будущем де непременно предстоит революция, нет, назначать время для переворота, говорить, что «завтра революция» – это значит вперед обрекать себя на ошибку. Творческая способность народа ожила, лишь только бы разбить рамки полицейского режима, и она развернется картиной ярких событий. Да мы двинемся по революционному пути разрушения старого и созидания нового. Возьму первый пришедший на память пример: на днях около Казани в лесу собирались выборные от 125 волостей Казанской губернии по инициативе самого крестьянского мира, они обсуждали современное положение вещей и сделали заключение о необходимости кардинальной реорганизации политического строя, они решили требовать Учредительного Земского собора, по примеру 1613 года, который бы установил новую форму правления по типу ограниченных западно-европейских монархий с выбором, если того потребуют обстоятельства, нового Царя. Все это было устроено самобытно самими крестьянами, и сама резолюция показывает, что никакая теория ими не руководила, кроме теории носящейся в воздухе назревшей потребности. Можно сказать, что они рассуждали страшно нелогично, не считались даже с данными западно-европейского опыта и науки, но надо признаться, что жизнь революционизировала даже темную крестьянскую массу. В этой среде, как и в других, девизом нашего времени стало: «жить по старому нельзя». Мысль целиком направлена на «уразумение», на созидание того нового, которое смутно предчувствуется. Критика старого кончилась или вернее кончается, к нему кажется у всех существует одна ненависть, чтобы родилось хорошее «новое» нужен опытный, образованный акушер. Благодарная роль акушера – организатора революции может выпасть только на заранее столкнувшуюся компактную партию.

Николай Чарно.

Письмо юнкеру Николаю Николаевичу Харитонову, в Вильну

18 января 1906 г.

Буржуазия достигла чужими боками 17 октября и дальнейшее движение в пользу всего народа для нее является очень невыгодным и немудрено поэтому, если она наводит туман перед глазами в виде неподготовленности народа и т.д. Нет ничего нелепее утвер-

ждать, что народ неподготовлен к демократической республике. Какую же, спрошу я, нужно особенную «подготовку», чтобы жить свободнее, управлять собой, платить меньше податей, да получать бесплатное образование? Что в народной массе мало развиты социалистические идеи – верно, но ведь революция наша буржуазная, а не социалистическая. Буржуи, интересы которых ты защищаешь, боятся революции, они не любят ее и не дождутся ее конца, и крайне, вместе с правительством и не без временного страха стараются не только остановить колесо истории, ее и повернуть его назад, что едва возможно даже таким силачам как Витте, Дурново, Трепову и Ко. Пойми ведь если бы народ не был способен бороться, революции не было бы, ведь она не выдумка «мятежных людей», она если следствие сознательности народа.

Твой Л.

НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.293. Л.96, 295, 369; Д.294. Л.78.

Приложение №5

*Из донесений казанского полицмейстера
начальнику КГЖУ за 1905 г.*

31 января 1905 г.

31 января, утром, в Казанской 2 гимназии учениками была принесена в класс жидкость с сильным неприятным запахом и разлита по полу, когда запах от жидкости распространился по классам, то ученики старших классов были отпущены домой и выйдя из гимназии толпой не менее 150 человек направились по университетской улице. На встречу толпе были высланы полицейские чины, которыми толпа и была рассеяна. Оставшиеся в гимназии ученики младших классов начали бить стекла изнутри.

12 февраля 1905 г.

11 февраля с часу дня несколько приказчиков-мусульман стали ходить по татарским лавкам и настаивать на прекращении торговли, некоторые из торговцев, боясь побоев, подчинялись желанию приказчиков; к приказчикам присоединились любопытные и все держали себя совершенно спокойно; полиция увидав толпу потребовала, чтобы лица, составлявшие толпу, разошлись, этому требованию они подчинились, разделились на небольшие группы и направились в район 5 и 4 частей, где также у некоторых татар-торговцев потребовали запора лавок, эти группы также были рассеяны полицией. Из числа татар-приказчиков подстрекателей к

забастовке был задержан крестьянин Галимзян Сайфутдинов, готовящийся к сдаче экзамена на звание сельского учителя и состоящий под особым надзором полиции, живущий по Екатеринбургской улице, в доме Столярова, а вместе с Сайфутдиновым задержан окончивший курс по медицинскому факультету в Казанском университете Владимир Викторович Попов, проживающий в Северо-Восточных номерах Королева.

16 февраля 1905 г.

По поводу слухов о «черной сотне» и об избиениях ею студентов – собираются злонамеренными лицами всевозможные сплетни, кои извращаются и распространяются среди публики. С 14 на 15 февраля сторож 3 гимназии явился в Александровскую больницу и заявил, что двое неизвестных лиц, приняв его за студента, избили на улице. Дежурный врач немедленно сообщил об этом в полицейскую часть и на другой день уже повсюду об этом рассказывалось как подтверждение того, что «черная сотня» существует. Между тем полицейским расследованием установлено, никто на сторожа не нападал, что его побил родной сын и что он был пьян, а доктору рассказал с целью, чтобы тот поскорее помог ему. Заявление это сторож подтвердил собственной подписью к протоколу. Сторож привлечен к ответственности за распространение ложного слуха.

НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.266. Л.12, 27, 29.

Приложение №6

*Фрагменты прошений на имя
казанского губернатора за 1906 г.*

[от Казанского отделения Государственного банка]

21 февраля 1906 г.

В виду часто повторяющихся случаев нападения злоумышленников на правительственные кредитные учреждения и согласно предложению Господина Управляющего Государственным банком от 16 февраля за №35 имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство в целях безопасности вверенного мне учреждения, сделать немедленное распоряжение дать в мое распоряжение военную охрану для постоянного дневного и ночного караула у кладовой и об установлении постоянного полицейского поста у здания Казанского отделения Государственного банка.

[От управляющего акцизными сборами Казанской губернии]

4 марта 1906 г.

Местным акцизным надзирателем 1 округа донесено мне, что 3 марта в 7 ½ часов вечера в казенную винную лавку №22 в Академической слободе г.Казани явилась толпа молодых людей в 6–7 человек и один из них, направив револьвер в продавца лавки, потребовал от последнего от имени боевой дружины выдачи казенных денег. Продавец, не растерявшись, выбежал через квартиру во двор и начал кричать, злоумышленники, услышав крик, выбежали из лавки, через некоторое время прибежал полицейский Ефим Иванов и, бросившись в погоню за злоумышленниками, никого из них уже не мог задержать.

Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать в принятии соответствующих и зависящих от Вас мер к охране казенных винных лавок вверенного мне управления.

[от председателя Казанского окружного суда]

3 мая 1906 г.

В городах Чебоксарах, Чистополе и Мамадыше в текущем месяце имеют быть сессии Казанского окружного суда с участием словесных представителей по аграрным делам: в Чебоксарах 12 и 13, Чистополе 17 и 18 и Мамадыше 29 мая.

В виду чрезвычайно большого числа подсудимых и свидетелей по означенным делам, а также могущего быть при рассмотрении сих дел скопления значительного количества посторонних лиц в качестве слушателей, я во избежание могущих произойти демонстраций, как со стороны подсудимых, так и посторонних лиц, имею честь покорнейше просить Ваше Прев. сделать распоряжение о командировании в названные города ко дням заседания усиленного надзора, а будет возможно – и военной охраны.

[от свияжского исправника]

30 июня 1906 г.

Опасаясь за благополучный исход в уезде полевых и сенокосных работ и имея в виду, что конная стража имеет большие преимущества перед пешей при передвижении и вовремя действий, прошу Ваше Пр[евосходительство] не найдете ли возможным сделать распоряжение на время уборки хлебов и трав, приблизительно по 15 августа, выслать на случай надобности в г. Свияжск теперь же конный отряд в 20–25 стражников.

[от казанского полицмейстера]

13 сентября 1906 г.

... с г.г. управляющим Казанского отделения Госбанка и Губернского казначейства имел разговор по поводу охранения казенных сумм, находящихся в подведомственных им учреждениях, на что они заявили: казенных сумм слишком много, в настоящее время по случаю поставленной военной охраны, частными лицами из разных банков все суммы переводятся в Государственный банк. Если снять военную охрану, тогда в публике явится опасение и вклады могут быть взяты обратно, почему снимать военную охрану и нежелательно, и опасно. Присмотр за банком учрежден постами городских: у самого банка, на углу у Шахматного клуба, у дома Михайлова на Черноозерской улице и с Черного озера. Для экстренной подачи помощи на случай нападения проведена сигнализация из банка в Городовое полицейское управление и проверены все жильцы в смежных с банком домах. При казначействе также пока имеется военная охрана, по снятию ее, чего также нежелательно, будут поставлены во внутрь казначейства два поста городских и один конный у подъезда казначейства до окончания операций. Кроме того ночные обходы обязаны заходить во двор казначейства для проверки караула. Усилить охрану более сильным полицейским караулом не нахожу свободных городских. Ходатайствую перед Вашим Прев. о замене городских в казначействе пешими стражниками Казанского уезда.

НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2117. Л.1, 84, 112, 219, 144–145.

Приложение №7

Революционная мода

Открытая публичная борьба за гражданские права к 1906 г. сменилась подпольной работой. Молодежь попала в тиски так называемого революционаризма. Среди них появилась даже особая мода. По замечанию А.С.Комлевой, революционная молодежь в этот период носила, как правило, черные косоворотки, черные фетровые шляпы с широкими полями, высокие сапоги, а на руках – «толстые самодельные палки». «Это была своего рода мода, и эта «мода», наверное, облегчала агентам жандармерии их гнусную работу по сыску и выявлению революционеров», – писала она (ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.1. Д.1558. Л.8). Протестные настроения получили широкое распространение среди учащихся, в том числе в

татарских профессиональных школах. И в этой среде прекрасно знали как выглядит настоящий «социалист»: в черной рубашке и подпоясанный ремнем (Башири З. Замандашларым белән очрашулар. – Казан, 1968. – Б.59). Другой татарский автор – Галимджан Ибрагимов – «социалистической» модой называет немного другой ансамбль: красная рубашка и широкий ремень, а также длинные волосы (Ибрагимов Г. Әсәрләр: 8 т. – Т.7. – Казан, 1984. – Б.398). Шакирды медресе, как и большинство мужского татарского населения, каждые две недели брили голову. Поэтому отращенные волосы воспринимались уже как признак «обрусения» или же «вольномудства».

Приложение №8

Из статьи Габдуллы Тукая «Война и Государственная дума»

1906 г.

Если бы сопоставить понимание людей в прошедшем с нынешним, то теперешние их мысли и представления, безусловно, превзошли бы прошлые. Если сказать, что каждый отдельный человек в стране – действительно сформировавшаяся мысль, будет правильно. Народ, как проснувшиеся весной пчелы, начал кипеть и волноваться. Теперь уже остановить это движение и загнать его обратно в кишлаки ни у государства, ни у кого другого не было сил. Ход дел в России в таком духе очень плох, так жить нельзя, каждому стало открыто и понятно, что в развитии России есть какой-то порок, в голове каждого стал вертеться вопрос: «Как можно начинать такое большое дело, как война, без согласия народа, даже без разрешения народа?».

Г.Тукай. Избранное. – Казань: Магариф, 2008. – С.89.

Приложение №9

Из воспоминаний бывшего рабочего Казанского Порохового завода – члена 1-й Государственной думы П.А.Ершова

1925 г.

Январь 1905 года всколыхнул рабочих. Более свободное отношение в разговорах и выводах, после расправы с товарищами в Петрограде.

События шли медленно, но неуклонно к октябрю. Рабочие завода Порохового имели своеобразное положение. Во-первых до половины они были крестьяне, а остальные старые рабочие завода имели собственные домишки. Не было чисто пролетарского состава

ва, кроме части механических служащих. Все рабочие были раскинуты по огромной территории завода по несколько человек в здании. Из одного здания в другое ходить не разрешалось. Это служило главной причиной разобщения между рабочими. Приоксильновый завод, построенный в 1891 году, этих особенностей не имел, там больше было сплоченности. В октябре 1905 года завод внимательно оберегался от влияния со стороны. Можно предположить, что большую роль в деле сохранения покоя в заводе имел начальник завода Лукницкий. Это был человек широко-образованный (по-европейски), твердой воли и чрезвычайно честный. Отношения рабочим с его стороны были всегда справедливы и данные обещания исполнялись. Это давало повод рабочим верить в его распоряжения. 17 октября, когда был самый главный подъем движения в связи с манифестом и прокатившейся забастовкой – рабочие Порохового остановили, помню, в субботу завод на 2–3 часа раньше и ушли с работы. Казачьи отряды пущены были в дело. Пьяный разгул грозил погромом. Решено было организовать народную охрану (милицию) выборную, вооружив студентов. Полиция была обезоружена. Но не надолго. Старые монархисты видя к чему дело клонится начинают усиленную агитацию. Вновь происходит борьба. Столкновение в Думе. Массовые аресты. Революционный подъем сильно падает. Наступает пора раздумья. Готовятся к выборам. Проходит 4 месяца. Выборы в Государственную Думу. На выборах никакого порядка. Никакой подготовки. Знакомый с положением о выборах о тех мизерных правах рабочих я выступил на собрании с целью объяснить рабочим, что из выборов трудно что-нибудь добиться. Единственно, что может быть полезно это участие рабочих депутатов в Думе, как агитаторов. Положение было таково: все заводы и фабрики губернии выбирают 23 уполномоченных рабочих, а из них выбирается один выборщиком на губернские выборы. На губернских выборах среди делегатов и от всех сословий, рабочие имели только одного... Ясно, что тут о выборе не может быть и речи. Но интеллигентная часть выборщиков и крестьянство решили обязательно дать место рабочему депутату (из 10). От города Казани депутатом был избран профессор Шершеневич. Рабочие Порохового выбирали меня в уполномоченные, не как партийного, а просто человека, которого хорошо знали. На первых порах после выборов в газетах давались сведения: от рабочих избран «левый».

При отъезде в Думу рабочие устроили проводы, на которых наказывали бороться за нужды рабочих, но не было ярко выраженной воли и крупных задач, а все вопросы вертелись вокруг обыденных интересов. Последующая работа в Думе убедила, что рабочий класс через Думу ничего не получит, но через широкую агитацию в Думе была возможность призвать рабочих к созданию

своих классовых организаций для борьбы с царско-правительским строем, и эта возможность конечно использовалась.

ЦГА ИПД РТ. Ф.36. Оп.1. Д.36. Л.70–70об.

Приложение №10

Из воспоминаний казанского аптечного работника о революции

23 ноября 1925 г..

Летом 1904 г. в Казани возникла инициативная группа аптечных работников по созданию «Общества служащих фармацевтов», в эту группу по памяти моей входили: т.т. Гертик Самуил, Гельмсинг Агнесса (ныне Максимова), Федорович (ныне женщина-врач в Нижнем Новгороде), Карпачевский, Мигунова Мария, Гаринов, я и некоторые другие имена, которых не помню.

Приступили к разработке устава, затем сочли необходимым получить санкцию аптечных работников г. Казани для чего поздней осенью собрались 60–70 чел. в квартире моей сестры по Рыбнорядской ул. в доме Алфимова. Мы имели от помощника пристава Ремизова через его брата-фармацевта негласное на то разрешение. Устав был принят, мне было поручено переписать его на чисто и подписанный несколькими товарищами лично доставить губернатору Стрижевскому¹, который меня очень хорошо принял и обещал скоро его утвердить, следует вспомнить, что 1904 г. был годом «весны» и власть заигрывала немного с общественным мнением. Обещание исполнено не было, и в марте 1905 г. устав был возвращен с указанием, что его следует согласовать с новыми правилами об организации обществ и союзов, изданными в марте же 1905 г.

Пока шла бумажная волокита аптечники продолжали организовываться. Летом 1905 г. устав в переработанном виде и «Профессиональный союз служащих-фармацевтов г. Казани» начал свое легальное существование, имея свое помещение на Мало-Проломной ул., угол Университетской, 2-й дом от угла. В первый состав Правления вошли: т.т. Щировский (председатель), Гертик (зам. Председателя), Щютц (казначеем), Гаринов и Мигунова, секретарь Гельминг.

При союзе были организованы курсы для подготовки аптекарских учеников и сдаче экзамена на степень аптекарского помощника, они сыграли большую организационную роль и умеряли аппетиты частных репетиторов: Горста, Гордона и Жемчужникова. [...]

---

¹ В это время казанским губернатором был П.А. Полторацкий.

Так как наш профсоюз имел свое помещение с обстановкой, а желающим организовать свои профсоюзы было трудно достать помещение для общих собраний, часто за отсутствием средств, то мы предоставляли им свое помещение бесплатно. Правление наше содействовало также своим опытом, так образовались: Союз парикмахеров, деревообделочников и портных (организатором портных был т. Комлев).

Одним из больших достижений Союза было улучшение условий труда и увеличена зарплата в аптеках Казани, путем организации забастовок. Организация забастовки обсуждалась на двух общих собраниях фармацевтов г. Казани и было окончательно решено потребовать двойную смету, т.е. 7-часовой рабочий день, отмена стола и квартиру натурой, взамен чего требовать расчет деньгами 30 руб., прослужившим не менее года – двухнедельный отпуск, улучшение условий труда ночных дежурств и т.д. Забастовку начать в самой большой аптеке, а именно у Грахе, затем уже в остальных. В первый день, после 3-х часовой забастовки аптекарь Грахе согласился принять предъявленные требования, на другой день многие аптеки даже без прекращения работ приняли требования нашего Союза. [...]

В дни захвата власти в Казани мне удалось только принять участие в организации перевязочных пунктов. В дни «свобод» шли почти непрерывные митинги в Университете, в вестибюле нового здания и во дворе, на коих видными ораторами были Драверт, Кулеша и Дридзе (Лозовский). [...]

По объявлении манифеста 17-го октября, владелец аптеки Грахе, где я служил, прислал из Италии, где он отдыхал, телеграмму, поздравляя со «свободой» и если есть пострадавшие – оказать денежную помощь. Пострадавших не оказалось из служащих аптеки и управляющий решил внести 300 руб. в кассу революционного городского управления. Когда же вернулся Грахе и ознакомился с действительным положением дела, то он забыл конечно свои поздравления и помогал властям затягивать петлю революции, а за «пожертвование» 300 руб. ему попало от губернатора.

В конце ноября или начале декабря 1905 г. были арестованы после обыска фармацевта аптеки Грахе Агнесса Гельмсинг (ныне Максимова). Была найдена нелегальная литература, за что и сидела около месяца.

В феврале или марте 1906 г. т. Адамская бросила бомбу в жандармское отделение, ей удалось скрыться, для дальнейшей безопасности ее привезли ночью ко мне на квартиру по Рыбнорядской ул., в дом Алфимова, в виду того, что она была рыжая, а потому очень заметная, ей перекрасили волосы в черный цвет; она прожила у меня до открытия навигации, причем как-то была трево-

га и мне было дано распоряжение перенаправить ее на квартиру профессора Миславского, что на Казанской ул., второй дом от угла, где я ее передал на попечение сына Миславского, ныне также профессора, через несколько дней тревога улеглась и я т. Адамскую взял обратно. Тов. Адамская в 1911 г. была осуждена на 6 лет каторжных работ, в 1920 г. т. Адамская была завед. Губотделом юстиции Самарской губернии.

Реакция продвигалась все сильнее, что влияло в первую очередь на профсоюзы и в 1907 г. союз фармацевтов г. Казани был закрыт.

Подпись неразборчивая [Эд. Шп...?]

ЦГА ИПД РТ. Ф.36. Оп.1. Д.51. Л.90–92.

Приложение №11

Из стенограммы организационной секции по 1905 г. конференции Истпарта ОК РКП(б)* по революции 1905 г.

Заседание 26 декабря 1925 г., утро.

[...]

Машкин. – Мне помнится в 1905 году на митинге в Университете искали меньшевика для диспута, не нашли. Тогда заставили выступать одного из большевиков в качестве меньшевика. Устроили инсценировку. Это свидетельствует, что меньшевиков в организации определенно не было.

Знаменский. – Кто устроил этот митинг: большевики или кто-нибудь другие?

Машкин. – Это было устроено в Университете.

Магницкий. – В то время мы рабочие не разделялись. Мы, когда к нам приходили пропагандисты не спрашивали, кто он большевик или меньшевик. Нам было безразлично к какой группе он принадлежит. [...]

Магницкий. – Помню о небольшой книжке, мы интересовались стачками и забастовками и разбирались в этом вопросе. Когда пробовали читать передовые статьи, то плохо разбирались в них.

Знаменский. – Есть сообщения об отношении рабочих к этим газетам. Это сообщение тов. Ендакова. Он говорит о том, что рабочие любили очень орган «Рабочий». Несмотря на то, что она стоила

---

* Комиссия по сбору и изучению материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии (большевиков) (Истпарт) областного комитета РКП(б) (1920–1939 гг.)

очень дорого по тогдашнему времени 20 коп. за экземпляр. Но они покупали ее и весь тираж газеты расходился. Здесь присутствующих рабочих прошу подтвердить сообщение Ендакова или отвергнуть.

Магницкий. – Например, были случаи, когда мы спрашивали, когда нам принесут газету «Рабочий», мы ее ждали с нетерпением. Наша группа очень любила эту газету.

Крюков. – Что касается нелегальных газет, то отношение было у рабочих более ровное. Рабочие боялись нелегальных газет. [...]

Знаменский. – Был ли план у комитета вооружить рабочих. Для чего были вооружены рабочие, какова конечная цель этого?

Дамперон. – Мне сказали это в Москве, за три дня до вооруженного восстания. Я пришел с явкой, как официальное лицо, я спросил, что предполагается в Москве. Мне сказали, что призывают к военному восстанию, не вооружая никого, если выйдут с оружием, то мы постараемся его взять в свои руки. Но это не так, что мы организуем вооруженное восстание. Было сказано, что призывали к организации, то образовать восстание не сможем. Так происходило в Москве. В Казани было проще, это было за 3 дня до восстания. Я думаю, что это было таким образом, идя к революции нужно иметь оружие. Может быть с этим оружием пришлось спрятаться, если есть возможность, то постараться взять его. Получить его на всякий случай. Провозгласить в Казани крамолу не было мысли.

Исакович. – Дело обстояло таким образом. Казанский комитет не предпринимал никаких шагов в этом направлении. Утром у Казанского Комитета еще плана не было. В Думе на совещании гласных раздавались голоса, чтобы «заменить» полицию. Но в самом здании не было произнесено слов о разоружении полиции. В дальнейшем это вылилось стихийно. Я взял подошел к полицейскому в орденах и говорю «отдайте оружие». Мне отдали. В думе было сказано «нужно выйти с манифестацией». В процессе демонстрации появилась мысль разоружить полицию. Помню сцену: высокий пристав, когда к нему подошли и стали разоружать, он тогда заговорил. «У меня семья, дети». У него была растерянность полная. Тогда отправились в слободу. Никакого руководства не было, вышло стихийно. Зачем это делалось, ответа не мог бы дать тогда.

Машкин. – В октябрьские дни 1905 г. революции, мне казалось, что группа буржуазии не особенно шумела. Здесь товарищ отметил, что Алафузов Н.И. приехавший из Петрограда, собрал рабочих в театре, где выступал Кулеша, и ему возражал Алафузов. Нажима со стороны буржуазии по отношению к рабочим резкого не было. Была даже некоторая поддержка революционной силы. Я должен напомнить о другом, что Крестовникова здесь не было. Но у них также было совещание, как и у Алафузова. Здесь успокоение рабочих привело к тому, что рабочие не сильное участие принима-

ли в октябрьские дни. 2-е, почему дума являлась центром? Мне помнится, что причины заключались в следующем. В те дни были большие расстрелы на Воскресенской улице. Стреляли вдоль улиц, тогда активное участие принимал Перимов, в уборке убитых и раненых рабочих, а студенты помогали ему. На 2-й день в знак протеста собралось внеочередное заседание думы. На этом заседании публика особенно сильно протестовала. Протесты раздавались особенно от членов Думы. Выступал Башмаков, после него выступал Перимов и упал в обморок во время протеста. Настроение настолько разгорячилось, что нужно что-то было предпринять. Тогда членов у комитета там не было. Кто-то послал меня за Соломоном Дридзо, вызвать его. Мы поехали с ним в думу на извозчике. Он спрашивал, что произошло. Это подчеркивает, что Казанский Комитет события октября застали врасплох. Определенных действий не было. Нужно ему было воспользоваться этим волнением. Дридзо выступал в Думе. Публика около Думы вытребовала Дридзо. Он с трибуны выступал и успокаивал публику. Я хочу подчеркнуть, что 18 число было неожиданностью для Казанского комитета. Второй момент, который заявил тов. Борисов о положении на Крестовниковском заводе. Я укажу один штрих. Шествие разделилось на 2 части, а другая на завод Свешникова и Крестовникова. Эта часть вернулась обратно. Какое участие принимали крестовниковские рабочие? Этого участия со стороны Крестовниковского завода большого не было, потому что они были достаточно пассивны и мало настроены революционно. Там было активистов 12 человек. Крестовниковская контора достаточно успокоила рабочих и они не принимали участия в шествии. [...]

Вечернее заседание 27 декабря 1925 г.

[...]

Машкин. – Я бы хотел сказать об осаде Думы. Под вечер толпа демонстрантов нагрянула на Думу, началась перестрелка. С балкона раздалась 2–3 выстрела вдоль улицы. Стреляли впустую. Я тоже стрелял, человек, который никогда не держал в руках оружия. Такие выстрелы, конечно, не произвели никакого вреда потому, что мы и стрелять не умели, но эти выстрелы произвели моральное впечатление. Мне вспоминается, что прибыли 2 цепи солдат, они начали стрелять в Думу пачками. Мне вспоминается, что кто-то крикнул, что необходимо забаррикадировать вход. Вход был забаррикадирован старыми архивными делами. [...]

Телефон находился на 2-м этаже. Кто-то говорил с губернатором. Потом из юнкерского училища – Овчинников. Священник, он говорил губернатору: «да нужно же их пощадить». Был в Думе выкинут белый флаг. Огонь прекратили. Предложено было сдать

оружие. По два человека с поднятыми руками выходили из Думы, и строились по два около думы.

Толпа находилась на другой стороне, около Музея и кричала «бей их». Были и другие более неприличные выкрики и высказывались по поводу нас. Тем не менее, арестованные остались целыми. Их повели в пересыльную тюрьму, где и разместили. Там жандармы не знали кого арестовали, каждого арестованного спрашивали, кто такой. В числе арестованных были настолько крупные работники, которых жандармерия должна была, конечно, выделить. Там был Саммер, члены нашего комитета Николай Иванович, Алексей и т.д.

Один эпизод: боле 130 человек было арестовано, в числе их много студентов. Ночью ректор Университета Любимов, в 2 часа прислал нам несколько корзин горячих булок. Не надеясь, что тюрьма была приготовлена к приему такого количества людей. Эти булки произвели фурор. Тем более, что этот Любимов не пустил полицию в октябрьские дни в университет. Он сказал, что только через мой труп полиция пройдет в университет. Он стоял у входа в Университет. Имя Любимова было у всех на устах. В первую ночь были страшно перепуганы, что тюрьму разгромят. К тюрьме подошли черносотенцы, пели, кричали, рычали. Заключенные боялись, что тюрьму разгромят. Потом жизнь улеглась и стала, как будто обыкновенным явлением. В 5 камере мне пришлось быть. Там много было народу, человек 20. Была также масса вшей. Борьба шла с ними по всей тюрьме. Было постановлено собрать их в спичечную коробку и заключить в тюрьму. Мы за одну ночь набрали ½ коробки. Мы требовали персидского порошка, но нам отказали. На 2-й день эти вши были высыпаны в сюртук и фуражку надзирателя с тем, чтобы он ощутил действие вшей. На другой день действительно дали порошок, чтобы мы избавились от них. 3-е явление был дворик в тюрьме. Арестованные играли там в чехарду. Выпуск из тюрьмы был пачками. Первую партию человек 40–50 выпустили через 2 недели. В том числе был выпущен Саммер. Было ясно, что полиция не разобралась в арестованных. [...]

Дамперов. – Относительно горячих булок, там не только горячие булки были, были грибки маринованные и царская водичка. Что касается солдат, которые несли караул в тюрьме, то они были с нами в приличных отношениях. Гарнизонные очень сочувственно разговаривали, позволяли кое-что им объяснять и передавали нам. [...]

Трупп. – Я помню солдата Когана. Он разносил письма по городу. Всего писем двадцать разнес.

Приложение №12

Из воспоминаний рабочего М.Борисова

1927 г.

Убийство Московского генерал-губернатора князя Сергея Романова внесло еще новые моменты в общую психику рабочих. Имя террориста Каляева произносилось в большинстве случаев с уважением. Правда, разговоры об этом случае происходили не открыто у «курилки» или за верстаками, а втихомолку за углами и по большей части в уборной...

Появился откуда-то, неизвестно кем принесенный рассказ о том, что московский купец Савва Морозов, очень много жертвовавший на нужды войны, обнаружил однажды на рынке крупную партию одеял, пожертвованных им для военных госпиталей. И будто на одном из вечеров аристократии и купечества Савва Морозов, когда к нему подошел с подписным листом князь Сергей Романов, пожертвовал одну копейку, говоря, что от одной копейки украсть нельзя будет, а то вот мол мои одеяла вместо госпиталей на базар попали.

Был ли именно такой случай я доподлинно не знаю и до сих пор, однако, разговоры о «морозовской» копейке я помню отлично. Помню, что эта самая «копейка» многим из нас рабочих в достаточной мере содействовала проникнуть в смысл произведенного Каляевым террористического акта...

Борисов М. За Казанкой в году пятом... – Казань, 1927. – С.26–27.

Приложение №13

Из автобиографии Веры Петровны Брауде (Булич)

1950-е гг.

Я родилась в апреле 1890 г. в г. Казани, где мой отец в это время кончал химический факультет Казанского университета. До 3-х летнего возраста я жила в г.Чистополе, там отец служил в земской управе. Потом семья переехала жить в деревню в Большеметалкишевской волости Чистопольского уезда, где у моей матери, урожденной Чаадаевой А.Н. вместе с ее сестрами было 200 десятин земли, полученной в наследство после смерти их родителей.

Я жила в деревне до 8 летнего возраста. Отец мой к этому периоду времени перешел на работу в Казань в губернскую земскую управу, и вся семья переехала жить в Казань.

Меня отдали учиться в Казанскую женскую Мариинскую гимназию, но я, привыкшая жить в деревне, с трудом подчинялась гимназической дисциплине, не дружила с подругами гимназистками, держалась особняком. Из третьего класса меня исключили из гимназии за систематическое нарушение дисциплины, так как я, начитавшись «Маугли» Киплинга, отказывалась учиться, не выполняла никаких заданий и требовала чтобы меня отправили жить в деревню, в лес, к зверям.

Родители, решивши, что мне требуется не только образование, но и серьезное воспитание, отдали меня в Родионовский Институт благородных девиц. Там я училась всего около года. Весной 1904 г. меня исключили из 4-го класса Института без права поступления в казенные учебные заведения с мотивировкой «за антирелигиозное и антиправительственное направление».

Родители мои были атеистами, в церковь не ходили, попов не принимали, икон не вешали, религиозные обряды не соблюдали. Отец сочувствовал либералам в духе профессорской газеты «Русские ведомости», мать сочувствовала толстовцам, кстати сказать, мать была потомком философа-публициста Чаадаева П.Я., а по прабабке – татарка. Антирелигиозные настроения родителей отразились на мне и я отказалась в Институте изучать закон божий, ходить в церковь, говеть, как это требовалось в Институте. Однажды меня вызвали к архиерею, который приехал в Институт. Он долго увещевал меня, а я стояла на своем. Когда архиерей заявил в доказательство, что и цари верят в Бога и являются помазанниками Бога, я ответила что-то очень дерзко и грубо.

Архиерей закатил глаза, а воспитательницы подхватили меня под руки и вывели в другую комнату. В казанской черносотенной газете «Казанский телеграф» вскоре появилась статья в пику либералу отцу, где сообщалось, что 14-летняя дочь либерала земца Булич П.А. исключена из Родионовского института за антирелигиозность и антиправительственные настроения.

В 1904 г. я поступила в открывшуюся в Казани частную «Котовскую» гимназию. Вскоре я была вовлечена в подпольный марксистский кружок. Занимался с нами пропагандист Казанского комитета РСДРПб. Герман, студент Казанского университета. Фамилии его сейчас не помню, кажется Шейнин. Несколько раз с этим кружком проводил занятия Самуил Брауде, который в это время учился в гимназии.

В первый раз меня арестовали в октябре 1905 г. В середине октября полиция запретила в университете митинги и ввела в стены университета свою охрану, полицейских и казаков. В ответ на это была организована демонстрация протеста, студенты, учащиеся и рабочие пошли по Воскресенской ул. к Кремлю. Демонстрация

была разогнана полицией и казаками, многих арестовали в том числе и меня. При допросе выяснилось, что я ученица Котовской гимназии, и что мне 15 лет. Из под ареста меня с городовым отправили на квартиру к отцу по Жуковской ул. д.Адамюк и сдали отцу под расписку.

Родители заявили мне, что я не должна заниматься политикой до окончания гимназии. Я с этим не согласилась, взяла смену белья и принадлежности гектографа, на котором печатала нелегальный ученический журнал для учеников средних учебных заведений и ушла жить в коммуны.

В коммуне в двух смежных комнатах жили учащиеся нашего марксистского кружка: гимназист Вечтомов Григорий, его одноклассник Беляков беспартийный, беспартийная сестра Белякова Вера, которая готовилась по латыни для экзаменов в фельдшерскую школу и невеста Белякова гимназистка Котовской гимназии беспартийная Фира Карпачева, которая ушла от своих родителей евреев сионистов, т.к. они были против ее романа с русским Беляковым. Жили мы на средства Вечтомова и Белякова, которые давали уроки.

Кроме того и я зарабатывала, как ученица в типографии Ключникова, куда меня устроила на работу Лина Прохорова, большевичка, которая работала наборщицей в этой типографии.

В апреле-мае 1906 г. меня снова арестовали на демонстрации в державинском саду и меня исключили из гимназии снова.

Наша коммуна помещалась одно время на Рыбнорядской ул., потом мы переехали на Горшечную ул.

Однажды в коммуны явился какой-то тип с городовыми и приставом, меня арестовали и под охраной отправили в Чистопольский уезд, поместили там в какую-то избу под присмотром стражника Желтова или Желтухина (точно теперь уже не помню). А неизвестный мне тип, арестовавший меня в Казани, оказался братом моего отца Александром Булич, земским начальником, он заявил, что арестована за то, что своим поведением позорю его фамилию. Он женился на богатой дочери генерала, получил в приданое большое имение в Чистопольском уезде и делал себе карьеру. Через день мне удалось сбежать из под охраны стражника. Там в деревне мне удалось связаться с учительницей большевичкой Настей Румянцевой, которая приютила меня и познакомила с молодым деревенским парнем революционно настроенным Алексеем Мотковым, а через него я связалась с довольно большой группой революционно настроенных крестьян и вскоре вместе с ними приняла участие в аграрных беспорядках. Мы сожгли ряд имений и домов помещиков, в том числе и земского начальника Александра Булич, вывезли хлеб и инвентарь из его амбаров, попутно сожгли гумно на хуторе

у сестер Чаадаевых, а дом их не тронули, т.к. он был сдан земству и там находилась школа. Скоро началась расправа с крестьянами. Мне и учительнице Румянцевой пришлось бежать из Чистопольского уезда. И опять в газете «Казанский телеграф» была помещена заметка, что я якобы во главе крестьянских бунтовщиков громила имение и сожгла дом своего отца. [...]

[В октябре 1906 г.] ... мне пришлось вернуться в Казань. В Казань я приехала с последним пароходом, скиталась по ночевкам. Казанский комитет большевиков дал мне поручение организовать кружок среди шляпниц и организовать объединенный большевистский кружок из учащихся средних учебных заведений. Помню я организовала на частной квартире в районе Арского поля собрание представителей учащихся средних учебных заведений, на этом собрании с докладом выступил представитель комитета большевиков. Потом мне поручили расклеить воззвание Казанского комитета большевиков. Я пошла с одним рабочим в Подлужную слободу, мы там начали расклеивать прокламации, почти кончали, но нас заметила полиция, стала окружать, товарищ рабочий дал два выстрела, создал замешательство и успел скрыться, меня же арестовали и посадили в пересыльную тюрьму, т.к. губернская тюрьма была переполнена. Дело обо мне было передано в суд, я привлекалась по 129 ст. за распространение нелегальной литературы. Через 2 месяца меня как несовершеннолетнюю отпустили до суда на поруки родителей, но через 10 дней опять арестовали на районном собрании в комнате студента Григория Спектора на Рыбнорядской ул. в доме Антонова. Вместе со мной была задержана большевичка Закржевская Людмила, дочь анархистки Лидии Николаевны Закржевской. К моему судебному делу прибавили еще ст. Уг. Улож. 126 (принадлежность к РСДРПб), а в мае 1907 г. освободили под залог в 300 руб., которые внес мой отец и под расписку о невыезде из Казани. Людмилу Закржевскую, мою подругу, тоже освобождали под залог 100 руб., так как она арестовывалась в первый раз. Тот и другой залог пришлось внести моему отцу, т.к. я категорически отказалась выходить на волю без своего товарища Людмилы Закржевской.

ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.518. Л.72-76.

БИБЛИОГРАФИЯ

Неопубликованные документы

РГИА (Российский государственный исторический архив)

ф. 733 – Департамент народного просвещения

ф.821 –Департамент духовных дел иностранных исповеданий

МВД

НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан)

ф. 1 – Канцелярия казанского губернатора

ф. 2 – Казанское губернское правление

ф. 4 – Казанская духовная консистория

ф. 41 – Казанский окружной суд

ф. 51 – Вещественные доказательства по делам Казанской судебной палаты

ф. 88 – Третья Казанская мужская гимназия

ф. 92 – Попечитель Казанского учебного округа

ф. 93 – Казанская учительская семинария

ф. 94 – Торгово-промышленное общество Алафузовских фабрик и заводов г.Казани

ф. 98 – Казанская городская управа

ф. 116 –Казанская духовная семинария

ф. 125 –Первая казанская Мариинская женская гимназия

ф. 160 –Директор народных училищ Казанского учебного округа по Казанской губернии

ф. 199 – Казанское губернское жандармское управление

ф. 259 – Казанское отделение Дворянского земельного банка

ф. 345 – Казанское среднее сельскохозяйственное училище

ф. 350 – Казанское губернское дворянское собрание.

ф. 384- Предводитель дворянства Казанского и Царевококшайского уездов

ф. 407- Казанский губернский предводитель дворянства

ф. 411 –Казанское губернское по делам об обществах присутствие

ф. 420 – Казанский временный комитет по делам печати

ф. 969 – Личный фонд Н.Ф. Катанова

ф. 977 – Казанский университет

ф. 1153 – Фабричный инспектор Казанской губернии

ф. Р-571 – Казанский льнокомбинат им. В.И. Ленина

ф. Р-4545 – Личный фонд М.И. Борисова

БИБЛИОГРАФИЯ

ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан)

- ф. 30 – Партийный архив Татарского рескома КПСС, г.Казань
- ф. 36 – Отдел истории партии Татарского обкома ВКП(б)

ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий-Эл)

- ф. 3 – Исправник Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
- ф. П-95 – Истпарт Марийского обкома ВКП(б)

ГАКО (Государственный архив Кировской области)

- ф. 205. – Канцелярия директора народных училищ Вятской губернии
- ф. 714 – Вятское губернское жандармское управление

ГАОО (Государственный архив Оренбургской области)

- ф. 10 – Канцелярия Оренбургского губернатора

ГАУО (Государственный архив Ульяновской области)

- ф. 76 – Канцелярия Симбирского губернатора
- ф. 134 – Симбирская духовная консистория ведомства православного исповедания

НМ РМЭ (Национальный музей Республики Марий-Эл им. Т. Евсеева)

Документальный фонд (фф. П.И.Мочалова, И.С.Палантая)

НМ РТ (Национальный музей Республики Татарстан)

ОХДИ – отдел хранения документальных источников

ЦПиМН ИЯЛИ (Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан)

- ф. 56 –Личный фонд Евфимия Малова.

ОРРК (Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета)

- ф. 7 – Евфимий Александрович Малов.

Опубликованные документы

1. Адрес-календарь г. Казани на 1906 г. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1906.
2. Адрес-календарь Казанской губернии на 1905 год. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1905.
3. Высочайший манифесты 17 октября 1905 г. и 26 февраля 1903 г. и их значение для русского народа. – Казань, 1907.
4. Журналы Казанского очередного губернского собрания дворянства в сессию 1905 г. – Казань: типолит. В.М. Ключникова, 1905.
5. Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства 12 марта и 21 апреля 1905 г. – Казань: типолит. В.М. Ключникова, 1905.
6. Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства, 1–3 июня 1905 г., 16–20 февраля и 19 марта 1906 г. – Казань: тип. И.В. Ермолаевой, бывш. Ключникова, 1906.
7. Журналы чрезвычайного Казанского губернского собрания дворянства. 27–30 мая 1902 г. – Казань: Тип. В.М. Ключникова, 1902.
8. История Казани в документах и материалах. XIX век / под ред. И.К.Загидуллина. – Казань: Магариф, 2005.
9. История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амирханова. – Казань: Магариф, 2004.
10. К 150-летней годовщине Московского университета. Извлечение из юбилейных приветствий к дню 12 января 1905 г. / сост. К.И. Шидловский. – М., 1905.
11. Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой октябрьской социалистической революции. Сборник документов. – Т.1. – Казань: Татгосиздат, 1950.
12. Крестьянское землевладение Казанской губернии. Вып.13. – Казань, 1909.
13. Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905–1907 гг. / Ред. С.И. Мухамедов, Б.Н. Рябиков. – Казань, 1955.
14. Медресе г. Казани XIX – нач. XX вв.: Сборник документов и материалов / под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. – Казань: Гасыр, 2007.
15. Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. – Уфа, 1998.
16. О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 года. – СПб., 1905.

БИБЛИОГРАФИЯ

17. Обзор Казанской губернии за 1906 год. – Казань: Типография губернского правления, 1907.
18. Обзор Казанской губернии за 1907 год. – Казань: Типография губернского правления, 1908.
19. Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губ. – Казань, 1896.
20. Общий устав Императорских Российских университетов 1884 г. с приложением узаконений, на которые в Уставе делаются ссылки. – Саратов, 1913.
21. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. – Т. 2. – Кн. 1: 1909–1910 гг. – М.: РОССПЭН, 2001.
22. Отчет Казанского городского комитета Попечительства о народной трезвости за 1906 год. – Казань: Типо-литография Ок-ружного Штаба, 1907.
23. Отчет Казанской городской управы за 1905 год. – Казань: Электрическая типография Л.П.Антонова, 1906.
24. Отчет Казанской городской управы за 1906 год. – Казань: Электрическая типография Л.П.Антонова, 1907.
25. Отчет казанской депутации, принимавшей участие на съезде губернских предводителей дворянства в Москве 24 апреля 1905 г., посланной согласно постановлению чрезвычайного Казанского губернского дворянского собрания 21 апреля и доложенной экстренному собранию 1 июня 1905 г. – [б.м., б.г.].
26. Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы за 1900–1901 гг. – Козьмодемьянск, 1902.
27. Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы за 1901–1902 гг. – Козьмодемьянск, 1903.
28. Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы за 1902–1903 гг. – Козьмодемьянск, 1904.
29. Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы за 1904–1905 гг. – Козьмодемьянск, 1906.
30. Первая всеобщая перепись Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губ. – СПб., 1904.
31. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 27 декабря 1909 г. – Казань, 1910.
32. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 27 декабря 1911 г. – Казань, 1912.
33. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 3 декабря 1911 г. – Казань, 1912.

БИБЛИОГРАФИЯ

34. Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протоколы заседания от 17 октября 1911 г. – Казань, 1912.

35. Полгода русской революции. Сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.). / сост. В.Обнинский. – М.: типография И.Н.Холчев и К., 1906.

36. Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. – СПб., 1908. – Т.ХХV.

37. Протоколы общего собрания земских гласных Казанской губернии 12–15 декабря 1905 года. – Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1906.

38. Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг. Документы и материалы / под ред. Х.Х. Хасанова и С.И. Мухамедова. – Казань: Таткнигоиздат, 1957.

39. Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 гг.: документы и материалы / ред. колл.: В.Н. Любимов [и др.] – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956.

40. Русская революция и анархизм. Доклады, читанные на съезде коммунистов-анархистов, в октябре 1906 г. / под ред. П. Кропоткина. – Лондон, 1907.

41. Садри Максуди: «Покорнейше прошу освободить меня от штрапа» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.238–239.

42. Сборник обязательных для жителей г. Казани постановлений Казанской городской думы за 1872–1913 гг. – Казань: Электрическая типография Л.П. Антонова, 1914.

43. Свод законов и циркуляров, циркуляров и справочных сведений по народному образованию в переходный период. – М., 1908.

44. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 7. Казанская губ. – СПб., 1906.

45. Труды комиссии, избранной чрезвычайным Казанским губернским собранием дворянства 12 марта 1905 г., по вопросу о народном представительстве. – Казань: типолит. И.Н. Харитонова, 1905.

46. Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / под ред. А.С. Будиловича. – СПб., 1905.

47. Устав Земского собора XX века или Всероссийская дума. – Казань, [б.г.].

48. Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1901. – № 11.

49. Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1904. – № 4.

50. Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1905. – №№ 3, 8, 9, 10.

Периодическая печать

- Волжский вестник. – 1901, 1905, 1906.
Волжский курьер. – 1906.
Волжский листок. – 1905, 1906.
Елабужские вести. – 1906.
Дневник Казани. – 1907.
Казанская газета. – 1905, 1906, 1913.
Казанский телеграф. – 1900, 1905, 1909, 1911.
Камско-Волжская речь. – 1910.
Мир ислама. – 1912.

Материалы личного происхождения

1. 1905 год в Вятской губернии. Сборник статей, воспоминаний и материалов / сост. И.С.Порошин. Репринт. – М.: Книга по требованию, 2014.
2. 1905 год. Рассказы. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955.
3. Аросев А. Казанские очерки о революции 1905 г. – Казань, 1925.
4. Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М.: Зебра Е: Альта-Принт, 2007.
5. Марковников В.В. Отдельное мнение об организации представительства и выборного начала в России. – Казань, [б.г.].
6. Борисов М. За Казанкой в году пятом... – Казань, 1927.
7. Воспоминания П.Н.Лукоянова и А.П.Шулганова о событиях в деревне Кокшамары в 1906 г. // Марийский археографический вестник. –1997. – № 7.
8. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы) / под ред. А.В. Иванченко. – М., 2008.
9. Загоскина О.Н. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине. – Казань, 2002.
10. Залезский В.Н. Мои первые шаги: воспоминания старого подпольного работника // Пути революции. – 1922. – №2. – С.20–42.
11. Из дневника Е.Малова // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – № 1–2. – С.154–155.
12. Ильина О.А. Канун Восьмого дня. – Казань: Заман, 2003.
13. Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (1898–1916): (автобиографический очерк и воспоминания). – Йошкар-Ола: [МарНИИЯЛИ], 2008.

БИБЛИОГРАФИЯ

14. Мухин В.А. (А.Сави) Марийские коммунисты // У илыш. – 1922. – № 3–4. – С.11–12.
15. Речь профессора В.И. Разумовского, сказанная в университете над гробом почившего ректора Н.М. Любимова. – Казань, 1906. – С.10–11.
16. События 17, 19 и 21 октября 1905 г. в Казани. Беспорядки в Казани 17 октября. Рассказ очевидца. – Казань: Типо-литография И.С. Перова, 1906. – 21 с.
17. Тоған Заки Валиди. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру / Пер. с тур. – М., 1997.
18. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания: в 2 т. – Т.1. – М.: Мысль, 1964.
19. Яковлев И.Я. Моя жизнь. Воспоминания. – М.: Республика, 1997.

Литература

На русском языке

1. Айнутдинова Л.М. Либеральное движение в Казанской губернии (1900–1917 гг.). – Казань: Фэн, 2003.
2. Айнутдинова. Л.М., Айнутдинов Р.А. Российское общественно-политическое движение и политические организации в Казани (середина XIX – начало XX вв.): Научно-справочный комплект. – Казань, 2012.
3. Алексеев И. «Кадровый вопрос» в Казанском губернском жандармском управлении накануне февральской революции 1917 г. // Русская народная линия. [Электронный ресурс] <http://ruskline.ru>. Дата обращения 23.02.2016.
4. Алексеев И.Е. На страже империи. Вып. I: статьи и документы по истории черносотенного и белого движений. – Казань: Изд-во ООО «Фирма Интеграл», 2006.
5. Алексеев И.Е. Под сенью царского манифеста (умеренно-монархические организации Казанской губернии в начале XX века). – Казань: [б.и.], 2002.
6. Алексеев И.Е. Черная сотня в Казанской губернии. – Казань: изд-во «ДАС», 2001.
7. Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – №3/4. – С.238–248.
8. Амирханов Р. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.
9. Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток-Запад» (на примере развития русской культуры). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002.

БИБЛИОГРАФИЯ

10. Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. 1860–1960. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1960.
11. Анисимов Н.Г. Огни над Волгой. Очерк истории Васильевского стеклозавода «Победа труда». – Казань: Татар. кн. изд-во, 1967.
12. Аросев А.Я. Казанские очерки о революции 1905 г. – Казань: Ист-партотдел, 1925.
13. Аросев А.Я. Казань – в глухие годы (1906–1909 гг.) // Пути революции. – 1922. – № 1. – С.42–43.
14. Батыршин Р.Р. Реализация столыпинской аграрной реформы в Казанской губернии (1906–1917 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 2008.
15. Беляев А. Просьба к Н.И. Ильминскому о разъяснении вопросов по народной школе // Волжский вестник. – 1891. – №5. – 6 января.
16. Беседина Е.А. Российская социал-демократия в 1905–1907 гг.: историко-антропологический анализ повседневной революционной практики: дисс. ... к.и.н. – СПб., 2008.
17. Бехтерев В.М. О причинах самоубийств и о возможной борьбе с ними // Труды Первого русского съезда невропатологов и психиатров. – М., 1914. – С.108.
18. Бобровников Н. Что такое «политическая партия?». – Казань: Типография Казанского университета, 1905. – 11 с.
19. Борисов М. За Казанкой в году пятом... – Казань, 1927.
20. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). – М., 2000.
21. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909. – С.23–69.
22. Бушуева Л.А. Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен. Межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С.254–255.
23. Валетов Т.Я. Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX – начала XX в. // Социальная история. Ежегодник, 2007. – М., 2008. – С.176–198.
24. Валиди Дж. Очерк истории образованности и литературы татар. – Казань: Иман, 1998.
25. Вернер Э.М. Почему крестьяне подавали прошения, и почему не следует воспринимать их буквально (По материалам Юрьевского уезда Владимирской губернии во время революции 1905 года) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX). Материалы международной конференции. – М., 1996. – С.184–195.

БИБЛИОГРАФИЯ

26. Витте С.Ю. О современном положении Православной церкви // Слово. – 1905. – №108. – 28 марта.
27. Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015.
28. Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. – Изд. 2-е, доп. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1983.
29. Гайнуллина В.Н. Деятельность Казанского комитета РСДРП по распространению идей атеизма и материализма в период первой русской революции (1905–1907 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 1981.
30. Гарафутдинов Р.А. Галимджан Сайфутдинов (Очерк жизни и деятельности). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1988.
31. Гилязов И., Петров-Текин Н. «Вел антисоветскую пораженческую агитацию» (Жизнь и судьба Федора Николаевича Сердинского) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2011. – №1–2. – С.72–76.
32. Глухов М. Tatarica. – Казань: Ватан, 1997.
33. Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар в Поволжье. – Казань, 1941.
34. Гредескул Н.А. Общество, реакции и народ // Зарницы. Литературно-политический сборник. – 1909. – №2. – С.1–35.
35. Григорьев А.Л. Первая русская революция 1905–1907 гг. и зарубежная литература. – Л., 1956.
36. Григорьев Д. Зовите нас крещенами // Известия по Казанской епархии. – 1906. – № 14–15. – С.450–454.
37. Григорьев Д. Несколько слов о причинах успешного распространения магометанства среди инородцев-язычников // Православный благовестник. –1905. – №2. – С.85–89.
38. Григорьев Д. Положение священника среди отступников // Известия по Казанской епархии. – 1905. – №22. – С.960–968.
39. Григорьев Д. Среди отпавших татар. Случайные беседы // Известия по Казанской епархии. – 1902. – №17. – С.790–799.
40. Губайдуллин Г. Труды (статьи и выступления). – Баку: Şərq-Qərb, 2010.
41. Даишев С.И. Из истории развития капиталистических отношений в деревне Казанской губернии в конце XIX века (по материалам землепользования): Доклад на «Краеведческих чтениях». – Казань: Гос. музей Тат. АССР, 1958.
42. Демчинский Н.А. Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом. – Казань: Типо-литография И.Н. Харитоновна, 1906. – 10 с.

43. Деревицкий А.Н. Женское образование в России и за границей. Исторические справки и практические указания. – Одесса, 1902.
44. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. – М.: НЛО, 2013.
45. Диц В.Г. История Казанской кирхи // Немецкий дом Республики Татарстан. [Электронный ресурс] <http://www.ndrt.ru>. Дата обращения: 02.02.2016.
46. Домокош П. Формирование литературы малых уральских народов / Перевод с венгерского. – Йошкар-Ола, 1993.
47. Дунаева А. Реформа полиции в России: сегодня и сто лет назад // Родина. – 2012. – №11. – С.41–45.
48. Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты. Сборник статей / сост. Р.М.Мухаметшин. – Казань: Магариф, 2000.
49. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг.– Л.: Наука, 1978.
50. Емельянов И. Стихи на крещено-татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань, 1879.
51. Журавский А.В. Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921 гг.): дисс. ... к.и.н. – М., 1999.
52. Загидуллин И.К. Махалля в промышленных поселениях Европейской части России и Сибири (XIX – нач. XX в.) // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы научно-практической конференции. – Казань, 2006. – С.66–100.
53. Залеский В.Ф. Опыт характеристики. – Харьков, 1914.
54. Залеский В.Ф. Что такое Союз Русского Народа и для чего он нужен? – Казань: Типо-литография И.С.Перова, 1907. – 16 с.
55. Зарипова Ф.Г. Военно-организаторская работа казанского и самарского комитетов РСДРП в период первой Российской революции: автореф. дисс. ... к.и.н.– Казань, 1985.
56. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 1992.
57. Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 г. / пер. с тат. – Казань, 1926.
58. Иванов А.Г., Сануков К.Н. История Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2015.
59. Иванов А.Г., Сануков К.Н. История марийского народа. – Йошкар-Ола, 1999.
60. Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. – М., 2010.
61. Иванов А.Е. Первая русская революция и профессура высших учебных заведений. Всероссийский академический союз:

идеология, политическая деятельность // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России: сборник трудов. – Вып. 48. – М., 1977.

62. Иванова А.П. Деятельность комитетов РСДРП Среднего Поволжья по пропаганде идей материализма и атеизма в период первой российской революции: автореф. дисс. ... к.и.н.– Казань, 1985.

63. Иванова Н.А. Структура рабочего класса России (1910–1914). – М.: Наука, 1987.

64. Иванова Н.А., Желтова В.П. Социальная структура России в начале XX в.: коррективы в традиционных представлениях // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века. – М., 1996. – С.54–55.

65. Исаев А.А. Характер русской революции. – СПб.: кн. маг. А.Ф.Цинзерлинга, 1906. – 47 с.

66. Исаков С. 1905 год в сатире и карикатуре. – Л.: Прибой, 1928.

67. История Казани. – Т.1. – Казань, 1988.

68. История Казанского университета, 1804–2004 / Гл. ред. И.П. Ермолаев. – Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2004.

69. История Марийской АССР. Т.1. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1986.

70. История татар с древнейших времен в семи томах. – Т.VII. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. – Казань, 2013.

71. Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань: Иман, 1997.

72. Исхаков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011.

73. Исхаков С. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2007.

74. Исхаков С.М. Общероссийская партия мусульман // История национальных политических партий России. – М., 1997. – С.214–232.

75. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917). – Саратов, 1982.

76. Каминка А. Третий академический съезд // Право. – 1906. – №1. – С.298–304.

77. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С.Червонной. – М.: Прогресс, 1996.

78. Карасев А.М. Осуществление казанским комитетом РСДРП тактики «левого блока» в годы первой революции в России: 1905–1907 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 1985.

79. Каримуллин А. Татарская книга начала XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1974.

80. Кирьянов Ю.И. Рабочие России в революционной ситуации накануне первой буржуазной демократической революции // Реформы или революция? Россия, 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. – СПб.: Наука, 1992. – С.90–95.

81. Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината имени Мулланура Вахитова. – Казань: Татгосиздат, 1950.

82. Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. – Т.2. – Казань, 1930.

83. Коробов С.А. Революционное движение в Марийском крае в период первой буржуазно-демократической революции в России. (1905–1907 гг.). – Йошкар-Ола, 1952.

84. Крестьянин И.Л. [Лаврентьев И.Е.] Выборы от крестьян в Казанской губернии // К 10-летию 1-ой Государственной думы. 27 апреля 1906–27 апреля 1916. – Пг.: Огни, 1916. – С.15–30.

85. Кризис самодержавия в России, 1895–1917. / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов и др. – Л.: Наука, 1984.

86. Лаврский К.В. Новый путь. (Положение современной русской деревни и деятельность Казанского о-ва попечения о деревенских детях-сиротах). – Казань: типо-лит. М.А. Семенова, 1911.

87. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. – М., 1981.

88. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Революция 1905–1907 годов. Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1975. – С.137–156.

89. Летопись русской революции. Вып. 1-й. Меры против печати. Тюрьма и ссылка. Карательные экспедиции. Смертные казни. – М., 1907.

90. Лившиц С. Казань в годы первой революции (1905–1907 гг.). – Казань: Татполиграф, 1930.

91. Лившиц С.В. Казанская социал-демократическая организация в 1905 г. // Пролетарская революция. – 1923. – №3(5).

92. Лихачев Г. Волжские мари в первой революции // Марийская автономная область. – 1931. – №1–2. – С.93–107.

93. Людмилин А.С. Контрреволюция в рясах и чалмах в 1905 году в Казанской губернии. – Казань: Татиздат, 1931.

94. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М.: АИРО-XXI, 2006.

95. Магсумов Т.А. Среднее профессиональное образование в Казани в конце XIX – начале XX вв.: дисс. ... к.и.н. – Казань, 2008.
96. Машковцев А.А. Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века. – Киров, 2015.
97. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб., 1999.
98. Михайлова Е.М. Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье: идеологическое оформление и общественно-политическая практика: автореф. дисс. ... д.и.н. – Казань, 2007.
99. Могильнер М.Б. Мифология подпольного человека: радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. – М.: НЛО, 1999.
100. Мойсинович А.М. Образ Николая II в политической карикатуре периода первой русской революции // Вестник ЯрГУ. – Серия Гуманитарные науки. – 2015. – №3(33). – С.16–22.
101. Морской А. Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря. – М., 1911. – 128 с.
102. Мухаметшин Р.М. Система образования у татар в начале XX века: состояние и проблемы // Медресе «Мухаммадия»: история и современность. – Казань, 2003.
103. Нафигов Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли (очерк истории 1895 – 1917 гг.). – Казань: изд-во Казанского университета, 1964.
104. Никишина С.Р. Проблема феминизма в татарской литературе начала XX века (эволюция творческого метода и героя). – Елабуга: ЕГПУ, 2004.
105. Николаев П. Н. Революционное движение в Чувашии в 1905–1907 гг. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956.
106. Никольский Н.В. Первая чувашская газета «Хыпар». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chnmuseum.ru>.
107. Новое о революции 1905–1907 гг. в России: межвузовский сборник / под ред. Ю.Д. Марголиса. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
108. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. – Ульяновск: Средневожжск. научн. центр, 2000.
109. Очерки истории Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1965.
110. Очерки истории Марийской организации КПСС. – Йошкар-Ола, 1968.
111. Ошаев А.Г. Общественно-политическое движение в Марийском крае в период первой русской революции (1905–1907 гг.). – Йошкар-Ола, 2012.

112. Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1974.
113. Патрушев А.С. Марийские листовки периода первой русской революции // Тезисы докладов и сообщений научной сессии «200 лет марийской письменности». – Йошкар-Ола, 1977.
114. Патрушев А.С. Политический митинг в Кокшамарах в 1906 году // Вопросы дореволюционной истории Марийского края. – Йошкар-Ола, 1978.
115. Первая революция в России: взгляд через столетие / А.П. Корелин, И.М. Пушкарева, Н.Г. Королева и др. – М.: Памятники ист. мысли, 2005.
116. Первая русская революция 1905–1907 гг. и международное революционное движение (Сборник статей. К пятидесятилетию первой русской революции). В 2-х частях / отв. ред. А.М. Панкратова. – М.: Госполитиздат, 1955–1956.
117. Первая русская революция и театр. Статьи и материалы / отв. ред. А.Я.Альшуллер. – М.: Искусство, 1956.
118. Перцов В.В. Очерк статистики и экономики Казанской губернии. – Казань: 4-я Гос. типо-литогр., 1919.
119. Петрова Р.Г. Революционные связи социал-демократических организаций Среднего Поволжья в период революции 1905–1907 годов в России: автореф. дисс. ... к.и.н. – Казань, 1982.
120. Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. – Казань, 2005.
121. Пирогов Н.И. Университетский вопрос // Университетская идея в Российской империи XVIII – начало XX веков: антология. – М., 2011.
122. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004.
123. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. – М.: РОССПЭН, 2009.
124. Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи, по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. Психологическая и социологическая самооценка. Разочарованность. – СПб., 1913.
125. Рахимкулова М.Ф. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге // Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность. Хрестоматия / сост. Т.М. Аминов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – С.138–163.
126. Революционаризм в России: символы и цвета революции. Сборник статей. – М.: РГГУ, 2005.

127. Революция и человек. Социально-психологический аспект (Материалы конф., 28–30 ноября 1994 г.) / под ред. П.В. Волобуева и др. – М.: Изд. центр ИРИ, 1996.
128. Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль (Материалы конф., 14–15 ноября 1995 г.) / под ред. П.В. Волобуева и др. – М.: Изд. центр ИРИ, 1997.
129. Реформы или революция? Россия, 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. – СПб.: Наука, 1992.
130. Решетова С.Х. Женский вопрос в первой русской революции (по материалам периодической печати): дисс. ... к.и.н. – Казань, 1973.
131. Рождественский В.П. Революционное движение учащихся средних школ в революцию 1905–1907 гг. в Казанском учебном округе: дисс. ... к.и.н. – Казань, 1941.
132. Розанов В. Ослабнувший фетиш. Психологические основы русской революции. – СПб.: Пирожков, 1906.
133. Романов В.В. Политическая полиция в Поволжье в 1905–1907 гг.: дисс. ... к.и.н. – Казань, 1992.
134. Романова Г.В. Борьба подразделений политической полиции Поволжья с революционным террором в 1905–1907 гг.: автореф. ... к.и.н. – Казань, 2005.
135. Салихов Р.Р. Пример реформатора// Казань. – 1997. – №10–11. – С.57–64.
136. Сануков К.Н. Национальные отношения среди народов Поволжья и Приуралья // Межэтнические отношения и национальные проблемы и движения в Поволжье и Приуралье XVIII–XX вв. – Чебоксары, 1996. – С.47–48.
137. Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания – зеркало крестьянского менталитета 1905–1907 гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX). Материалы международной конференции. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996. – С.173–182.
138. Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. – М.: Институт российской истории РАН, 1994.
139. Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России (К 100-летию проведения). – Нижний Новгород, 2005.
140. Слонимская И.А. Медицинские работники в революции 1905–1907 гг. – М.: Медгиз, 1955.
141. Соколов А.К., Журавлев С.В. Введение: Alltagsgeschichte и изучение рабочей истории в России / Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. – М., 2010. – С.28–52.
142. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. – Л.: Наука, 1981.

БИБЛИОГРАФИЯ

143. Сорокин П. Социология революции. – М., 2005.
144. Спасский Н.А. Чествование бывшего попечителя КУО т.с. А.Н. Деревецкого, устроенное в Казани его бывшими сослуживцами по округу в январе-апреле 1912 г. – Казань, 1912.
145. Сталь Л.Н. Что дал работнице и крестьянке 1905 год. – М., Л.: Гос. изд-во, 1926.
146. Стейнберг М. Меланхолия нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. – М.: НЛО, 2010. – С.202–226.
147. Султанбеков Б.Ф. Эволюция политических взглядов профессоров и преподавателей высших учебных заведений Поволжья (1905 – февраль 1917 гг.) // Ученые записки КГПИ. – 1977. – Вып. 173. – С.3–26.
148. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начала XX в.) по материалам Среднего Поволжья. – М.: РОССПЭН, 2008.
149. Татария в дни первой русской революции / АН СССР, Казан. фил., ИЯЛИ.– Казань: Таткнигоиздат, 1955.
150. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика начала XX века. – М.: Новый хронограф, 2008.
151. Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер, А. Дмитриева. – М., 2009.
152. Усманова Д.М. Депутаты Государственной думы от Казанской губернии: социальный и политический портрет (в свете избирательных кампаний 1906–1912 гг.) // Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века / сост. Н.А. Федорова. – Казань, 2003. – С.34–44.
153. Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006.
154. Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. – Казань, 2005.
155. Фальборк Г.А. Всеобщее образование в России. – М., 1908. – С.10–11.
156. Фахрутдинов Р.Р. Мусульманский либерализм в конце XIX – начале XX века (очерки политической истории). – Казань: Магариф, 1998.
157. Фирсов И.Н. 1905 год в Казани. – Казань: Татгосиздат, 1941.
158. Фирсов Н.Н. Русская революция и Ленин. – Казань, 1925.

БИБЛИОГРАФИЯ

159. Хабибрахманова А.В. Деятельность политических партий в Казани в годы Первой российской революции. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006.
160. Хабибрахманова А.В. Социальный состав казанской группы эсеров в 1904–1907 гг. // Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века / сост. Н.А.Федорова. – Казань, 2003. – С.44–51.
161. Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. – М.: Издательский дом Марджани, 2013.
162. Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. – Нижний Новгород, 2005.
163. Хамматов Ш.Х. Казанская организация большевиков в годы первой русской революции. – Казань: Таткнигоиздат, 1955.
164. Харлампович К.В. Казанская духовная академия. 1842–1907 г. // Православная богословская энциклопедия. – Т. VIII. – [Б.м., Б.г.].
165. Хасанов Х.Х. Революционер-интернационалист: Жизнь и деятельность большевика Х. Ямашева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1971.
166. Хасанов Х.Х. Казань в годы первого штурма царизма. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985.
167. Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. – М.: Наука, 1965.
168. Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977.
169. Хисамутдинова Л. Основные вехи жизни и деятельности Галимджана Баруди // Медресе «Мухаммадия»: история и современность. – Казань: Иман, 2003. – С.10–36.
170. Циунчук Р.А. Революция 1905–1907 гг. в России // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. – Т.5: Р-С-Т. – С.47–48.
171. Чекменева Т.М. Казанская «инородческая» учительская семинария и ее роль в просвещении нерусских народов Поволжья: дисс. ... к.и.н. – Казань, 1985.
172. Шершеневич Г.Ф. Революция и гражданское уложение // Право. – №1. – 1906.
173. Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX. – М., 1987.
174. Энгельштейн Л. «Половой вопрос» и политический кризис профессиональной интеллигенции после 1905 г. // Реформы или революция? Россия, 1861–1917. Материалы международного colloquium историков. – СПб.: Наука, 1992. – С.173–174.

БИБЛИОГРАФИЯ

175. Юзеев А.Н. Идеология джадидизма: история и современность // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2003. – № 3–4. – С.126–135.

На татарском языке

176. Абушаев Х. Г.Ибраһимов укыган иске мәдрәсә // Казан утлары. – 1987. – №2. – Б.167–170.

177. Акчура Й. Дамелла Галимжан Әл-Баруди. – Казан, 1997.

178. Баттал Г. Казан төркіләре. Тарихи язмалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996.

179. Бурнашева З. Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1971.

180. Гафури М. Әсәрләр: 3 томда. – Т.3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1983.

181. Гаффарова Ф.Ю.Әхмәдһади Максуди. – Казан, 2002.

182. Әйтем – чәчәк, мөкәль – жиләк. Халык афоризмнары. – Казан, 2002.

183. Әмирхан Р. Галимжан Баруди һәм Мөхәммәдия мәдрәсәсе // Акчура Й. Дамелла Галимжан Әл-Баруди. – Казан, 1997.

184. Әмирхан Ф. Әсәрләр: 4 томда. –Т.4. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1986.

185. Әмирханов Р. «Мөхәммәдия» мәдрәсәсе // Мәдрәсәдә китап киштәсе... – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992.

186. Әмирханова З. Абыем турында // Казан утлары. – 1986. – №1. – С.69–72.

187. Ибраһимов Г. Татарлар арасында революция хәрәкәтләре // Ибраһимов Г. Әсәрләр: 8 томда. – Т.7. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984.

188. Исхакый Г. Әсәрләр: 15 томда. – Т.1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1998.

189. Исхакый Г. Әсәрләр: 15 томда. – Т.3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001.

190. Мансуров Г. Беренче революция елларында татарлар. – М., 1926.

191. Мәһдиев М.С. Реализмга таба. XX йөз башы татар әдәбиятында чынбарлыкның чагылышы мәсьәләләре. – Казан: Казан университеты нәшр., 1989.

192. Мәхмүтов һ. Сәхнә фидәкәре // Казан утлары. – 1984. – №3. – С.174–178.

193. Мәхмүтов һ., Илялова И., Гыйззәт Б. Октябрьгә кадәрге татар театры. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1988.

194. Сәйфи Ф. Беренче революциядә Казанда һәм губернасында эшче-крестиән хәрәкәте. – Казан: Татиздат, 1931.

БИБЛИОГРАФИЯ

195. Тукай Г. Әсәрләр: 5 томда. – Т.3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985.

На марийском языке

196. Воробьев И.П. Мундыр ужара // Ончыко. – 1967. – № 1.
197. Марла календарь. – Казань, 1907.
198. «Марла календарьлан» – 50-ий // Ончыко. – 1957. – № 2.
199. Чавайн С.Г. Ойпого. – М., 1935.
200. Юксерн В. Чап паша – мондалтдыме // Марий коммуна. – 1985. – 12 ноября.

На английском языке

201. Wert P.W. At the margins of orthodoxy mission, Governance and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. – Ithaca and London: Cornell university press, 2001.
202. Cunningham J.W. A vanquished hope, the movement for church renewal in Russia, 1905–1906. – New York: St.Vladimir's seminare press, 1981.

На немецком языке

203. Heller K. Revolutionärer Sozialismus und nationale Frage: Das Problem des Nationalismus bei russischen und judischen Sozialdemokraten und Sozialrevolutionären im Russischen Reich bis zur Revolution 1905–1907. – Frankfurt am Main; Bern; Las Vegas: Peter Lang, 1977.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдулгафаров Билялюсуп 69
Абызов Ш. Х., имам 103, 252
Агафонов И.Н. 290
Агафонов Н.Я., публицист 132
Агеев 159
Аитов С.М. (Аитов, Сулейман) 71, 73,
75, 129, 239, 247, 248
Акчурин Ю. (Акчура) 13, 71, 72, 74,
75, 77, 78, 79, 128, 164, 181, 238,
239, 240, 251, 262, 312
Акчурин И. 72, 264
Акъегет М., писатель 259
Алафузов И.И. 84
Алафузов Николай Иванович 90, 99,
100, 324
Алафузов Николай Николаевич 90
Александров А.И. 122, 124, 129
Александров П.С. 220, 224
Алкин С.Ш. 13, 71, 75, 77, 128, 131,
217, 238, 251, 252, 253, 257, 312
Амирхан Ибрагим 181
Амирхан, Фатих 180, 183, 186, 245,
258, 266
Амирханов Н., мулла 240
Амирханова Зайнаб 180
Андерсен 159
Андрей, мамадышский епископ
(князь Ухтомский) 283, 284
Антонов П. 294
Антонов-Овсенко В. А. 278
Апакаев Мингазетдин 69
Апанаев Абдрашид Абдрахманович
169
Апанаев Абдулла Мухаметюсупович
168, 253
Апанаев В. 264
Апанаев Г. А.-К. (Апанаев, Габдулла)
71, 74, 75, 243, 246, 247, 248,
249, 251, 256, 257, 258
Апанаев И.М. 239
Апанаев Мухаметбадретдин Абдулка-
римович 74, 75, 194, 252, 255,
257
Апанаев М.-З. А.-К. 75, 239
Апанаев Мухамедшакир Мухамедза-
кирович 168
Арцыбашев Д.П. 47, 55, 56
Асанович Х. 239
Афанасьев М.П. 97
Ахмеров Г. 74, 262, 280
Ахмеров Шарифулла 171
Ахметов Ибрагим 69
Ахтямов А. 72
Ашмарин Н. 277
Бабич Ш. 184
Бадамшин Гариф Сиразетдинович 75,
211, 240, 241, 242
Баранцевич 159
Баронов А.М. 296
Баруди, Галимзян (Галеев Г.М.) 162-
168, 171, 172, 178, 181, 182, 238,
239, 244-248, 251, 252, 253
Басов Т.Д. 235
Бать А.Г. 131
Башири З. 184
Баязитов А. 74, 257
Белоглазов Михаил 217
Белькович В.Н. 49, 56
Бельский А.Г. 124
Белюкович 304
Беляев, студент 159
Беляев А. 273
Бигиев З., писатель 259
Бигиев, Муса 192
Бикчурин Исхак 181, 186, 241
Бобров С.В. 290
Боброва А.В. (Ишпайкина) 290
Бобровников Н.А. 274, 283
Бобровников Н.И. 275
Болясов 234
Боратынская Ксения 20, 44, 50, 58,
147, 150
Боратынский А.Н. 47, 48, 49, 50, 53,
55, 63, 255
Борисов Михаил (М.И.Борисов) 15,
87, 91, 96, 191, 207, 325, 327
Брауэр 157
Британ И. 159
Брокмиллер Ф.А. 126, 217
Брюхов, выпускник КУС 281
Буби, братья 71
Будде Е.Ф. 125
Будилович А.С. 274
Будников И.К. 290
Букетов Ф.А. 279
Буланов 193, 307
Булич (Брауде) Вера 58, 207, 208,
212, 327

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Булич Александр 207, 215, 329
 Булич П.К. (Булич Петр) 207, 214
 Булыгин А.Г. 214
 Валиди Заки 183
 Васильев А.В., профессор 46, 49, 50, 54, 58, 62, 128, 131, 137
 Васильев Алексей Иванович 228, 229, 248
 Васильев В.М., марийский писатель 279, 297
 Васильев 281
 Вацуро Г.А. 133
 Вейншток В.А. 216
 Вендиктов А. 207
 Вечтомов Григорий 212, 329
 Винавер М.М. 62
 Витте С.Ю. 71, 191, 268, 315
 Вишневский А.В. 121
 Войдинова Александра 186
 Волков Тихон, воспитанник КЦКТШ 278
 Воробьев И.П. 291, 294
 Воскресенский А.А., директор КУС 280
 Гайнуллин Нурулла 186
 Галеев Абдулла Ахметзянович 240, 241, 242
 Галеев Мухаметзян (Баруди) 168, 252
 Галеев Салихзян (Баруди) 244, 245, 246, 247, 248, 249
 Галиакберов И. 264
 Галикеев М-С. М-С. 13, 75, 128, 247, 248, 252
 Гаспринский Исмаил 72, 74, 77, 78, 164, 167, 186, 259, 267
 Гафури Мажит 185
 Гафуров Г. (Чыгтай) 266
 Гвоздев С. 94
 Герасимов-Микай М.С. 279
 Геркен Владимир Павлович 49, 50, 56, 58, 216, 217
 Геркен П.И. 49, 50, 54, 63
 Гершензон М.О. 134
 Гизетуллин Гайфулла 244, 246
 Глазов В.В. 274
 Глезденев П.П. 279, 284, 297
 Годнев 55
 Голубитский Н. 157
 Гольдгамер А.Я. 125
 Гольдшадд 228
 Горький А.М. 260
 Грахе 322
 Гривин 223
 Григорьев Д.Г. (Саврушевский) 272, 281, 282
 Григорьев П.Г. 296
 Гриневич К.Д. 143
 Груздев В.С. 121
 Грузов 113
 Губайдуллин С.С. 69
 Давидович М. 77
 Даулей Р.П. 276, 277, 283, 284
 Дебердеев Ю. 72
 Деревицкий Алексей Николаевич 112, 116, 275, 283, 285
 Десницкий К. 111
 Джантюрин С. 75
 Димитрий (Ковальницкий), архиепископ 274, 275
 Дмитриев 159
 Доброхотов 159
 Догель М.И. 50, 61, 129
 Драверт П.Л. 124, 322
 Дроздов Е. 159
 Дубровский А.Е. 54
 Дубяго Д.И. 158
 Егоров М. 278
 Егоров Т.Е., директор КЦКТШ 280
 Егорова П.В. 280
 Емельянов А. 284
 Емельянов Яков, кряшенский поэт 271, 272, 280
 Ершов П. 104, 319
 Ефимов П.И.
 Завадский Андрей Андреевич 90
 Загоскин Н.П. 121, 126, 131
 Загоскина Ольга Николаевна 126
 Зайнутдинов М. 199
 Зайончковский Н. 275
 Зайпин К-Г. 264
 Зайцев 95
 Закржевская 153, 154, 155, 330
 Залешский В.Н. 119
 Залесский Владислав Францевич 54, 159
 Засецкий Н.А. 129
 Зейлингер Д.Н. 128, 134
 Зотов М. 240, 241
 Ибрагимов А-Р. 70, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 267
 Ибрагимов Г., купец 199
 Иванов К.В., чувашский поэт 279, 301
 Иванов Н.159, 301
 Ивановский В.Н. 46, 50, 124, 128

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Иконников 291
 Ильин А. 51
 Ильина О.А. 149
 Ильминский Н.И. 272, 273, 274, 275,
 276, 277, 280
 Ильяшенко Н.А. 133, 134, 233
 Иманаев Ш. 257
 Иноземцев 113
 Исхаки Гаяз 76,77, 79, 176, 180, 183,
 185, 187, 231, 240, 243, 246, 247,
 260, 261, 266, 279
 Ишмуратов- Кулалаев Айхмет 186
 Ишпайкин А.И. 290
 Казаков А-Х. М-Ш. 247, 248, 249
 Казаков М-Ш.М. 239
 Казем-Бек Н.А.55, 304
 Калинин Константин Иванович 220,
 221, 222, 224, 230, 239, 248
 Калсанов Михаил 208
 Камал, Галиаскар 71, 199, 260
 Каменецкий 199
 Капустин М.Я. 129, 137
 Кармазин Г.Г. 279
 Катанов Н.Ф. 129, 275
 Насыри, Каюм 251
 Кибяков Назарий 284
 Киселев В.В. 193, 194
 Ключников И.С. 291, 294
 Ключников М.С. 290
 Кобеко Дмитрий Дмитриевич 204,
 210, 218, 219, 295
 Коблов Я.Д. 255, 256
 Колотов 159
 Комарог 234
 Комлев А.П. 231, 322
 Комлева А.С. 208, 231, 318
 Конаков, А.Ф. 279
 Корноухова Софья 230
 Коротнева Л.Н. 58
 Корсаков Д.А. 48, 59, 61, 62, 63, 124
 Кочкин 113
 Кошкарев (Кочкарев) 96
 Кропоткин А.А. 48
 Кудашев-Ашкадарский И. 186, 240,
 264
 Кудрявцев А.И. 88
 Кудрявцев В.И. 216
 Кузнецова Мария 146, 157, 232, 306
 Кузьмин И.К. 279
 Куклин П. 159
 Кулахметов Гафур 180, 260
 Кулеша А.С. 119, 123, 322, 324
 Кунаев П.М. 297
 Куприянов В.П. 49, 50, 52, 55
 Кутасов А.Ф. 293
 Лаврентьев И.Е. 130
 Лебедев 90
 Лебедев А.А. 56
 Левин А. 95
 Левин Григорий 96
 Левина Е.М. 95
 Линзе 96
 Лихачев И.П. 57
 Ложкин 291
 Лопаткин И.159
 Луппов П.Н. 275
 Львов 113
 Любимов Н.М. 125, 126, 326
 Макаров 55
 Максимов Ф.Н. (Сердинский) 278
 Максуди, Ахметхади 76, 168, 246,
 258, 265
 Максуди, Садр 9, 13, 279
 Максютов С.Д. 75
 Малиновский К. 124,146, 306
 Мангушев Т. 239
 Марджани Ш. 162, 167
 Марковников В.В. 47, 48, 54, 55, 56,
 61
 Мартюков 159
 Мартюшин Г.А. (Стоян) 294, 296
 Матвеев Т.Г. 296
 Махалов 56
 Машанов М.А. 275
 Мейер Э.К. 121
 Меликов Рахимбек 264
 Мельников Н.А. 45, 46, 49, 51, 54, 55,
 56, 59, 194, 216, 218, 225
 Мережковский К.С. 129, 143, 144
 Миславский Н.А. 121, 322, 323
 Митякин Алексей 159
 Михайлов Е.М. 197
 Михайлов-Двинский А.Е. 197, 310
 Михайлов-Двинский Евгений 197
 Михеев И.С. 279, 284, 302
 Молоствов В.В. 50
 Молоствов К.В. 57
 Молостова М.А. 57
 Монастырли 275
 Мониц М.И. 119, 123
 Мочалов Николай Илларионович 220
 Мочалов П.И. 291, 292
 Мурен 85
 Мустафин Ахметзян 79

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Мухамедшин М. 242
 Мухаметзакиров З. 242
 Мухин В.А. 288
 Мухин Н.С. 279
 Накоряков Н.Н. 124
 Несмелов В.И. 158, 159
 Николаев В. 159
 Николаев П.К. 85
 Никольский Н.В. 113, 279, 283, 284
 Ниязбаев Габдрауф 264
 Норский С. 157
 Нуждин 221, 222
 Орлов М.Г. 293, 295
 Орлов Н.М. 290
 Орлов Ф.Г. 290
 Осипов В.П. 135
 Остроумов А.А. 113
 Панкова 154
 Панфилов Павел Борисович 89, 229
 Парфентьев Н.Н. 121
 Пенинский Д.В. 59, 63
 Перимов 217, 325
 Перцов В.В. 53
 Петухов 278
 Пионтковский А.А. 128, 134
 Пирогов 220
 Платонов 97
 Плотников 93, 227
 Покровин Н.М. 195, 234
 Покровский 221, 222
 Поленов Б.К. 128, 134
 Полетика П.Я. 133, 134, 159
 Попов В. 159, 316
 Попов Лев Венедиктович 91,157
 Праксин И.А. 129
 Прусаков Гордей 69
 Пуришкевич В.М. 133
 Разумовский В.И. 125, 126, 129
 Рамеев М-З. 72, 73, 74, 75
 Рейнбот Анатолий Анатольевич 218
 Рейхштадт В. 159
 Рождественский А. 171
 Рождествин А.С. 276, 277
 Розен В.Р. 275
 Сагадеев Абдулкадыр 69
 Сагеев Садык 95
 Сагитов Юсуф 164
 Садыков Ф. 261
 Сазонов Н.Д. 56, 59, 63, 64
 Сайдашев А.Я. 71, 73, 79, 80, 249
 Сайдашев М. А. 252, 253, 255, 256, 257
 Сайфуллин 94
 Сайфулдинов Галимджан 181, 186, 316
 Салихов Абдулгаллям 167
 Салихов Гарифулла 171
 Салихов Касим 168, 169
 Салихов Мухаммади 170
 Самойлов А.Ф. 121
 Сандецкий А.Г. 219
 Сенаторский И. 159
 Сергиевский Н. 159
 Сеспель М.К. 279
 Симолин А.А. 128
 Скворцов 157
 Сливко А.С. 188
 Смоленский С.В. 274
 Соколовский Ф.Д. 275
 Соловьев А.Н. 189
 Соловьев А.Т. 129, 148
 Соловьев С.Е. 290
 Спасский 113
 Спешков Сергей Фёдорович 106, 107, 108, 109, 110, 110, 112, 116, 275
 Спиридонова Мария 155
 Стариков Борис 280
 Степанов Дмитрий 69
 Стрижевская 304
 Стрижевский Михаил Васильевич 189, 196, 219, 221, 230, 248, 249, 303, 321
 Султангалиев Мирсаид 181
 Султанов М. 72, 249
 Сунгуров 215, 293, 294
 Сыртланов Ш. 77
 Тагиров Ш. А. 252
 Тенишев Б.А. 76
 Терегулов И. В. 252, 264
 Тимергалеев Тимерша 69
 Тимофеев К.Т. 296
 Титов 89
 Тихообразов 240, 241
 Толстой-Милославский С.С. 60, 63, 64
 Трескин Константин Капитонович 222, 223
 Трубников Ю.В. 49, 62
 Тукай Г. 186, 258, 263, 319
 Туктаров Фуад 77, 79, 181
 Тупчибашев А. 72, 74, 75, 77, 78, 79, 80
 Ульянов В.И. 118
 Усманов З.Б. 170

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ухтомский П.Л. 55, 56, 59, 62, 64, 65,
66
Фахреддин Р. 260
Федосеев Н.Е. 118
Фигнер Вера 52, 53
Филиппов 278
Фирсов Н.Н. 121, 128
Фосс Эдуард Христианович 100
Фролов 96
Хайретдинов-Ахунов Нуретдин 186
Ханафеев К. 246
Хвостов М.М. 46, 128, 131
Хлебников Н.Г. 290
Хомутов Павел Федорович 125, 194,
214, 218, 312
Хохряков 217
Хусаинов А.Г. 73, 75
Хусаинов Вали 182
Чавайн С.Г. 279, 297, 301
Черняев П.Н. 141
Чичерина С.В. 275
Чуловский 159
Шафигуллин З. 72, 73
Шафигуллин Шайхулла 71
Шварц А.Н. 136
Шершеневич Г.Ф. 54, 62, 127, 128,
131, 137, 158, 320
Штенгер 219
Шульман, Флавиан Эрнестович 214
Щелкин 220
Юнусов М-Р.А. 239
Юнусов М-Р.И. 239
Юшков К.А. 46
Яичков Д.М. 140, 144, 277
Якобий А.И. 48, 252, 253
Яковлев И.Я. 274
Якубович В.И. 64
Ямашев Хусаин 180
Янбулатов М. 186
Яушев Мухаметвали 71, 73
Яхьин Ибрагим Музафарович 171
Яхьин Исмагил 69

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Академическая слобода (Казань) 202, 204, 317
Акмолинская область 269
Арбанская волость 291, 292
Арск 220
Астрахань 114, 183, 264
Бейрут 249
Бельгия 278
Берлин 249
Бессарабская губерния 220
Большеталкишевская волость (Чистопольский уезд) 327
Буинский уезд 277
Вараксинская волость 291
Варшава 95, 119, 140
Варшавский военный округ 234
Виленская губерния 220
Волго-Уральский регион 27, 29, 269, 272, 273, 282, 283, 285
Вологодская губерния 58, 220, 248
Вязняково (Владимирская губерния) 86
Вятская губерния 71, 92, 186, 218, 240, 244, 269, 281
д. Аверьяново (Чистопольский уезд) 304
д. Акрамбал 293
д. Арино 291
д. Бигильдино (Никольская волость, Чебоксарский уезд) 209
д. Большие Савруши (Мамадышский уезд) 281
д. Борисково 246
д. Жировка (Казанский уезд) 90
д. Иркино 293
д. Кожлоер 291
д. Кокшамары 290, 293, 294
д. Крестниково (Цивильский уезд) 304
д. Миткино (Царевококшайский уезд) 291
д. Новоселки (Чистопольский уезд) 304
д. Ошурга 293, 294, 295
д. Торганово 293
д. Ярамор 291
Дамаск 249
Екатеринослав 225
Елабужский уезд 92
Звениговский затон (Чебоксарский уезд) 199, 215, 227, 293, 294, 295
Иваново-Вознесенск 95
Иркутск 71
Иркутская губерния 269
Италия 278, 322
Киев 116, 216, 225
Козьмодемьянский уезд 287, 288, 289, 290, 296
Лаишев 199, 217, 236
Лаишевский уезд 31, 199, 206, 234, 240, 281
Мамадыш 283, 317
Мамадышский уезд 31, 256, 273, 281
Мариинский Посад 295
Моркинская волость (Царевококшайский уезд) 291
Москва 45, 47, 49, 51, 60, 65, 95, 108, 128, 324
Нижегородская губерния 62, 244
Нижний Новгород 73, 75, 86, 251, 321
Оренбург 182, 183, 186, 249, 263, 264
Оренбургская губерния 244, 269
Пензенская губерния 269
Пермская губерния 244
Петриковская волость 291
Покровская волость 293
Помарская волость (Чебоксарский уезд) 290
Помьяльская волость (Чебоксарский уезд) 290, 293, 294
Пороховая слобода (Казань) 201, 319, 320
Посадско-Сотниковская волость (Чебоксарский уезд) 290, 293
Прибалтика 21, 269
Ревель 140
Рига 140, 313
с. Алексеевское (Лаишевский уезд) 235
с. Байглычеве (Алькеевская волость, Тетюшский уезд) 209
с. Баймурзино 270, 278
с. Большие Ковали (Казанский уезд) 251
с. Васильево 97
с. Иваново (Цивильский уезд) 304

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- с. Каинки (Свияжский уезд) 39, 40, 41
- с. Кокшайское 293
- с. Красный Яр 291
- с. Молькеево (Цивильский уезд) 270, 278
- с. Морки 291
- с. Ново-Спасское (Лаишевский уезд) 235
- с. Новоспасское (Спасский уезд) 304
- с. Полевая Буа 270
- с. Сидельниково 294, 295
- с. Ташкирмень (Лаишевский уезд) 281
- Самарская губерния 10, 51, 269, 323
- Санкт-Петербург 45, 47, 48, 60, 65, 73, 77, 86, 98, 108, 111, 118, 136, 140, 191, 239, 257, 262, 275, 283
- Саратов 114, 116, 140
- Саратовская губерния 10, 51, 269
- Свияжский уезд 31, 38, 39, 40, 58, 65, 222, 317
- Себеусадская волость (Царевококшайский уезд) 291
- Семипалатинская область 269
- Сибирь 119, 277
- Симбирск 264, 275
- Симбирская губерния 269, 277
- Спасский уезд 31, 37, 38, 57, 58, 206, 216, 225, 304
- Средняя Азия 164, 185
- Стамбул 16, 249
- Старотатарская слобода (Казань) 69, 74, 167, 170
- Тамбовская губерния 155
- Тетюши 208
- Тетюшский уезд 7, 32, 38, 42, 52, 209, 222, 270
- Тифлис 225
- Тобольская губерния 269, 314
- Тойдаковская волость (Козьмодемьянский уезд) 291
- Троицк (Оренбургская губерния) 71, 74
- Уфа 249, 263, 264
- Уфимская губерния 170, 244, 269, 281
- Франция 15, 278, 279
- Царевококшайск 291
- Царевококшайский уезд 7, 286, 287, 288, 290, 291, 292
- Царство Польское 21, 269
- Цивильский уезд 7, 206, 270, 278, 304
- Чебоксарский уезд 38, 97, 199, 215, 222, 227, 286, 288, 290, 293, 294
- Черниговская губерния 102, 220
- Чистополь 176, 210, 231, 236, 240, 241, 242, 262, 301, 317, 327
- Чистопольский уезд 13, 38, 42, 64, 206, 207, 215, 225, 240, 304, 327, 329, 330
- Шуша (Елизаветопольская губерния) 203
- Ягодная слобода (Казань) 85, 91, 96, 191, 201
- Ядринский уезд 7, 37
- Ярославль 231

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ГАКО – Государственный архив Кировской области
ГА РМЭ – Государственный архив Республики Марий-Эл
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
КГЖУ – Казанское губернское жандармское управление
КУС – Казанская учительская семинария
КУО – Казанский учебный округ
КЦКТШ – Казанская центральная крещено-татарская школа
МНП – Министерство народного просвещения
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
НБ РГИА – Научная библиотека Российского государственного исторического архива
НМ РМЭ – Национальный музей Республики Марий-Эл
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
ОРРК – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета
ОХДИ – Отдел хранения документальных источников
РГИА – Российский государственный исторический архив
РПЦ – Русская православная церковь
СГУСШ – Соединенная группа учащихся средних школ г. Казани
ЦГА ИПД РТ – Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан
ЦГААД РТ – Центральный государственный архив аудиовизуальных документов Республики Татарстан
ЦНМО – Царско-народное мусульманское общество
ЦНРО – Царско-народное русское общество
ЦПиМН ИЯЛИ – Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Батыршин Рустам Рафаэлевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. Область научных интересов: социально-экономическая история России конца XIX – первой половины XX вв., аграрная история России начала XX в., политическая история России XX в., этнография и культура народов Среднего Поволжья, этнокультурные и межконфессиональные отношения народов России. Автор более 30 научных публикаций, в том числе научных изданий: «Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2010 гг.)» (авт. коллектив) (Казань, 2010); Татарстан: Иллюстрированная энциклопедия (авт. колл.) (Казань, 2013); Республика Татарстан: Проблемы политического, экономического и социокультурного развития в XX – начале XXI вв. (авт. колл.) (Казань, 2013).

Бушуева Людмила Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: история России XIX–XX вв., история российского высшего образования, история повседневности. Автор более 20 научных публикаций, в том числе монографии «Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг.» (Казань, 2012), «История татар с древнейших времен в 7 т. – Т.VII.» (авт. колл.) (Казань, 2013).

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: повседневная история татар XIX – нач. XX в., историческая урбанистика, Первая мировая война, рабочая история имперского периода, микроистория. Автор более 80 научных публикаций, в том числе монографий «Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований (вторая половина XIX – начало XX века)» (Казань, 2013), «Города и горожане Уфимской губернии в 1870–1892 гг.: по материалам органов местных самоуправлений» (Казань, 2013), «История татар с древнейших времен: в 7 т. – Т.VII.» (авт. колл.) (Казань, 2013), «Татары в годы Первой мировой войны: 1914–1918 гг.» (в соавт. с Х.М.Абдуллиним) (Казань, 2015), «Фирма Алафузова: (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России» (в соавт. с Б.И.Измайловым, Р.Р.Салиховым) (Казань, 2015), «Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века)» (Казань, 2015).

Исхаков Радик Равильевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Область научных

интересов: история и культура татар-кряшен, межконфессиональные отношения в Волго-Уральском регионе. Автор более 70 научных публикаций, в том числе монографий: «Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.)» (Казань, 2011); «Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX – начало XX вв.)» (Казань, 2014). Научный редактор журнала «Кряшенское историческое обозрение».

Крапоткина Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета. Область научных интересов: история и развитие учебно-окружной системы образования в России в XIX в., управление и административные структуры учебного округа, педагогическая интеллигенция. Автор более 30 научных публикаций, в том числе монографии: «Очерки истории здравоохранения города Елабуги (XIX–XX)» (авт. колл.) (Елабуга, 2007), «Экология и здоровье населения городов Волго-Камского региона: исторический аспект» (в соавт. с А.М.Калимуллин, И.В.Масловой) (Казань, 2009), «Казанский учебный округ в конце XIX – начале XX в.» (М., 2011).

Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Область научных интересов: история Казанской губернии второй половины XIX – начала XX века, дворянство, локальная история. Автор более 50 научных публикаций, в том числе монографий: «Дворянское самоуправление Казанской губернии в 1861–1917 гг.» (Казань, 2013), «Уездный город Тетюши во второй половине XIX – начале XX века» (Казань, 2015).

Ошаев Алексей Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Марийского государственного университета. Область научных интересов: история общественно-политических процессов конца XIX – начала XX вв. в Марийском крае, Поволжье и России, история возникновения и деятельности политических партий и организаций в начале XX в., становление парламентаризма в России, история финно-угорских народов, историческая биография. Автор более 70 научных публикаций, в том числе монографии «Общественно-политическое движение в Марийском крае в период первой российской революции (1905–1907 гг.)» (Йошкар-Ола, 2012).

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, заместитель директора Института истории им. Ш.Марджани АН РТ по научной работе, член-корреспондент Академии наук РТ, заслуженный деятель науки Республики Татарстан. Область научных интересов: история татарского предпринимательства, история промышленности,

история населенных пунктов. Автор более 100 научных публикаций, в том числе монографий: «Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков)» (в соавт. с Р.Р.Хайрутдиновым) (Казань, 1994), «Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в.» (Казань, 2001), «Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в.» (Казань, 2004), «Очерки истории Национального банка Республики Татарстан» (авт. колл.) (Казань, 2000), «Сбербанк в Татарстане: традиции и современность» (авт. колл.) (Казань, 2004), «Исторические мечети Казани» (в соавт. с Р.Р.Хайрутдиновым) (Казань, 2005), «Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало XX вв.» (авт. колл.) (М., 2010); «История татар с древнейших времен: в 7 т. – Т.VII.» (авт. колл.; научный редактор тома) (Казань, 2013), «Фирма Алафузова: (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России» (в соавт. с Л.Р.Габдрафиковой, Б.И.Измайловым) (Казань, 2015), «Служилая Ура: рождение татарского капитализма» (Казань, 2015).

Человек в революции: Казанская губерния.

Т.1. 1905–1907 гг.

Коллективная монография

Оригинал-макет – Л.М. Зигангареева

Подписано в печать 05.07.2016 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 22,5 Тираж 200 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф